

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ПМР

ГОУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации»

Научно-исследовательская лаборатория
«Инновационная школа Приднестровья»

**ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

*Пособие для воспитателей ОДО
в четырех частях*

Часть III

(Старшая группа — от пяти до шести лет)

Тирасполь
2018

Составитель

А.Ю. Сударикова, старший научный сотрудник НИЛ «Инновационная школа Приднестровья», старший преподаватель кафедры дошкольного и начального образования, ведущий методист ГОУ ДПО «Институт развития образования и повышения квалификации», г. Тирасполь.

Рецензенты:

Г.Н. Николаева, старший преподаватель высшей категории кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета ПГУ им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь;

Т.И. Лапикова, преподаватель дисциплин профессионального цикла высшей квалификационной категории ГОУ СПО «Бендерский педагогический колледж»;

Л.А. Насонова, преподаватель дисциплин профессионального цикла высшей квалификационной категории ГОУ СПО «Бендерский педагогический колледж»;

В.С. Онуфер, заведующий высшей квалификационной категории МДОУ № 48 ЦРР «Мечта» г. Тирасполя, руководитель методического объединения заведующих ОДО;

Н.М. Тарасова, заведующий высшей квалификационной категории МДОУ «Рыбницкий детский сад № 3», г. Рыбница.

Хрестоматия для детей дошкольного возраста: пособие для воспитателей ОДО в четырех частях. Часть III (старшая группа — от пяти до шести лет) / сост. А.Ю. Сударикова. — Тирасполь: ИРОиПК, 2018. — 350 с.

ББК 81.2-93я70

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия является пособием, предназначена воспитателям для организации воспитательно-образовательного процесса в организациях дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики. Содержание хрестоматии разработано в соответствии с Примерной основной образовательной программой Приднестровской Молдавской Республики (Приказ Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики от 19 марта 2018 года № 252 «О введении в действие решений Коллегии МП ПМР от 27.02.18 г. (см. приложение 4)).

Примерная основная образовательная программа разработана в соответствии с Законами Приднестровской Молдавской Республики «Об образовании» от 27.06. 2003 года № 292-3-III (САЗ 03-26) в текущей редакции, «О дошкольном образовании» от 25.07. 2008 года № 499-3-IV (САЗ 08-29) в текущей редакции, требованиями государственного образовательного стандарта дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики (ГОС ДО), Приказом Министерства просвещения Приднестровской Молдавской Республики от 16 мая 2017 года № 588, регистрационный № 7903 от 18 июля 2017 года «Об утверждении государственного образовательного стандарта дошкольного образования Приднестровской Молдавской Республики», Санитарно-эпидемиологическими требованиями к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций (СанПиН МЗ ПМР 2.4.1.3049-15).

Хрестоматия включает в себя содержание раздела «Чтение художественной литературы» Примерной основной образовательной программы Приднестровской Молдавской Республики. В хрестоматии размещены рекомендованные в содержательном разделе примерной основной образовательной программы художественные произведения, которые могут быть использованы в непосредственно образовательной деятельности, в специально организованных видах деятельности и в самостоятельной деятельности детей старшей группы (от пяти до шести лет).

В хрестоматию включены произведения русского, зарубежного фольклора, произведения поэтов и писателей России, зарубежных поэтов и писателей, молдавских, украинских авторов, республиканский компонент — произведения приднестровских поэтов и писателей, а также дополнительный материал, рекомендуемый педагогам и родителям для использования при организации режимных моментов с детьми старшей группы (от пяти до шести лет) в организации дошкольного образования и семье.

Песенки

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Выпал беленький снежок,
Ехал Ванюшка-дружок.

Ваня ехал, поспешал,
Со добра коня упал.
Он упал, упал, лежит —
Никто к Ване не бежит.

Две девушки увидали,
Прямо к Ване подбежали.
Прямо к Ване подбежали,
На коня Ваню сажали,
Путь-дорогу показали.

Путь-дорогу показали
Да наказывали:
«Как поедешь ты, Иван,
Не зевай по сторонам!»

Николенька-гусачок
По бережку скачет,
Белу рыбку ловит,
Бабушку кормит.
Бабушка старенька,
Бабушка добренька.
Рыбушку любит,
А внучка голубит.
Гладит по головке,
Шьет ему обновки.

Уж я колышки тешу,
Огород я горожу,

Огород я горожу
Да капустку сажу,
Приговариваю:
Ты не будь пустая,
А будь густая;
Не будь красна,
А будь вкусна;
Не будь мала —
Будь велика!

Как у бабушки козел,
У Варварушки седой
Что за умный был:
Сам и по воду ходил,
Сам и печку топил,
Сам и кашу варил,
Деда с бабой кормил.
Собирался козел
Во зеленый лес —
Семь волков убить,
Бабе шубу сшить.
Вот зашел козел
Во зеленый лес,
А навстречу козлу
Идут семь волков.
А восьмой-то волк,
Он голодный был,
Он три года ходил,
Все козлятинки просил.
Испугался козел,
Испугался седой!
Он бородкой трясет,
Точно веничком,
А ножками стучит,
Словно ступочками.

Ах ты, бабушка,
Ты, Варварушка!
Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка козла.

Ты, мороз, мороз, мороз,
Не показывай свой нос!
Уходи скорей домой,
Стужу уводи с собой.
А мы саночки возьмем,
Мы на улицу пойдем,
Сядем в саночки-самокаточки.

По дубочку постучишь,
Прилетает синий чиж.
У чижа, у чиженьки,
Хохолочек рыженький,
А на лапке маленькой
Сапужочек аленький.
Чиж под солнышком летал
И головкой кивал.

Ранним-рано поутру
Пастушок ту-ру-ру-ру!
А коровки в лад ему
Затянули: «Му-му-му!»

Ты, коровушка, ступай
В чисто поле, погуляй,
А вернешься вечерком,
Нас напоишь молочком.

Уж ты пташечка,
Ты залетная!
Ты слетай
На сине море,

Ты возьми
Ключи весенние,
Замкни зиму,
Отомкни лето!

Грачи — киричи
Летите, летите,
Дружную весну
Несите, несите!

— Ласточка, ласточка, милая касатка,
Где ты была, с чем ты пришла?
— За морем бывала,
Весну добывала,
Несу, несу весну-красу!

Дождик, дождик, веселей!
Капай, капай, не жалей.
Только нас не замочи,
Зря в окошко не стучи!

Дождик, дождик, пуще,
Будет травка гуще!
Только нас не замочи,
Зря в окошко не стучи!

Божья коровка,
Лети на небко,
Там твои детки
Кушают конфетки.
Всем по одной,
А тебе ни одной.
Божья коровка,
Ты лети на небо,
Принеси нам хлеба
Черного и белого,
Только не горелого.

Сказки

Лиса и кувшин

(Обраб. О. Капицы)

Вышла баба на поле жать и спрятала в кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала. Пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет! Отпусти же меня, кувшинушка. Полно тебе баловать — поиграл, да и будет!

Не отстает кувшин, хоть что ты хочешь!

Рассердилась лиса:

— погоди же ты, не отстанешь честью, так я тебя утоплю!

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить.

Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой утянул.

Крылатый, мохнатый да масленый

(Обраб. И. Карнауховой)

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили-были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый да блин масленый.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кога удрал, блин со сковороды убежал.

Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил — с полей зерен, из лесу грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил.

Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдыхать. А мышшь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашенные считает. А блин у печи — румян да пышен — щи варит, крупной солью солит, кашу пробует.

Сядут за стол — не нахвалятся. Воробей говорит:

— Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны!

А блин ему:

— А я, блин масленый, окунусь в горшок да вылезу — вот щи и жирные!

А воробей кашу ест, похваливает:

— Ай каша, ну и каша — горазд горяча!

А мышшь ему:

— А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю — хорошо в печи огонь горит — вот и горяча!

— Да и я, — говорит воробей, — не промах: соберу грибов, натащу бобов — вот вы и сыты!

Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали.

Только раз призадумался воробей.

«Я, — думает, — целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит — нежится, а только к вечеру за обед берется. А мышшь с утра дрова везет да грызет, а потом на печь заберется, на бок перевернется, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте — на тяжелой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей — ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать:

— Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и решили. На другой день утром блин пошел на охоту, воробей — дрова рубить, а мышонок — обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поет:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок,

На сметанке мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок!

Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

— Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

— На охоту.

— А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте да и запел:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок,

На сметанке мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я — масленый бок!

— Хорошо поешь, — говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается. — Так, говоришь, на сметане мешан?

А блин ей:

— На сметане да с сахаром!

А лиса ему:

— Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масляный бок — ам!
А блин кричит:
— Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами — на охоту!
А лиса ему:
— Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да и с сахаром!
Блин бился, бился, еле от лисы вырвался, — бок в зубах оставил, — домой побежал!

А дома-то что делается!
Стала мышка щи варить: чего ни положит, а щи все не жирны, не хороши, не масляны.

«Как, — думает, — блин щи варил? А, да он в горшок нырнет да выплывет, и станут щи жирные!»

Взяла мышка да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льет.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелкие щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слезы льет.

Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке — клюв на сторону, слезами воробей заливаётся. Прибежал блин в избу — сидит мышья на лавке, шубка у ней повылезла, хвостик дрожмя дрожит.

Как увидели, что у блина полбока съедено, еще пуще заплакали.

Тут блин и говорит:

— Так всегда бывает, когда один на другого кивает, свое дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по-старому: воробей еду приносить, мышья дрова рубить, а блин щи да кашу варить.

Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.

ХАВРОШЕЧКА

(Обраб. А.Н. Толстого)

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала — и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать.

— Коровушка-матушка! Меня бьют-журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов напрясть, наткать, побелить и в трубы покатаать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого — все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь — Двуглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь — Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

— Что ты, старуха, в уме ли! Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

— Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

— А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли, — Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек — богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

— Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались — руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка — веточки к ней приклонились и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

Заяц-хвастун

(Обраб. О. Катицы)

Жил-был заяц в лесу. Летом жилось ему хорошо, а зимой голодно.

Вот забрался он раз к одному крестьянину на гумно снопы воровать, видит — там уже много зайцев собралось. Он и начал тут хвастать:

— У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи, я никого не боюсь!

Пошел зайчик опять в лес, а другие зайцы рассказали тетке вороне, как заяц хвастался. Полетела ворона хвастунишку разыскивать. Нашла его под кустом и говорит:

— А ну, скажи, как ты хвастался?

— А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Потрепала его ворона за ушки и говорит:

— Смотри, больше не хвастай!

Испугался заяц и обещал больше не хвастать.

Вот сидела раз ворона на заборе, вдруг собаки набросились на нее и стали трепать.

Увидел заяц, как собаки ворону треплют, и думает: надо бы вороне помочь.

А собаки увидели зайца, бросили ворону да побежали за зайцем. Заяц быстро бежал — собаки гнались за ним, гнались, совсем выбились из сил и отстали от него.

Сидит ворона опять на заборе, а заяц отдышался и прибежал к ней.

— Ну, — говорит ему ворона, — ты молодец: не хвастун, а храбрец!

Царевна-лягушка

(Обраб. М. Булатова)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Младшего звали Иван-царевич.

Позвал однажды царь сыновей и говорит им:

— Дети мои милые, вы теперь все на возрасте, пора вам и о невестах подумать!

— За кого же нам, батюшка, посвататься?

— А вы возьмите по стреле, натяните свои тугие луки и пустите стрелы в разные стороны. Где стрела упадет — там и сватайтесь.

Вышли братья на широкий отцовский двор, натянули свои тугие луки и выстрелили.

Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо напротив девичьего терема, и подняла ее боярская дочь.

Пустил стрелу средний брат — полетела стрела к богатому купцу во двор и упала у красного крыльца. А на том крыльце стояла дочь купеческая, она и подняла стрелу.

Пустил стрелу Иван-царевич — полетела его стрела прямо в топкое болото, и подняла ее лягушка-квакушка...

Старшие братья как пошли искать свои стрелы, сразу нашли их: один — в боярском тереме, другой — на купеческом дворе. А Иван-царевич долго не мог найти своей стрелы. Два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день зашел в топкое болото. Смотрит — сидит там на кочке лягушка-квакушка, его стрелу держит.

Иван-царевич хотел было бежать и отступиться от своей находки, а лягушка и говорит:

— Ква-ква, Иван-царевич! Поди ко мне, бери свою стрелу, а меня возьми замуж.

Опечалился Иван-царевич и отвечает:
— Как же я тебя замуж возьму? Меня люди засмеют!
— Возьми, Иван-царевич, жалеть не будешь!
Подумал-подумал Иван-царевич, взял лягушку-квакушку, завернул ее в платочек и принес во дворец.

Пришли старшие братья к отцу, рассказывают, куда, чья стрела попала. Рассказал и Иван-царевич. Стали братья над ним смеяться, а отец говорит:
— Бери квакушку, ничего не поделаешь!
Вот сыграли три свадьбы, поженились царевичи: старший царевич — на боярышне, средний — на купеческой дочери, а Иван-царевич — на лягушке-квакушке.

На другой день после свадьбы призвал царь своих сыновей и говорит:
— Ну, сынки мои дорогие, теперь вы все трое женаты. Хочется мне узнать, умеют ли ваши жены хлебы печь. Пусть они к завтраму испекут мне по караваю мягкого белого хлеба.

Поклонились царевичи отцу и пошли.
Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич, — говорит лягушка-квакушка, — что ты так запечалился? Или услышал от своего отца слово неласковое?
— Как мне не печалиться! — отвечает Иван-царевич. — Приказал мой батюшка, чтобы ты сама испекла к завтраму каравай мягкого белого хлеба...

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать-почивать: утро вечера мудренее!

Уложила квакушка царевича спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась красной девицей Василисой Премудрой — такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Взяла она частые решета, мелкие сита, просеяла муку пшеничную, замесила тесто белое, испекла каравай — рыхлый да мягкий, изукрасила каравай разными узорами мудреными: по бокам — города с дворцами, садами да башнями, сверху — птицы летучие, снизу — звери рыскучие.

Утром будит квакушка Ивана-царевича:
— Пора, Иван-царевич, вставай, каравай носи!
Глянул царевич на каравай — диву дался: никогда таких не видывал!
Положил каравай на золотое блюдо, понес к отцу.

Пришли и старшие царевичи, принесли свои караваи, только у них и посмотреть не на что: у боярской дочки хлеб подгорел, у купеческой — сырой да кособокий получился.

Царь сначала принял каравай у старшего царевича, взглянул на него и приказал отнести псам дворовым.

Принял у среднего, взглянул и сказал:

— Такой каравай только от большой нужды есть будешь!
Дошла очередь и до Ивана-царевича. Принял царь от него каравай и сказал:
— Вот этот хлеб только в большие праздники есть!
И тут же дал сыновьям новый приказ:
— Хочется мне знать, как умеют ваши жены рукодельничать. Возьмите шелку, золота и серебра, и пусть они своими руками к завтраму выткут мне по ковру!

Вернулись старшие царевичи к своим женам, передали им царский приказ. Стали жены кликать мамушек, нянюшек и красных девушек — чтобы пособили им ткать ковры. Тотчас мамушки, нянюшки да красные девушки собрались и принялись ковры ткать да вышивать — кто серебром, кто золотом, кто шелком...

А Иван-царевич воротился домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил.
— Ква-ква, Иван-царевич, — говорит лягушка-квакушка, — почему так печалишься? Или услышал от отца своего слово недоброе?

— Как мне не печалиться! — отвечает Иван-царевич. — Батюшка приказал за одну ночь соткать ему ковер узорчатый!

— Не тужи, Иван-царевич! Ложись-ка лучше спать: утро вечера мудренее!
Уложила его квакушка спать, а сама сбросила с себя лягушечью кожу, обернулась красной девицей Василисой Премудрой и стала ковер ткать. Где кохнет иглой раз — цветок зацветет, где кохнет другой раз — хитрые узоры идут, где кохнет третий — птицы летят...

Солнышко еще не взошло, а ковер уж готов.
Утром проснулся Иван-царевич, глянул на ковер, да так и ахнул: такой этот ковер чудесный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке рассказать!..

Вот пришли все три брата к царю, принесли каждый свой ковер. Царь прежде взял ковер у старшего царевича, посмотрел и молвил:

— Только у ворот его стелить!
Принял от среднего, посмотрел и сказал:
— Этим ковром только от дождя лошадей покрывать!

Принял от Ивана-царевича, взглянул и сказал:
— А вот этот ковер в моей горнице по большим праздникам расстилать!

И тут же отдал царь новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на пир со своими женами: хочет царь посмотреть, которая из них лучше танцует.

Отправились царевичи к своим женам.
Идет Иван-царевич, печалится, сам думает: «Как поведу я мою квакушку на царский пир?»

Пришел он, а квакушка спрашивает его:
— Что опять, Иван-царевич, невесел, ниже плеч буйну голову повесил? О чем запечалился?

— Как мне не печалиться! — говорит Иван-царевич. — Батюшка приказал, чтобы я тебя завтра к нему на пир привез.
— Не горюй, Иван-царевич! Ложись-ка да спи: утро вечера мудренее!

На другой день, как пришло время ехать на пир, квакушка и говорит царевичу:
— Ну, Иван-царевич, отправляйся один на царский пир, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром — не пугайся, скажи: «Это, видно, моя лягушонка в коробчонке едет!»

Пошел Иван-царевич к царю на пир один.

А старшие братья явились во дворец со своими женами, разодетыми, разубранными. Стоят да над Иваном-царевичем посмеиваются:

— Что же ты, брат, без жены явился? Хоть бы в платочке ее принес, дал бы нам всем послушать, как она квакает!

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся-зашатался. Все гости переполошились, испугались, повскакали со своих мест. А Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, гости дорогие! Это, видно, моя лягушонка в своей коробчонке едет!

Подбежали все к окнам и видят: бегут скороходы, скачут гонцы, а вслед за ними едет золоченая карета, тройкой гнедых коней запряжена.

Подъехала карета к крыльцу, и вышла из нее не лягушка, а Василиса Премудрая — сама как солнце ясное светится.

Все на нее дивятся, любуются, от удивления слова вымолвить не могут...

Взяла Василиса Премудрая Ивана-царевича за руки и повела за столы дубовые, за скатерти узорчатые...

Стали гости есть, пить, веселиться.

Василиса Премудрая из кубка пьет — не допивает, остатки себе за левый рукав выливает. Покушала лебедя жареного — косточки за правый рукав бросила.

Жены старших царевичей увидели это — и туда же: чего не допьют — в рукав льют, чего не доедят — в другой кладут. А к чему, зачем — того и сами не знают.

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались пляски. Пошла Василиса Премудрая плясать с Иваном-царевичем. Махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались. А как перестала она плясать, все исчезло: и озеро, и белые лебеди.

Пошли танцевать жены старших царевичей.

Как махнули своими левыми рукавами — всех гостей забрызгали; как махнули правыми — костями-огрызками осыпали, самому царю чуть глаз не выбили. Рассердился царь и приказал их выгнать вон из горницы.

Когда пир был на исходе, Иван-царевич улучил минутку и побежал домой. Разыскал лягушечью кожу и спалил ее на огне.

Приехала Василиса Премудрая домой, хватилась — нет лягушечьей кожи! Бросилась она искать ее. Искала, искала — не нашла и говорит Ивану-царевичу:

— Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Зачем спалил мою лягушачью кожу? Если бы ты еще три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, у Кошеля

Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызешь — только тогда и разыщешь меня...

Сказала, обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Загоревал Иван-царевич неутешно. Снарядился, взял лук да стрелы, надел железные сапоги, положил в заплечный мешок три железных хлеба и пошел искать жену свою, Василису Премудрую.

Долго ли шел, коротко ли, близко ли, далеко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — две пары железных сапог износил, два железных хлеба сглодал. Повстречал он как-то раз старого старичка.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Иван-царевич.

— Здравствуй, добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Рассказал Иван-царевич старику свое горе.

— Эх, Иван-царевич, — говорит старик, — зачем же ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее и снимать было! Василиса Премудрая хитрей-мудрей отца своего, Кошеля Бессмертного, уродилась, он за то разгневался на нее и приказал ей три года квакушею быть. Ну, да делать нечего, словами беды не поправишь. Вот тебе клубочек: куда он покатится, туда и ты иди.

Поблагодарил Иван-царевич старика и пошел за клубочком.

Катится клубочек по высоким горам, катится по темным лесам, катится по зеленому лугам, катится по топким болотам, катится по глухим местам, а Иван-царевич все идет да идет за ним — не остановится, не сядет.

Шел-шел, третью пару железных сапог истер, третий железный хлеб изгрыз и пришел в дремучий бор. Попадаете ему навстречу медведь.

«Дай убью медведя! — думает Иван-царевич. — Ведь у меня никакой еды нет».

Прицелился он, а медведь вдруг и говорит ему человеческим голосом:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Когда-нибудь я пригожусь тебе.

Не тронул Иван-царевич медведя, пожалел, пошел дальше.

Идет он чистым полем, глядь — а над ним летит большой селезень. Иван-царевич натянул лук, хотел было пустить в селезня острую стрелу, а селезень и говорит ему по-человечьи:

— Не убивай меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

Пожалел Иван-царевич селезня — не тронул его, пошел дальше голодный.

Вдруг бежит навстречу ему косой заяц.

«Убью этого зайца! — думает царевич. — Очень уж есть хочется».

Натянул свой тугой лук, стал целиться, а заяц говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Иван-царевич! Будет время — я тебе пригожусь.

И его пожалел царевич, пошел дальше.

Вышел он к синему морю и видит: на берегу, на желтом песке, лежит-издыхает щука-рыба. Говорит Иван-царевич:

— Ну, сейчас эту шуку съем! Мочи моей больше нет — так есть хочется!
— Ах, Иван-царевич, — молвила шука, — сжался надо мной, не ешь меня, брось лучше в синее море!

Сжалился Иван-царевич над шукой, бросил ее в море, а сам пошел берегом за своим клубочком.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек в лес, к избушке. Стоит та избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается. Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом!

Избушка по его слову повернулась к лесу задом, а к нему передом. Вошел Иван-царевич в избушку и видит: лежит на печи баба-яга — костяная нога. Увидела она царевича и говорит:

— Зачем ко мне пожаловал, добрый молодец? Волей или неволей?

— Ах, баба-яга — костяная нога, ты бы меня накормила прежде, напоила да в бане выпарила, тогда бы и выпрашивала!

— И то правда! — отвечает баба-яга.

Накормила она Ивана-царевича, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что он ищет жену свою, Василису Премудрую.

— Знаю, знаю! — говорит баба-яга. — Она теперь у злодея Кощея Бессмертного. Трудно будет ее достать, нелегко с Кошеем сладить: его ни стрелой, ни пулей не убьешь. Потому он никого и не боится.

— Да есть ли где его смерть?

— Его смерть — на конце иглы; та игла — в яйце; то яйцо — в утке; та утка — в зайце; тот заяц — в кованом ларце, а тот ларец — на вершине старого дуба. А дуб тот в дремучем лесу растет.

Рассказала баба-яга Ивану-царевичу, как к тому дубу пробраться. Поблагодарил ее царевич и пошел.

Долго он по дремучим лесам пробирался, в топях болотных вяз и пришел, наконец, к Кошееву дубу. Стоит тот дуб, вершиной в облака упирается, корни на сто верст в земле раскинул, ветками красное солнце закрыл. А на самой его вершине — кованый ларец.

Смотрит Иван-царевич на дуб и не знает, что ему делать, как ларец достать...

«Эх, — думает, — где-то медведь? Он бы мне помог!...»

Только подумал, а медведь тут как тут: прибежал и выворотил дуб с корнями. Ларец упал с вершины и разбился на мелкие кусочки.

Выскочил из ларца заяц и пустился наутек.

«Где-то мой заяц? — думает царевич. — Он этого зайца непременно догнал бы...»

Не успел подумать, а заяц тут как тут: догнал другого зайца, ухватил и разорвал пополам.

Вылетела из того зайца утка и поднялась высоко-высоко в небо.

«Где-то мой селезень?» — думает царевич. А уж селезень за уткой летит — прямо в голову клюет. Выронила утка яйцо, и упало то яйцо в синее море.

Загоревал Иван-царевич, стоит на берегу и говорит:

— Где-то моя шука? Она достала бы мне яйцо со дна морского!

Вдруг подплывает к берегу шука-рыба и держит в зубах яйцо.

— Получай, Иван-царевич!

Обрадовался царевич, разбил яйцо, достал иглу и отломил у нее кончик. И только отломил — умер Кощей Бессмертный, мелким прахом рассыпался.

Пошел Иван-царевич в Кошечьи палаты. Вышла тут к нему Василиса Премудрая и говорит:

— Ну, Иван-царевич, сумел ты меня найти-разыскать, теперь я твоя весь век буду!

Выбрал Иван-царевич лучшего скакуна из Кошечьей конюшни, сел на него с Василисой Премудрой и воротился в свое царство-государство.

И стали они жить дружно, в любви и согласии.

Рифмы

(Авторизированный пересказ Б. Шергина)

Шиш по своим делам в город пошел. Дело было летом, жарко.

Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подыхать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то-Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

— Я твоего Кузьму

За бороду возьму!

Дядька говорит:

— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Ты скажи, как твоего дедушку звали.

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

— Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твоо дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму; тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

— Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя.
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

— Если ты Степан,
Садись на ероплан.
На ероплане и летай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.

Дядька говорит:

— Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».

— Хотя и нет, все равно слезай!

Шишу и пришлось слезть с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везет на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

СИВКА-БУРКА

(Обраб. М. Булатова)

Жил-был старик, и было у него три сына. Младшего все Иванушкой-дурачком звали.

Посеял раз старик пшеницу. Хорошая уродилась пшеница, да только повадился кто-то ту пшеницу мять да топтать.

Вот старик и говорит сыновьям:

— Милые мои дети! Стерегите пшеницу каждую ночь по очереди, поймите вора!

Настала первая ночь.

Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать. Забрался он на сеновал и проспал до утра.

Приходит утром домой и говорит:

— Всю-то ночь я не спал, пшеницу стерег! Иззяб весь, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын. И он всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед Иванушке-дурачку идти.

Положил он пирог за пазуху, взял веревку и пошел. Пришел в поле, сел на камень. Сидит не спит, пирог жует, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу конь — одна шерстинка серебряная, другая золотая; бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

И стал тот конь пшеницу есть. Не столько ест, сколько копытами топчет.

Подкрался Иванушка к коню и разом накинул ему на шею веревку.

Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было! Иванушка вскочил на него ловко и ухватился крепко за гриву.

Уж конь носил-носил его по чисту полю, скакал-скакал — не мог сбросить!

Стал конь просить Иванушку:

— Отпусти ты меня, Иванушка, на волю! Я тебе за это великую службу со-служу.

— Хорошо, — отвечает Иванушка, — отпущу, да как я тебя потом найду?

А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил Иванушка коня и взял с него обещание пшеницы никогда больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка поутру домой.

— Ну, рассказывай, что ты там видел? — спрашивают братья.

Поймал я, — говорит Иванушка, — коня — одна шерстинка серебряная, другая золотая.

— А где же тот конь?

— Да он обещал больше не ходить в пшеницу, вот я его и отпустил.

Не поверили Иванушке братья, посмеялись над ним вволю. Да только уж с этой ночи и вправду никто пшеницы не трогал...

Скоро после того, разослал царь гонцов по всем деревням, по всем городам клич кликать:

— Собирайтесь, бояре да дворяне, купцы да простые крестьяне, к царю на двор. Сидит царская дочь Елена Прекрасная в своем высоком тереме у окошка.

Кто на коне до царевны доскочит да с ее руки золотой перстень снимет, за того она и замуж пойдет!

Вот в указанный день собираются братья ехать к царскому двору — не затем, чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. А Иванушка с ними просится:

— Братцы, дайте мне хоть какую-нибудь лошаденку, и я поеду посмотрю на Елену Прекрасную!

— Куда тебе, дурню! Людей, что ли, хочешь смешить? Сиди себе на печи да золу пересыпай!

— Уехали братья, а Иванушка-дурачок и говорит братниным женам:

— Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду — грибов наберу!

Взял лукошко и пошел, будто грибы собирать.

Вышел Иванушка в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко под куст бросил, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

— Что угодно, Иванушка?

— Хочу посмотреть на царскую дочь Елену Прекрасную! — отвечает Иванушка.

— Ну, влезай ко мне в правое ухо, в левое вылезай!

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать! Сел на Сивку-бурку и поскакал прямо к городу.

Нагнал он по дороге своих братьев, проскакал мимо них, пылью дорожной осыпал.

Прискакал Иванушка на площадь — прямо к царскому дворцу. Смотрит — народу видимо-невидимо, а в высоком терему, у окна, сидит царевна Елена Прекрасная. На руке у нее перстень сверкает — цены ему нет! А собою она красавица из красавиц.

Глядят все на Елену Прекрасную, а никто не решается до нее доскочить: никому нет охоты шею себе ломать.

Ударил тут Иванушка Сивку-бурку по крутым бокам.. Фыркнул конь, заржал, прыгнул — только на три бревна до царевны не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул Сивку и ускакал.

Кричат все:

— Кто таков? Кто таков?

А Иванушки уж и след простыл. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

Примчался Иванушка в чистое поле, соскочил с коня, влез ему в левое ухо, а в правое вылез и стал по-прежнему Иванушкой-дурачком.

Отпустил он Сивку-бурку, набрал полное лукошко мухоморов и принес домой:

— Эва, какие грибки хорошие!

Рассердились братнины жены на Иванушку и давай его ругать:

— Какие ты, дурень, грибы принес? Только тебе одному их есть!

Усмехнулся Иванушка, забрался на печь и сидит.

Воротились домой братья и рассказывают женам, что они в городе видели:

— Ну, хозяйки, какой молодец к царю приезжал! Такого мы сроду не видывали. До царевны только на три бревна не доскочил.

А Иванушка лежит на печи да посмеивается:

— Братцы родные, а не я ли это там был?

— Куда тебе, дурню, там быть! Сиди уж на печи да мух лови!

На другой день старшие братья снова в город поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами.

Вышел в чистое поле, в широкое раздолье, лукошко бросил, сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет.

Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка Сивке-бурке в правое ухо, в левое вылез и стал молодец молодцом. Вскочил на коня и поскакал ко двору.

Видит — на площади народу еще больше прежнего. Все на царевну любуются, а скакать никто и не думает: бояться шею себе сломать!

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бокам. Заржал Сивка-бурка, прыгнул — только на два бревна до царевнина окна не достал.

Поворотил Иванушка Сивку и ускакал. Видели, откуда прискакал, не видели, куда ускакал.

А Иванушка уже в чистом поле.

Отпустил Сивку-бурку, а сам пошел домой. Сел на печь, сидит, дожидается братьев.

Приезжают братья домой и рассказывают:

— Ну, хозяйки, тот же молодец опять приезжай! Не доскочил до царевны только на два бревна.

Иванушка и говорит им:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, помалкивай!..

На третий день братья снова собираются ехать, а Иванушка говорит:

— Дайте мне хоть плохонькую лошаденку: поеду и я с вами!

— Сиди, дурень, дома! Только тебя там и не хватает!

Сказали и уехали.

Иванушка вышел в чистое поле, в широкое раздолье, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком:

— Сивка-бурка, вещей каурка, стань передо мной, как лист перед травой!
Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. Прибежал и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Влез Иванушка коню в правое ухо, в левое вылез. Стал молодец молодцом и поскакал к царскому дворцу.

Прискакал Иванушка к высокому терему, стегнул Сивку-бурку плеткой... Заржал конь пуще прежнего, — ударил о землю копытами, прыгнул — и доскочил до окна!

Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с ее пальца заветный перстень и умчался. Только его и видели!

Тут все зашумели, закричали, руками замахали:

— Держи его! Лови его!

А Иванушки и след простыл.

Отпустил он Сивку-бурку, пришел домой. Одна рука тряпкой обмотана.

— Что это с тобою приключилось? — спрашивают братнины жены.

— Да вот, искал грибы, на сучок накололся...

И полез на печку.

Вернулись братья, стали рассказывать, что и как было:

— Ну, хозяйки, тот молодец в этот раз так скакнул, что до царевны доскочил и перстень с ее пальца снял!

Иванушка сидит на печке да знай свое:

— Братцы, а не я ли это там был?

— Сиди, дурень, не болтай зря!

Тут Иванушке захотелось на царевнин драгоценный перстень взглянуть.

Как размотал он тряпку, так всю избу и осияло!

— Перестань, дурень, с огнем баловать! — кричат братья. — Еще избу сожжешь. Пора тебя совсем из дому прогнать!

Ничего им Иванушка не ответил, а перстень снова тряпкой обвязал...

Через три дня царь снова клич кликнул: чтобы весь народ, сколько ни есть в царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться. А кто царским пиром побрезгает, тому голову с плеч долой!

Нечего делать, отправились братья на пир, повезли с собой и Иванушку-дурачка.

Приехали, уселись за столы дубовые, за скатерти узорчатые, пьют-едят, разговаривают.

А Иванушка забрался за печку, в уголок, и сидит там.

Ходит Елена Прекрасная, потчует гостей. Каждому подносит вина и меду, а сама смотрит, нет ли у кого на руке ее перстенька заветного. У кого перстень на руке — тот и жених ее.

Только ни у кого перстня не видно...

Обошла она всех, подходит к последнему — к Иванушке. А он за печкой сидит, одежонка на нем худая, лаптишки рваные, одна рука тряпкой обвязана.

Братья глядят и думают: «Ишь ты, царевна и нашему Ивашке вина подносит!».

А Елена Прекрасная подала Иванушке стакан вина и спрашивает:

— Почему это у тебя, молодец, рука обвязана?

— Ходил в лес по грибы да на сук накололся.

— А ну-ка, развяжи, покажи!

Развязал Иванушка руку, а на пальце у него царевнин перстень заветный: так и сияет, так и сверкает!

Обрадовалась Елена Прекрасная, взяла Иванушку за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой жених и нашелся!

Умыли Иванушку, причесали, одели, и стал он не Иванушкой-дурачком, а молодец молодцом, прямо и не узнаешь!

Тут ждаты да рассуждаты не стали — веселым пирком да за свадебку!

Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало.

Финист — ясный сокол

(Обраб. А. Платонова)

Жили в деревне крестьянин с женой, было у них три дочери. Дочери выросли, а родители постарели, и вот пришло время, пришел черед — умерла у крестьянина жена. Стал крестьянин один растить своих дочерей. Все три его дочери были красивые, красотой равные, а нравом — разные. Старый крестьянин жил в достатке и жалел своих дочерей. Захотел он было взять во двор какую ни есть старушку-бобылку, чтобы она по хозяйству заботилась. А меньшая дочь, Марьюшка, говорит отцу:

— Не надобно, батюшка, бобылку брать, я сама буду по дому заботиться.

Марья радетьельная была. А старшие дочери ничего не сказали.

Стала Марьюшка вместо своей матери хозяйство по дому вести. И все-то она умеет, все у нее ладится, а что не умеет, к тому привыкает, а привыкши, тоже ладит с делом.

Отец глядит на младшую дочь и радуется. Рад он был, что Марьюшка у него такая умница, да работающая, и нравом кроткая. И из себя Марьюшка была хороша — красавица писаная, а от доброты красота ее прибавлялась. Сестры ее старшие тоже были красавицы, только им все мало казалось своей красоты, и они старались прибавить ее румянами и белилами. Сидят, бывало, две старшие сестрицы да целый день охорашиваются, а к вечеру все такие же, что и утром были. Заметят они, что день прошел, сколько румян и белил они извели, а лучше не стали, и сидят сердитые. А Марьюшка устанет к вечеру, зато знает она, что скотина накормлена, в избе чисто прибрано, ужин она приготовила, хлеб на завтра замесила и батюшка будет ею доволен. Глянет она на сестер своими радостными глазами и ничего им не скажет. А старшие сестры тогда еще более сердятся. Им кажется, что Марья-то утром не такая была, а к вечеру похорошела, — с чего только, они не знают.

Пришла нужда отцу на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей:

— А что вам, детушки, купить, чем вас порадовать?

Старшая дочь говорит отцу:

— Купи мне, батюшка, полушалок, да чтоб цветы на нем большие были и золотом расписанные.

— А мне, батюшка, — средняя говорит, — тоже купи полушалок с цветами, что золотом расписанные, а посреди цветов, чтоб красное было. А еще купи мне сапожки с мягкими голенищами, на высоких каблукках, чтоб они о землю топали.

Старшая дочь обиделась на среднюю и сказала отцу:

— И мне, батюшка, и мне купи сапожки с мягкими голенищами и с каблукками, чтоб они о землю топали! А еще купи мне перстень с камешком на палец — ведь у тебя одна старшая дочь.

Отец пообещал купить подарки, какие наказали две старшие дочери, и спрашивает у младшей:

— А ты чего молчишь, Марьюшка?

— А мне, батюшка, ничего не надо. Я со двора никуда не хожу, нарядов мне не нужно.

— Неправда твоя, Марьюшка! Как я тебя без подарка оставлю? Я тебе гостинец куплю.

— И гостинца не нужно, батюшка, — говорит младшая дочь. — А купи ты мне, батюшка родимый, перышко Финиста — ясна сокола, коли оно дешевое будет.

Поехал отец на базар, купил он старшим дочерям подарки, какие они наказали ему, а перышка Финиста — ясна сокола не нашел. У всех купцов спрашивал.

«Нету, — говорили купцы, — такого товара; спросу, — говорят, — на него нету».

Не хотелось отцу обижать младшую дочь свою, работающую умницу, однако воротился он ко двору, а перышка Финиста — ясна сокола не купил.

А Марьюшка и не обиделась. Она обрадовалась, что отец домой вернулся, и сказала ему:

— Ничего, батюшка. В иной раз поедешь, тогда оно и купится, перышко мое.

Прошло время, и опять отцу нужда на базар ехать. Он и спрашивает у дочерей, что им купить в подарок: он добрый был.

Большая дочь говорит:

— Купил ты мне, батюшка, в прежний раз сапожки, так пусть кузнецы подкуют теперь каблукки на тех сапожках серебряными подковками.

А средняя слышит старшую и говорит:

— И мне, батюшка, тоже, а то каблукки стучат, а не звенят, — пусть они звенят. А чтоб гвоздики из подковок не потерялись, купи мне еще серебряный молоток: я им гвоздики подбивать буду.

— А тебе чего купить, Марьюшка?

— А погляди, батюшка, перышко от Финиста — ясна сокола: будет ли, нет ли.

Поехал старик на базар, дела свои скоро сделал и старшим дочерям подарки купил, а для младшей до самого вечера перышко искал, да нет того перышка, никто его в покупку не дает. Вернулся отец опять без подарка для младшей дочери. Жалко ему стало Марьюшку, а Марьюшка улыбнулась отцу и горя своего не показала — стерпела его.

Прошло время, поехал отец опять на базар.

— Чего вам, дочки родные, в подарок купить? Старшая подумала и сразу не придумала, чего ей надо.

— Купи мне, батюшка, чего-нибудь.

А средняя говорит:

— И мне, батюшка, купи чего-нибудь, а к чему-нибудь добавь еще что-нибудь.

— А тебе, Марьюшка?

— А мне купи ты, батюшка, одно перышко Финиста — ясна сокола.

Поехал старик на базар. Дела свои сделал, старшим дочерям подарки купил, а младшей ничего не купил: нету того перышка на базаре.

Едет отец домой и видит: идет по дороге старый старик, старше его, совсем ветхий.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй и ты, милый. О чем у тебя кручина?

— А как ей не быть, дедушка! Наказала мне дочь купить ей одно перышко Финиста — ясна сокола. Искал я ей то перышко, а его нету. А дочь-то у меня меньшая, пуще всех мне ее жалко.

Старый старик задумался, а потом и говорит:

— Ин так и быть!

Развязал он заплечный мешок и вынул из него коробочку.

— Спрячь, — говорит, — коробочку, в ней перышко от Финиста — ясна сокола. Да упомни еще: есть у меня один сын; тебе дочь жалко, а мне сына. Ан не хочет мой сын жениться, а уж время ему пришло. Не хочет — неволить нельзя. И сказывает он мне: кто-де попросит у тебя это перышко, ты отдай, говорит, это невеста моя просит.

Сказал свои слова старый старик — и вдруг нету его, исчез неизвестно куда: был он или не был?

Остался отец Марьюшки с перышком в руках. Видит он то перышко, а оно серое, простое. А купить его нельзя было нигде.

Вспомнил отец, что старый старик ему сказал, и подумал: «Видно, Марьюшке моей судьба такая выходит — не знавши, не выдавши, выйти замуж неведомо за кого».

Приехал отец домой, подарил подарки старшим дочерям, а младшей отдал коробочку с серым перышком.

Нарядились старшие сестры и посмеялись над младшей:

— А ты положи свое воробьиное перышко в волосы, да и красуйся.

Марьюшка промолчала, а когда в избе легли все спать, она положила перед собой простое, серое перышко Финиста — ясна сокола и стала им любоваться. А потом Марьюшка взяла перышко в свои руки, подержала его при себе, поласкала и нечаянно уронила на пол.

Тотчас ударился кто-то в окно. Окно открылось, и влетел в избу Финист — ясный сокол. Приложился он до полу и обратился в прекрасного молодца. Закрыла Марьюшка окно и стала с молодымцем разговаривать. А к утру открыла Марьюшка окно, поклонился молодец до полу, обратился молодец в ясного сокола, а сокол оставил по себе простое, серое перышко и улетел в синее небо.

Три вечера привечала Марьюшка сокола. Днем он летал по поднебесью, над полями, над лесами, над горами, над морями, а к вечеру прилетал к Марьюшке и делался добрым молодымцем.

На четвертый вечер старшие сестры расслышали тихий разговор Марьюшки, услышали они и чужой голос доброго молодца, а наутро спросили младшую сестру:

— С кем это ты, сестрица, ночью беседуешь?

— А я сама себе слова говорю, — ответила Марьюшка. — Подруг у меня нету, днем я в работе, говорить мне некогда, а ночью я беседую сама с собой.

Послушали старшие сестры младшую, да не поверили ей.

Сказали они батюшке:

— Батюшка, а у Марьи-то нашей суженый есть, она по ночам с ним видится, и разговор с ним разговаривает. Мы сами слышали.

А батюшка им в ответ:

— А вы бы не слушали, — говорит. — Чего у нашей Марьюшки суженому не быть? Худо тут нету, девица она пригожая и в пору свою вышла. Придет и вам черед.

— Так Марья-то не по череду суженого своего узнала, — сказала старшая дочь. — Мне бы случилось раньше ее замуж выходить.

— Оно правда твоя, — рассудил батюшка. — Так судьба-то не по счету идет. Иная невеста в девках до старости лет сидит, а иная с младости всем людям мила.

Сказал так отец старшим дочерям, а сам подумал: «Иль уж слово того старика сбывается, что перышко мне подарил? Беды-то нету, да хороший ли человек будет суженым у Марьюшки?»

А у старших дочерей свое желание было. Как стало время на вечер, Марьюшкины сестры вынули ножи из черенков, а ножи воткнули в раму окна и вокруг него, а кроме ножей воткнули еще туда острые иголки да осколки старого стекла. Марьюшка в то время корову в хлеву убирала и ничего не видела.

И вот, как стемнело, летит Финист — ясный сокол к Марьюшкиному окну. Долетел он до окна, ударился об острые ножи да об иглы и стекла, бился-бился,

всю грудь изранил, а Марьюшка уморилась за день в работе, задремала она, ожидаючи Финиста — ясна сокола, и не слышала, как бился ее сокол в окно.

Тогда Финист сказал громко:

— Прощай, моя красная девица! Коли нужен я тебе, ты найдешь меня, хоть и далеко я буду! А прежде того, идучи ко мне, ты башмаков железных три пары износишь, трое посохов чугунных о траву подорожную сотрешь, три хлеба каменных изглодаешь.

И услышала Марьюшка сквозь дрему слова Финиста, а встать, пробудиться не могла. А утром пробудилась она, загоревало ее сердце. Посмотрела она в окно, а в окне кровь Финиста на солнце сохнет. Заплакала тогда Марьюшка. Открыла она окно и припала лицом к месту, где была кровь Финиста-сокола. Слезы смыли кровь сокола, а сама Марьюшка словно умылась кровью суженого и стала еще краше.

Пошла Марьюшка к отцу и сказала ему:

— Не брани меня, батюшка, отпусти меня в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, а помру — на роду, знать, мне было написано.

Жалко было отцу отпускать неведомо куда любимую младшую дочь. А неволить ее, чтоб дома она жила, нельзя. Знал отец: любящее сердце девицы сильнее власти отца и матери. Простился он с любимой дочерью и отпустил ее.

Кузнец сделал Марьюшке три пары башмаков железных и три посоха чугунных, взяла еще Марьюшка три каменных хлеба, поклонилась она батюшке и сестрам, могилу матери навестила и отправилась в путь-дорогу искать желанного Финиста — ясна сокола.

Идет Марьюшка путем-дорогою. Идет она не день, не два, не три, идет она долгое время. Шла она и чистым полем, и темным лесом, шла и высокими горами. В полях птицы ей песни пели, темные леса ее привечали, с высоких гор она всем миром любовалась. Шла Марьюшка столько, что одну пару башмаков железных она износила, чугунный посох о дорогу истерла и каменный хлеб изглодала, а путь ее все не кончается, и нету нигде Финиста — ясна сокола.

Вдохнула тогда Марьюшка, села на землю, стала она другие железные башмаки обувать — и видит избушку в лесу. А уж ночь наступила.

Подумала Марьюшка: «Пойду в избушку людей спрошу, не видали ли они моего Финиста — ясна сокола?»

Постучалась Марьюшка в избушку. Жила в той избушке одна старуха — добрая или злая, про то Марьюшка не знала. Открыла старушка сени — стоит перед ней красная девица.

— Пусти, бабушка, ночевать!

— Входи, голубушка, гостьей будешь. А далеко ли ты идешь, молодая?

— Далеко ли, близко, сама не знаю, бабушка. А ищущу я Финиста — ясна сокола. Не слыхала ли ты про него, бабушка?

— Как не слышать! Я старая, давно на свете живу, про всех слыхала! Далеко тебе идти, голубушка.

Наутро хозяйка-старуха разбудила Марьюшку и говорит ей:

— Ступай, милая, теперь к моей средней сестре. Она старше меня и ведаёт больше. Может, она добру тебя научит и скажет, где твой Финист живет. А чтоб ты меня, старую, не забыла, возьми-ка вот серебряное донце — золотое веретенце, станешь кудель прясти — золотая нитка потянется. Береги мой подарок, пока он дорог тебе будет, а не дорог станет — сама его подари.

Марьюшка взяла подарок, полюбовалась им и сказала хозяйке:

— Благодарствую, бабушка. А куда же мне идти, в какую сторону?

— А я тебе клубочек дам — самокат. Куда клубочек покатится, и ты ступай за ним вослед. А передохнуть задумаешь, сядешь на травку — и клубочек остановится, тебя ожидать будет.

Поклонилась Марьюшка старухе и пошла вослед за клубочком. Долго ли, коротко ли шла Марьюшка, пути она не считала, сама себя не жалела, а видит она: леса стоят темные, страшные, в полях трава растет нехлебная, колючая, горы встречаются голые, каменные, и птицы над землей не поют. Шла Марьюшка все далее, все скорее она спешила. Глядь, опять переобуваться надо: другая пара башмаков железных износилась, и посох чугунный о землю истерся, и каменный хлеб она изглодала.

Села Марьюшка переобуваться. Видит она — черный лес близко, и ночь наступает, а в лесу в одной избушке огонек зажгли в окне.

Клубочек покати́лся к той избушке. Пошла за ним Марьюшка и постучалась в окошко:

— Хозяева добрые, пустите ночевать!

Вышла на крыльцо избушки старуха, старее той, что прежде привечала Марьюшку.

— Куда идешь, красная девица? Кого ты ищешь на свете?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола. Была я у одной старушки в лесу, ночь у нее ночевала, она про Финиста слыхала, а не ведаёт его. Может, сказывала, средняя ее сестра ведаёт.

Пустила старуха Марьюшку в избу. А наутро разбудила гостью и сказала ей:

— Далеко тебе искать Финиста будет. Ведать я про него ведала, да не знала. А иди ты теперь к нашей старшей сестре, она и знать должна. А чтоб помнила ты обо мне, возьми от меня подарок. По радости он тебе памятью будет, а по нужде помощь окажет.

И дала хозяйка-старушка своей гостье серебряное блюдо и золотое яичко.

Попросила Марьюшка у старой хозяйки прощения, поклонилась ей и пошла вослед клубочку.

Идет Марьюшка, а земля вокруг нее вовсе чужая стала. Смотрит она — один лес на земле растет, а чистого поля нету. И деревья, чем далее катится клубок, все выше растут. Совсем темно стало: солнца и неба не видно.

А Марьюшка и по темноте все шла да шла, пока железные башмаки ее насквозь не истоптались, а посох о землю не истерся и покуда последний каменный хлеб она до остатней корки не изглодала.

Огляделась Марьюшка — как ей быть? Видит она свой клубочек: лежит он под окошком у лесной избушки. Постучалась Марьюшка в окно избушки:

— Хозяева добрые, укройте меня от темной ночи!

Вышла на крыльцо древняя старушка, самая старшая сестра всех старух.

— Ступай в избу, голубка, — говорит. — Ишь куда как далече пришла! Далее и не живет на земле никто, я крайняя. Тебе в иную сторону завтра с утра надобно путь держать. А чья же ты будешь и куда идешь?

Отвечала ей Марьюшка:

— Я не здешняя, бабушка. А ищу я Финиста — ясна сокола.

Поглядела старшая старуха на Марьюшку и говорит ей:

— Финиста-сокола ищешь? Знаю я, знаю его. Я давно на свете живу, уж так давно, что всех узнала, всех запомнила.

Уложила старуха Марьюшку, а наутро разбудила ее.

— Давно, — говорит, — я добра никому не делала. Одна в лесу живу, все про меня забыли, одна я всех помню. Тебе добро и сделаю: скажу тебе, где твой Финист — ясный сокол живет. А и отыщешь ты его, трудно тебе будет. Финист — ясный сокол теперь женился, он со своей хозяйкой живет. Трудно тебе будет, да сердце у тебя есть, а на сердце и разум придет, а от разума и трудное легким станет.

Марьюшка сказала в ответ:

— Благодарствую тебе, бабушка, — и поклонилась ей в землю.

— Благодарствовать мне после будешь. А вот тебе подарочек — возьми от меня золотое пялечко да иголочку: ты пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ступай теперь, а что нужно будет делать тебе — пойдешь, сама узнаешь.

Клубочек далее не катился. Вышла на крыльцо старшая старуха и указала Марьюшке, в какую сторону ей надо.

Пошла Марьюшка, как была, босая. Подумала: «Как дойду? Земля здесь твердая, чужая, к ней привыкнуть нужно».

Прошла она недолго времени. И видит — стоит на поляне богатый двор. А во дворе терем: крыльцо резное, оконца узорчатые. У одного оконца сидит богатая, знатная хозяйка и смотрит на Марьюшку: чего, дескать, ей надо. Вспомнила Марьюшка: обуться ей теперь не во что и последний каменный хлеб она изглодала в дороге.

Сказала она хозяйке:

— Здравствуй, хозяйюшка! Не надобно ли вам работницу за хлеб, за одежду?

— Надобно, — отвечает знатная хозяйка. — А умеешь ли ты печи топить, и воду носить, и обед стряпать?

— Я у батюшки без матушки жила — я все умею.

— А умеешь ты прясть, ткать и вышивать?

Вспомнила Марьюшка о подарках старых бабушек.

— Умею, — говорит.

— Ступай тогда, — хозяйка говорит, — на кухню людскую.

Стала Марьюшка работать и служить на чужом богатом дворе. Руки у Марьюшки честные, усердные — всякое дело ладится у ней.

Хозяйка глядит на Марьюшку да радуется: не было еще у нее такой услужливой, да доброй, да смышленной работницы; и хлеб Марьюшка ест простой, запикает его квасом, а чаю не просит. Похвалилась хозяйка своей дочери.

— Смотри, — говорит, — работница какая у нас во дворе: покорная да умелая и на лицо ласковая!

Посмотрела хозяйкина дочь на Марьюшку.

— Фу! — говорит, — пусть она ласковая, а я зато краше ее и телом белее!

Вечером, как управилась с хозяйскими работами, села Марьюшка прясть. Села она на лавку, достала серебряное донце и золотое веретенце и прядет. Прядет она, из кудели нитка тянется — нитка не простая, а золотая; прядет она, а сама глядит в серебряное донце и чудится ей, что видит она там Финиста — ясна сокола: смотрит он на нее, как живой на свете. Глядит Марьюшка на него и разговаривает с ним:

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты оставил меня одну, горькую, плакать по тебе? Это сестры мои, разлучницы, кровь твою пролили.

А хозяйкина дочь вошла в ту пору в людскую избу, стоит поодаль, глядит и слушает.

— О ком ты горюешь, девица? — спрашивает она. — И какая у тебя забава в руках?

Марьюшка говорит ей:

— Горюю я о Финисте — ясном соколе. А это я нить пряду, полотенец Финисту буду вышивать — было бы ему, чем поутру белое лицо утирать.

— А продай мне свою забаву! — говорит хозяйкина дочь. — Ан Финист-то муж мой, я и сама ему нить спряду.

Посмотрела Марьюшка на хозяйкину дочь, остановила свое золотое веретенце и говорит:

— А у меня забавы нету, у меня работа в руках. А серебряное донце — золотое веретенце не продается: мне добрая бабушка его подарила.

Обиделась хозяйская дочь: не хотелось ей золотое веретенце из рук своих упускать.

— Если не продается, — говорит, — давай тогда мену делать, я тебе тоже вещь подарю.

— Подари, — сказала Марьюшка, — дозвожь мне на Финиста — ясна сокола хоть раз одним глазом взглянуть!

Хозяйская дочь подумала и согласилась.

— Изволь, девица, — говорит. — Давай мне твою забаву.

Взяла она у Марьюшки серебряное донце — золотое веретенце, а сама думает: «Покажу я ей Финиста ненадолго, ничего с ним не станется, дам ему сонного зелья, а через это золотое веретенце мы с матушкой вовсе озолотимся!».

К ночи воротился из поднебесья Финист — ясный сокол, обратился он в доброго молодца и сел ужинать в семействе: теща-хозяйка да Финист с женою.

Хозяйская дочь велела звать Марьюшку: пусть она служит за столом и на Финиста глядит, как уговор был. Марьюшка явилась; служит она за столом, кушанья подает и с Финиста глаз не сводит. А Финист сидит, словно нету его, — не узнал он Марьюшки: истомилась она путем-дорогою, идучи к нему, и от печали по нем изменилась в лице.

Отужинали хозяева, встал Финист и пошел спать в свою горницу.

Марьюшка и говорит тогда молодой хозяйке:

— Мух во дворе много летает. Пойду-ка я к Финисту в горницу, буду от него мух отгонять, чтоб спать ему не мешали.

— Пусть идет! — сказала старая хозяйка.

Молодая хозяйка опять здесь подумала.

— Ан нет, — говорит, — пусть обождет.

А сама пошла вслед за мужем, дала ему на ночь сонного зелья выпить и воротилась. «Может, — рассудила хозяйская дочь, — у работницы еще какая забава на такую мену есть!»

— Иди теперь, — сказала она Марьюшке. — Иди, мух от Финиста отгоняй!

Пришла Марьюшка к Финисту в горницу и позабыла про мух. Видит она: спит ее сердечный друг непробудным сном. Смотрит на него Марьюшка, не на-смотрится. Наклонилась к нему близко, одним дыханьем с ним дышит, шепчет ему:

— Проснись, мой Финист — ясный сокол, это я к тебе пришла. Я три пары башмаков железных истоптала, три посоха чугунных о дорогу истерла, три хлеба каменных изглодала!

А Финист спит непробудно, он глаз не открывает и не молвит слова в ответ.

Приходит в горницу жена Финиста — хозяйская дочь — и спрашивает:

— Отогнала мух?

— Отогнала, — Марьюшка говорит, — они в окно улетели.

— Ну, иди спать в людскую избу.

На другой день, как поделала Марьюшка всю хозяйскую работу, взяла она серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: покатает вокруг — и новое золотое яичко скатывается с блюдечка; покатает другой раз вокруг — и опять новое золотое яичко скатывается с блюдечка.

Увидела хозяйская дочь.

— Ужели, — говорит, — и такая забава есть у тебя? Продай мне ее, либо я тебе мену, какую хочешь, дам за нее.

Марьюшка говорит ей в ответ:

— Продать не могу, мне добрая бабушка это в подарок дала. Я тебе даром блюдечко с яичком отдам. На-ко, возьми!

Взяла подарок хозяйская дочь и обрадовалась:

— А может, и тебе что нужно, Марьюшка? Проси, чего хочешь.

Марьюшка и просит в ответ:

— А мне самое малое нужно. Дозволь опять от Финиста мух отгонять, когда ты почивать его уложишь.

— Изволь, — говорит молодая хозяйка.

А сама думает: «Чего с мужем станется от поглядки чужой девицы, да и спать он будет от зелья, глаз не откроет, а у работницы, может, еще какая забава есть!»

К ночи опять, как было, воротился Финист — ясный сокол из поднебесья, обратился в доброго молодца и сел за стол ужинать со своим семейством.

Жена Финиста позвала Марьюшку прислуживать за столом, кушанья подавать. Марьюшка кушанья подает, чашки ставит, ложки кладет, а сама глаз с Финиста не сводит. А Финист глядит и не видит ее — не узнает ее его сердце.

Опять, как было, дала хозяйская дочь своему мужу питье с сонным зельем и спать его уложила. А работницу Марьюшку послала к нему и велела ей мух отгонять.

Пришла Марьюшка к Финисту; стала звать его и плакать над ним, думала — нынче он пробудится, взглянет на нее и узнает Марьюшку. Долго звала его Марьюшка и слезы со своего лица утирала, чтоб они не упали на белое лицо Финиста и не смочили его. А Финист спал, он не пробудился и глаз своих не открыл в ответ.

На третий день Марьюшка справила к вечеру всю хозяйскую работу, села на лавку в людской избе, вынула золотое пялечко и иголочку. Держит она в руках золотое пялечко, а иголочка сама по полотну вышивает.

Вышивает Марьюшка, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, мой красный узор, вышивайся для Финиста — ясна сокола, было бы ему на что любоваться!

Молодая хозяйка неподалеку ходила. Пришла она в людскую избу, увидела в руках у Марьюшки золотое пялечко и иголочку, что сама вышивает. Зашлось у нее сердце завистью и алчностью, и говорит она:

— Ой, Марьюшка, душенька, красная девица! Подари мне такую забаву либо что хочешь в обмен возьми! Золотое веретенце есть у меня, пряжи я напряду, холстины натку, а золотого пялечка с иголочкой у меня нету — вышивать нечем. Если в обмен не хочешь отдавать, тогда продай! Я цену тебе дам!

— Нельзя! — говорит Марьюшка. — Нельзя золотое пялечко с иголочкой ни продавать, ни в обмен давать. Их мне самая добрая, самая старая бабушка даром дала. И я тебе их даром отдам.

Взяла молодая хозяйка пялечко с иголочкой, а Марьюшке ей дать нечего, она и говорит:

— Приходи, коли хочешь, от мужа моего, Финиста, мух отгонять. Прежде ты сама просилась.

— Приду уж, так и быть, — сказала Марьюшка.

После ужина молодая хозяйка сначала не хотела давать Финисту сонного зелья, а потом раздумала и добавила того зелья в питье: «Чего ему глядеть на девицу, пусть спит!».

Пошла Марьюшка в горницу к спящему Финисту. Уже не стерпело теперь ее сердце. Припала она к его белой груди и причитает:

— Проснись-пробудись, Финист мой, ясный мой сокол! Я всю землю пешей прошла, к тебе идучи! Три посоха чугунных уморились ходить со мной и о землю истерлись, три пары башмаков железных ноги мои износили, три хлеба каменных я изглодала. Встань-проснись, Финист мой, сокол! Сжался ты надо мной!

А Финист спит, ничего не чувствует, и не слышит он голоса Марьюшки.

Долго Марьюшка причитала, долго будила Финиста, долго плакала над ним, а не проснулся бы Финист: крепко было зелье жены. Да упала одна горячая слеза Марьюшки на грудь Финиста, а другая слеза упала на его лицо. Одна слеза обожгла сердце Финиста, а другая открыла ему глаза, и он в ту же минуту проснулся.

— Ах, — говорит, — что меня обожгло?

— Финист мой, ясный сокол! — отвечает ему Марьюшка. — Пробудись, это я пришла! Долго-долго я искала тебя, железо и чугун я о землю истерла. Не стерпели они дороги к тебе, а я стерпела! Третью ночь я зову тебя, а ты спишь, ты не пробуждаешься, ты на голос мой не отвечаешь!

И тут узнал Финист — ясный сокол свою Марьюшку, красную девицу. И так он обрадовался ей, что от радости слова молвить не мог. Прижал он Марьюшку к груди своей белой и поцеловал.

А очнувшись, привыкши к своей радости, он сказал Марьюшке:

— Будь ты моей сизой голубкой, моя верная красная девица!

И в ту же минуту обратился он в сокола, а Марьюшка — в голубку.

Улетели они в ночное поднебесье и всю ночь летели рядом, до самого рассвета.

А когда они летели, Марьюшка спросила:

— Сокол, сокол, а куда ты летишь, ведь жена твоя соскучится!

Финист-сокол послушал ее и ответил:

— Я к тебе лечу, красная девица. А кто мужа меняет на веретенце, на блюдечко да на иголку, той жене мужа не надо и та жена не соскучится.

— А чего же ты женился на такой жене? — спросила Марьюшка. — Воли твоей не было?

Сокол сказал:

— Воля моя была, да судьбы и любви не было.

И они полетели далее рядом друг с другом.

На рассвете опустились они на землю. Поглядела Марьюшка вокруг, видит она: дом ее родителя стоит, как прежде был. Захотела Марьюшка увидеть отца-родителя, и тут же обратилась она в красную девицу. А Финист — ясный сокол ударился о сыру землю и сделался перышком.

Взяла Марьюшка перышко, спрятала его к себе на грудь, за пазуху, и пришла к отцу.

— Здравствуй, дочь моя меньшая, любимая! Я думал, что тебя и на свете нету. Спасибо, что отца не забыла, домой воротилась. Где была так долго, чего домой не спешила?

— Прости меня, батюшка. Так нужно мне было.

— А нужно, так нужно. Спасибо, что нужда прошла.

А случилось, что на праздник, и в городе большая ярмарка открылась. Собрался наутро отец на ярмарку ехать, и старшие дочери с ним едут — подарки себе покупать.

Отец и меньшую позвал, Марьюшку.

А Марьюшка:

— Батюшка, — говорит, — я с дороги притомилась, и надеть мне на себя нечего. На ярмарке, чай, все нарядные будут.

— А я там тебя, Марьюшка, обряжу, — отвечает отец. — На ярмарке, чай, торг большой.

А старшие сестры говорят младшей:

— Надень наши уборы, у нас лишние есть.

— Ах, сестрицы, спасибо вам! — говорит Марьюшка. — Мне ваши платья не по кости! Да мне и дома хорошо.

— Ну, быть по-твоему, — говорит ей отец. — А что тебе с ярмарки привезти, какой подарок? Скажи, отца не обижай!

— Ах, батюшка, ничего мне не надобно, все у меня есть! Недаром я далеко ходила и в дороге утомилась.

Отец со старшими сестрами уехал на ярмарку. В ту же пору Марьюшка вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным добрым молодцем, Финистом, только еще прекраснее, чем он был прежде. Марьюшка удивилась, да от счастья своего ничего не сказала. Тогда сказал ей Финист:

— Не дивись на меня, Марьюшка. Это я от твоей любви таким стал.

— Я хоть и дивлюсь, — сказала Марьюшка, — да для меня ты всегда одинаков, я тебя всякого люблю.

— А где родитель твой — батюшка?

— На ярмарку уехал, и сестры с ним старшие.

— А ты чего, Марьюшка моя, не поехала с ними?

— У меня Финист есть, ясный сокол. Мне ничего на ярмарке не надо.

— И мне ничего не надо, — сказал Финист, — да я от твоей любви богатым стал.

Обернулся Финист от Марьюшки, свистнул в окошко — сейчас явились платья, уборы и карета золотая. Нарядились они, сели в карету, кони помчали их вихрем.

Приехали они в город на ярмарку, а ярмарка только открылась, все богатые товары и яства горою лежат, а покупатели едут в дороге.

Финист купил на ярмарке все товары, все яства, что были там, и велел их обоими везти в деревню к родителю Марьюшки. Одну только мазь колесную он не купил, а оставил ее на ярмарке.

Он хотел, чтобы все крестьяне, какие приедут на ярмарку, стали гостями на его свадьбе и скорее ехали к нему. А для скорой езды им мазь нужна будет.

Поехали Финист с Марьюшкой домой. Едут они быстро, лошадям воздуха от ветра не хватает.

На половине дороги увидела Марьюшка своего батюшку и старших сестер. Они еще на ярмарку ехали и не доехали. Марьюшка велела им ворочаться ко двору, на свадьбу ее с Финистом — ясным соколом.

А через три дня собрался в гости весь народ, что жил на сто верст в округе. Обвенчался тогда Финист с Марьюшкой, и свадьба была богатая.

На той свадьбе дедушки наши и бабушки были, долго они пировали, жениха и невесту величали, с лета до зимы не разошлись бы, да настала пора убирать урожай, хлеб осыпаться начал; оттого и свадьба кончилась, и на пиру гостей не осталось.

Свадьба кончилась, и свадебный пир гости позабыли, а верное, любящее сердце Марьюшки навсегда запомнилось в русской земле.

Песенки

«Гречку мыли, гречку мяли...»

(Литов. в обраб. Ю. Григорьева)

Гречку мыли, гречку мяли,
Мышку по воду послали
По мосту-мосточку,
Желтому песочку.

Проплутала долго —
Испугалась волка.
Заблудилась, слезы градом,
А колодец рядом!

Старушка

(Пер. с англ. С. Маршака)

Старушка пошла продавать молоко.
Деревня от рынка была далёко.
Устала старушка и, кончив дела,
У самой дороги вздремнуть прилегла.

К старушке веселый щенок подошел,
За юбку схватил и порвал ей подол.
Погода была в это время свежа,
Старушка проснулась, от стужи дрожа,

Проснулась старушка и стала искать
Домашние туфли, свечу и кровать,
Но, порванной юбки ощупав края,
Сказала: «Ах, батюшки, это не я!»

Пойду-ка домой. Если я — это я,
Меня не укусит собака моя!
Она меня встретит, визжа, у ворот,
А если не я, на куски разорвет!»

В окно постучала старушка чуть свет.
Залаяла громко собака в ответ.

Старушка присела, сама не своя,
И тихо сказала: «Ну, значит, не я!»

Дом, который построил Джек

(Пер. с англ. С. Маршака)

Вот дом,
Который построил Джек.

А это пшеница,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это веселая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот кот,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот пес без хвоста,
Который за шиворот треплет kota,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет kota,

Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это старушка, седая и строгая,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет kota,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей

строгую,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет kota,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей

строгую,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет kota,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Счастливого пути!

(Голл. в обраб. И. Токмаковой)

Карета кое-как ползет,
Усталый конь ее везет.
Счастливого пути!

Усталый человек идет,
Рукой с лица стирает пот.
Счастливого пути!

А в океанах — корабли
От родины своей вдали.
Счастливого пути!

Пусть тот, кто едет и идет,
Всегда свой путь домой найдет.
Счастливого пути!

Веснянка

(Укр. в обраб. Г. Литвака)

А уж ясно солнышко
Припекло, припекло.
И повсюду золото
Разлило, разлило.

Ручейки на улице
Все журчат, все журчат.
Журавли курлыкают
И летят, и летят...

Расцвели подснежники
Да в леске, да в леске.
Скоро всей земелюшке
Быть в венке, быть в венке.

Ой, солнышко-батюшка,
Угоди, угоди,
А земляца-матушка,
Уроди, уроди.

Друг за дружкой

(Тадж. в обраб. Н. Гребнева, в сокр.)

Друг за дружкой, вытянувшись в ряд,
В небе синем журавли летят.
Очень далёко они летят,
Очень высоко они летят,

Из далёкой стороны летят,
Как предвестие весны летят,
Над горами древними летят,
Над лугами-пашнями летят,

Над лугами-пашнями летят,
Над садами нашими летят...
Вьется в небе стая журавлиная,
Вьется в небе, как веревка длинная.

Сказки

Кукушка

(Ненецк. в обраб. К. Шаврова)

Вот что было.

Жила на земле бедная женщина. Было у нее четверо детей.

Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера.

Вернутся к себе в чум¹, целые сугробы снега на пимах² натащат, а мать уби-рай! Одежу промочат, а мать суши.

Трудно было матери.

Вот один раз летом ловила мать рыбу на реке. Тяжело ей было, а дети ей не помогали. От жизни такой, от работы тяжелой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовет, просит:

— Детки, воды мне дайте. Пересохло у меня горло. Принесите мне водички.

Не один, не два раза просила мать. Не идут дети за водой. Старший говорит:

— Я без пимов.

Другой говорит:

— Я без шапки.

Третий говорит:

— Я без одежды.

А четвертый и совсем не отвечает.

Сказала тогда мать:

— Близко от нас река, и без одежды можно за водой сходить. Пересохло у меня во рту. Пить хочу!

Засмеялись дети, из чума выбежали. Долго играли, в чум к матери не заглядывали.

Наконец захотелось старшему есть, — заглянул в чум.

Смотрит он, а мать посреди чума стоит. Стоит и малицу³ надевает.

И вдруг малица перьями покрылась.

Берет мать доску, на которой шкуры скоблят, и доска та хвостом птичьим становится.

Наперсток железным клювом стал.

Вместо рук крылья выросли.

Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

Закричал старший сын:

— Братья, смотрите, смотрите: улетает наша мать птицей!

Тут побежали дети за матерью, кричат ей:

— Мама, мы тебе водички принесли!

Отвечает им мать:

— Ку-ку, ку-ку! Поздно, поздно! Теперь озерные воды передо мной. К вольным водам лечу я!

Бегут дети за матерью, зовут ее, ковшик с водой протягивают.

Младший сынок кричит:

— Мама, мама! Вернись домой! Водички на! Попей, мама!

Отвечает мать издали:

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Поздно, сынок, не вернусь я.

Так бежали дети за матерью много дней и ночей — по камням, по болотам, по кочкам.

Ноги себе в кровь изранили. Где пробегут, там красный след останется.

Не вернулась мать-кукушка.

И с тех пор не вьет себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей.

А по тундре с той поры красный мох стелется.

¹Чум — шатер, который зимой кроют оленьими шкурами, а летом берестой.

²Пимы — мягкие сапоги из оленьей шкуры.

³Малица — верхняя одежда из оленьих шкур.

ЧУДЕСНЫЕ ИСТОРИИ ПРО ЗАЙЦА ПО ИМЕНИ ЛЁК

(Сказки народов Западной Африки, пер. О. Кустовой и В. Андреева)

Несколько слов об этой книге

Сказки любят все, но больше всего любите их вы, ребята. Иначе и быть не должно, потому что сказки открывают целый мир — мир, в котором вы еще только начинаете жить. Читая и слушая сказки, вы впервые узнаете о том, какие люди живут на свете, какие звери обитают в лесах и какие бывают леса. Ведь о каких бы невероятных событиях ни рассказывалось в народных сказках, они всегда происходят на нашей земле.

А Земля наша — огромна. На пяти ее материках живет множество различных народов. И у каждого народа — свои сказки, мифы, предания, легенды.

Сказочная повесть, которую вы сейчас начнете читать, состоит из сказок народов Западной Африки. Во многом эти сказки будут необычны для вас. Рассказывают они про то, как самый молодой зверь саванны — заяц по имени Лёк — открывает мир, окружающий его. Мир тропической Африки. Тот мир, который столь привычен для африканцев и который нам кажется таким фантастическим и сказочным.

Этот мир совсем не похож на наш... Там, например, всего два времени года: сезон дождей и сезон засухи.

В Африке — не леса и степи, как у нас, а джунгли и саванны. И живут в них звери, которых мы можем встретить только в зоопарках: лев, леопард, слон, гиена и многие-многие другие.

Но вы, наверное, скажете: эти сказки называются «истории про зайца», а что же тут необычного? Мы уже вон сколько сказок читали про зайцев — русских народных сказок!

Но не торопитесь: даже заяц в сказках африканских народов совсем не такой, как в наших.

Какой он? Откройте эту книгу и начните читать. Вы узнаете, почему у зайца длинные уши и короткий хвост, вы узнаете про то, как путешествовал заяц по Африке и какие приключения случились с ним в пути, про то, как живут звери саванны. Вы узнаете и про всемогущую фею маму Рандату, которая... Но не будем забегать вперед.

Вам предстоит отправиться в настоящее путешествие и совершить настоящее открытие — открытие реального и сказочного мира! Перед вами — сказки народов Западной Африки.

История первая, в которой звери саванны узнают, кто из них самый молодой и самый умный

Было это в стародавние времена.

В те времена, когда время измеряли лунами и звери Африки жили друг с другом в мире и согласии. Они сообща решали все свои дела, а по вечерам усажи-

вались под огромным деревом, которое называли Деревом Бесед, и обсуждали все, что произошло за день.

Сидели они однажды под Деревом Бесед и думали: кто же из них самый умный.

Самый сильный — лев, дядюшка Гаиндэ. Он царь зверей.

Самый старый — слон, папаша Гней. Это знают все звери саванны.

Самый глупый и нечестный зверь — гиена по имени Буки.

А вот кто умнее всех?

Этого никто из зверей не знал.

Вот сидели они и размышляли, пока лев дядюшка Гаиндэ не поднялся со своего царского трона и не провозгласил:

— Я думаю, что сначала мы должны узнать, кто самый молодой зверь саванны. А кто самый молодой — тот и самый умный. Так я думаю!

Начали звери вспоминать, кто когда родился.

— Я родилась три года назад, в год Великой Засухи, — воскликнула лань.

И все звери тяжело вздохнули, потому что вспомнили, как трудно жилось им в тот год. А раз вспомнили, то, значит, были они гораздо старше лани.

— А я родился всего три луны назад, — поднял свои остроконечные уши шакал.

Все звери посмотрели на небо и стали считать, сколько раз они видели, как узкий месяц превращался в полную луну, а луна снова — в тонкий изогнутый рог месяца.

А пока они смотрели на небо и считали, сколько лун прожили они на свете, заяц по имени Лёк незаметно забрался на дерево и притаился там.

В те далекие времена уши у зайца были короткие, хвост — длинный и пушистый, а лазать по деревьям он умел не хуже, чем белка.

Тихо было под Деревом Бесед, но вдруг обезьяна по имени Голо почесала затылок и заявила:

— А я, друзья, только что родилась!

Все захлопали в ладоши, и обезьяна уже подумала, что она-то и есть самая молодая и умная, как рассудил лев дядюшка Гаиндэ.

Но тут с ветки раздался голос:

— Смотрите! Я еще только рождаюсь! Потеснитесь, дайте новорожденному место! — и к удивленным зверям спрыгнул заяц Лёк.

Все замолчали, а обезьяна Голо обиделась и отвернулась — ведь заяц Лёк перехитрил ее.

Торжественным, медленным шагом лев дядюшка Гаиндэ подошел к зайцу.

— Я объявляю тебя, Лёк, — провозгласил он, — самым умным среди зверей. Ты доказал нам, что ты самый молодой. А это значит, как я уже говорил, что ты умнее всех нас!

Лёк гордо распушил свой роскошный хвост, но про себя подумал: «Убедить зверей в том, что я самый умный, — это полдела. Я сам должен быть в этом

уверен. Умный я или нет — докажут только дела и приключения. А приключения случаются только с тем, кто не сидит на одном месте... Значит, отправлюсь-ка я путешествовать!».

История вторая, в которой паук Диаргонь предупреждает зайца Лёка о будущих опасностях

И Лёк отправился путешествовать.

Заросли расступались перед ним, деревья шелестели ему «здравствуй», высокие травы стелились под ноги.

Прошел заяц саванну. Начались джунгли. Кроны деревьев здесь были похожи на огромные зонтики, и солнечные лучи едва пробивались сквозь густую листву. Тишина царил кругом.

Вдруг откуда-то сверху раздался тихий вежливый голос:

— Остановись на минутку, Лёк, выслушай меня.

— Кто здесь? — удивился заяц.

— Это я, паук Диаргонь, — ответил голос. — Я очень мал, и ты не видишь меня, но я давно наблюдаю за тобой. Лев, царь зверей, назвал тебя самым умным и самым молодым. А молодому всегда нужен опытный советчик. Считаю меня своим другом и братом, и ты узнаешь многое, что тебе еще не известно.

— Зачем ты хочешь мне помочь, друг и брат? — спросил заяц.

— Старшие всегда любят, чтобы их слушали младшие. Не спеши: посмотри на мою паутину. Каждая из этих нитей может рассказать о будущем. Я перебираю их одну за другой, и они говорят на языке, понятном только мне. Хочешь узнать, что ждет тебя впереди?

— А зачем, Диаргонь? — воскликнул беспечно Лёк. — Ведь будущие опасности сейчас еще не существуют!

— Ты действительно самый молодой зверь саванны, — засмеялся паук. — Но ты не самый умный! Об опасностях надо знать заранее, тогда их можно вовремя избежать.

— Ладно, — согласился заяц, — так что ожидает меня впереди?

Паук Диаргонь стал раскачивать нити паутины... Они запели, и их голоса слились в протяжную тихую песню. Диаргонь внимательно выслушал ее и сказал:

— Много удивительного случится с тобой, Лёк. Часто тебе придется нелегко, но ты всегда выйдешь сухим из воды. Первым, кого ты встретишь в пути, будет человек — его зовут Нит. Это — опасное животное. Он ходит только на двух лапах и держится прямо, словно жердь. Остерегайся его! Это говорю тебе я, паук Диаргонь, а я долго жил под крышей его жилища. Я помог человеку избавиться от мух, которые очень досаждали ему. И что же? Однажды он взял метлу, оборвал паутину и едва не раздавил меня.

— Зачем ты рассказываешь мне все это? — засмеялся заяц. — Я не паук, и человек не сможет раздавить меня какой-то метлой!

— Не торопись! Не торопись, мой брат! Я сказал тебе: будь осторожен с человеком. Но многие звери еще более жестоки и неблагодарны, чем он. Остерегайся тяжелой ноги слонихи мамы Гней, страшных зубов льва дядюшки Гаиндэ, острых когтей коварного леопарда Сэга, жестокости жадной и глупой гиены по имени Буки.

— Я-то думал: ты мудр! — закричал насмешливо заяц. — А ты просто хочешь, чтобы все считали, что ты умнее меня! Ведь ты даешь мне советы! Но мне они не нужны. Я и так достаточно взрослый и достаточно умный!

Сказал это заяц и пошел дальше своей дорогой.

История третья, про то, как Лёк познакомился с людьми

Дорога, которую выбрал заяц, бежала вперед и вперед и стала, наконец, широкой и ровной, словно река.

«Звери никогда не ходят такими тропами», — подумал заяц и решил, что это — тропа человека. А с человеком Лёку уже очень хотелось познакомиться!

Заяц зашагал по гладкой и широкой дороге и вскоре увидел большое стадо. Коровы щипали траву, а вокруг них ходил... человек! Кто же еще может ходить на двух лапах и держаться прямо, как жердь?

Заяц остановился. Человек не видел его, он пас коров и что-то пел. Иногда он кричал на коров, и те слушались его.

«Паук Диаргонь прав! — подумал Лёк. — Человек действительно очень опасное животное: ему подчиняются огромные коровы, которые могли бы раздавить его как лягушку... Но знакомиться так знакомиться! — приободрил себя заяц. — Мне ведь надо еще посмотреть, какой у человека дом и как он живет».

И дорога повела зайца дальше. Вскоре впереди Лёк увидел большие снопы соломы. Он подошел к ним и понял, что это вовсе не снопы, а крытые соломой дома — жилища людей. Домов было много.

Около них ходили большие люди, а маленькие играли на земле. Лёк решил, что это — дети.

— Пойду и поиграю с ними! — сказал себе заяц.

Он завернул в первый попавшийся двор и увидел двух маленьких людей. Они сидели на корточках и строили город.

Дети никогда раньше не видели живого зайца, но не испугались его: Лёк казался им добрым и милым.

— Оставайся с нами, — попросили они. Лёк подошел поближе, и дети погладили его.

— Ты похож на ягненка, — сказал один.

— Нет, на котенка, — возразил другой. Лёк сел поудобнее и сказал:

— Я — заяц Лёк. Я путешествую и узнаю мир. Хотите, я загадаю вам загадки, которые узнал в дороге?

— Конечно, хотим! — закричали дети. Они даже рты приоткрыли — так им было интересно.

— Ну, слушайте первую:

Часто ее на дороге встречают,
Но никогда не поднимают.

Дети начали вспоминать, что они видят, когда идут по дороге.

— Это палка, — решил один.

— Это речка, — предположил другой.

— Нет, это змея, — покачал головой Лёк.

Ребята приуныли: действительно, змеи так часто попадаются на африканских дорогах, но разве кто-нибудь наклонится поднять змею? Так просто, а догадаться они не смогли!

— Вы просто не подумали хорошенько, — успокоил их заяц и загадал вторую загадку:

Длиннее его — нет ничего,
Но только тени нет у него.

— Это, наверное, великан, — воскликнул один.

— Нет, это колодец, — сказал другой.

— Нет, — снова покачал головой Лёк. — Длиннее всего — путь, дорога. И только дорога не отбрасывает тени.

— Верно, — согласились дети, — ты опять прав.

И заяц загадал ребятам третью загадку:

Кто непрерывно ткет
И никогда не устает?

— Это наша мама, — воскликнули хором мальчики.

— Нет, — снова ответил Лёк, — мама много ткет, но ее руки устают, верно? А ткет без остановки и без усталости паук.

И Лёк подумал, что хотя паук Диаргонь и жил долго на свете, умным он не стал: люди — очень симпатичные и совсем неопасные животные.

Стоило зайцу так подумать, как к дому подошел большой взрослый человек.

История четвертая, почему у зайца длинные уши и короткий хвост

И вот послушайте, что случилось с зайцем дальше.

Большой человек подошел к дому и остановился. В руках у него была палка, и сам он был прямой, как жердь.

— Папа! — обрадованно закричали дети. — Смотри, у нас новый товарищ.

Крестьянин увидел Лёка и усмехнулся.

— Да ведь это заяц, — сказал он. — Зовут его Лёк, и он самый хитрый зверь саванны. С ним надо держать ухо востро, а то он обязательно сыграет с нами какую-нибудь шутку. Запрем-ка мы его для начала в клетку. Придет время, и он нам пригодится...

— Нет, папа, — закричали дети, — он хороший и добрый! И загадывает нам интересные загадки!

— Это он сможет делать и в клетке, — ответил крестьянин и, схватив Лёка, бросил его в клетку.

...Всю ночь заяц не спал. Он думал, что уже никогда больше не увидит джунглей и не пробежит по звериным тропам саванны. Он мысленно прощался со своими друзьями и представлял себе, что сказал бы сейчас паук Диаргонь! Человек — опасное животное!..

А утром к клетке подошел старший сын крестьянина.

— Я хочу спасти тебя, — сказал он Лёку.

— Как?

— Просунь уши сквозь прутья и ничего не бойся!

Лёк послушно просунул свои короткие уши сквозь прутья решетки. Мальчик что было сил схватил его за уши и одним рывком вытащил зайца из клетки.

Как стрела, выпущенная из лука, понесся Лёк по дороге к джунглям.

Вслед за ним бросились все деревенские собаки, и самой быстрой из них удалось все-таки отхватить большую часть роскошного заячьего хвоста.

Вот так у зайца и появились длинные уши и короткий хвост.

История пятая, самая что ни на есть чудесная, потому что Лёк встречается с феей

«Уши стали длинными, а хвост — коротким, — горевал заяц, спрятавшись в чаще. — Что мне делать? Нельзя же показаться зверям в таком виде — засмеют!»

Слышал Лёк рассказы о фее маме Рандату. Все звери Африки знали, что одним мановением руки она вылечивает больных и превращает одну вещь в другую. Говорили даже, что... Но разве можно перечислить все, что может сделать всемогущая фея мама Рандату?!

И Лёк решил отправиться к фее.

Красивый был у нее дом! Высокий и яркий, словно украшенный разноцветными перьями прекрасных птиц.

Не успел заяц переступить порог, как услышал голос:

— Я знаю, зачем ты пришел ко мне. Человек вытянул тебе уши, а собаки отгрызли хвост. Теперь ты хочешь, чтобы я помогла тебе.

— Да, — смиренно ответил Лёк и опустил голову.

— Я могу сделать тебя таким, каким ты был раньше, — сказала фея, подходя к нему. И заяц даже зажмурился: настолько ослепительно прекрасна она была!

— Но, — продолжала фея, — может быть, тебе лучше остаться с длинными ушами и коротким хвостом?

— Почему? — удивился заяц.

— Длинными ушами ты будешь лучше слышать, — ответила мама Рандату, — а короткий хвост поможет тебе высоко прыгать и быстро бегать.

Заяц подумал и согласился.

— Ну что же, оставь меня таким, как сейчас, но только сделай меня хоть немного красивее, — попросил он.

— Хорошо, — согласилась фея, — но за это ты должен принести мне слоновье и китовое молоко, зуб льва и коготь леопарда.

— Договорились! — воскликнул Лёк и ушел от мамы Рандату, повторяя по дороге, ее приказание.

История шестая, про то, как Лёк дарил подарки

«Слоновье и китовое молоко, зуб льва, коготь леопарда», — повторял заяц и вдруг вспомнил, что именно об этих зверях говорил ему паук Диаргонь. Кто они такие: слон, лев, леопард и кит? Ведь ему предстоит встретиться с ними и перехитрить их!

Слон — самый большой зверь саванны. Это знают все. Он не злой и не кровожадный. «Да и убежать от него легко, — решил Лёк, — потому что он тяжелый и неповоротливый».

Лев — совсем другое дело. Это ловкий и быстрый зверь. Его острых зубов и могучей лапы, действительно, все боятся. Но нападает первым дядюшка Гаиндэ только когда голоден. А еще Лёк рассудил так: «Дядюшка Гаиндэ — царь зверей, а значит, он не любит шуток над собой. Но ему, конечно, должна нравиться лесть».

А вот более опасного зверя, чем леопард Сэг, нет в саванне. Он самый быстрый, самый ловкий и самый кровожадный! Он нападает на всех, кого ни увидит на своем пути. «Знакомство с ним, — подумал заяц, — я оставлю напоследок...»

Решил заяц так и отправился к берегу океана. Китов-то ему опасаться было нечего — они живут в воде и едят только мелкую рыбешку.

Многие звери слышали об океане, но никогда не видели его и не знали, как до него добраться.

И Лёк обратился за советом к ласточке М'Белар:

— М'Белар, ты облетела всю землю, все видела, скажи: как добраться до океана?

— Слушай внимательно, Лёк, — прошептала ласточка, спускаясь из поднебесья к нему. — Ты знаешь, что сторона, где встает солнце, называется востоком, а сторона, где солнце заходит, — западом. Иди прямо на заход солнца — там, на западе нашей страны, и находится океан.

— А что мне делать, когда на небе не будет солнца? — спросил Лёк.

— Тогда тебе помогут луна и звезды, — ответила ласточка. — Замечай, какие звезды появляются только в восточной части неба и какие — только в западной.

— Спасибо тебе, милая ласточка, — крикнул Лёк и смело отправился в путь.

Долгий это был путь. Заяц прошел саванну, прошел джунгли и вот однажды услышал странный шум, не смолкавший ни на секунду. Шум слышался все громче и громче, Лёк шел все быстрее и быстрее, и вдруг — земля кончилась. Перед ним до самого горизонта была голубая вода. Вода — и ничего больше.

«Это, конечно, океан», — подумал Лёк и огляделся.

Около воды отдыхала мать всех китов, почтенная Н-Гага, — она как раз вышла на берег океана подышать свежим воздухом.

— Здравствуйте, уважаемая Н-Гага! — поклонился Лёк. — Здравствуйте, владычица всех морей!

— Здравствуй, житель земли, — вежливо ответила Н-Гага. — Зачем ты пожаловал ко мне?

— О! — воскликнул заяц. — Я принес вам подарок от жителей моей страны. Они хотят, чтобы вы знали, как они любят вас, Н-Гага! — Лёк перевел дух и начал придумывать дальше: — Но подарок слишком тяжел, а мои силы слишком малы. Я привязал его вот к этой веревке, — и Лёк протянул Н-Гаге конец веревки, которую нес в своей котомке, — потяните за нее, и подарок сам придет к вам.

От удивления и восхищения Н-Гага вздохнула, и чудесный фонтан воды поднялся высоко в синее небо.

— Посланец саванны! — сказала она. — Я благодарю тебя и всех жителей твоей страны. Они добры, великодушны и понимают, что получать подарки очень приятно!

— Еще бы! — ответил Лёк. — Но звери просили принести им немного вашего молока, иначе они не поверят, что я встречался с великой владычицей всех морей. Никогда и ни за что не поверят!

— Возьми, конечно, добрый житель земли! — милостиво разрешила Н-Гага.

Лёк наполнил китовым молоком бутылку, которую в саванне называют калebas, низко поклонился владычице морей и зашагал домой.

«Ну вот, — думал он, — я уже выполнил первое приказание феи — достал китовое молоко».

История седьмая. Лёк продолжает дарить подарки

Одно приказание феи заяц Лёк выполнил. И теперь ему надо было добывать слоновье молоко.

Неторопливо, степенно шагала слониха мама Гней по саванне, когда неожиданно перед ней появился заяц Лёк. Он низко поклонился и начал речь, заготовленную заранее:

— Здравствуйте, мама Гней! Я пришел к вам потому, что вы — самая добрая и великодушная из всех, кого я знаю...

Слониха остановилась, подняла хобот и затрубила в знак одобрения.

— Дело в том, — продолжал Лёк, — что я только что получил подарок. Драгоценный подарок! И я решил, что вы, мама Гней, заслуживаете его куда больше, чем я или любой другой зверь саванны. Я вручаю его вам! — И Лёк протянул маме Гней конец веревки, которую волочил за собой.

Слониха обрадовалась, что Лёк дарит ей подарок, и опечалилась, потому что нигде этого подарка не увидела. Вместо него — какая-то веревка!

А Лёк тем временем пылко продолжал:

— Подарок очень тяжелый, а мои силы малы, и я не смог принести его вам. Я привязал подарок к этой веревке. Потяните ее — и подарок ваш!

Тут слониха мама Гней обрадованно закивала головой.

— А я, — сказал Лёк, — прошу вас только об одном: дайте мне немного вашего молока, и я угощу им того, кто подарил мне, — нет, конечно же, подарил вам эту тяжелую драгоценную вещь!

— Спасибо, спасибо, Лёк! — радостно затрубила слониха мама Гней.

Она дала зайцу молока, он наполнил второй калебас и быстро пошел прочь.

«Я, наверное, действительно самый умный зверь саванны, — думал Лёк, — ведь полдела сделано! Я выполнил уже два поручения феи мамы Рандату!».

История восьмая, очень печальная для слонихи мамы Гней и матери всех китов Н-Гаги

Да, два поручения мамы Рандату Лёк выполнил: слоновье и китовое молоко он получил. А вот простодушные мама Гней и Н-Гага обещанных им подарков не дождались. Слониха мама Гней сильно потянула за веревку и воскликнула:

— Ну и тяжелый подарок!

Н-Гага дернула веревку за другой конец, и веревка затрещала.

— Какой большой подарок! — обрадовалась она.

Они тянули веревку каждая со своей стороны, тянули что было сил, но подарок не двигался с места.

Слониха мама Гней и мать всех китов Н-Гага решили, что веревка зацепилась за какой-нибудь огромный камень или запуталась среди лиан. И они отправились за обещанным подарком сами.

Несколько дней шли они навстречу друг другу, веревка с каждым днем натягивалась все туже и туже, и с каждым днем подарок в их воображении становился все больше и все прекрасней.

Однажды утром мама Гней и Н-Гага встретились нос к носу. Одна больше другой!

Мама Гней подумала, что подарок уже взяла себе Н-Гага, и в ярости крикнула:

— Как ты смела тянуть за веревку, к которой привязан мой подарок? — И она стукнула своей огромной и тяжелой, как столб, ногой о землю.

Тут Н-Гага почернела от гнева и воскликнула:

— Нет, это ты, как ты смела тянуть за веревку с моим подарком?!

Они стояли, смотрели друг на друга и не знали, как им теперь быть. Не драться же, в самом деле...

Слониха первая решила благоразумно:

— Н-Гага, давай не будем злиться друг на друга и объяснимся по-хорошему. Пришел ко мне заяц Лёк и пообещал подарок. Принести его он сам не смог — подарок был очень тяжелым. Заяц привязал его к веревке, которую и дал мне.

Я тянула за эту веревку изо всех сил, но вытянуть подарка не смогла. Тогда я пошла за ним сама...

— Но и мне тоже заяц пообещал подарок! Тяжелый подарок, который он сам не мог принести! — закричала Н-Гага.

Тут они поняли, что Лёк просто-напросто обманул их обеих. Ни с чем вернулись они к себе домой: слониха мама Гней — в саванну, а мать всех китов Н-Гага — в глубины океана.

А на зайца Лёка они так рассердились, что запретили ему появляться в саванне и на берегу океана.

Лёк узнал об этом, взял свою дорожную котомку и снова отправился путешествовать. Ведь когда сердятся такие большие животные, то лучше не попадаться им лишний раз на глаза.

История девятая, в которой Лёк узнает о горе-злосчастье старой фермерши

Прошел заяц и джунгли, и саванну, шел он и по тропам зверей, и по дорогам человека. И, наконец, добрался до одного небольшого дома. Лёк решил обойти его стороной, ведь в доме жил человек, а заяц хорошо помнил, как жестоко обошлись с ним люди. Он даже сделал уже шаг в сторону, но вдруг услышал плач.

«Не случилось ли какое горе и не нужна ли моя помощь?» — подумал заяц и постучал в дверь. Открыла ему старая женщина. Краем передника она вытирала глаза, но слезы градом катились по ее щекам.

— Что с вами, хозяйка? — участливо спросил Лёк. — Кто вас обидел?

Женщина тяжело вздохнула, впустила Лёка в дом и стала рассказывать...

... Вся саванна знает, что нет более подлого и жадного зверя, чем гиена Буки. Обманывал он не только врагов, но и своих соседей и друзей. А тут еще случилась беда: наступила засуха. Звери уходили из выжженной саванны в поисках воды и еды. Нечем было кормить малышей. От голода погибали звери, птицы и рыбы. И только человек находил себе пищу. Он выкапывал колодцы, выращивал просо, держал стада и домашнюю птицу. Вот Буки и решил однажды:

— Зачем ходить на охоту и терпеть постоянную нужду? Совсем рядом пасется огромное стадо быков, коров, коз и овец! Надо только обмануть хозяйку, и все стадо будет моим.

Буки одел своего сына в козлиную шкуру и пришел к старой фермерше.

— Не оставите ли вы в своем загоне моего козленка? — вежливо спросил он добрую женщину. — У меня сейчас много дел, но как только освобожусь, я приду за ним.

— Конечно, — ответила фермерша, не подозревая ничего плохого, — оставьте и не беспокойтесь за козленка. У меня еще никогда не было краж. Все в саванне меня уважают.

Она привязала козленка в загон и спокойно отправилась спать, а ночью сын Буки оборвал веревку и убежал.

На следующее утро, как всегда, фермерша обходила стадо. И вдруг... она даже глазам своим не поверила: вместо козленка, которого вчера оставил ей Буки, она увидела только жалкий обрывок веревки.

— Какой позор! — заплакала старая фермерша и подумала о том, что теперь ее обвинят в воровстве.

Буки выжидал два дня. На третий день он явился опять.

— Уважаемая, — крикнул он, едва ступив на порог, — я пришел за своим козленком.

— Досточтимый господин! — ответила старая женщина. — Ваш козленок убежал в тот же день, когда вы мне его оставили.

— Что же, старуха, за короткий хвост надо платить коротким хвостом, — рассмеялся Буки. — Отдавай мне другого козленка.

— Выбирайте, какой вам больше нравится, — ответила старая фермерша.

Буки отвязал красивую белую козу и, уходя, крикнул:

— До свидания, дорогая хозяйка, до завтра!

И действительно, на следующий день он снова пришел к фермерше.

— Здравствуйте, почтенная, — сказал он, потирая лапы.

— Здравствуйте, досточтимый господин. Зачем вы пришли ко мне сегодня?

— Я пришел за своим козленком.

— Но ведь вы уже взяли за него красивую белую козу.

— Шутки в сторону, старуха, — оборвал ее Буки. — Я уже говорил тебе: за короткий хвост надо платить коротким хвостом. Если я и взял вчера козочку из твоего стада, то она все равно не возместила потери. Я так любил своего козленка!

— Что же, выбирайте, — вздохнула женщина.

На этот раз Буки увел большого жирного барана. А старая фермерша вновь расплакалась. Она догадалась о проделке Буки и поняла, что он собирается забрать у нее все стадо.

И действительно, теперь Буки приходил к фермерше каждый день. Он уже не говорил «здравствуйте», а только ухмылялся:

— За короткий хвост — короткий хвост!

Но брал он не только коз и овец, у которых хвосты и впрямь короткие. Он забирал и быков, и коров — а у них-то хвосты длинные, это каждый знает!..

... Заяц выслушал историю старой фермерши и задумался. Конечно, ему надо было выполнить еще два приказания феи, но оставить без помощи старую женщину он тоже не мог.

— Не плачьте, — воскликнул он. — Я знаю вашего обидчика. Он зол, но труслив. Он обижает только слабых и беззащитных. Я обещаю вам, что скоро он вернет вам все стадо! Но только вы должны пообещать, что отблагодарите того, кто накажет Буки.

— Конечно, — обрадовалась фермерша.

В голове у Лёка уже созрел план, и он отправился к дядюшке Гаиндэ.

История десятая, про грозного Льва, царя зверей, и про толстого покорного быка

Дядюшка Гаиндэ уже давно был печален. Зной высушил траву и выгнал зверей из саванны. Охотиться становилось все труднее. Лев дремал и думал о том, что первый же зверь, который подойдет к логову, станет его добычей.

Заяц Лёк долго кружил вокруг да около царя зверей. Он хорошо понимал, что лев голоден и зол. Наконец Лёк собрался с духом и прыгнул под самый нос дядюшки Гаиндэ.

Лев не успел и шевельнуться, как Лёк начал говорить:

— Дядюшка Гаиндэ, царь зверей, защитник слабых! Выслушайте меня! В то время как ваше величество худеет и слабеет от голода, жадный и подлый зверь Буки и вся его семья жиреют прямо на глазах. У них никогда не переводится мясо и целые туши лежат для засолки. Я видел это собственными глазами! Но, как вы понимаете, жадный Буки не дал мне и крохотного кусочка!

Дядюшка Гаиндэ ужасно разозлился.

— Где он берет мясо? — зарычал он, и у него из пасти потекли слюны: так ему захотелось есть!

— Дядюшка Гаиндэ, — ответил заяц, — Буки самым бесчестным образом забирал коров, быков, коз и овец у старой фермерши, которая живет здесь неподалеку. Однажды он оставил у нее в загоне своего сына, переодетого козленком. Ночью сынок, конечно, убежал, а Буки стал каждый день приходиться к бедной женщине и уводить животных из стада. «За короткий хвост — короткий хвост», — говорит он с ухмылкой — и теперь в загоне остался один-единственный бык.

— Ну, попадись мне этот Буки! — в гневе прорычал дядюшка Гаиндэ и сказал зайцу: — Лёк, я назвал тебя самым умным среди зверей. Подумай, как мне лучше всего отомстить обидчику.

— Я уже все придумал, царь зверей! — скромно ответил заяц. — Я попросил фермершу убить быка, вы съедите всю тушу и залезете в бычью шкуру. Потом я привяжу вас в загоне, а Буки заберет вас и приведет к себе. Ну, а дальнейшее, дядюшка Гаиндэ, вам ясно и без меня.

Дождавшись темноты, лев дядюшка Гаиндэ и заяц Лёк пришли к фермерше.

Загон был пуст — хозяйка только что убила последнего быка. Голодный лев набросился на тушу — наелся он так, что с трудом залез в бычью шкуру!

Утром, как обычно, пришел Буки.

— За хвост платят хвостом, — ухмыльнулся он. — Жаль только, что остался всего один бык. Что же, старуха, придется потом съесть и тебя саму.

— Возьмите последнего быка и уходите! — зарыдала фермерша. — Только оставьте мне жизнь!

Буки привел покорного и толстого быка во двор своего дома, привязал его и созвал все семейство.

— Это лучшее мясо, какое ты когда-либо приносил нам, — восхищенно зашелкали языками все, а сыновья Буки стали щипать быка и показывать, какие куски они съедят с особым удовольствием.

Но Буки был благодарен.

— Тихо, — сказал он, — не будем спешить. Все наши корзины и кувшины полны мяса и жира, а это — последний бык из стада фермерши. Оставим его лучше до нашего семейного праздника — зато попируем на славу!

— Да, да, так и сделаем, — закричали все. А младший сын Буки предложил:

— Я буду пасти его каждый день. Пусть он станет еще больше и жирнее!

И Буки оставил быка у себя в загоне. Пришла ночь, и вся семья Буки заснула. Тогда дядюшка Гаиндэ оборвал веревку, вылез из шкуры кроткого быка и превратился в грозного льва.

Одним прыжком очутился он у самой двери дома Буки и лег в ожидании. Но слишком плотным был накануне ужин дядюшки Гаиндэ, и прыгнуть бесшумно царь зверей не сумел. А гиены — чуткие звери, они слышат даже, как мышь пробегаёт по сухой траве! Буки проснулся, на цыпочках подошел к двери, выглянул на улицу — и тотчас разбудил всю семью.

— Мы погибли, — прошептал он. — Я привел не быка, а дядюшку Гаиндэ, царя зверей! Он узнал, что мы набиваем животы мясом в то время, как он голодает. Сейчас он лежит перед нашей дверью и ждет рассвета, чтобы...

Буки не договорил — такая тут поднялась суматоха! Из дома не убежать! Но и в зубы льва попадать тоже совсем не хочется!..

Наконец все решили забраться под самую крышу.

...Давно поднялось солнце, давно наступило утро, а из дома Буки никто не выходил...

История одиннадцатая, про справедливого и великодушного дядюшку Гаиндэ

Давно поднялось солнце, давно наступило утро... Час ждал дядюшка Гаиндэ, ждал два часа, а потом одним ударом своей лапы вышиб дверь дома.

Вся семья Буки, словно виноградная гроздь, свисала со стропил крыши. Лев спокойно мог бы допрыгнуть до них, но он только рассмеялся — весь дом задрожал от его могучего смеха. И затем улегся внизу. Он решил подождать до того времени, когда Буки и его семейство сами попадут ему в лапы.

Вскоре младший сын Буки простонал:

— Я больше не могу, отец! — И рухнул на пол.

Одним пинком дядюшка Гаиндэ вышвырнул его из дома.

Потом упал второй сын Буки, потом третий... Жену, тетку и даже бабушку подлого Буки — всех вышвырнул вон дядюшка Гаиндэ.

Последним в его лапы попал сам Буки. Усмехаясь, схватил его лев за шкуру и поволок к фермерше.

— Вот он, ваш подлый вор! — прорычал дядюшка Гаиндэ и приподнял Буки. Изо всех сил ударил он гиену о землю. И тотчас — один за другим — стали выскакивать из пасти Буки быки, коровы, козы и овцы.

В загон вернулось все стадо!

А старая фермерша смотрела на это чудо и плакала от счастья.

— Как вы великодушны! — только и смогла она сказать дядюшке Гаиндэ.

— А теперь, когда ты вернул все награбленное, убирайся! — приказал лев гиене. — Я великодушен, и оставляю тебе жизнь для того, чтобы ты смог исправиться. Но берегись! Попадешься снова — во второй раз я не выпущу тебя живым!

И на прощание он отвесил Буки такую оплеуху, что тот кубарем покатился прочь.

Царь зверей был очень горд и доволен собой. Еще бы — на глазах своих подчиненных он сделал доброе дело! К тому же и не без толку для себя самого: сыт дядюшка Гаиндэ был несколько дней!

— Спасибо, Лёк. Ты накормил меня и доказал мне, что я был совершенно прав, когда назвал тебя самым умным зверем саванны! — провозгласил лев. — Я добр сегодня. Проси у меня, чего пожелаешь! У тебя есть просьба? Говори, не робей!

— О, дядюшка Гаиндэ! — смиренно воскликнул заяц. — Вы угадали: у меня есть одна просьба. Но прошу я не за себя, а за всех зверей саванны. Великое несчастье надвигается на нашу страну. Зобатый аист Марабу прилетел к нам и предсказал ужасную эпидемию! — стал придумывать Лёк, и чем больше он выдумывал, тем больше сам верил в то, что говорил — Марабу сказал, что эта эпидемия погубит все живое. Но ее можно предотвратить. Нужны китовое и слоновье молоко, коготь леопарда и один ваш зуб, царь зверей!

— А ты не врешь? — недоверчиво прорычал лев.

— Нет! — оскорбился заяц. Китовое и слоновье молоко, зуб льва, коготь леопарда и вправду были нужны — только не аисту Марабу, а самому Лёку. Но стоит ли это уточнять...

— Вот, посмотрите сами, царь зверей! — сказал Лёк и протянул дядюшке Гаиндэ калесы с китовым и слоновьим молоком.

— Ты говоришь правду, — решил лев, но не обрадовался. Конечно, кому хочется отдавать свой зуб!

Потом он подумал и сказал:

— Ладно. Я буду столь же великодушен, как и остальные. Какой нужен зуб?

— Все равно какой, — обрадовался Лёк.

— Ну, что же, зови кузнеца, — приказал дядюшка Гаиндэ. — Один зуб уже давно беспокоит меня. Пора его вырвать!

Сказано — сделано.

Лёк позвал кузнеца, кузнец вырвал огромный коренной зуб из пасти дядюшки Гаиндэ, и тот великодушно отдал свой зуб зайцу.

Так было исполнено третье приказание феи мамы Рандату.

История двенадцатая, про то, как заяц полакомился бобами, а расплатился за это тот, кто никогда их и не пробовал

Третье приказание феи было исполнено. Оставалось последнее — добыть коготь леопарда.

Но заяц почему-то не спешил...

А дело в том, что, бегая за кузнецом, он заметил большое бобовое поле, хозяином которого был как раз этот кузнец. А для зайца нет лучшего лакомства, чем бобы!

И вот на следующее утро Лёк решил устроить пиршество. Бобовое поле сторожили дети, и Лёк обрадовался этому: ведь с детьми он уже был хорошо знаком и знал, что они очень доверчивы.

Заяц сел перед ними и спел такую песенку:

Отец вам так велел сказать —
Меня здесь на день привязать!

Дети удивились, но так как они были послушными детьми, то привязали зайца к дереву, росшему среди бобов. И Лёк начал завтракать!

Завтрак уже давно превратился в обед, а Лёк все ел и ел!

Солнце поднялось высоко в небо, стало жарко, и зайцу захотелось пить. Тогда он спел детям такую песенку:

Отцовский вам такой наказ —
Воды подайте мне сейчас!

Послушные дети принесли ему воды, заяц утолил жажду и опять принялся за еду. Уже стемнело, уже обед превратился в ужин, а он все ел и ел и сам удивлялся, что может так много съесть. Но бобы — это бобы, и еще ни один заяц на свете не отказывался от них по доброй воле!

Когда совсем стемнело, заяц Лёк едва держался на лапах — так он объелся. Слабым голосом запел он доверчивым сторожам песенку:

Эй, дети, на исходе дня
Вы отвязать должны меня!

И снова дети послушно выполнили волю Лёка. Тяжело переваливаясь, заяц отправился в джунгли, а дети пошли домой. Их очень удивило все, что произошло за день, и старший сын решил рассказать отцу о странном звере, просидевшем с ними целый день на бобовом поле.

— Лёк просто-напросто обманул вас, — сразу понял, в чем дело, отец. — Когда завтра утром он придет к вам, привяжите его. В полдень принесите ему воды, но вечером не отвязывайте его. Подождите меня.

Знал бы заяц, что затевает против него кузнец, — убежал бы подальше без оглядки! Но Лёк проснулся утром в прекрасном настроении и побежал продолжать свое пиршество.

Он спел детям утреннюю песенку — и они привязали его в середине поля. Потом, в полдень, принесли воды.

Наступил вечер, и Лёк попросил отвязать его.

— Нет, — ответили дети, — подожди, сейчас придет наш отец!

И тут Лёк увидел — лучше бы ему не видеть этого никогда в жизни! — увидел, что по широкой и гладкой, как река, дороге идет кузнец, а в руках у него — раскаленный железный прут! Понял заяц: расправы ему не миновать, и он уже почувал запах своей паленой шкуры.

Лёк начал крутиться вправо и влево, влево и вправо, и вдруг заметил в кустах... гиену Буки.

— Буки! Буки — позвал заяц. — Не хочется ли тебе отведать кусочек сочного мяса?

— Не смей издеваться, обманщик! — зарычал голодный Буки. — Ты уже угостил меня быком из стада фермерши.

— Ах, Буки! Какие могут быть счеты между старыми друзьями? — воскликнул заяц. — Я не хочу обмануть тебя. Ты только посмотри, что мне несут... — и Лёк показал лапой на дорогу.

Буки взглянул и облизнулся: раскаленный прут в руках кузнеца издали показался ему сочным, хорошо прожаренным куском мяса.

— Хотел бы я оказаться на твоём месте, счастливчик! — воскликнул он с завистью.

— Чего же проще, Буки! — великодушно предложил заяц. — Давай быстренько садись на мое место.

В одно мгновение Буки отвязал Лёка и привязал себя.

Тем временем подошел кузнец... И тут Буки понял, что ждет его не отменный обед, а отменная выволочка.

Кузнец взмахнул раскаленным прутком. О, как затрещала шкура Буки! Как дико орал он от боли и от обиды! Как пытался освободиться от проклятой веревки!

В глубине души Буки поклялся жестоко отомстить своему обидчику. Но прежде всего надо было вырваться на свободу.

История тринадцатая, про то, как термит Мор-Мак стал другом гиены Буки

Прежде всего надо было вырваться на свободу! Сидеть бы Буки и до сих пор на веревке, но, на его счастье, мимо проходил термит по имени Мор-Мак.

— Что с тобой случилось? — спросил он у несчастного Буки.

Пленник молча показал на веревку.

Добрый термит решил помочь бедняге. Он забрался на веревку и стал перегрызать ее. Перегрызть веревку термиту совсем нетрудно, ведь маленькие термиты справляются и с толстыми-претолстыми деревьями!

И вот Буки на свободе!

— Я не знаю, как отблагодарить тебя, Мор-Мак, — загнусавил он слабым голосом. — Сейчас я ничего не могу для тебя сделать. Но поверь, с этих пор ты в моем доме — самый желанный гость!

Термит Мор-Мак решил, что Буки, наверное, сильно досталось, раз он так рассыпается в благодарностях.

Он сочувственно покачал головой и отправился в свой большой высокий дом, который называют термитник.

А Буки, постанывая, заковылял к себе.

Надо сказать, что все новости распространяются по саванне с быстротой стрелы, выпущенной из лука. И очень скоро все звери знали, как был наказан Буки и что он говорил своему спасителю — термиту. Узнал об этом и заяц Лёк. А так как он все еще не мог придумать, как же ему исполнить четвертое приказание феи, то решил заглянуть в один дом...

И вот однажды к дому Буки подошел прохожий. На зайца он похож не был, но и для термита, который ростом чуть больше жука, он тоже был великоват. Прохожий позвал одного из сыновей Буки и попросил его:

— Малыш, пойді скажи отцу, что к нему в гости пришел Мор-Мак.

— О! — обрадовался Буки, когда узнал, кто стоит у порога его дома. — Мор-Мак, который спас мне жизнь!

И он вышел встречать желанного гостя:

— Добро пожаловать, дорогой друг!

Мор-Мак вошел. Буки велел приготовить сытный обед, а сам все посматривал на гостя.

— Ты сильно потолстел и вырос, дорогой друг!

— Нет, — ответил Мор-Мак, — это только так кажется. Просто я весь в земле, потому что строю себе новый дом.

Буки усадил гостя за стол. Все стали благодарить термита за спасение главы семейства и на чем свет стоит ругать зайца Лёка. Ели сытно, и в конце концов от обильной пищи все очень устали. Хозяин сам отвел гостя в спальню, пожелал ему спокойного сна и... закрыл дверь на засов.

— Зачем ты закрыл меня? — забеспокоился гость.

— Я не хочу, чтобы на моего друга ночью напали бандиты, — схитрил Буки и отправился к себе в дом.

«Подозрителен мне этот жирный термит, — думал он. — Да и не слышал я никогда, чтобы в гости приходили перепачканные землей...»

Ночью пошел сильный дождь, и крыша дома, в котором спал Мор-Мак, протекла. К утру гость совершенно вымок. Вся земля, которой он был вымазан, стекла с него, и теперь кто угодно понял бы, что в гости к Буки пожаловал вовсе не термит.

Буки проснулся утром и послал младшего сына проведать гостя.

Малыш заглянул в дверную щель и быстро вернулся.

— Отец, — пробормотал он недоуменно, — там нет никакого термита. У того, кто сидит в спальне, — длинные уши и все тело в шерсти.

— Ага! — обрадованно закричал Буки. — Я так и знал! Конечно, это не мой друг термит, а мой злейший враг — заяц! Но теперь-то он попался в мои лапы!

И он поспешил убедиться сам в том, что вчера запер именно зайца Лёка. Он открыл окошечко над дверью, заглянул в комнату и ехидно крикнул:

— Доброе утро, дорогой Мор-Мак!

— Я не Мор-Мак, — смиренно признался заяц.

— Ха! Как будто я сам не вижу, кто ты такой! — от радости Буки просто задохнулся. — Ты попался, Лёк, и я не пощажу тебя! Я отомщу тебе за все обиды! Я придумаю для тебя самую страшную казнь! Самую страшную, вот увидишь!

Буки захлопнул окошечко и начал думать.

История четырнадцатая, страшнее которой для зайца и придумать нельзя

Придумать казнь — дело простое. Но придумать самую страшную казнь — совсем нелегко. Все время боишься ошибиться!

— Побить палками, сжечь и повесить! — мстительно перечислял Буки. — Да, но если я его сначала изобью, — спохватывался он, — то Лёк не почувствует боли от ожогов... А если сожгу, то не смогу уже ни побить, ни повесить... А если повешу, то не смогу избить... Что же мне сделать?!

А Лёк сидел в своей комнате и думал, что, видно, не в добрый час он решил пойти в гости. Фея мама Рандату ждала его, а ему надумалось посмеяться над Буки.

— Если бы я действительно был термитом, я бы прогрыз стену и убежал. А теперь еще не известно, чем все это кончится для меня...

И вдруг откуда-то сверху Лёк услышал тонкий голос. Сначала заяц подумал, что паук Диаргонь пришел поиздеваться над ним и припомнить, как невежливо разговаривал с ним Лёк. Но голос сказал вот что:

— Послушай меня, Лёк. Это говорит сверчок Салир. Я давно живу у Буки, и ты знаешь, что сверчки любят своих хозяев. Но от Буки я никогда не видел добра, не слышал ни одного вежливого слова. Я ни разу не видел, чтобы он был добр хоть к кому-нибудь. Он любит только себя, думает только о себе, жалеет только себя. И я решил отомстить ему...

— Зачем ты говоришь все это мне? — печально спросил Лёк. — Прежде чем ты отомстишь ему, он отомстит мне.

— Нет, Лёк, ты не понял меня, — пропищал сверчок. — Я хочу спасти тебя — так я и отомщу Буки. Сейчас он думает и никак не может придумать для тебя самую страшную казнь. Завтра утром он станет спрашивать тебя, какой смертью ты хочешь умереть. И если на его вопрос ты захочешь ответить «да» — говори «нет». А если захочешь сказать «нет» — говори «да». Только так ты сможешь спасти свою жизнь. А я, когда будет нужно, снова приду тебе на помощь.

...Буки спал эту ночь, беспокойно ворочаясь с боку на бок: он и во сне придумывал для зайца самую страшную казнь.

Едва забрезжило утро, он прибежал к своему пленнику.

— Скажи-ка, ты хочешь, чтобы тебя избили? — спросил он Лёка.

— Да! — радостно воскликнул заяц.
— Может быть, тебя лучше повесить? — уже с недоумением спросил Буки.
— Да! Да!
— Или сжечь?
— Да! Да! Да! — радовался заяц, словно это доставило бы ему огромное удовольствие.

Буки просто оторопел: он ищет для Лёка самую страшную казнь, а тот веселится и радуется?!

И тут сверху раздался голос сверчка Салира:

— Буки, послушай меня! Я живу в твоём доме уже многие годы. Ты никогда не слушал моих советов, но сегодня выслушай, что я тебе скажу. Я знаю, как надо наказать Лёка. Зайцы смертельно боятся только одной вещи на свете — утренней росы. От росы у них начинается ужасная чесотка. И зайцы умирают от нее медленно и мучительно.

— Ну, спасибо тебе, сверчок, — обрадовался Буки. — Ничего лучшего мне и не придумать. А ты, Лёк, считай свои последние часы. Месть моя будет ужасна!

Лёк только пискнул от страха, а Буки позвал своего старшего сына, и вдвоем они потащили зайца к лесу.

— Папа, — сказал сын, когда они дошли до первых деревьев, — посмотри, как красиво висел бы на одном из них заяц!

— Нет, сынок, — возразил Буки. — Я знаю другое наказание для зайца. Лёк умрет медленной и мучительной смертью. Нам только надо успеть до восхода солнца...

Наконец они увидели огромный луг. Крупная утренняя роса сверкала на траве,

— Вот и пришли, — удовлетворенно проговорил Буки.

Сын с удивлением посмотрел на отца, а Буки весело пояснил:

— Лёк умрет в страшных мучениях! От росы у зайцев начинается неизлечимая чесотка.

При этих словах Лёк испуганно завизжал.

— Не бросайте меня туда! — орал он и дергал лапами. — Все, что угодно, только не это! Буки, будь милосерден! Буки, это ужасная смерть! Буки!

— О! — обрадовался Буки. — Моя месть будет прекрасна!

Он развязал зайцу лапы, крепко схватил его за уши и, размахнувшись, швырнул его что было силы на середину луга, в мягкую траву.

История пятнадцатая, которая случилась однажды в Африке во время послеобеденного отдыха

Трава была мягкая, а утро — росное. Лёк вскочил на лапы, отряхнулся, помахал Буки своими длинными ушами и весело крикнул:

— Спасибо, Буки! Это лучшее, что ты мог для меня сделать!

А Буки, когда понял что к чему, даже зубами закрипел от злости. Виданное ли дело: своими собственными лапами отпустить на свободу злейшего врага!

— Ну, Лёк, — прошипел он вслед зайцу, — подожди. Мы с тобой еще встретимся!

— Лучше не стоит, Буки, — отозвался заяц. — Это не принесет тебе счастья. Он еще раз махнул на прощание своими длинными ушами и скрылся в лесу. Он спешил.

Теперь зайцу надо было до полудня найти леопарда Сэга. Еще сидя взаперти в доме Буки, Лёк придумал, как выполнить последнее поручение феи.

Разумеется, с леопардом Сэгом не сыграть таких шуток, какие он сыграл с дядюшкой Гаиндэ или слонихой мамой Гней, но обмануть можно и его!

Все звери знают, что рассердить леопарда очень просто. От ярости он просто теряет голову.

«А значит, — рассудил Лёк, — я легко смогу его перехитрить!»

В полдень, в час, когда все звери Африки отдыхают после обеда, заяц подкрался к леопарду. Сэг дремал под фиговым деревом. Лёк огляделся: напротив он увидел еще одно фиговое дерево, кора которого была мягкой, толстой и вязкой. Лёк осторожно, на кончиках лап, подошел к дереву, подобрал с земли камешек. Раз! Камешек летит в красивую пятнистую шкуру леопарда.

Сэг проснулся и от неожиданности подскочил — прямо перед ним стоял Лёк и... смеялся! От ярости и негодования леопард затрясся: дрожь пробежала по всему его телу. Мускулы напряглись, Сэг выпустил когти и стремительно прыгнул на зайца.

Но не тут-то было! Ярость — плохой советчик. Лёк успел отскочить в сторону, и леопард когтями всех четырех лап впился в ствол фигового дерева. Да так и остался висеть! Ведь когти из мягкой и вязкой коры не вытащишь сразу!

— Берегись, Лёк! — рычал леопард. — Еще никто не смел издеваться надо мной!

— Ну что же, Сэг, — ответил заяц и пощекотал леопарда длинной и тонкой веточкой, — ты — самый быстрый и ловкий зверь саванны, а я — самый умный! Сначала вытащи когти, а потом будешь грозить.

Леопард только рычал в бессильной ярости: отомстить Лёку сейчас он, действительно, не мог.

А заяц бросил ветку и убежал в лес.

Конечно, в конце концов Сэг сумел освободиться и спрыгнуть с этого проклятого дерева. Но три острых когтя так и остались в мягкой коре.

Вечером Лёк вернулся к фиговому дереву. В стволе торчали три когтя леопарда Сэга. Лёк выковырял их и положил к себе в котомку.

Теперь он мог со спокойной совестью идти к фее маме Рандату. Он выполнил все ее приказания. В его котомке лежали калебасы со слоновьим и китовым молоком, зуб льва и целых три когтя леопарда!

История шестнадцатая, про то, как заяц Лёк снова встретился с гиеной Буки

Но Лёка ожидало еще одно приключение.

Неторопливо шел он по дороге и уже представлял себе, как вручит маме Рандату и калebasы, и когти леопарда, и зуб льва. Дом феи был уже близко — оставалось только пройти деревню лаобийцев.

Лаобийцы были умелыми дровосеками и дружили с жителями джунглей и саванны. Звери тоже не причиняли им зла — не воровали ослов, на которых лаобийцы возили срубленные деревья.

— Здравствуйте, друзья! — приветствовал Лёк жителей деревни.

— Здравствуй, Лёк, — печально ответили они.

— Почему вы такие грустные?

— У нас начали пропадать ослы, — лаобийцы сокрушенно покачали головами, — а мы никак не можем поймать вора.

— Что же, я попробую вам помочь, — ответил заяц.

Он решил, что к маме Рандату он прийти все равно успеет — ведь все ее поручения уже выполнены. А вот помочь лаобийцам, кроме него, некому. Вор, видимо, ловок и хитер, раз лаобийцы сами не могут его поймать...

Лёк дождался наступления ночи и спрятался недалеко от загона, где стояло стадо ослов. Он сидел в засаде так долго, что глаза стали закрываться сами собой, а голова клонилась к груди все ниже и ниже... Вдруг он услышал какой-то шум и заметил чью-то тень. Тень скользнула к загону, исчезла и через минуту появилась вновь, волоча за собой другую тень.

«Это вор и убитый им осел», — решил заяц и, крадучись, отправился вслед за вором.

Они шли долго, но наконец среди редких деревьев Лёк различил дом. Это было... жилище Буки!

— Вот мы и встретились снова, Буки! — пробормотал заяц. — Но это уже наша последняя встреча.

Заяц приник ухом к стене и услышал радостные голоса и смех: Буки и вся его семья делили украденного осла.

Утром Лёк пришел к лаобийцам.

— Я узнал, — сказал он, — кто ворует у вас ослов. Но я еще не придумал, как наказать вора.

Лаобийцы задумались.

— Послушай, — воскликнули вдруг они, — у нас есть один осел, самый умный в стаде. Он такой ученый, что даже умеет читать. Может быть, он поможет тебе?

— Самый умный осел... — задумчиво повторил Лёк и воскликнул, — надо с ним поговорить! У меня появилась одна идея!..

Вечером Лёк сел на ученого осла и поехал к дому Буки. По дороге заяц подробно объяснил своему помощнику, что ему надо сделать. Тот все прекрасно

понял — осел не такое уж и глупое животное, как мы думаем. А этот к тому же был самым умным в стаде!

Недалеко от дома Буки Лёк и ученый осел расстались: заяц возвратился в деревню, а осел вошел во двор дома и как мертвый упал на землю.

Ночью, как всегда, Буки отправился за добычей. Он захлопнул дверь, сделал два шага и... посреди двора наткнулся на неподвижно лежащего осла.

— Вот так удача! — радостно завопил он. — Осел у самого дома! И такой упитанный!

Жена Буки, его тетка, дети и даже бабка выбежали из дома и громко зашпирили. Одни хотели съесть осла сейчас же, а Буки отправить за новой добычей; другие говорили, что надо оставить осла на черный день. Но Буки ни с кем из домочадцев согласен не был. Он считал, что осел принадлежит ему и только ему! И ни с кем делиться он не собирается!

Только он хотел накричать на свое семейство, как раздался тоненький голосок. Это сверчок Салир опять отважился дать Буки совет.

— Я разрешу ваш спор, — пропищал он. — Этот осел, Буки, должен быть только твоим. Ты — глава семьи, ты ходишь на охоту и кормишь всю эту ораву. И ты, несомненно, имеешь полное право хоть разок да полакомиться один!

Буки хотел было прикрикнуть на сверчка — мол, помалкивай, ведь недавно сверчок уже дал ему один совет... Но слова сверчка были так разумны! Так справедливы! И так хотелось съесть осла целиком! И одному!

И никакого подвоха в совете сверчка Салира просто и быть не могло...

— Я слышу наконец-то действительно разумную речь! — воскликнул Буки. — Может быть, ты посоветуешь и как лучше мне полакомиться?

— Я видел, — сказал сверчок, — как лев дядюшка Гаиндэ однажды приказал привязать себя к огромному быку. Как славно он пировал в тот день!

— Великолепно! — закричал Буки и приказал немедленно привязать себя к ослу.

Напрасно отговаривали его от этой затеи сыновья и жена. Буки только огрызался.

— Я знаю, — ворчал он, — вы сами хотите съесть этого осла. Еще бы: он такой жирный! Такой вкусный! Но на этот раз я съем его один! Один! И не оставлю вам ни кусочка!

И вот Буки привязан к ослу.

— Уходите! Все уходите прочь! — заорал он. — Мне никто не нужен! Прочь!

Двор опустел. А осел только этого и ждал: он вскочил на ноги и стремглав помчался к деревне лаобийцев.

Буки еще и сообразить не успел, что произошло, как на него обрушились тяжелые, сильные удары. Столь же ловко, как они валят деревья, дровосеки прошлись по шкуре Буки.

Умер ли Буки в действительности — никто этого не знает.

В африканской саванне до сих пор живут гиены, до сих пор воруют они по ночам коз, овец и ослов. Но о гиене по имени Буки уже никто в саванне больше не слышал...

**История семнадцатая, последняя, но рассказывается в ней про то,
что Лёк снова отправляется в путь**

Лёк попрощался с лаобийцами, взял котомку и пошел к дому великой феи мамы Рандату.

Ее жилище переливалось на солнце всеми цветами драгоценных камней и птичьих перьев. Оно показалось зайцу еще прекраснее, чем прежде.

Робко вошел Лёк в дом и бросился на колени перед мамой Рандату.

— Здравствуйте, великая фея! — прошептал он.

— Встань, малыш, — ласково ответила мама Рандату — Ты принес мне все, о чем я тебя просила?

— Да, — ответил заяц и протянул ей котомку. — Здесь калebasы с китовым и слоновьим молоком, зуб льва и три когтя леопарда...

— Прекрасно, малыш! — весело воскликнула фея. — Я просила тебя принести все это, чтобы узнать, насколько ты ловок и умен. Я знаю о всех твоих приключениях... Ты действительно самый умный зверь саванны.

Мама Рандату взмахнула рукой...

Уши у Лёка остались такими же длинными, как и раньше. И хвост, вроде бы, тоже остался прежним... Но еще минуту назад Лёк сам себе казался уродцем, а теперь... теперь он выглядел настоящим красавцем!

— О! — восхищенно воскликнул заяц. — И ты, великая фея, не забыла своего обещания!

— Это не все, Лёк, — продолжала фея. — Ты будешь еще более ловким и быстрым, чем раньше.

Мама Рандату снова взмахнула рукой, и тотчас Лёк ощутил себя таким бодрым, словно и в помине не было долгих путешествий, трудных испытаний, опасных приключений.

— Запомни, Лёк, — торжественно сказала фея, — всегда и всюду тебе достаточно сказать: «Светлейшая мама Рандату, приди мне на помощь!» — как я выручу тебя из любой беды. Но зови меня только тогда, когда тебе придется действительно туго!

— Да, я буду стараться сам выпутываться из беды, — ответил Лёк.

— А что теперь ты будешь делать, малыш? — заботливо спросила мама Рандату.

— Отправлюсь снова путешествовать, — ответил заяц. — Я понял: только дорога дает знания, только путешествия открывают мир.

— Ну что же, доброго тебе пути, малыш! — пожелала великая фея мама Рандату.

А Лёк закинул за спину свою дорожную котомку, выбрал тропу, по которой он еще не ходил, и отправился в путь.

Может быть, вы встретитесь с ним когда-нибудь? Не пугайтесь — скажите ему:

— Здравствуй, Лёк!

И он расскажет вам чудесные истории, которые случились с ним в те далекие времена, когда время измеряли лунами, а звери саванны собирались по вечерам под Деревом Бесед решить сообща свои дела.

ЗЛАТОВЛАСКА

(Пер. с чеш. К. Паустовского)

В одной стране — забыл я ее название — был королем злой и сварливый старик. Пришла однажды к нему во дворец торговка, принесла в корзине свежую рыбу и говорит:

— Купи у меня эту рыбу, король. Жалеть не будешь.

Король покосился на рыбу:

— Не видел я еще такой рыбы в своем королевстве. Ядовитая, что ли?

— Что ты! — испугалась торговка. — Прикажи эту рыбу зажарить, съешь ее — и ты сразу начнешь понимать разговор всех зверей, рыб и птиц. Даже самый малый жучок что-нибудь пропищит, а ты уже будешь знать, чего он хочет. Станешь самым умным королем на земле.

Королю это понравилось. Он купил у торговки рыбу и, хотя был скупой и жадный, даже не торговался и заплатил, сколько она запросила. «Вот теперь, — подумал король и потер костлявые руки, — буду я самым умным на свете и завоюю весь мир. Это уж как пить дать! Поплачут теперь мои недруги».

Король позвал своего слугу, молодого Иржика, и приказал ему зажарить рыбу к обеду.

— Но только без плутовства! — сказал король Иржику. — Если ты съешь хоть один кусочек этой рыбы, отрублю голову!

Иржик удивился такому королевскому приказу. Как же может слуга не попробовать пищи, которую готовит для короля! А вдруг она недожарена? Или недосолена? Или подгорела? Мало ли что! Тогда уж наверняка не сносить головы.

Принес Иржик рыбу на кухню, поглядел на нее и еще больше удивился — никогда он не видел такой рыбы. Каждая рыбья чешуйка светилась разноцветным огнем, как радуга. Жалко было чистить и жарить такую рыбу. Но против королевского приказа не пойдешь.

Жарит Иржик рыбу и никак не может понять, готова она или нет. Рыба не румянится, не покрывается корочкой, а становится прозрачной.

«Кто ее знает, зажарилась она или нет, — подумал Иржик. — Надо попробовать».

Взял кусочек, пожевал и проглотил — как будто готова. Жует и слышит тоненькие пискливые голоса:

— И нам кусочек! И нам кусочек! Ж-ж-жареной рыбы!

Оглянулся Иржик. Никого около нет. Только мухи летают над блюдом с рыбой.

— Ага! — сказал Иржик. — Теперь я кое-что начинаю понимать насчет этой рыбы.

Взял он блюдо с рыбой и поставил на окно, на сквозной ветер, чтобы рыба остыла. А за окном идут через двор гуси и тихонько гогочут. Прислушался Иржик и слышит, как один гусь спрашивает:

— Куда пойдем? Куда пойдем?

А другой отвечает:

— К мельнику на ячменное поле! К мельнику на ячменное поле!
— Ага! — снова сказал Иржик и усмехнулся. — Теперь-то я понимаю, какая это рыба. Пожалуй, одного кусочка мне маловато.

Иржик съел второй кусок рыбы, потом красиво разложил рыбу на серебряном блюде, посыпал резаной петрушкой и укропом и понес блюдо королю.

С тех пор Иржик начал понимать все, о чем говорили друг с другом звери. Он узнал, что жизнь зверей не такая уж легкая, как думают люди, — есть у зверей и горе, и заботы. С этого времени Иржик стал жалеть зверей и старался помочь каждой самой маленькой зверюшке, если она попадала в беду.

После обеда король приказал подать двух верховых лошадей и поехал с Иржиком на прогулку.

Король, как всегда, ехал впереди, а Иржик — за ним следом. Горячий конь Иржика все рвался вперед. Иржик с трудом его сдерживал. Конь заржал, и Иржик тотчас понял его слова.

— Иго-го! — ржал конь. — Давай, брат, поскачем и перенесемся одним махом через эту гору.

— Хорошо бы, — отвечал ему конь короля, — да на мне сидит этот старый дуралей. Еще свалится и сломает шею. Нехорошо получится — как-никак, а все-таки король.

— Ну и пусть ломает шею, — сказал конь Иржика. — Будешь тогда возить молодого короля, а не эту развалину.

Иржик тихонько засмеялся. Но король тоже понял разговор коней, оглянулся на Иржика, ткнул его коня сапогом в бок и спросил Иржика:

— Ты чего смеешься, нахал?

— Вспомнил, твоя королевская милость, как сегодня на кухне два поваренка таскали друг друга за вихры.

— Ты у меня смотри! — с угрозой промолвил король. Он, конечно, не поверил Иржику, сердито повернул коня и поскакал к себе во дворец. Во дворце он приказал Иржику налить себе стакан вина.

— Но смотри, если недольешь или перельешь — прикажу отрубить голову!

Иржик взял кувшин с вином и начал осторожно лить вино в тяжелый стакан. А в это время влетели в открытое окно два воробья. Летают по комнате и на лету дерутся. Один воробей держит в клюве три золотых волоса, а другой старается их отнять.

— Отдай! Отдай! Они мои! Вор!

— Не дам! Я их подхватил, когда красавица расчесывала золотые косы. Таких волос нет ни у кого на свете. Не дам! За кого она выйдет замуж, тот будет самым счастливым.

— Отдай! Бей вора!

Воробьи взъерошились и, схватившись, вылетели за окно. Но один золотой волос выпал из клюва, упал на каменный пол и зазвенел, как колокольчик. Иржик оглянулся и... пролил вино.

— Ага! — крикнул король. — Теперь прощайся с жизнью, Иржик!

Король обрадовался, что Иржик пролил вино и можно будет от него отделаться. Король один хотел быть самым умным на свете. Кто знает, может быть, этот молодой и веселый слуга ухитрился попробовать жареной рыбы. Тогда он будет опасным соперником для короля. Но тут королю пришла в голову удачная мысль. Он поднял с полу золотой волос, протянул его Иржику и сказал:

— Так и быть. Я тебя, пожалуй, помилую, если ты найдешь девушку, что потеряла этот золотой волос, и приведешь ее мне в жены. Бери этот волос и отправляйся. Ищи!

Что было делать Иржику? Взял он волос, снарядился в дорогу и выехал верхом из города. А куда ехать, не знает. Отпустил он поводья, и конь поплелся по самой пустынной дороге. Она вся заросла травой. По ней, видно, давно не ездили. Дошла дорога до высокой темной пущи. Видит Иржик — на опушке пылает огонь, горит сухой куст. Пастухи бросили костер, не залили, не затоптали, и от костра загорелся куст. А под кустом — муравейник. Муравьи бегают, суетятся, тащат из муравейника свое добро — муравьиные яйца, сухих жучков, гусениц и разные вкусные зерна. Слышит Иржик, как кричат ему муравьи:

— Помоги, Иржик! Спаси! Горим!

Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил пламя. Муравьи окружили его кольцом, шевелят усиками, кланяются и благодарят:

— Спасибо тебе, Иржик. Век не забудем твоей доброты! А если понадобится тебе помощь, надейся на нас. Мы за добро отплатим.

Въехал Иржик в темную пущу. Слышит — жалобно кто-то пищит. Осмотрелся и видит — под высокой елью лежат два вороненка, выпали из гнезда и пищат:

— Помоги, Иржик! Покорми нас! Умираем с голоду! Мать с отцом улетели, а мы еще летать не умеем.

Король нарочно дал Иржику старого больного коня — настоящую клячу. Стоит конь, ноги у коня трясутся, и видно, что поездка эта для него — одно мучение.

Иржик соскочил с коня, подумал, заколол его и оставил воронятам конскую тушу — пусть кормятся.

— Кар-р, Иржик! Кар-р-р! — весело закричали воронята. — Мы тебе за это поможем!

Дальше пошел Иржик пешком. Долго шел глухим лесом, потом лес начал шуметь все сильнее, все громче, ветер гнул уже вершины деревьев. А потом к шуму вершин прибавился плеск волн, и Иржик вышел к морю. На песчаном его берегу спорили два рыбака. Одному попалась в сеть золотая рыба, а другой требовал эту рыбу себе.

— Моя сеть, — кричал один рыбак, — моя и рыба!

— А лодка чья? — отвечал другой рыбак. — Без моей лодки ты бы сеть не закинул!

Рыбаки кричали все сильнее, потом засучили рукава, и дело кончилось бы дракой, если бы не вмешался Иржик.

— Бросьте шуметь! — сказал он рыбакам. — Продайте мне эту рыбу, а деньги поделите между собой. И дело с концом.

Иржик отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу, взял золотую рыбу и бросил в море.

Рыба вильнула хвостом, высунула голову из воды и говорит:

— Услуга за услугу. Когда понадобится тебе моя помощь, ты меня позови. Я приплыву.

Иржик сел на берегу отдохнуть. Рыбаки его спрашивают:

— Куда шагаешь, добрый человек?

— Да вот ищу невесту для своего старого короля. Приказал достать ему в жены красавицу с золотыми волосами. А где ее найдешь?

Переглянулись рыбаки, сели на песок рядом с Иржиком.

— Ну что ж, — говорят, — ты нас помирил, а мы добро помним. Поможем тебе. Красавица с золотыми волосами на всем свете только одна. Это дочь нашего короля. Вон видишь на море остров, а на острове — хрустальный дворец? Вот там она и живет, в этом дворце. Каждый день на рассвете она расчесывает волосы. Тогда занимается над морем такая золотая заря, что мы просыпаемся от нее в своей хижине и знаем, что пора нам, значит, на ловлю. Мы перевезем тебя на остров. Только узнать красавицу почти невозможно.

— Это почему же? — спрашивает Иржик.

— А потому что у короля двенадцать дочерей, а золотоволосая одна. И все двенадцать королевен одеты одинаково. И у всех на головах одинаковые покрывала. Волос под ними не видно. Так что дело твое, Иржик, трудное.

Перевезли рыбаки Иржика на остров. Иржик пошел прямо в хрустальный дворец к королю, поклонился ему и рассказал, зачем попал на остров.

— Ладно! — сказал король. — Я человек не упрямый. Отдам дочь замуж за твоего короля. Но за это ты должен три дня выполнять мои задачи. Идет?

— Идет! — согласился Иржик.

— Пойди поспи с дороги. Отдохни. Мои задачи замысловатые. Их с ходу не решишь.

Хорошо спалось Иржику. В окна дул всю ночь морской ветер, шумел прибой, а изредка даже залетали на постель мелкие брызги.

Встал утром Иржик, пришел к королю. Король подумал и говорит:

— Вот тебе первая задача. Носила моя золотоволосая дочь на шее ожерелье из жемчуга. Оборвалась нитка, и все жемчужины рассыпались в густой траве. Собери их все до единой.

Пошел Иржик на лужайку, где королевна рассыпала жемчуг. Трава стоит по пояс, и такая густая, что земли под ней не видно.

— Эх, — вздохнул Иржик, — были бы здесь друзья-муравьи, они бы мне помогли!

Вдруг слышит писк в траве, будто сотни каких-то крошечных людишек возятся около его ног:

— Мы тут! Мы тут! Чем тебе помочь, Иржик? Собрать жемчужины? Погоди, мы это мигом!

Забегали муравьи, замахали усиками и начали стаскивать к ногам Иржика жемчужину за жемчужиной. Иржик едва успевал нанизывать их на суровую нитку.

Собрал все ожерелье и понес королю.

Король долго пересчитывал жемчужины, сбивался, считал снова.

— Все верно! Ну хорошо, завтра дам тебе потруднее задачу.

Приходит Иржик к королю на следующий день. Король хитро посмотрел на него и сказал:

— Вот беда! Купалась моя золотоволосая дочь и уронила в море золотой перстень. Даю тебе день сроку на то, чтобы ты его достал.

Пошел Иржик к морю, сел на берегу и чуть не заплакал. Море перед ним лежит теплое, чистое и такое глубокое, что даже страшно подумать.

— Эх, — говорит Иржик, — была бы тут золотая рыба, она бы меня выручила!

Вдруг в море что-то блеснуло на темной воде, и из глубины всплыла золотая рыба.

— Не грусти! — сказала она Иржику. — Видела я только что щуку с золотым перстнем на плавнике. Будь спокоен, я его добуду.

Долго ждал Иржик, пока наконец не выплыла золотая рыба с золотым перстнем на плавнике.

Иржик осторожно снял перстень с плавника, чтобы рыбе не было больно, поблагодарил ее и пошел во дворец.

— Ну что ж, — сказал король, — ловкий ты, видно, человек. Завтра приходи за последней задачей.

А последняя задача была самая трудная: принести королю живой и мертвой воды. Где ее взять? Пошел Иржик куда глаза глядят, дошел до великой пущи, остановился и думает:

«Были бы здесь мои воронята, они бы...»

Не успел он додумать, слышит — над головой свист крыльев, карканье и видят — летят к нему знакомые воронята.

Рассказал им Иржик свое горе. Воронята улетели, долго их не было, а потом снова зашумели крыльями и притащили Иржику в клювах две баклаги с живой и мертвой водой.

— Карр, карр, берри и будь ррад! Карр!

Взял Иржик баклаги и пошел к хрустальному дворцу. Вышел на опушку и остановился — между двух деревьев черный паук сплел паутину, поймал в нее муху, убил и сидит сосет мушиную кровь. Брызнул Иржик на паука мертвой водой. Паук тут же умер — сложил лапки и упал на землю. Тогда Иржик побрызгал муху живой водой.

Она ожила, забила крылышками, зажужжала, разорвала паутину и улетела. А улетающая, сказала Иржику:

— На свое счастье ты меня оживил. Я тебе помогу узнать Златовласку.

Пришел Иржик к королю с живой и мертвой водой. Король даже ахнул, долго не верил, но попробовал мертвую воду на старой мыши, что бежала через дворцовую комнату, а живую воду — на засохшем цветке в саду и обрадовался. Поверил. Взял Иржика за руку, повел в белый зал с золотым потолком. Посреди зала стоял круглый хрустальный стол, а за ним на хрустальных креслах сидели двенадцать красавиц, до того похожих одна на другую, что Иржик только махнул рукой и опустил глаза — как тут узнать, которая из них Златовласка! На всех одинаковые длинные платья, а на головах — одинаковые белые покрывала. Из-под них не видно ни волоска.

— Ну, выбирай, — говорит король. — Угадаешь — твое счастье! А нет — уйдешь отсюда один, как пришел.

Иржик поднял глаза и вдруг слышит — жужжит что-то у самого уха.

— Жи-и-и, иди вокруг стола. Я тебе подсказ-жу.

Взглянул Иржик — летает над ним маленькая муха. Иржик медленно пошел вокруг стола, а королевны сидят, потупились. И у всех одинаково щеки зарделись. А муха жужжит и жужжит:

— Не та! Не та! Не та! А вот эта — она, золотоволосая!

Иржик остановился, прикинулся, будто еще сомневается, потом сказал:

— Вот золотоволосая королевна!

— Твое счастье! — крикнул король.

Королевна быстро вышла из-за стола, сбросила белое покрывало, и золотые волосы рассыпались у нее по плечам. И сразу же весь зал заиграл таким блеском от этих волос, что казалось, солнце отдало весь свой свет волосам королевны.

Королевна взглянула в упор на Иржика и отвела глаза — такого красивого и статного юноши она не видела ни разу. Сердце у королевны тяжело билось, но отцовское слово — закон. Придется ей идти замуж за старого, злого короля!

Повез Иржик невесту своему господину. Всю дорогу берег ее, следил, чтобы не спотыкался ее конь, чтобы холодная капля дождя не упала на ее плечи. Грустное это было возвращение.

Потому что и Иржик полюбил золотоволосую королевну, но не мог ей об этом сказать.

Старый, сварливый король захихикал от радости, когда увидел красавицу, и приказал быстро готовить свадьбу. А Иржику сказал:

— Хотел я тебя повесить на сухом суку за послушание, чтобы труп твой склевали вороны. Но за то, что ты нашел мне невесту, объявляю тебе свою королевскую милость. Вешать я тебя не буду, а прикажу отрубить голову и похоронить с честью.

Наутро отрубили Иржику голову на плахе. Зарыдала золотоволосая красавица и попросила короля отдать ей безглавое тело и голову Иржика. Король насупился, но не решился отказать невесте.

Златовласка приложила голову к телу, побрызгала живой водой — голова приросла, даже следа не осталось. Побрызгала она Иржика второй раз — и он вскочил живой, молодой и еще более красивый, чем был до казни. И спросил Златовласку:

— Почему я так крепко уснул?

— Ты бы уснул навсегда, — ответила ему Златовласка, — если бы я не спасла тебя, милый.

Король увидел Иржика и остолбенел: как это он ожил, да еще стал таким красивым! Король был хитрый старик и тут же решил извлечь из этого случая выгоду. Позвал палача и приказал:

— Отруби мне голову! А потом пусть Златовласка побрызжет на меня чудесной водой. И я оживу молодым и красивым.

Палач с охотой отрубил голову старому королю. А воскресить его не удалось. Зря только вылили на него всю живую воду. Должно быть, было в короле столько злости, что никакой живой водой не поможешь. Похоронили короля без слез, под барабанный бой. А так как стране нужен был умный и добрый правитель, то и выбрал народ правителем Иржика, — недаром он был самым мудрым человеком на свете. А Златовласка стала женой Иржика, и они прожили долгую и счастливую жизнь.

Так и окончилась эта сказка о том, как звери отплатили добром за добро и как король потерял голову.

Три золотых волоска Деда-Всеведа

(Из сборника сказок К. Я. Эрбена, пер. с чеш. Н. Аросьевой)

То ли было, то ли нет, но, сказывают, жил на свете король, и любил тот король охотиться. Вот как-то раз гнался он за оленем, да и заблудился. Глядит кругом — никого, один остался, а тут и ночь наступила. Вдруг увидел король на прогалине избушку и обрадовался. В той избушке жил углежог. Король и попросил его вывести на дорогу за хорошую плату.

— И рад бы помочь вам, — говорит углежог, — да вот, жена рожает, не могу ее оставить. Да и куда вы пойдете на ночь глядя? Ложитесь на чердаке на сено, а утром я вас провожу.

Ночью родился у хозяина дома мальчик. А король лежал на чердаке и не мог заснуть. В полночь заметил он внизу, в горнице свет. Глянул в щель в полу — и видит: хозяин спит, и жена его вроде в себя еще не пришла, а над колыбелью ребенка стоят три старушки, совсем белые, у каждой в руке свеча горит. Первая из них говорит:

— Награжу я мальчика своим даром — будет ему грозить большая опасность.

Вторая сказала:

— А мой дар в том, что он счастливо избежит всех опасностей и будет жить долго.

А третья произнесла:

— А я дарю ему в жены девочку, что родилась сегодня у короля, который тут, на чердаке, ночует.

Старушки погасили свечи, и все стихло. А были это Судьбички.

Король замер, точно ему кинжалом грудь пронзили. До утра так и не заснул, все думал, как сделать, чтобы помешать исполнению этого предсказания. На рассвете ребенок заплакал. Углежог встал и увидел, что жена его заснула вечным сном.

— Ой, несчастный ты мой, сиротинушка! — запричитал он. — Что мне теперь с тобой делать?

— Отдай мне ребенка, — сказал король, — я о нем позабочусь, у меня ему будет хорошо, а тебе столько денег дам, что до самой смерти не надо будет тебе жечь угли.

Обрадовался углежог, а король обещал прислать за ребенком. Вернулся он в свой замок, а его встретили радостной вестью, что родилась у него хорошенькая дочка. И случилось это в ту самую ночь, когда видел он трех Судьбичек. Нахмурился король, позвал слугу и приказал:

— Пойдешь в лес, там, в хижине живет углежог; отдашь ему эти деньги, возьмешь у него младенца и по дороге утопишь. А не утопишь — сам воды нахлебаешься!

Пошел слуга, сделал, как ему приказано было, взял ребенка, положил в корзинку, а как шел через мост над широкой и глубокой рекой, бросил корзинку с младенцем в воду.

— Спи спокойно, непрошенный зять! — промолвил король, когда слуга доложил ему обо всем.

Король был уверен, что ребенок утонул, да не тут-то было: плыл он в корзинке, будто в люльке, и спал, а река напевала ему колыбельную. И приплыла корзинка к рыбацкой хижине. Рыбак чинил сети на берегу. Вдруг видит: плывет что-то по воде. Прыгнул он в лодочку, подплыл к корзинке, вытащил ее из реки и увидел ребенка. Отнес его к жене и говорит:

— Всю жизнь ты хотела сыночка, вот и принесла нам его вода.

Жена рыбака обрадовалась и вырастила его, как родного сына. Назвали они его Плавучич, потому что он к ним по воде приплыл.

Река течет, годы бегут, и вот мальчик уже вырос красивым юношей, всем на загляденье. Как-то летом случилось так, что проезжал по тем местам верхом на коне король. Погода стояла жаркая, королю захотелось пить, он завернул к рыбаку и попросил свежей воды. Подал ему Плавучич воды, а король, увидев его, поразился красоте юноши и спросил рыбака:

— Пригожий парень. Это сын твой?

— И да, и нет, — ответил рыбак. — Двадцать лет назад принесла нам река младенца в корзинке, и мы с женой воспитали его, как своего.

В глазах у короля потемнело. Обомлел он, ибо понял, что это тот самый юноша, кого ребенком он приказал утопить. Но он тотчас опомнился, сошел с коня и говорит:

— Надо мне послать нарочного в королевский замок, а слуг моих со мною нет. Не может сын твой сходить туда?

— Только прикажите, ваша королевская милость, — ответил рыбак.

Король сел и написал королеве такое письмо: «Юношу, который принесет тебе это послание, прикажи без промедления казнить: это мой злейший враг. Пусть все будет исполнено до моего возвращения. Такова моя воля».

Сложил письмо и припечатал своим перстнем.

Плавучич тотчас отправился в путь. Идти ему надо было через дремучий лес, но сбился он с дороги и заблудился. Бродил по непроходимой чаще, пока совсем не стемнело. И тут встретилась ему старушка:

— Куда путь держишь, Плавучич?

— Несу письмо в королевский замок, да вот заблудился. Не скажете ли, ма-тушка, как мне на дорогу выйти?

— Сегодня уж не дойдешь, вон какая темень, — ответила старушка, — оставайся у меня, переночуешь; чай, я тебе не чужая, а твоя крестная мать.

Плавучич согласился, и вскоре они оказались перед красивым домиком, неведомо откуда взявшимся, словно выросшим из-под земли.

Ночью, когда юноша спал, вытащила старушка из его кармана письмо и написала другое: «Молодого человека, который принесет мое послание, без промедления жени на нашей дочери: это суженый наш зять. Пусть все будет исполнено до моего возвращения. Такова моя воля».

Прочитала королева письмо и сразу велела играть свадьбу, и обе они, королева с принцессой, глядели и не могли наглядеться на пригожего жениха. И Плавучичу невеста пришлась по душе. Вернулся король через несколько дней домой, узнал о случившемся и страшно разгневался на жену.

— Да ведь ты сам велел выдать нашу дочь за него до твоего возвращения! — ответила королева и дала ему письмо.

Король письмо взял, прочитал, все было его — и печать, и бумага. Позвал он к себе зятя и допросил, как дело было, какой дорогой он шел?

Плавучич рассказал, как заблудился он в лесу и заночевал у своей крестной.

— А как она выглядела?

— Так-то и так-то.

Понял король, что это была та самая старуха, которая двадцать лет назад предсказала, что его дочь выйдет замуж за сына углежого. Думал он, думал, а потом и говорит:

— Случившегося не воротишь, но так просто не быть тебе моим зятем. Придется добыть тебе и принести моей дочери приданое — три золотых волоска Деда-Всеведа.

Задумал король так избавиться от немилого ему зятя.

Простился Плавучич со своей молодой женой и отправился, не ведая куда. Но крестная его Судьбичка помогла ему выйти на верную дорогу. Шел он, шел, долго

шел, через реки-броды, пока не пришел к черному морю. Видит: у берега лодка, а в ней перевозчик.

— Бог в помощь, старче!

— Дай бог и тебе, молодой путник! Куда путь держишь?

— Иду к Деду-Всеведу за тремя золотыми волосками.

— Ага! Тебя-то я как раз и жду. Двадцать лет уже перевожу людей через море, и никто не приходит сменить меня. Обещай мне спросить у Деда-Всеведа, скоро ли наступит конец моей работе, тогда я тебя перевезу.

Плавутич обещал, и перевозчик отвез его на другой берег.

Шел он, шел и подошел к большому городу, но это был город какой-то унылый и запущенный. У городских ворот встретил юноша сгорбленного, немощного старичка с палкой.

— Бог в помощь, дедушка!

— Дай бог и тебе, пригожий юноша! Куда путь держишь?

— К Деду-Всеведу за тремя золотыми волосками.

— Ай-ай-ай! Давненько мы тебя поджидаем. Идем, провожу тебя к нашему королю.

Пришли они к королю, тот и говорит:

— Слышал я, идешь ты к Деду-Всеведу. Была у нас яблоня, и приносила она молодильные яблоки; кто это яблоко съест, становится молодым, если даже одной ногой уже в могиле стоял. Но вот уже двадцать лет не уродилось на ней ни одного яблочка. Обещаешь спросить у Деда-Всеведа, как помочь нашей беде, — по-королевски тебя награжу. Плавутич обещал, и король милостиво отпустил его. Потом пришел он в другой большой город, тот был сильно разрушен. Неподалеку от города сын закапывал своего умершего отца, и слезы, крупные, как горох, катились по его щекам.

— Бог в помощь, печальный могильщик! — приветствовал его Плавутич.

— Дай бог и тебе, добрый путник! Куда путь держишь?

— Иду к Деду-Всеведу за тремя золотыми волосками!

— К Деду-Всеведу? Жаль, раньше ты не пришел! Наш король давно такого посланца дожидается, пойдем, я тебя к нему отведу.

Пришли к королю и тот сказал:

— Слышал я, идешь ты к Деду-Всеведу. Был у нас колодец, в нем била ключом живая вода: если кто ее выпьет, даже умирающий, тут же выздоравливал; а если умершего побрызгать той водой, оживал он. Но вот уже двадцать лет вода перестала течь. Обещай спросить у Деда-Всеведа, как помочь нашей беде, и я щедро тебя отблагодарю.

Плавутич обещал, и король милостиво его отпустил.

Долго шел Плавутич дремучим лесом и вдруг увидел посреди леса большую зеленую лужайку, сплошь покрытую прекрасными цветами, а на той лужайке — золотой замок: это и был замок Деда-Всеведа, и он будто пылал огнем. Юноша

вошел в замок, но никого там не увидел, кроме старушки, что сидела в уголке и пряла.

— Добро пожаловать, Плавутич! — сказала старушка. — Я рада, что снова вижу тебя. — То была его крестная мать, у которой заночевал он в лесу, когда нес королевское послание. — Что тебя привело сюда?

— Король велел мне принести вено за его дочь — три золотых волоска Деда-Всеведа, иначе не бывать мне его зятем.

Старушка улыбнулась и промолвила:

— Дед-Всевед — сын мой, ясное Солнышко: утром — дитя малое, днем — мужчина, а вечером — старый дед. Три волоска с его золотой головы я тебе добуду, я ж как-никак крестная. Только, сынок, оставаться тебе тут нельзя никак! Мой сын — добрая душа, но когда вечером он приходит домой голодный, может зажарить и съесть тебя на ужин. Вот стоит пустая кадушка, в ней я тебя и спрячу.

Крестник просил еще узнать у Деда-Всеведа ответы на три вопроса, заданные ему по дороге.

— Спрошу, — ответила старушка, — а ты внимательно слушай да запоминай.

Тут поднялся сильный ветер, и через западное окно горницы влетело Солнце — старичок с золотой головой.

— Чую, чую дух человеческий! — говорит. — Кто это у тебя тут, матушка?

— Ах ты, дневная звезда! Кто же тут может быть, чтоб ты да не увидел его? Шатаешься день-деньской по белу свету, диво ли, что тебе и дома чудится человеческого дух?

Старичок ничего не ответил и сел ужинать.

После ужина положил он свою золотую голову старушке на колени и задремал. Увидела старушка, что он спит, вырвала у него один золотой волос и бросила на пол, — волосок зазвенел, как струна.

— Ты чего, матушка? — проснулся старец.

— Ничего, сыночек, ничего; просто задремала я и видела странный сон.

— Что же тебе приснилось?

— А снился мне город, где прежде был колодец с живой водой; больной человек выпьет ее — и выздоровеет, а мертвый — оживет. Но вот уж двадцать лет, как вода ушла; знать бы — вернется ли она?

— Чего проще: сидит в том колодце на роднике жаба, не дает воде течь; пусть жабу убьют, вычистят колодец, и потечет вода, как и прежде, текла.

Уснул старик снова, а крестная вырвала второй золотой волос и бросила его на пол.

— Ты чего, матушка?

— Ничего, сыночек, ничего! Задремала я, и привиделось мне странное. Будто в одном городе росла яблоня и приносила молодильные яблоки; съест одно яблочко старый человек и помолодеет. Но вот уж двадцать лет не родила яблоня ни одного яблочка; есть ли помощь от этой беды?

— Той беде помочь легко. Под яблоней змея лежит, силу ее пьет, змею надо убить, а яблоню в другое место пересадить, и на ней, как и прежде, будут яблоки родиться.

Старик опять уснул, и старушка вырвала у него третий золотой волос.

— Матушка, что ж ты мне спать не даешь? — с досадой сказал он и собрался встать.

— Лежи, сыночек, лежи! Не сердись, я нечаянно тебя разбудила. Задремала я и опять увидела странный сон. Будто есть на черном море перевозчик; двадцать лет перевозит он там людей, и никто не приходит сменить его. Когда же будет конец его работе?

— Вот глупой матери сын! Пусть он отдаст весло в руки другому, а сам выскочит на берег, тогда тот и останется перевозчиком. А теперь дай мне поспать: завтра мне чуть свет вставать да осушать слезы, что проливает по ночам королевская дочь по своему мужу, сыну углежога, которого король послал за моими тремя золотыми волосками.

Утром поднялся сильный ветер, и на коленях старой матушки вместо старичка проснулось красивое золотоволосое дитя, божье Солнышко, простилось с матушкой и вылетело через восточное окно. Старушка сняла крышку с кадушки и сказала Плавутичу:

— Вот тебе три золотых волоска, а что Дед-Всевед отвечал, ты и сам слышал. Ступай с богом! Больше мы с тобой не увидимся, нужды в том больше не будет.

Юноша сердечно поблагодарил крестную мать, простился и ушел.

Пришел он в первый город, король его спросил, какую весть он принес им.

— Добрую, — отвечает, — вычистите колодец, а жабу, что на роднике сидит, убейте, вода потечет, как и прежде.

Приказал король так и сделать, а когда забила живая вода ключом, подарил он Плавутичу двенадцать коней, белых, как лебеди, и нагрузил на них столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько они смогли увезти.

Пришел потом Плавутич во второй город, и спросил его король, с какой вестью он пожаловал?

— С доброй, — отвечает юноша, — выкопайте яблоню, под ее корнями найдете змею, убейте ее, а яблоню пересадите, и будет она родить яблоки, как и прежде. Король тотчас приказал так и сделать, и яблоня за одну ночь покрылась цветами, словно ее розами осыпали. Обрадовался король, подарил Плавутичу двенадцать черных, как вороново крыло, коней, а на них нагрузил столько всякого добра, сколько они смогли увезти.

Поехал Плавутич дальше и доехал до черного моря, перевозчик его спросил, узнал ли он, когда наступит конец его работе.

— Узнал, — отвечает, — но сперва перевези меня на тот берег, тогда скажу.

Перевозчик заспорил было, но увидел, что делать нечего, перевез Плавутича и две дюжины его коней.

— Как снова повезешь кого, — сказал ему Плавутич, — отдашь тому человеку в руки весло, а сам выскочишь на берег, а тот останется перевозчиком вместо тебя.

Король глазам своим не поверил, когда зять привез ему три золотых волоска Деда-Всеведа. Дочь же расплакалась, но на этот раз от радости, что муж вернулся.

— Где же ты добыл этих прекрасных коней и такое богатство? — спросил король.

— Заслужил! — ответил Плавутич и рассказал, как помог он королю, у которого росла яблоня с молодильными яблоками, что старых делают молодыми, и о короле, у которого был колодец с живой водой, помогавшей недужным становиться здоровыми, а мертвым — оживать.

— Молодильные яблоки, живая вода! — повторял тихо король. — Съел бы я одно яблоко — помолодел бы, а кабы помер — живая вода воскресила бы меня!

Не долго думая, отправился он в путь за молодильными яблоками и живой водой, — да так и не вернулся.

И стал сын углежога королевским зятем, как и предрекали Судьбички.

А король, должно быть, и до сей поры перевозит людей через черное море!

Поэзия

А.С. ПУШКИН

«Уж небо осенью дышало...»
(Из романа «Евгений Онегин»)

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Зимний вечер

(Отрывок)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшало
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

«У лукоморья дуб зеленый...»

(Из поэмы «Руслан и Людмила»)

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;

Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой,
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.

Ф. ПЮТЧЕВ

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.
И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...
Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...
Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

А. ФЕТ

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

А.К. ТОЛСТОЙ

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

И. БУНИН

Первый снег

Зимним холодом пахнуло
На поля и на леса.
Ярким пурпуром зажглись
Пред закатом небеса.

Ночью буря бушевала,
А с рассветом на село,
На пруды, на сад пустынный
Первым снегом понесло.

И сегодня над широкой
Белой скатертью полей
Мы простились с запоздалой
Вереницею гусей.

С. ЕСЕНИН

Береза

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

Черемуха

Черемуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.

Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень прятая
Сияет в серебре.

А рядом, у проталинки,
В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.

Черемуха душистая,
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.

Ручей волной гремячей
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

И. СУРИКОВ

Детство

(Отрывок)

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Все лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно,
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты переязбнешь,
Руки не согнешь
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

И. НИКИТИН

Встреча зимы

(Отрывок)

Поутру вчера дождь
В стекла окон стучал,
Над землею туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чем,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.

Воздух легок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под черных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берез,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слез.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!..

М. ЦВЕТАЕВА

У кроватки

— Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

— Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

— Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, — и в горы скорей!..
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

— Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

— Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок...
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

С. МАРИШАК

Пудель

На свете старушка
Спокойно жила,
Сухарики ела
И кофе пила.
И был у старушки
Породистый пес,
Косматые уши
И стриженный нос.

Старушка сказала:
— Открою буфет
И косточку
Пуделю
Дам на обед.
Подходит к буфету,
На полку глядит,
А пудель

На блюде
В буфете сидит.

Однажды
Старушка
Отправилась в лес.
Приходит обратно,
А пудель исчез.
Искала старушка
Четырнадцать дней,
А пудель
По комнате
Бегал за ней.

Старушка на грядке
Полола горох.
Приходит с работы,
А пудель издох.
Старушка бежит
И зовет докторов.
Приходит обратно,
А пудель здоров.

По скользкой тропинке
В метель и мороз
Спускаются с горки
Старушка и пес.
Старушка в калошах,
А пес — босиком.
Старушка вприпрыжку,
А пес — кувырком!

По улице
Курица
Водит цыплят.
Цыплята тихонько
Пищат и свистят.
Помчался вдогонку
За курицей пес,
А курица пуделя
Клюнула в нос.

Старушка и пудель
Смотрели
В окно,
Но скоро на улице
Стало темно.
Старушка спросила:
— Что делать, мой пес? —
А пудель подумал
И спички принес.

Смотала старушка
Клубок для чулок,
А пудель тихонько
Клубок уволок.
Весь день по квартире
Катал да катал,
Старушку опутал,
Кота обмотал.

Старушке в подарок
Прислали кофейник,
А пуделю — плетку
И медный ошейник.
Довольна старушка,
А пудель не рад
И просит подарки
Отправить назад.

С. ЧЕРНЫЙ

Волк

Вся деревня спит в снегу.
Ни гу-гу.
Месяц скрылся на ночлег.
Вьется снег.
Ребятишки все на льду,
На пруду.
Дружно саночки визжат —
Едем в ряд!
Кто — в запряжке, кто — седок.
Ветер в бок.

Растянулся наш обоз
До берез.
Вдруг кричит передовой:
«Черти, стой!».
Стали санки, хохот смолк.
«Братцы, волк!..»
Ух, как брызнули назад!
Словно град.
Врассыпную все с пруда —
Кто куда.
Где же волк? Да это пес —
Наш Барбос!
Хохот, грохот, смех и толк:
«Ай да волк!»

В. ЛЕВИН

Сундук

Идет по дорожке
Серьезный индюк,
Везет на тележке
Железный сундук.
Навстречу
Корова бежит
Налегке.
— Скажите, —
Кричит, —
Что лежит в сундуке?

— Простите,
Я с вами
Почти не знаком,
Пустите,
Не то — зацеплю
Сундуком!

Но грозно корова
Идет к сундуку
И очень сурово
Ревет индюку:
— Ну, нет!

Не уйду я отсюда, пока
Не скажете, что там,
Внутри сундука!

Стоит
До сих пор
На дорожке
Индюк.
Лежит
До сих пор
На тележке
Сундук.

И эта корова —
Не сдвинулась с места.
И что в сундуке —
До сих пор
Неизвестно.

Лошадь

Лошадь купила четыре галоши —
Пару хороших и пару поплоче.
Если денек выдается погожий,
Лошадь гуляет в галошах хороших.
Стоит просыпаться первой пороше —
Лошадь выходит в галошах поплоче.
Если же лужи по улице сплошь,
Лошадь гуляет совсем без галош.
Что же ты, лошадь, жалеешь галоши?
Разве здоровье тебе не дороже?

М. ЯСНОВ

Мирная считалка

На дороге, у развилки,
Повстречались две ДРАЗНИЛКИ.
Повстречались, подразнились,
Не сдержались — и сцепились!

Прибежали РАЗНИМАЛКИ —
Помешали перепалке.
И к развилке на кобылке
Прискакали две МИРИЛКИ.

Прекратилась перепалка,
И тогда пришла СЧИТАЛКА:
Раз, два, три, четыре, пять —
Хорошо друзей считать!

А. БАРТО

Веревочка

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки.

Шумная, веселая,
Весенняя Москва.
Еще не запыленная,
Зеленая листва.

Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.
Весна, весна на улице,
Весенние деньки!

Тут проходим не пройти:
Тут веревка на пути.
Хором девочки считают
Десять раз по десяти.

Это с нашего двора
Чемпионы, мастера
Носят прыгалки в кармане,
Скачут с самого утра.

Во дворе и на бульваре,
В переулке и в саду,

И на каждом тротуаре
У прохожих на виду,
И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами
Вместе.

Вышла Лидочка вперед.
Лида прыгалку берет.

Скачут девочки вокруг
Весело и ловко,
А у Лидочки из рук
Вырвалась веревка.

— Лида, Лида, ты мала!
Зря ты прыгалку взяла! —
Лида прыгать не умеет,
Не доскачет до угла!

Рано утром в коридоре
Вдруг раздался топот ног.
Встал сосед Иван Петрович,
Ничего понять не мог.

Он ужасно возмутился,
И сказал сердито он:
— Почему всю ночь в передней
Кто-то топает, как слон?

Встала бабушка с кровати —
Все равно вставать пора.
Это Лида в коридоре
Прыгать учится с утра.

Лида скачет по квартире
И сама считает вслух.
Но пока ей удастся
Досчитать всего до двух.

Лида просит бабушку:
— Немножко поверти!

Я уже допрыгала
Почти до десяти.

— Ну,— сказала бабушка,—
Не хватит ли пока?
Внизу, наверно, сыплется
Известка с потолка.

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Галдят грачи на дереве,
Гремят грузовики.

Шумная, веселая,
Весенняя Москва.
Еще не запыленная,
Зеленая листва.
Вышла Лидочка вперед,
Лида прыгалку берет.

— Лида, Лида! Вот так Лида!
Раздаются голоса. —
Посмотрите, это Лида
Скачет целых полчаса!

— Я и прямо,
Я и боком,
С поворотом
И с прыскоком,
И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами
Вместе...

Доскакала до угла.
— Я б не так еще могла!

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
С книжками, с тетрадками
Идут ученики.

Полны веселья шумного
Бульвары и сады,
И сколько хочешь радуйся,
Скачи на все лады.

И. БЕЛОУСОВ

Весенняя гостья

Милая певунья,
Ласточка родная,
К нам домой вернулась,
Из чужого края.
Под окошком вьется
С песенкой живою:
«Я весну и солнце
Принесла с собою...»

М. ИСАКОВСКИЙ

«Поезжай за моря-океаны...»

Поезжай за моря-океаны,
Надо всею землей пролети:
Есть на свете различные страны,
Но такой, как у нас, не найти.

Глубоки наши светлые воды,
Широка и привольна земля.
И гремят, не смолкая, заводы,
И шумят, расцветая, поля.

Каждый день — как подарок неожиданный,
Каждый день — и хорош и пригож...
Поезжай за моря-океаны,
Но богаче страны не найдешь.

Чутким сердцем и мудрой рукою
Нам великая дружба дана.
И живут неразрывной семьею
Все народы и все племена.

Все они, словно братья, желанны,
Всем просторно расти и цвести...
Поезжай за моря-океаны,
Но дружнее страны не найти.

Знамя наших побед боевое
Люди славят на всех языках,
Солнце нашей страны золотое
Светит-греет во всех уголках.

Наши звезды сквозь ночь и туманы
На земле отовсюду видны...
Поезжай за моря-океаны,
Но светлее не сыщешь страны.

Пусть же враг у границы не бродит,
Он по нашей земле не пройдет —
Ни оттуда, где солнце заходит,
Ни оттуда, где солнце встает.

Для защиты ее, для охраны
Соберется несметная рать...
Поезжай за моря-океаны,
Но сильнее страны не сыскать.

Е. БЛАГИНИНА

Посидим в тишине

Мама спит, она устала...
Ну и я играть не стала!
Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой.
А по маминой подушке
Луч крадется золотой.

И сказала я лучу:
— Я тоже двигаться хочу!
Я бы многого хотела:
Вслух читать и мяч катать,

Я бы песенку пропела,
Я б могла поохотать,
Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул ко мне.
— Ничего, — шепнул он будто, —
Посидим и в тишине!..

Проза

В. ДМИТРИЕВА

Малыш и Жучка

(Главы)

Ребята!

«Малыш и Жучка» — это рассказ про одного деревенского мальчика.

Он жил очень давно, еще тогда, когда ваши мамы были совсем маленькими девочками, еще до революции, еще при царе.

Вам даже трудно представить себе, как жили тогда деревенские ребята.

Их отцы и матери очень много работали, и все-таки у них не было денег, чтобы накормить досыта и одеть своих детей.

Многие дети совсем не ходили тогда в школу, потому что у них не в чем было выйти из дому: не было ни теплых пальтишек, ни валенок, а ходить в школу приходилось далеко, потому что школ было мало.

Некоторые бедняки делали так: соберут все теплые вещи, какие есть в доме, и дадут одному ребенку — пусть хоть один в школу ходит. А остальные сестры и братья уж совсем раздетые дома сидят, им не в чем даже во двор выйти.

Вот так жила и семья Малыша, о котором написан этот рассказ.

I

Когда мать Малыша, Федосья, привела его в первый раз в школу, учительница с удивлением сказала:

— Какой маленький! Сколько же ему лет?

— Седьмой годок пошел, — сказала Федосья.

Учительница покачала головой.

— Нет, матушка, я не могу его принять. У нас в школе и так тесно, большим места нет, а вы еще младенцев будете приводить. Куда я с ним денусь? Нет, не могу!

— Прими, пожалуйста! — просила Федосья. — Что делать, родимая, уж очень мне с ними трудно! Муж у меня помер, осталась я сиротинкой, а детей-то семеро, мал мала меньше, да все девочки. Просто голова кругом идет! Ну, девчонок-то я за дело посажу, а вот этот озорник останется один, да и вертится под ногами. Прими, Анна Михайловна, пусть он хоть у тебя позаймется!

Анна Михайловна молчала и глядела на Малыша. Он стоял перед ней такой крошечный, в рваном полушубке, с огромной, должно быть отцовской, шапкой в руках, и серьезно глядел на нее своими большими серыми глазами. Нос пуговкой смешно торчал кверху; белые, как лен, волосы завивались кудряшками.

— Да что же я с ним делать буду? — сказала она улыбаясь. — Ведь он, я думаю, и говорить-то еще не умеет!

— И, что ты, родимая! — воскликнула Федосья. — Ты не гляди на него, что он мал, — он шустрый такой, беда! А учиться страсть охотится, все пристаёт: «Мамушка, отведи меня в школу!» Ну, Федюня, — обратилась она к Малышу, утирая ему нос пальцами, — что же ты молчишь? Поговори с тетенькой, а то, вишь, она думает, что ты у меня немой!

Малыш потянул в себя носом, махнул шапкой и сказал:

— А у меня Жучка есть!

— Это еще что за Жучка? — смеясь, сказала учительница.

— Да это он про собачку! — отвечала за него мать, ободренная тем, что учительница развеселилась. — Собака у нас, Жучка, и собачонка-то дрянная, а вот, поди ты, привязалась, так за ним и бегает! Водой не отольешь!

— И вовсе не дрянная! — обиженно возразил Малыш. — Она хорошая! И служить умеет, и... Да вон она!..

И Малыш показал на окно, в которое с улицы заглядывала косматая, вся в репьях, с взъерошенными ушами собачья морда.

— Ишь, сидит! — с удовольствием сказал Малыш. — Это она нас дожидается! Эй, Жучка!

И, к ужасу своей матери, он вдруг засвистал что было сил.

— Ах ты, озорник! Ах ты, разбойник! — засуетилась мать. — Что ты делаешь, озорник? Что о тебе тетенька-то подумает? А? И в школу не примет.

Но Анна Михайловна смеялась до слез и над Малышом, и над его Жучкой, которая на свист хозяина отвечала с улицы радостным лаем.

Посмеявшись, она сказала:

— Ну, хорошо, так и быть, присылай его в школу. Вот я его вышколю!

— Хорошенько его, Анна Михайловна, чтобы не озорничал! Слышишь, Федюнька, в школу будешь ходить к тетеньке!

— Ну что ж! — согласился Малыш, опять потянув носом.

— Учись хорошенько, слышишь? Да поблагодари еще, что она тебя учить будет. Слышишь?

— Слышу, небось!

Они вышли.

Жучка с радостным визгом бросилась к ним и первым делом облизала Малышу всю рожицу.

Анна Михайловна, стоя у окна, слышала, как он говорил ей, нахлобучивая на голову шапку:

— Ну, Жучка, я в школу поступил! Ты теперь ко мне не лезь!

Жучка от восторга перекувыркнулась и с громким лаем помчалась по улице, а Малыш, заложив руки в карманы, важно выступал вслед за матерью, и его крошечную фигурку чуть видно было из-под лохматой отцовской шапки.

II

Когда на другой день Малыш явился в школу со своей верной Жучкой, ученики встретили его смехом и шутками:

— Гляди-ко, братцы, великан какой! Ай да богатырь! А шапка-то, шапка-то, словно у Ильи Муромца! И собака с ним... Вот так собака! Ха-ха-ха!

Малыш не обращал внимания на эти насмешки и только фыркал носом. Пусть их смеются! А ну-ка, у кого из них есть такая собака, как Жучка? И шапка тоже ничего! Ее еще покойный батя носил, — хорошая шапка, теплая, из овчины! А что он сам маленький, так это не беда — еще вырастет!

Но Анна Михайловна вступилась за Малыша.

— Не смейте обижать Малыша! — прикрикнула она на насмешников. — Маленьких обижать нельзя!

— Ты, тетенька, его с девочками посади! — посоветовал кто-то из самых отчаянных шалунов.

Все опять засмеялись.

— А вот я тебя самого сейчас к доске посажу! Вот и стыдно будет одному у доски сидеть! Большой, а шалишь!

Шалуны присмирели и только между собою перешептывались, глядя на Малыша: «Малыш! И впрямь Малыш!»

Анна Михайловна посадила Малыша на переднюю скамейку, и ученье началось.

Старшие ученики делали задачи, а младшие учили буквы.

И Малыш вместе с ними распевал: «А-а-а... М-м-а-а...»

А за окном, на завалинке, виднелась косматая голова Жучки, дождавшейся своего хозяина.

Она сидела смиренно, словно понимая, что Малыш занят серьезным делом, и только изредка поднимала вверх косматые уши, прислушиваясь к странным звукам, доносившимся до нее из школы.

Так начался для Малыша первый день его ученья, и, возвращаясь из школы домой, он весело посвистывал и напевал про себя: «А-а-а! М-а-ма!»

Жучка шла с ним рядом и важно поглядывала по сторонам, как будто хотела сказать: «А что? Вот мы нынче какие — в школу учиться ходим!»

III

Малыш учился хорошо, и хотя учительница занималась с ним шутя и не требовала от него, чтобы он шел наравне со всеми, но он не только не отставал от других, а еще и перегонял многих. Одно ему никак не давалось — буква «ш». Как он ни старался, все выходило у него вместо «каша» — «каса», вместо «Маша» — «Маса». Это его очень огорчало, особенно потому, что ученики подсмеивались над ним.

— Эх ты, каса-Маса! — дразнили они его исподтишка, когда он, весь красный от натуги, выводил тоненьким голоском: «Маса-а... варила касу-у...».

Малыш умолкал и обращался к учительнице:

— Тетенька, что они все смеются? Не вели им!

— Ничего, Малыш! — ободряла его Анна Михайловна. — Пусть себе смеются, а ты их не слушай. Вот погоди, через год ты лучше их будешь говорить.

— А, сто! — говорил Малыш с торжеством, обращаясь к товарищам.

— Сто! Сто! Каса-Маса! — слышалось ему в ответ сдержанное шипение, и Малыш снова впадал в уныние.

Но это были маленькие неприятности, а вообще Малышу было в школе хорошо. Его все любили, и даже самые злые насмешники в перемену угощали его печеной картошкой, пышками с творогом или жареным горохом, который так приятно хрустел на зубах. Иногда перепадало что-нибудь и Жучке, которая тоже всем очень понравилась, особенно потому, что умела умирать, подавать лапу и прятаться от волка. В перемену ее обступала целая толпа, и Жучка никогда не уставала показывать свои фокусы, которым научилась неизвестно где.

Ребята были в восторге.

— Ну собака! Молодец! — восклицали они. — И где это ты, Малыш, ее достал? Ведь глядеть — неказиста, а поди ты, умная какая! Ай да Жучка!

Жучка и вправду была неказиста на вид. Вместо шерсти у нее висели какие-то грязные, серые лохмотья, в косматых ушах и в облезлом хвосте засели репы, морда вся заросла, и только глаза у нее были хороши. Большие, прозрачные, желтые, как янтарь, они глядели так умно и внимательно, что казалось — вот-вот Жучка заговорит человеческим голосом.

Несмотря на то, что Малыш жил очень далеко от школы, на самом конце села, за оврагом, он приходил в школу раньше всех. В окна, занесенные снегом, едва-едва брезжит утренний свет, Анна Михайловна еще лежит в постели, а в сенях уже слышится какая-то возня — кто-то осторожно обивает сапоги о порог. Потом дверь в школу тихонько отворяется, и до Анны Михайловны доносится знакомое пофыркивание носом.

— Это ты, Малыш? — спрашивает она из своей комнаты.

— Я, тетенька.

— Озяб?

— Не, я-то не озяб, а вот Жучка, небось, озябла, — отвечает Малыш.

Но Анна Михайловна знает все его хитрости и, улыбаясь, говорит:

— Ах, бедная Жучка! Ну что же, пусти ее, пусть погрееется!

Малышу только этого и надо. Он отворяет дверь, и Жучка тихонько, повиливая хвостом в знак благодарности, прокрадывается в школу и ложится в уголке, у печки.

Потом приходит соседка, которая топит печку, моет в школе полы, ставит Анне Михайловне самовар и стряпает. Малыш помогает ей таскать солому, и в печке весело вспыхивает огонек, распространяя приятную теплоту. Жучка от удовольствия вздыхает и осмеливается даже забраться на солому. Но соседка — женщина суровая, не любит баловства и гонит Жучку прочь:

— Пошла, пошла! Ишь ты, барыня какая, разлеглась! Зачем собаку в избу пускаете? Она поганая.

— Ан врешь! — возражает обиженный Малыш. — Это кошка поганая, а собака не поганая.

— Ну, учи меня еще!

Но Малыш не уступает, и они спорят до тех пор, пока не вскипит самовар.

Иногда случалось и так, что в разгаре спора соседка забывала вовремя снять с самовара трубу, и кипящая вода с шипением и брызгами лилась через край. Начиналась суматоха: Малыш бросался снимать трубу, соседка искала крышку, испуганная Жучка пряталась под лавку. Анна Михайловна смеялась до слез.

— Все из-за тебя, озорник этакий! — ворчала соседка. — Гляди-ка, что надделали! Заговорила с тобой, и самовар ушел!

— А ты в другой раз не спорь, — поддразнивал ее Малыш.

— Ну, будет тебе, Малыш. Иди-ка лучше чай пить, — говорила Анна Михайловна.

Малыш не заставлял себя долго просить. Он снимал с себя полушубок и, оставшись в одной рубашке и полосатых синих штанах, входил к Анне Михайловне. Учительница ставила перед ним чашку чаю с молоком и клала большой ломоть ржаного хлеба. Малыш очень любил пить чай и пил его с чувством и удовольствием, причмокивая, откусывая крошечные кусочки сахара и заедая большими кусками хлеба. Хлеб он съедал весь до крошки, а сахар оставлял и, опрокинув чашку вверх дном, клал оставшийся кусочек на доньшко и говорил: «Будя!». Это повторялось аккуратно каждый раз, и каждый раз Анна Михайловна говорила Малышу:

— Малыш, а ты опять сахар-то оставил? Возьми его себе!

— Ну что ж! — говорил Малыш и, спрятав огрызок в карман своих полосатых штанишек, прибавлял: — Я его Дунятке отнесу!

Дунятка была самая младшая сестренка Малыша, и он очень любил ее. Когда вместо ржаного хлеба учительница давала ему баранки, он никогда не ел их, а непременно прятал и нес Дунятке.

— Да ты сам-то ешь, — упрасивала его Анна Михайловна. — Я тебе для Дунятки еще дам!

— Ну вот еще, стану я их есть! — возражал Малыш. — Я, небось, и хлеба наемся: я большой, а Дунятка маленькая!

IV

Раз после ученья Малыш, уже совсем одетый, подошел к учительнице.

— Тетенька, пойдем к нам?

— Пойдем.

— Ну, так я тебя на улице подожду, а ты выходи.

Ему не терпелось идти домой, да еще с кем — с самой тетенькой! И он важно уселся на завалинке.

— Ты что же, Малыш, домой-то не идешь? — кричали ему товарищи.

— Я тетеньку дожидаюсь! — отвечал Малыш с гордостью.

Ребята запустили в него снежками и побежали. Очень хотелось Малышу отплатить им тем же, но он стерпел: нельзя, сама тетенька к нему в гости идет, а он будет снежками баловаться. Не маленький, небось!

— Ну, Малыш, какого же гостинца мы Дунятке понесем? — сказала учительница, выходя на улицу.

Малыш почесал в затылке и, подумав немного, отвечал:

— Баранок!

— Ну, хорошо, пойдем в лавку, купим баранок.

Пришли в лавку. Купили баранок и еще белых мятных пряников, при виде которых у Малыша даже слюнки потекли.

— А это ты кому?

— Все Дунятке.

Больше он ничего не говорил. Никогда еще этого с ним не бывало! Столько гостинцев сразу... Даже когда тятка покойный был жив, и то так не было. Принесет бывало с базара петуха пряничного, или баранок, или маковников, а чтобы сразу и того и другого... Нет, этого не бывало. А Дунятка, Дунятка-то вот обрадуется!..

Перешли через овраг и очутились в переулке, занесенном снегом. С одной стороны виднелись гумна со скирдами хлеба, а с другой лепились крошечные избышки. Тут было глухо и пустынно, а вместо дороги в снегу вилась еле заметная тропинка.

— Вот и наша изба! — весело сказал Малыш, указывая на утонувшую в снегу хатку с маленькими оконцами и покосившейся трубой на крыше.

Кое-как перебравшись через сугроб, они подошли к дверям, и Малыш с видом настоящего хозяина постучал кольцом. Жучка, почуяв дом, радостно визжала.

— Это кто там? — послышался голос Федосьи.

— Это я, мамушка, с тетенькой пришел! — отозвался Малыш.

Федосья отперла дверь. Они вошли в маленькую, тесную избу, в которой было уже совсем темно, потому что окна пропускали мало света. Старшая сестра Малыша, девочка лет тринадцати, сидела у печки и пряла. По лавкам бегали другие девочки, помоложе. В углу на шесте висела люлька, а в ней качалась маленькая хорошенькая девочка, похожая на Малыша. Это была его любимица — Дунятка. При входе Анны Михайловны она испугалась и заплакала, а девочки попрятались за печь.

— Хозяин пришел! — крикнула одна из них, и из-за печки послышался смех.

— Ну, ну, не баловать у меня! — строго крикнул на них Малыш. — Это ведь они меня хозяином-то зовут! — обратился он к учительнице.

— Как же, и то ведь хозяин! — сказала Федосья. — Один ведь у нас мужик-то растет, один работник, кормилец будет!

Дунятка перестала плакать и с удивлением глядела на учительницу. Девочки в рубашонках тоже понемножку выползли из-за печки и обступили гостью, ошупывая ее платье, платок и даже волосы. Когда она развязала свой узелок и выложила на стол гостинцы, восторгу не было конца.

— Смотри-ка, баранков-то сколько! — шепнула одна.

— А пряники-то! — воскликнула другая.

— И мне, и мне! — закричала Дунятка.

Пришлось и ее вытаскивать из люльки. И пошел в Федосьиной избе пир горой! Давно такого не бывало. Всех довольнее и веселее был маленький хозяин. Он так разошелся, что вздумал было поплясать, но тут ему под ноги подвернулась Жучка; он перекувыркнулся через нее, разбил себе о печку нос, очень сконфузился и наконец преспокойно заснул рядом с Дуняткой, привалившись к материнскому плечу.

V

Наступили сильные холода, завывали сердитые метели и засыпали село огромными сугробами. Учеников в школе убавилось, потому что многие жили далеко от школы, у них не было теплой одежды, и они поневоле должны были сидеть дома и дожидаться теплой погоды. Но больше всех в селе бедствовала Федосья со своими ребятишками. Ей было трудно справиться одной, без хозяина. Некому было отгрести снег от избы, некому привезти соломы с гумна, чтобы затопить печку и накормить скотину, некому достать хлеба для голодных детей. Поэтому она часто со всей семьей сидела в темноте, в холоде, без хлеба, а на дворе жалобно ревели голодная корова.

Учительница помогала Федосье чем могла, но этой помощи было, конечно, мало, и бедная женщина выбивалась из сил.

Малыш продолжал ходить в школу. Когда разгуливалась вьюга или трещал мороз, учительница оставляла мальчика в школе ночевать.

Тихо и мирно проходили у них эти вечера. На дворе воет ветер, в окна сыплет снег, а в школе тепло, светло и уютно. На столе ярко горит лампа; Анна Михайловна читает книжку, а Малыш сидит напротив нее и, высунув язык, пишет буквы на аспидной доске. Жучка тоже здесь, лежит у печки, легонько похрапывает и бредит во сне. То залает жалобно, то зарычит: должно быть, волки снятся. Но Малыш и про Жучку забыл — так углубился в свою работу. Иногда он отодвигает от себя доску и издали любуется на выведенные им буквы. Они ему очень нравятся; нужды нет, что буква «а» у него совсем свалилась набок и словно хромает, а буква «о» похожа на витой крендель. Впрочем, Малыш сейчас же замечает все недостатки своей работы и начинает их исправлять, разговаривая с буквами вслух.

— Постой, постой! — шепчет он, изо всех сил скрипя грифелем. — Ты чего рот-то разинула, нешто это хорошо? Дай-ка я тебе его закрою... Ну вот! А эта что

хвостом-то завилыла? Не виляй, не виляй... Ну, захромала! Постой, я тебя сейчас подкую... Во-во-во как!..

И, подковав непослушную букву, он обращается к Анне Михайловне:

— Ну-кося, тетенька, погляди. Хорошо? А?

— Хорошо, — отвечает учительница и снова углубляется в книгу, а Малыш начинает скрипеть грифелем.

Когда Малыш уставал писать, учительница читала ему книжки, показывала картинки или рассказывала разные занимательные истории. Малыш очень любил сказки про зверей. Некоторые так ему нравились, что он готов был слушать их по несколько раз.

— Ну-ка, тетенька, расскажи мне еще эту, про лисицу-то, как она волка обманула! Экая хитрячка! А волк-то дурак какой, даром что большущий! Ну, расскажи! — приставал он к Анне Михайловне.

— Будет, Малыш, я уже тебе десять раз рассказывала. Теперь ты мне расскажи.

— Да чего же я тебе расскажу? — Малыш призадумался. — Постой, сейчас расскажу! Жил-был старик со старухой, у них был четверик с осьмухой...

Он останавливался и начинал чесать в затылке.

— Ну, — говорила Анна Михайловна, — дальше-то что?

— Ну, и нет ничего! Все.

Анна Михайловна смеялась, а Малыш был очень доволен, что развеселил ее своей сказкой.

Чаще всего он рассказывал ей о себе, о своей семье, о том, как они жили при бате. При бате-то им еще ничего было, а когда он помер, лошадь продали, и не то что гостинцев — и хлеба-то нету.

При этих воспоминаниях Малыш затуманивался, и его большие ясные глаза становились печальны, как у большого. Но Анна Михайловна не давала ему задумываться.

— Ну, Малыш, ничего! — говорила она, ласково поглаживая его по голове. — Вот вырастешь большой и сам будешь, как батя.

Малыш оживлялся.

— Как вырасту большой, сейчас лошадь куплю! Пахать сам буду. Хорошую лошадь куплю — гнедую. А корову ты нашу видала?

— Нет, не видала.

— Вот я тебе ее покажу, когда к нам придешь. Ее Лыской зовут. У нее лысинка на лбу, оттого она и Лыска. Я корову люблю... Ее нельзя бить-то — она кормилица.

— Никого не надо бить, Малыш.

— Я не стану бить. Я, как вырасту большой, буду добрый, как батя. Избу новую выстрою, чтобы светлая была, вот как школа наша. Потом всем гостинцев накуплю, мамушке шубу новую сошью, сестрам — сарафаны, а Дунятке — пряников куплю. И тебе гостинцев тоже куплю.

— Ну, вот спасибо, Малыш, что и меня не забыл!

— А то как же! Я тебя люблю. Вот как избу новую построим, ты тогда к нам жить переходи.

— Хорошо. А школа как же?

— А в школу мы на лошади ездить будем. Ведь тогда у нас лошадь будет!

В таких разговорах проходил вечер. После ужина глаза Малыша начинали слипаться, и он незаметно засыпал у печки, свернувшись калачиком рядом с Жучкой. Анна Михайловна сонного переносила его на постель, а Жучка, подобрав остатки ужина, отправлялась на улицу караулить школу, и всю ночь под окнами слышался ее звонкий лай.

VI

Однако как ни хорошо было Малышу в школе, и тепло, и сытно, и Анна Михайловна сказки рассказывает, а все-таки он начинал скучать о своих, если мороз задерживал его у учительницы на несколько дней.

Часто по вечерам, сидя за аспидной доской, он вдруг поднимал голову и начинал прислушиваться к завыванию ветра. Потом вздыхал и задумывался, пристально глядя на лампу.

— Ты что, Малыш, задумался? — спрашивала учительница.

— Что-то теперь наши делают? — отвечал Малыш. — Холодно, небось, у них, страшно... без меня-то...

— Ну, чего же страшно?

— А как же... Ну, как вдруг волки?

— Волки в избу не полезут.

— А разбойники?

— Ну, какие разбойники! У нас в селе их нет.

— А все-таки им со мной веселее. Все-таки я мужик!

— Ах ты, мужик! — смеялась Анна Михайловна. — Ну-ка, давай поборемся, кто кого одолеет!

Но эти шутки не веселили Малыша. Спустившись на пол, он садился около Жучки, обнимал ее косматую шею и начинал с ней тихонько разговаривать:

— Жучка, а Жучка! Хочешь домой, Жучка? Хорошо у нас дома-то, а? Небось, матушка прядет, Анютка тоже прядет, Машутка Дунятку качает... А Лыске, небось, холодно-холодно... Ревет Лыска. Может, они нынче не ели ничего, Жучка, а? А мамушка, небось, соскучилась об нас, говорит: «И где мой Федюнька?».

На глазах у него наворачивались слезы, а Жучка, чувствуя, что маленький хозяин невесел, начинала тихонько подвизгивать и лизала его в лицо.

— А что, Малыш, соскучился, верно? — спрашивала Анна Михайловна, слушающая эти разговоры.

Малыш немного конфузился и, чтобы не обидеть учительницу, отвечал:

— Не... ничего... А вот мамушка, небось, соскучилась...

— Ну что ж, вот завтра пойдешь к ней, повидеешься! — старалась успокоить его учительница.

От этих слов Мальш веселел, а на другой день, как только кончалось ученье, он отправлялся домой, непременно с каким-нибудь гостинцем за пазухой. Переночевав у своих, он возвращался в школу веселый и рассказывал Анне Михайловне разные новости: про волка, который у соседа овцу загрыз, про Дунятку, про Лыску... И опять все шло по-прежнему.

Л. ТОЛСТОЙ

Косточка

(Быль)

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» Все сказали: «Нет». Ваня покраснел как рак, и сказал тоже: «Нет, я не ел».

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я косточку бросил за окошко».

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Прыжок

(Быль)

Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бро-

сился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по веревке на первую перекладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

— Так не уйдешь же ты от меня! — закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой¹ за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделявали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил веревку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться — и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошел до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек². Он увидел сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!». Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» и как только отец крикнул: «три» — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодых матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидел это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтоб никто не видал, как он плачет.

¹У обезьян четыре руки. (Примеч. Л.Н. Толстого.)

²Морские птицы. (Примеч. Л.Н. Толстого.)

ЛЕВ И СОБАЧКА

(Быль)

В Лондоне показывали диких зверей и за смотрень брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его пустили посмотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошел к ней и нюхал ее.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул ее лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал ее.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лег спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал ее, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришел в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но как только стали звать собачку, чтобы взять ее из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а все нюхал, лизал собачку и трогал ее лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лег подле мертвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мертвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет свое горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал ее на куски. Потом он обнял своими лапами мертвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Н. НОСОВ

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комод, котенок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось — упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошел к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу — и вдруг как закричит:

— Ай-ай-ай! — и бегом в сторону.

— Чего ты? — спрашивает Вадик.

— Она жи-жи-живая!

— Кто живая?

— Шля-шля-шля-па.

— Что ты! Разве шляпы бывают живые?

— По-посмотри сам!

Вадик подошел поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

— Ай! — и прыг на диван. Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на нее и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

— Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

— Я у-у-хо-хо-жу! — говорит Вовка.

— Куда?

— Пойду к себе домой.

— Почему?

— Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

— А может быть, ее кто-нибудь за веревочку дергает?

— Ну, пойд, посмотри.

— Пойдем вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я ее кочергой тресну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Вадик.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я ее как тресну кочергой! — говорит Вадик. — Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята. — Боится лезть к нам.

— Сейчас я ее спугну, — сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберем картошки и будем в нее картошкой стрелять, — предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять ее в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец, Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то. Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котенок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, — догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать!

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил, он только фыркнул и жмурился от света.

Б. АЛМАЗОВ

Горбушка

Гришка, из нашей средней группы, принес в детский сад пластмассовую трубочку. Посвистел в нее, а потом стал плевать из нее пластилиновыми шариками. Плевался исподтишка, чтобы воспитательница — Инна Константиновна — ничего не видела.

Я дежурил в столовой. Суп разносить трудно, но я разнес все тарелки хорошо. Стал раскладывать хлеб на хлебницы. Тут все ребята подошли. Пришел и Гришка со своей трубочкой. Он как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом. Гришка захохотал, и ребята захихикали.

Мне так обидно стало. Я старался, дежурил, а он мне в лоб, и все смеются! В руке у меня была горбушка. Я себе ее оставил, я горбушки люблю. От обиды я запустил этой горбушкой в Гришку. Горбушка от его головы отскочила и покати-лась по полу.

В столовой сразу стало тихо. Инна Константиновна посмотрела на меня, покраснела, прошла через столовую, подняла горбушку, сдула с нее пыль и положила на край стола.

— Вечером, — сказала она, — когда все, после полдника, пойдут гулять, ты, Сережа, останешься в группе. Подумай над тем, что сделал. Ты приходишь в детский сад один, но завтра приходи с папой.

Когда я пришел домой, папа уже вернулся с работы.

— Ну как дела? — спросил он.

— Нормально, — ответил я и поспешил к своим игрушкам.

— Если нормально, то почему некоторые в шапке в комнату входят; явившись с улицы, не моют руки?

Действительно, я и шапки не снял, и руки не помыл.

— Давай-ка, — сказал папа, — рассказывай, что у тебя стряслось.

— Инна Константиновна несправедливо наказывает! Гришка же мне первый в лоб шариком попал. Я в него горбушкой потом...

— Горбушкой?

— Ну да, от круглого хлеба. Гришка первый, а наказали меня!

Папа очень расстроился. Сел на диван, опустил голову.

— За что тебя наказали? — спросил он.

— Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

— Так!.. — сказал папа. — Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа ее очень редко достает. Там папины почетные грамоты, фотографии. Папа достал конверт из пожелтевшей бумаги.

— Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки, ни дедушки?

— Задумывался, — сказал я. — У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

— А почему их нет? — спросил папа.

— Они погибли на войне.

— Да, — сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. — «Извещение», — прочитал он, и я увидел, как у папы задрожал подбородок: — «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» — это один твой дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран...» — это второй дедушка, мамин папа.

— А бабушки?

— Они умерли в блокаду. Фашисты окружили наш город. Начался голод. Ленинград остался совсем без продовольствия.

— И без хлеба?

— На день выдавали такой кусочек, какой ты съедаешь за обедом.

— И все?

— И все... Да и хлеб-то был с мякиной да с хвоей... Блокадный...

Папа достал фотографию.

— Ну, — сказал он, — найди меня.

Но все ребята-школьники были ужасно худые и похожи между собой, как братья. У всех были усталые лица и печальные глаза.

— Вот я, — папа показал на мальчика во втором ряду. — А вот — мама.

Я бы ее никогда не узнал.

— Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб.

Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!». А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паек и на морозе в окопах сидят совсем голодные...

Я обхватил папу руками и закричал:

— Папочка! Накажи меня как хочешь!

— Что ты! Что ты!.. Ты только пойми, сынок, хлеб — не просто еда... А ты его на пол...

— Я больше никогда не буду! — прошептал я.

— Я знаю, — сказал папа.

Мы стояли у окна. Наш большой Ленинград, засыпанный снегом, светился огнями и был таким красивым...

— Папа, ты завтра, когда в садик придешь, про хлеб расскажи. Всем ребятам расскажи, даже Гришке...

— Хорошо, — сказал папа, — приду и расскажу.

А. ГАЙДАР

Чук и Гек

(В сокр.)

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятами к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днем и ночью сверкали над башнями этого города красные звезды.

И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Гekom был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама! А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слезы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принес письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро придет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыряться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год как не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба ее прекрасных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стальных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над ее темными бровями.

Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за ее лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо веселое.

— Отец не придет, — откладывая письмо, сказала мать. — У него еще много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо казалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не придет, — продолжала мать, — но он зовет нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак человек, — вздохнула мать. — Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да, — быстро подхватил Чук, — раз он зовет, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый, — сказала мать. — Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в санях лошаадьми через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножа, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без нее у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчинные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

Р-ра! Р-ра! Ура!

Эй! Бей! Турумбей!

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разломанная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пикой, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» — в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почуввав неладное, вслед за Чуком понесся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадет им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя, — вздохнул Гек. — Мама за вранье всегда еще хуже сердится.

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук. — Если она спросит, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед выскакивать? Мы не выскочки.

— Ладно, — согласился Гек. — Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но все же она сразу заметила, что у ее дорогих сыновей лица печальны, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане, — отряхиваясь от снега, спросила мать, — из-за чего без меня была драка?

— Драки не было, — отказался Чук.

— Не было, — подтвердил Гек. — Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье, — сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твердые зеленые билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь черные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы напиться. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и желтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил напиток. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука — не проснется ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило еще десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошел проводник с фонарем и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушел, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель.

А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

— Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что было мочи. Перепуганные пассажиры повскакали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидав, что он попал не в свое купе, а в чужое, Гек заорал еще громче.

Но все люди быстро поняли, в чем дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвел Гека на место.

...Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половником окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и он огня боится. Над печной трубой, как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

— Чук, — спросил Гек, — почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

— И ведьмы, и черти чтобы были тоже? — спросил Чук.

— Да нет! — с досадой отмахнулся Гек. — Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшебника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

— А на чем бы он полетел, Гек?

— Ну, на чем... Замахал бы руками или там еще как. Он уж сам знает.

— Сейчас руками махать холодно, — сказал Чук. — У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я тащил полено, у меня пальцы совсем замерзли.

— Нет, ты скажи, Чук, а все-таки хорошо бы?

— Я не знаю, — заколебался Чук. — Помнишь, во дворе, в подвале, где живет Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

— И хорошо он нагадывал?

— Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из его квартиры много чужого добра вытащили.

— Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

— Конечно, жулик, — согласился Чук. — Да, я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо... Ты бы лучше спал, Гек, все равно я с тобой больше разговаривать не буду.

— Почему?

— Потому что ты городишь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнешь локтями да коленями дрыгать. Думаешь, хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже...

На утро четвертого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден, и кости его расхvatаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепешек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери показалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла ведра, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток, — тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

...А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, ведра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл теплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да се, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликнулся.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в темный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, спрашивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдернула со стены ружье, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружье и выстрелила. Прислушалась, выстрелила еще и еще раз. Вдруг совсем неподалеку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь.

Она хотела бежать навстречу, но ее валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услышав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она толкнула раздетого Чука в избу, швырнула ружье в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за нею вошел окутанный паром сторож.

— Что за беда? Что за стрельба? — спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

— Пропал мальчик, — сказала мать. Слезы ливнем хлынули из ее глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

— Стой, не плачь! — гаркнул сторож. — Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый! — крикнул он собаке. — Да говорите же, или я уйду обратно!

— Час тому назад, — ответила мать. — Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то

— Ну, за час он далеко не уйдет, а в одеже и в валенках сразу не замерзнет... Ко мне, Смелый! На, нюхай!

Сторож сдернул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаки калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

— За мной! — распахивая дверь, сказал сторож. — Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

— Вперед! — строго повторил сторож. — Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

— Это еще что за танцы? — рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дернул ее за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошел; он покрутился, повернулся и пошел в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, царапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружье в руки оторопелой матери, подошел и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубенкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дергал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

— Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пес Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял серым хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то соскучившийся Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет.

Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошел и брякнул на стол тяжелый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот, — сказал он, — получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серегина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропадал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идет на охоту, а сам бегал на лыжах к далекому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Гека за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Гека и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь исчезнет. И так много она о нем заботилась, что наконец Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенес сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но все в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она все переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принес вязанку дров, то, удивленный переменой и невиданной чистотой, он остановился и не пошел дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежевывытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушел, все чему-то удивляясь и покачивая головой.

На следующий день было решено готовить к Новому году елку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и навертели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их все новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принес им серебряную бумагу от завертки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за елкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно. Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая, что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди.

Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мерзли понапрасну, потому что вся партия вернется только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите, — сказал им сторож. — Вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правой большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с груженными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники.

По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Почувывшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников. И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, прыгнул в крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днем чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех елка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл веселый танец. Тогда все повскакали, и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука с Геком на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню. Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни, и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую — я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая ее, замолкли и притихли. И когда Гек останавливался, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы стгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь, — взглянув на часы, сказал отец. — Сейчас начнется самое главное.

Он пошел и включил радиоприемник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издали донесся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!

Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Гексом переглянулись. Они гадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы.

И этот звон — перед Новым годом — сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

С. ГЕОРГИЕВ

Я спас Деда Мороза

Все хранилось в большой тайне. О том, что на утреннике Санька станет Оловянным Солдатиком, знали трое: он сам, воспитательница Людмила Аркадьевна и бабушка.

Санька переоделся в укромном уголке, нацепил деревянную саблю, выглянул в зал... и тихо ахнул. В первый миг он не узнал никого!

В зале кружились сверкающие, почти невесомые Снежинки, чинно расхаживали усатые Мушкетеры, отплясывал барыню Кот в сапогах!

Саньку схватила за руку одна из Снежинок, потянула в круг. Оказалось, это все свои девчонки и мальчишки.

Отчего-то не было видно нигде только Костика, лучшего Санькиного друга.

Потом музыка смолкла, и почти совсем погас свет в зале. Но зато яркими огнями вспыхнула елка.

Появились Дед Мороз со Снегурочкой...

Про Костика Санька почти забыл.

И вот тут вдруг из-за ватного сугроба с жутким ревом и свистом выскочил настоящий Змей Горыныч!

Снежинки бросились врассыпную, один из Мушкетеров потерял шляпу, а Кот в сапогах, жалобно мяукая, забился в угол.

— Го-го-го-о-о-о! — гаркнул Змей Горыныч таким голосом, что задрожала земля и тихо-тихо, жалобно зазвенели игрушки на праздничной елке. — Ого-го-го-о-о-о! Вот я вам всем зада-а-а-ам!

Змей Горыныч разинул пасть и выпустил такой столб огня и дыму, будто хотел изобразить паровоз.

Один только Оловянный Солдатик не испугался страшного Змея Горыныча. Санька выхватил свою деревянную саблю и храбро бросился в бой!

— В атаку! — кричал герой, размахивая саблей прямо перед мордой Змея. — Вот тебе, получай, противный Змей!

Змей Горыныч не ожидал такого яростного отпора. Трусливо пятясь, он отступал, уворачиваясь от Саниной сабли, а затем повернулся и вовсе бросился наутек!

Тогда и Мушкетеры вспомнили про свои шпаги, да было уже поздно!

— Спасибо тебе, Солдатик, — просто сказал Дед Мороз.

Дед Мороз и Снегурочка стали раздавать подарки.

Санька огляделся по сторонам. Костика по-прежнему нигде не было.

Вновь зазвучала музыка. Мушкетеры со Снежинками образовали хоровод вокруг елки. Дед Мороз со Снегурочкой тоже встали в круг.

Оловянный Солдатик подумал и решил попрыгать со всеми вместе.

Было весело и очень хорошо.

И вдруг Санька увидел Костика. Тот стоял в углу, без маскарадного костюма, в своих обычных шортиках и белой рубашке. И как-то странно смотрел на Саньку.

— Костя! — закричал Санька и бросился к другу. — Ну, где ты пропал?! Тут такое было! Я спас Деда Мороза! Ты бы видел!..

— Я видел, — тихим голосом отозвался Костик. — Ты ему здорово напоял, этому противному Змею Горынычу.

— Да как же ты мог видеть? — удивился Санька, — как ты мог видеть, когда тебя здесь не было?!

— Я все видел, — Костик низко опустил голову. — Санька, извини, это я был... Змеем Горынычем... Так задумано, такая роль...

Грянул гром, и мир вокруг исчез. Не осталось ничего: ни музыки, ни елки с Дедом Морозом и Снегурочкой, ни Кота в сапогах, ни Мушкетеров...

Остались одни только Костик и Санька. Они стояли друг против друга и смотрели теперь прямо в глаза.

— Ладно тебе, — сказал вдруг Санька и положил Костику руку на плечо. — Пойдем прыгать. Ведь Новый год все равно наступил.

В. ДРАГУНСКИЙ

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на углу челноке, питаюсь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбину и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга — просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную «грушу» — такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так наглядился на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

— Папа, купи мне грушу!

— Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

— Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

— А тебе зачем? — сказал папа.

— Тренироваться, — сказал я. — Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

— Сколько же стоит такая груша? — поинтересовался папа.

— Пустяки какие-нибудь, — сказал я. — Рублей сто или триста.

— Ты спятил, братец, — сказал папа. — Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

— Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минутку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нащепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погрмушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здорового плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

— Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный — желтый стеклянный, а другой большой белый — из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот и обе руки поднял вверх, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянчился, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

— Ты что, — сказала мама, она уже вернулась из коридора. — Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

— Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

СВЕРХУ ВНИЗ, НАИСКОСОК

В то лето, когда я еще не ходил в школу, у нас во дворе был ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора высилась огромная куча песка. И мы играли на этом песке в «разгром фашистов под Москвой» или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело, и мы подружились с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом: один раз я принес слесарю дяде Грише полный чайник кипятку, а второй раз Аленка показала монтерам, где у нас черный ход. И мы еще много помогали, только сейчас я уже не помню всего.

А потом как-то незаметно ремонт стал заканчиваться, рабочие уходили один за другим, дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжелую железку и тоже ушел.

И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они все были очень красиво одеты: носили мужские длинные штаны, измазанные разными красками и совершенно твердые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше. А на головах девушки носили шапки из газет. Эти девушки были маляры и назывались: бригада. Они были очень веселые и ловкие, любили смеяться и всегда пели песню «Ландыши, ландыши». Но я эту песню не люблю. И Аленка. И Мишка тоже не любит. Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них все получается складно и аккуратно. Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли.

И однажды мы к ним подошли, и тетя Саня сказала:

— Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, который час.

Я сбегал, узнал и сказал:

— Без пяти двенадцать, тетя Саня...

Она сказала:

— Шабаш, девчата! Я — в столовую! — и пошла со двора.

И тетя Раечка, и тетя Нелли пошли за ней обедать.

А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже.

Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на тот кусочек дома, где они только сейчас красили. Было очень здорово: ровно и коричнево, с небольшой красной точкой. Мишка смотрел-смотрел, потом говорит:

— Интересно, а если я покачаю насос, краска пойдет?

Аленка говорит:

— Спорим, не пойдет!

Тогда я говорю:

— А вот спорим, пойдет!

Тут Мишка говорит:

— Не надо спорить. Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю. И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, потому что на конце у шланга была нахлобучка с дырочками, как у лейки. Только дырки были совсем маленькие, и краска шла, как одеколон в парикмахерской, чуть-чуть видно.

Мишка обрадовался и как закричит:

— Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!

Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку. Краска стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

— Ура! — закричала Аленка. — Пошло! Пошло-поехало! — и подставила ногу под краску.

Я сразу покрасил ей ногу от колена до пальцев. Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Аленкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит:

— Здорово получается! Подставляй вторую, скорей!

И Аленка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил ее сверху донизу два раза.

Тогда Мишка говорит:

— Люди добрые, как красиво! Ноги совсем как у настоящего индейца! Крась же ее скорей!

— Всю? Всю красить? С головы до пят?

Тут Аленка прямо завизжала от восторга:

— Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка.

Тогда Мишка приналег на насос и стал качать во всю ивановскую, а я стал Аленку поливать краской. Я замечательно ее покрасил: и спину, и ноги, и руки, и плечи, и живот, и трусики. И стала она вся коричневая, только волосы белые торчат.

Я спрашиваю:

— Мишка, как ты думаешь, а волосы красить?

Мишка отвечает:

— Ну конечно! Крась скорей! Быстрей давай!

И Аленка торопит:

— Давай-давай! И волосы давай! И уши!

Я быстро закончил ее красить и говорю:

— Иди, Аленка, на солнце пообсохни! Эх, что бы еще покрасить?

А Мишка:

— Вон видишь, наше белье сушится? Скорей давай крась!

Ну с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так отделал, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошел в азарт, качает насос, как заводной. И только покривает:

— Крась давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!

И я перешел на дверь. Сверху вниз! Снизу вверх! Сверху вниз, наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из нее вышел наш управдом Алексей Акимыч в белом костюме.

Он прямо остолбенел. И я тоже. Мы оба были как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только размахиваю сверху вниз, снизу вверх. А у него глаза расширились, и ему в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево...

А Мишка качает и знай себе ладит свое:

— Крась давай, быстрее давай!

И Аленка сбоку вытанцовывает:

— Я индейка! Я индейка!

Ужас!

...Да, здорово нам тогда влетело. Мишка две недели белье стирал. А Аленку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм. А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я все-таки вышел, и тетя Саня, Раечка и Нелли сказали:

— Вырастай, Денис, побыстрей, мы тебя к себе в бригаду возьмем. Будешь маляром!

И с тех пор я стараюсь расти быстрее.

К. ПАУСТОВСКИЙ

Кот-ворюга

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он воровывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста. Это был кот, потерявший всякую совесть, кот-бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал все: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей. Обьевшиися куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля все равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота. Деревенские мальчишки помогли нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронесся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукуан с окунями. Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукуана; на нем было десять жирных окуней, пойманных на Прорве. Это было уже не

воровство, а грабеж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на березу. Мы начали трясти березу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл. Но спасения не было, и кот решил на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с березы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу. Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях. Чтобы пройти к берегу озер, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи желтой цветочной пылью. Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходах рыжего кота. Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления. Прошел час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Ленька, сын деревенского сапожника. Ленька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота. Ленька взял шелковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днем плотицу и закинул ее через лаз в подполье. Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щелканье — кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мертвой хваткой. Ленька потащил за леску, Кот отчаянно упирался, но Ленька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу. Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза. Ленька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

— Не поможет, — сказал Ленька. — У него с детства характер такой. Попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза. Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней,

творожники и сметану. Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звезды зелеными нахальными глазами. После умывания он долго фыркал и терся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрет себе шерсть на затылке. Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать. На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок. Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склевывать из тарелок гречневую кашу. Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол. Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный «Горлачом». Кот несся за ним на трех лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу. После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошел. С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он терся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти. Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

Литературные сказки

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Домовенок Кузька

(Главы)

Под веником кто-то был

Девочка взяла веник да так и села на пол — до того испугалась! Под веником кто-то был! Небольшой, лохматый, в красной рубашке, блестит глазами и молчит. Девочка тоже молчит и думает: «Может, это ежик? А почему он одет и обут, как мальчик? Может, ежик игрушечный? Завели его ключом и ушли. Но ведь заводные игрушки не умеют кашлять и так громко чихать».

— Будьте здоровы! — вежливо сказала девочка.

— Ага, — басом ответили из-под веника. — Ладно. А-апчхи!

Девочка так испугалась, что все мысли сразу выскочили у нее из головы, ни одной не осталось.

Звали девочку Наташей. Только что вместе с папой и мамой они переехали на новую квартиру. Взрослые укатили на грузовике за оставшимися вещами, а Наташа занялась уборкой. Веник отыскался не сразу. Он был за шкафами, стульями, чемоданами, в самом дальнем углу самой дальней комнаты.

И вот сидит Наташа на полу, в комнате тихо-тихо. Только веник шуршит, когда под ним возятся, кашляют и чихают.

— Знаешь что? — вдруг сказали из-под веника — Я тебя боюсь.

— И я вас, — шепотом ответила Наташа.

— Я боюсь гораздо больше. Знаешь что? Ты отойди куда-нибудь подальше, а я пока убегу и спрячусь.

Наташа давно бы сама убежала и спряталась, да у нее от страха руки и ноги перестали шевелиться.

— Знаешь что? — немного погодя спросили из-под веника. — А может, ты меня не тронешь?

— Нет, — сказала Наташа.

— Не поколотишь? Не жваркнешь?

— А что такое «жваркнешь»? — спросила девочка.

— Ну, наподдашь, отлупишь, отдубасишь, выдерешь — все равно больно, — сообщили из-под веника.

Наташа сказала, что никогда не... Ну в общем, никогда не стукнет и не поколотит.

— И за уши не отгаскаешь? А то я не люблю, когда меня за уши дергают или за волосы.

Девочка объяснила, что тоже этого не любит и что волосы и уши растут совсем не для того, чтобы за них дергать.

— Так-то оно так... — помолчав, вздохнуло лохматое существо. — Да видно, не все про это знают... — И спросило: — Дряпать тоже не будешь?

— А что такое «дряпать»?

Незнакомец засмеялся, запрыгал, веник заходил ходуном. Наташа кое-как разобрала сквозь шуршание и смех, что «дряпать» и «царапать» — примерно одно и то же, и твердо пообещала не царапаться, ведь она — человек, а не кошка. Прутья у веника раздвинулись, на девочку посмотрели блестящие черные глаза, и она услышала:

— Может, и свориться не будешь?

Что такое «свориться», Наташа опять не знала. Вот уж лохматик обрадовался, заплясал, запрыгал, руки-ноги болтались и высовывались за веником во все стороны.

— Ах, беда-беда-огорчение! Что ни скажешь — не по разуму, что ни молвишь — все попусту, что ни спросишь — все без толку!

Незнакомец вывалился из-за веника на пол, лаптями в воздухе машет:

— Охти мне, батюшки! Охти мне, матушки! Вот тетеха, недотепа, невразумиха непонятливая! И в кого такая уродилась? Ну, да ладно. А я-то на что? Ум хорошо, а два лучше того!

Тут Наташа потихоньку стала смеяться. Уж очень потешный оказался человек. В красной рубахе с поясом, на ногах лапти, нос курносый, а рот до ушей, особенно когда смеется.

Лохматик заметил, что его разглядывают, убежал за веник и оттуда объяснил:

— «Свориться» — значит ссориться, ругаться, позорить, дразниться — все едино обидно.

И Наташа поскорее сказала, что ни разу, никогда, нипочем его не обидит.

Услышав это, лохматик выглянул из-за веника и решительно произнес:

— Знаешь что? Тогда я совсем тебя не боюсь. Я ведь храбрый!

Банька

— Ты кто? — спросила девочка.

— Кузька, — ответил незнакомец.

— Это тебя звать Кузька. А кто ты?

— Сказки знаешь? Так вот. Сперва добра молодца в баньке попарь, накорми, напои, а потом и спрашивай.

— Нет у нас баньки, — огорченно сказала девочка.

Кузька презрительно фыркнул, расстался наконец с веником и побежал, держась на всякий случай подальше от девочки, добежал до ванной комнаты и обернулся:

— Не хозяин, кто своего хозяйства не знает!

— Так ведь это ванна, а не банька, — уточнила Наташа.

— Что в лоб, что по лбу! — отозвался Кузька.

— Чего, чего? — не поняла девочка.

— Что об печь головой, что головою об печь — все равно, все едино! — крикнул Кузька и скрылся за дверью ванной комнаты.

А чуть погодя оттуда послышался обиженный вопль:

— Ну, что же ты меня не паришь?

Девочка вошла в ванную. Кузька прыгал под раковиной умывальника.

В ванну он лезть не захотел, сказал, что слишком велика, водяному в пору. Наташа купала его прямо в раковине под краном с горячей водой. Такой горячей, что руки едва терпели, а Кузька знай себе покрикивал:

— А ну, горячей, хозяйюшка! Наддай парку! Попарим молодые косточки!

Раздеваться он не стал.

— Или мне делать нечего? — рассуждал он, кувыркаясь и прыгая в раковине так, что брызги летели к самому потолку. — Снимай кафтан, надевай кафтан, а на нем пуговиц столько, и все застегнуты. Снимай рубаху, надевай рубаху, а на ней завязки, и все завязаны. Эдак всю жизнь раздевайся — одевайся, расстегивайся —

застегивайся. У меня поважнее дела есть. А так сразу и сам отмоюсь, и одежда отстирается.

Наташа уговорила Кузьку хоть лапти снять и вымыла их мылом чисто-начисто.

Кузька, сидя в раковине, наблюдал, что из этого выйдет. Отмытые лапти оказались очень красивыми — желтые, блестящие, совсем как новые.

Лохматик восхитился и сунул под кран голову.

— Пожалуйста, закрой глаза крепче, — попросила Наташа. — А то мыло тебя укусит.

— Пусть попробует! — проворчал Кузька и открыл глаза как можно шире.

Тут он заорал истошным голосом и попробовался мыла.

Наташа долго споласкивала его чистой водой, утешала и успокаивала.

Зато отмытые Кузькины волосы сверкали, как золото.

— Ну-ка, — сказала девочка, — полюбуйся на себя! — и протерла зеркало чад раковиной.

Кузька полюбовался, утешился, одернул мокрую рубаху, поиграл кистями на мокром поясе, подбоченился и важно заявил:

— Ну что я за добрый молодец. Чудо! Загляденье, да и только! Настоящий молодец!

— Кто же ты, молодец или молодец? — не поняла Наташа.

Мокрый Кузька очень серьезно объяснил девочке, что он сразу и добрый молодец и настоящий молодец.

— Значит, ты — добрый? — обрадовалась девочка.

— Очень добрый, — заявил Кузька. — Среди нас всякие бывают: и злые, и жадные. А я — добрый, все говорят.

— Кто все? Кто говорит?

В ответ Кузька начал загибать пальцы:

— В баньке я паренный? Паренный. Поенный? Поенный. Воды досыта нахлебался. Кормленный? Нет. Так что ж ты меня спрашиваешь? Ты молодец, и я молодец, возьмем по ковриге за конец!

— Что, что? — переспросила девочка.

— Опять не понимаешь, — вздохнул Кузька. — Ну, ясно, сытый голодного не разумеет. Я, например, ужасно голодный. А ты?

Наташа без лишних разговоров завернула добра молодца в полотенце и быстро понесла на кухню.

По дороге Кузька шепнул ей на ухо:

— Я таки наподдал ему как следует, этому мылу твоему. Как жаркну его, как дряпну — больше не будет свориться.

Олелюшечки

Наташа усадила мокрого Кузьку на батарею. Рядом лапти положила, пускай тоже сохнут. Если у человека мокрая обувь, он простудится.

Кузька совсем перестал бояться. Сидит себе, придерживая каждый лапоть за веревочку, и поет:

Истопили баньку, вымыли Ваваньку,
Посадили в уголок, дали кашечки комок!

Наташа придвинула к батарее стул и сказала:

— Закрой глаза!

Кузька тут же зажмурился и не подумал подглядывать, пока не услышал:

— Пора! Открывай!

На стуле перед Кузькой стояла коробка с пирожными, большими, прекрасными, с зелеными листиками, с белыми, желтыми, розовыми цветами из сладкого крема. Мама купила их для новоселья, а Наташе разрешила съесть одно или два, если уж она очень соскучится.

— Выбирай какое хочешь! — торжественно сказала девочка.

Кузька заглянул в коробку, наморщил нос и отвернулся:

— Это я не ем. Я — не козел.

Девочка растерялась. Она очень любила пирожные. При чем тут козел?

— Ты только попробуй, — нерешительно предложила она.

— И не проси! — твердо отказался Кузька и опять отвернулся. Да как отвернулся! Наташа сразу поняла, что значит слово «отвращение». — Поросята пусть пробуют, лошади, коровы. Цыплята клюют, утята-гусята пощиплют. Ну, зайцы пусть побалуются, леший пообкусывает. А мне... — Кузька хлопнул себя по животу, — мне эта пища не по сердцу, нет, не по сердцу!

— Ты только понюхай, как пахнут, — жалобно попросила Наташа.

— Чего-чего, а это они умеют, — согласился Кузька. — А на вкус трава травой.

Видно, Кузька решил, что его угощают настоящими цветами: розами, ромашками, колокольчиками.

Наташа засмеялась.

А надо сказать, что Кузька больше всего на свете не любил, когда над ним смеются. Если над кем-нибудь еще, то пожалуйста. Можно иногда и самому над собой посмеяться. Но чтоб другие смеялись над ним без спроса, этого Кузька терпеть не мог.

Он тут же схватил первое попавшееся пирожное и отважно сунул его в рот. И сейчас же спросил:

— Фафа фефеф или фто фофофаеф?

Девочка не поняла, но лохматик, мигом расправившись с пирожным и запустив руку в коробку, повторил:

— Сама печешь или кто помогает? — И давай пихать в рот одно пирожное за другим.

Наташа задумалась, что она скажет маме, если Кузька нечаянно съест все пирожные.

Но он съел примерно штук десять, не больше.

И, на прощание заглянув в коробку, вздохнул:

— Хватит. Хорошенького понемножку. Эдак нельзя: все себе да себе. Надо и о других подумать. — И начал считать пирожные: — Тут еще осталось Сюра угостить, Афоньку, Адоньку, Вуколочку. И Сосипатрику хватит, и Лутоношке, и бедненькому Кувыке. Я их тоже сначала обману: ешьте, мол, ешьте, угощайтесь! Пусть тоже думают, что цветами потчую. И угостим, и насмешим, то-то все будут рады-радехоньки!

Нахотавшись властью, Кузька обернулся к Наташе и заявил, что олелюшечек никак не хватит.

— Чего не хватает? — рассеянно спросила девочка. Она все думала, что сказать маме о пирожных, а еще думала про Адоньку, Афоньку, Вуколочку.

— Олелюшечек, говорю, на всех не хватит. Не красна изба углами, а красна пирогами. Эдаких вот, с цветами! — Кузька даже рассердился и, видя, что девочка не понимает, о чем речь, ткнул пальцем в пирожные. — Вот они, олелюшечки, эти самые пироги цветочные! Я ж говорю, невразумиха ты непонятливая, а еще смеешься!

Жердя звать не надо!

— Дом без хозяина — сирота, — поерзав на батарее, сказал Кузька и начал озираться, будто что-то потерял. — И хозяин без дома тоже сирота. Дома и стены помогают.

Наташа оглядела стены.

Интересно, как это они будут помогать? Руки у них вырастут, что ли? Или стены станут говорящими? Кто-нибудь начнет мыть посуду, а стены скажут: «Эй, ты! Марш отсюда! Сами вымоем!».

Или нет. Кто ж станет строить такие грубые стены? Это будут очень милые, приветливые стеночки: «Будьте добры, займитесь какими-нибудь другими, более интересными делами, а мы, с вашего позволения, перемоем всю посуду. И пожалуйста, не беспокойтесь: ни одной чашечки, ни одной тарелочки не разобьем».

Тут, конечно, стены раздвинутся, выйдут роботы, все сделают — опять в стены.

Кузька между тем очень внимательно оглядывал кухню и заодно объяснял, для чего нужно праздновать новоселье:

— У вас, у людей, день рождения раз в году. А у дома он бывает раз в жизни — его новосельем зовут. Где новоселье — там гости. Где гости — там угощение. Мало угощения — гости подерутся. Пеки олелюшечки, да побольше, чтобы на всех хватило!

— Афонька, Адонька, Вуколочка — это твои гости? — спросила девочка.

— Сюра забыла, — ответил Кузька. — А еще жди Пармешу, Куковьяку, Лутоношку. Так. Еще кого? Пафнутий придет, Фармуфий, Сосипатр, Пудя, Ховря, Дидим, Теря, Беря, Фортунат, Пигасий, Молчан, Нафаня. Авундий... Феодул с Феодулаем придут, Пантя, Славуся, Веденей... Буяна и Себяку звать не буду,

разве что сами придут незваными гостями. А вот Поньку, так и быть, кликну. И Бутеню, и бедняшку Кувьку.

— Что это, все твои товарищи?! — изумилась девочка. — Так много?

— А как же! — важно ответил Кузька. — Без товарищей один Жердяй живет.

— Кто живет?

— Жердяй. Сухой, длинный, на крыше у трубы дымом греется. Завистник, ненавистник и пакостник, лучше сюда его не звать — всех перессорит. Пусть себе торчит на крыше, как сухая ветка.

Девочка скорей посмотрела в окно: не видно ли Жердяя. Не только Жердяя, но и труб, и дыма на крышах не было, одни антенны поднимались вверх.

— Нет, — продолжал Кузька. — Жердяя звать не буду. Вот деда Кукобу зову. Да не соберется он, дед Кукоба, скажет: «Дорога не близкая, за семь верст киселя хлебать — лаптей не напасешься». А может, и навестит, соскучился, поди. Сверюк с Пахмурой не придут, зови не зови, эти веселья не любят. Лыгашку глаза б мои не видели! И Скалдыра пусть не показывается. Зато Белебенья сей же час прибежит. Услышит от Сороки — и здравствуйте-пожалуйста, давно не видались!

— От Сороки? — удивилась Наташа. — Разве птицы знают про новоселье?

— Сорока знает, — твердо сказал Кузька. — Она везде поспевает. Да толком ничего не понимает. До того занята, что и подумать некогда, что надо, чего не надо — про все трещит, на хвосте тащит. Сорока скажет вороне, ворона — борову, а боров — всему городу. Не любим мы Сороку, — вздохнул Кузька. — Один Белебенья с ней в ладу живет. Чуть услышит, у кого какая беда или радость, — ему все равно, лишь бы народу побольше и угощения, — он и прискачет. И Лататуй с ним, они всегда вместе.

Девочка во все глаза смотрела на Кузьку. Он по-прежнему сидел на батарее, рядом сохли лапти. Кузька придерживал их за веревочки и болтал ногами.

«Интересно, — думала девочка, — почему у Кузьки ножки маленькие, а лапти такие, что в каждый он может сесть, как в корзину?»

А еще она думала о Кузькиных друзьях. Какие они? Тоже маленькие, лохматые и в лаптях? Или некоторые в ботинках? Или же большие, лохматые, в пиджаках, с галстуками, но в лаптях? Или же маленькие, причесанные, в рубахах и в ботинках?

А Кузька в это время продолжал:

— Белун придет, и пускай. Всегда ему рады. Тихий старичок, смиренный, ласковый. Вот только носовой платок для него не забыть припасти, если попросит нос вытереть. Банник непременно пожалует, то-то ему здесь светло покажется после темной бани. Еще Петряй и Агапчик навестят, Поплеша с Амфилашей, Сдобыш, Луп, Олея... Лишь бы Тухляшка не навязался, ну его!

— Ой, Кузенька! — изумилась Наташа. — Сколько же у тебя друзей!

— Сколько друзей-то? Скажу, да погожу, — ответил Кузька, ерзая на горячей батарее, и добавил: — Кабы я блином был, мне бы в самый раз на этой печурке доспеть, поджариться.

Он поглядел вниз и вздохнул:

— Давно бы отсюда ушел, да шесток больно высок, до полу лететь далеко, а ухватиться не за что.

Наташа скорей пересаживала бедняжку на подоконник.

«Эка благодать — весь белый свет видать!» — обрадовался Кузька и прижался носом к стеклу. Девочка тоже посмотрела в окно.

Обиженный самолетик

По небу неслись облака. Тоненькие, с виду совсем игрушечные подъемные краны двигались между светло-желтыми, розовыми, голубыми коробочками домов, поднимали и опускали стрелы. Дальше был виден синий лес, до того синий, будто в нем и деревья растут синие с голубыми листьями и лиловыми стволами.

Над синим лесом летел самолетик. Кузька показал ему язык, потом обернулся к девочке:

— Много всякого народу пожалует на новоселье. Придут и скажут: «Вот спасибо тому, кто хозяин в дому!». Будет что рассказать, будет что вспомнить. Друзья к нам придут, и знакомые, и друзья друзей, и знакомые друзей, и друзья знакомых, и знакомые знакомых. С некоторыми водиться — лучше в крапиву садиться. Пусть и они приходят. Друзей все равно больше.

— А где они живут, твои друзья? — спросила девочка.

— Как где? — удивился лохматик. — Везде, по всему миру, каждый у себя дома. И в нашем доме тоже. Мы высоко живем? На восьмом этаже? А на двенадцатом уже раньше нас Тарах поселился, на первом Митрошка — тонкие ножки живет понемножку.

Наташа недоверчиво спросила, откуда Кузька про это знает. Оказалось, от знакомого воробья по имени Летун. Сегодня, когда машина остановилась и стали выгружать вещи, воробей как раз купался в луже около подъезда. Митрошка и Тарах, которые приехали сюда раньше, просили его кланяться всем, кто еще придет в этот дом.

— Помнишь, — спросил Кузька, — он нам из лужи кланялся, мокренький такой, встрепанный? Слушай, ему же там до самого вечера сидеть и кланяться! Посиди-ка весь день в луже, не пивши, не евши. Думаешь, хорошо?

— Ну, попить-то он может, — нерешительно сказала Наташа.

— Угу, — согласился Кузька. — А поесть мы ему олеюшку бросим в окошко. Ладно? Только аккуратно, а то попадешь в голову, а он маленький, эдак и ушибить можно.

Они долго возились с задвижками, открывали окно, потом высунулись, увидели лужу, рядом с ней серую точку (видно, Летун не все время купался, иногда и загорал) и очень удачно бросили из окна пирожное наполеон: оно упало прямо в лужу. Только успели закрыть окно, Кузька как закричит:

— Ура! Едут! Уже едут! Гляди!

Внизу по широкому новому шоссе мчался грузовик с узлами, столами, шкафами.
— Ну-ка, ну-ка, что у нас за соседи? — радовался Кузька. — Друзья или просто знакомые? А не знакомы, долго ль познакомиться — приходи сосед к соседу на веселую беседу. Эй, ты! Куда уезжаешь? Куда! Вот они мы, не видишь, что ли? Остановись сей же час, кому говорят!

Но грузовик проехал мимо и увез людей с их добром в другой дом к другим соседям.

Кузька чуть не плакал:

— А все машина виновата! Не могла остановиться, что ли? К другим соседи поехали. А к нам жди-пожди — то ли дождик, то ли снег, то ли будут, то ли нет.

Наташе успокоить бы его, а она слова сказать не может, смеяться хочется. И вдруг она услышала:

— Эй, ты! Сюда заворачивай! Лети, лети к нам в гости со всеми чадами и домочадцами, с друзьями и с соседями, со всем домком, окромя хором!

Девочка посмотрела в окно: коробки домов, подъемные краны, а над ними самолет.

— Ты кого зовешь?

— Его! — Кузька ткнул пальцем в небо, указывая на самолет. — Давеча он так же летел, а я его подразнил. — Кузька смутился, покраснел, даже уши у него стали красными от смущения. — Я ему язык показал. Может, видела? Обиделся, поди. Пусть уж побывает у нас, олелюшечек отведаст. А то скажет: дом-то хорош, да хозяин негод.

Наташа рассмеялась. Самолет к нам зовет, кормить его собирается!

— Вот чудак, да он же здесь не поместится.

— Толкуй больной с подлекарем! — развеселился Кузька. — Вот машину, которая нас везла, я в гости не звал, велика, в горницу не влезет. А самолет — другое дело. Сколько я их в небе перевидал, ни один крупнее вороны или галки на глаза не попадался. А этот не простой самолет, обиженный. Если тесно ему покажется, так ведь в тесноте, да не в обиде. А будешь надо мной смеяться — убегу и поминай как звали.

Самолет, конечно, не откликнулся на Кузькино приглашение, а улетел, куда ему было надо.

Кузька долго-долго глядел ему вслед и грустно сказал:

— И этот не захотел к нам в гости. Крепко на меня обиделся, что ли...

В. БИАНКИ

Сова

Сидит Старик, чай пьет. Не пустой пьет — молоком белит. Летит мимо Сова.

— Здорово, — говорит, — друг!

А Старик ей:

— Ты, Сова, — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонишься, — какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

— Ладно же, — говорит, — старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, — сам лови.

А Старик:

— Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На Стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

— Погляди-ка, кума, не летит ли Сова — отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

— Не видать Сова, не слышать Сова. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худа не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

— А пускай идут, — говорит Старик. — Чай, мыши не волки, не зарежут телки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

— А пускай летят, — говорит Старик. — Что от них толку: ни меду, ни воску, — волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

— И ветер разнесет, — говорит Старик, а сам в затылке скребет.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, — не родится клевер на лугу; не по нраву это Старик.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, — трава, слышь, без клеверу что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; поило лижет, а молоко все жиже да жиже.

А Сова из дупла:

— Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придешь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнезда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на Стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старика нечем стало.

Нечем стало Старика чай белить — пошел Старик Сове кланяться:

— Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай, нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

— То-то, — говорит, — старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливатся.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить — Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

Б. ЗАХОДЕР

СЕРЯЯ ЗВЕЗДОЧКА

— Ну, так вот, — сказал папа Ежик, — сказка эта называется «Серая Звездочка», но по названию тебе ни за что не догадаться, про кого эта сказка. Поэтому слушай внимательно и не перебивай. Все вопросы потом.

— А разве бывают серые звездочки? — спросил Ежонок.

— Если ты меня еще раз перебеешь, не буду рассказывать, — ответил Ежик, но, заметив, что сынишка собирается заплакать, смягчился: — Вообще-то не бывает, хотя, по-моему, это странно — ведь серый цвет самый красивый. Но одна Серая Звездочка была.

— Так вот, жила-была жаба — неуклюжая, некрасивая, вдобавок от нее пахло чесноком, а вместо колючек у нее были — можешь себе представить! — бородавки. Брр!

К счастью, она не знала ни о том, что она такая некрасивая, ни о том, что она — жаба. Во-первых, потому, что была совсем маленькая и вообще мало что знала, а во-вторых, потому, что ее никто так не называл. Она жила в саду, где росли Деревья, Кусты и Цветы, а ты должен знать, что Деревья, Кусты и Цветы разговаривают только с теми, кого они очень-очень любят. А ведь не станешь ты называть того, кого ты очень-очень любишь, жабой?

Ежонок засопел в знак согласия.

— Ну вот, Деревья, Кусты и Цветы очень любили жабу и поэтому звали ее самыми ласковыми именами. Особенно Цветы.

— А за что они ее так любили? — тихонечко спросил Ежонок.

Отец насупился, и Ежонок сразу свернулся.

— Если помолчишь, то скоро узнаешь, — строго сказал Ежик. Он продолжал:

— Когда жаба появилась в саду, Цветы спросили, как ее зовут, и, когда она ответила, что не знает, очень обрадовались.

«Ой, как здорово! — сказали Анютины Глазки (они первыми увидели ее). — Тогда мы сами тебе придумаем имя! Хочешь, мы будем звать тебя... будем звать тебя Анютой?»

«Уж лучше Маргаритой, — сказали Маргаритки. — Это имя гораздо красивее!»

Тут вмешались Розы — они предложили назвать ее Красавицей; Колокольчики потребовали, чтобы она называлась Динь-Динь (это было единственное слово, которое они умели говорить), а цветок, по имени Иван-да-Марья, предложил ей называться Ванечка-Манечка.

Ежонок фыркнул и испуганно покосился на отца, но Ежик не рассердился, потому что Ежонок фыркнул вовремя. Он спокойно продолжал:

— Словом, спорам не было бы конца, если бы не Астры. И если бы не Ученый Скворец.

«Пусть она называется Астрой», — сказали Астры.

«Или, еще лучше, Звездочкой, — сказал Ученый Скворец. — Это значит то же самое, что Астра, только гораздо понятнее. К тому же она и правда напоминает звездочку — вы только посмотрите, какие у нее лучистые глаза! А так как она серая, вы можете звать ее Серой Звездочкой — тогда уж не будет никакой путаницы! Кажется, ясно?»

И все согласились с Ученым Скворцом, потому что он был очень умный, умел говорить несколько настоящих человеческих слов и насвистывать почти до конца Музыкальное произведение, которое называется, кажется... «Ежик-Пыжик» или как-то в этом роде. За это люди построили ему на тополе домик.

С тех пор все стали называть жабу Серой Звездочкой. Все, кроме Колокольчиков, — они по-прежнему звали ее Динь-Динь, но ведь это было единственное слово, которое они умели говорить.

«Нечего сказать, звездочка, — прошипел толстый старый Слизняк. Он вполз на розовый куст и подбирался к нежным молодым листочкам. — Хороша звездочка! Ведь это самая обыкновенная серая...»

Он хотел сказать «жаба», но не успел, потому что в этот самый миг Серая Звездочка взглянула на него своими лучистыми глазами — и Слизняк исчез.

«Спасибо тебе, милая Звездочка, — сказала Роза, побледневшая от страха. — Ты спасла меня от страшного врага!».

— А надо тебе знать, — пояснил Ежик, — что у Цветов, Деревьев и Кустов, хотя они никому не делают зла — наоборот, одно хорошее! — тоже есть враги. Их много. Хорошо еще, что эти враги довольно вкусные!

— Значит, Звездочка съела этого толстого Слизняка? — спросил Ежонок облизнувшись.

— Скорее всего, да, — сказал Ежик. — Правда, ручаться нельзя. Никто не видел, как Звездочка ела Слизняков, Прожорливых Жуков и Вредных Гусениц. Но все враги Цветов исчезали, стоило Серой Звездочке посмотреть на них своими лучистыми глазами. Исчезали навсегда. И с тех пор как Серая Звездочка поселилась в саду, Деревьям, Цветам и Кустам стало жить гораздо лучше. Особенно Цветам. Потому что Кусты и Деревья защищали от врагов Птицы, а Цветы защищать было некому — для Птиц они слишком низенькие.

Вот почему Цветы так полюбили Серую Звездочку. Они расцветали от радости каждое утро, когда она приходила в сад. Только и слышно было: «Звездочка, к нам!», «Нет, сперва к нам! К нам!...»

Цветы говорили ей самые ласковые слова, и благодарили, и хвалили ее на все лады, а Серая Звездочка скромно молчала — ведь она была очень, очень скромная, — и только глаза ее так и сияли.

Одна Сорока, любившая подслушивать человеческие разговоры, однажды даже спросила, правда ли, что у нее в голове спрятан драгоценный камень, и поэтому ее глаза так сияют.

«Я не знаю, — смущенно сказала Серая Звездочка. — По-моему, нет...»

«Ну и Сорока! Ну и пустомеля! — сказал Ученый Скворец. — Не камень, а путаница, и не у Звездочки в голове, а у тебя! У Серой Звездочки лучистые глаза потому, что у нее чистая совесть — ведь она делает полезное Дело! Кажется, ясно?»

— Папа, можно задать вопрос? — спросил Ежонок.

— Все вопросы потом.

— Ну пожалуйста, папочка, только один.

— Один — ну так и быть.

— Папа, а мы... мы полезные?

— Очень, — сказал Ежик, — можешь не сомневаться. Но слушай, что было дальше.

Так вот, как я уже сказал, Цветы знали, что Серая Звездочка — добрая, хорошая и полезная. Знали это и Птицы. Знали, конечно, и Люди, особенно Умные Люди. И только враги Цветов были с этим не согласны. «Мерзкая, вредная злючка!» — шипели они, конечно, когда Звездочки не было поблизости. «Уродина! Гадость!» — скрипели Прожорливые Жуки. «Надо расправиться с ней! — вторили им Гусеницы. — От нее просто нет житья!»

Правда, на их брань и угрозы никто не обращал внимания, и к тому же врагов становилось все меньше и меньше, но, на беду, в дело вмешалась ближайшая родственница Гусениц — бабочка Крапивница. На вид она была совершенно

безобидная и даже хорошенькая, но на самом деле ужасно вредная. Так иногда бывает.

Да, я забыл тебе сказать, что Серая Звездочка никогда не трогала Бабочек.

— Почему? — спросил Ежонок. — Они невкусные?

— Совсем не потому, глупыш. Скорее всего потому, что бабочки похожи на цветы, а ведь Звездочка так любила Цветы! И, наверно, она не знала, что Бабочки и Гусеницы — почти одно и то же. Ведь Гусеницы превращаются в Бабочек, а от Бабочек выводятся новые Гусеницы...

Так вот, хитрая Крапивница придумала хитрый план — как погубить Серую Звездочку.

«Я скоро спасу вас от этой мерзкой жабы!» — сказала она своим сестрам Гусеницам, своим друзьям — Жукам и Слизнякам. И улетела из сада.

А когда она вернулась, за ней бежал Очень Глупый Мальчишка. В руке у него была тютетейка, он размахивал ею в воздухе и думал, что вот-вот поймает хорошенькую Крапивницу. Тютетейкой.

А хитрая Крапивница делала вид, что вот-вот попадет: сядет на цветок, притворится, будто не замечает Очень Глупого Мальчишку, а потом вдруг вспорхнет перед самым его носом и перелетает на следующую клумбу.

И так она заманила Очень Глупого Мальчишку в самую глубину сада, как раз на ту дорожку, где сидела Серая Звездочка и беседовала с Ученым Скворцом.

Крапивница была сразу же наказана за свой подлый поступок: Ученый Скворец молнией слетел с ветки и схватил ее клювом. Но было уже поздно, потому что Очень Глупый Мальчишка заметил Серую Звездочку.

«Жаба, жаба! — закричал он очень глупым голосом. — У-у-у, какая противная! Бей жабу! Бей!»

Серая Звездочка сперва не поняла, что он говорит о ней, — ведь ее никто еще не называл жабой. Она не двинулась с места и тогда, когда Очень Глупый Мальчишка замахнулся на нее камнем.

«Звездочка, спасайся!» — отчаянным голосом крикнул ей Ученый Скворец, чуть не подавившись Крапивницей.

В ту же минуту тяжелый камень шлепнулся на землю рядом с Серой Звездочкой. К счастью, Очень Глупый Мальчишка промахнулся, и Серая Звездочка успела отскочить в сторону. Цветы и Трава скрыли ее от глаз. Но Очень Глупый Мальчишка не унимался. Он подобрал еще несколько камней и продолжал швырять их туда, где шевелились трава и цветы.

«Жаба! Ядовитая жаба! — кричал он. — Бей уродину!»

«Дур-ра-чок! Дур-ра-чок! — крикнул ему Ученый Скворец. — Что за путаница у тебя в голове? Ведь она полезная! Кажется, ясно?»

Но Очень Глупый Мальчишка схватил палку и полез прямо в Розовый Куст — туда, где, как ему казалось, спряталась Серая Звездочка.

Розовый Куст изо всех сил уколол его своими острыми колючками. И Очень Глупый Мальчишка с ревом побежал из сада.

— Ураа! — закричал Ежонок.

— Да, брат, колючки — это хорошая вещь! — продолжал Ежик. — Если бы у Серой Звездочки были колючки, то, возможно, ей не пришлось бы так горько плакать в этот день. Но, как ты знаешь, колючек у нее не было, и потому она сидела под корнями Розового Куста и горько-горько плакала. «Он назвал меня жабой, — рыдала она, — уродиной! Так сказал Человек, а ведь люди все-все знают! Значит, я жаба, жаба!...».

Все утешали ее как могли: Анютины Глазки говорили, что она всегда останется их милой Серой Звездочкой; Розы говорили ей, что красота — не самое главное в жизни (с их стороны это была немалая жертва). «Не плачь, Ванечка-Манечка», — повторяли Иван-да-Марья, а Колокольчики шептали: «Динь-Динь, Динь-Динь», и это тоже звучало очень утешительно.

Но Серая Звездочка плакала так громко, что не слышала утешений. Так всегда бывает, когда начинают утешать слишком рано. Цветы этого не знали, но зато это прекрасно знал Ученый Скворец. Он дал Серой Звездочке вволю выплакаться, а потом сказал:

«Я не буду тебя утешать, дорогая. Скажу тебе только одно: дело не в названии. И уж, во всяком случае, совершенно неважно, что про тебя скажет какой-то Глупый Мальчишка, у которого в голове одна путаница! Для всех твоих друзей ты была и будешь милой Серой Звездочкой. Кажется, ясно?»

И он засвистел Музыкальное произведение про... про Ежика-Пыжика, чтобы развеселить Серую Звездочку и показать, что считает разговор оконченным.

Серая Звездочка перестала плакать.

«Ты, конечно, прав, Скворушка, — сказала она. — Конечно, дело не в названии... Но все-таки... все-таки я, пожалуй, не буду больше приходить в сад днем, чтобы... чтобы не встретить кого-нибудь глупого...»

И с тех пор Серая Звездочка — и не только она, а и все ее братья, сестры, дети и внуки приходят в сад и делают свое Полезное Дело только по ночам.

А. ПУШКИН

Сказка о Царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —

То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —

То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».
Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».
В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простоя,
На добра-коня садясь,
Ей наказывал себя
Побережь, его любя.
Между тем, как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».
Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решенья».
Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобратить его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,

Времени не тратя даром,
И царицу, и приплот
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волно —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.
В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понадужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.
Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.
К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клев кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом

Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил!
Век тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».
Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;

Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острове
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной

Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;

Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесь
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободренной душой
Князь пошел себе домой;

Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана...»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окиану
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?»

Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,

Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загрывает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится...
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вот уж! постой немножко,
Погоди...» А князь — в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?»

Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенести я в мой удел».
«А какое ж это диво?»
— Где-то вздуется бурливо
Окиан, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».
Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалось вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идет
И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;

Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежедневно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит, и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь поплывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и золотом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит...
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо;

В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе золотой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха,
Усмехнувшись, говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают, или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,

Месяц под косою блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величавая,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужко! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся, гляжу,
Неженат лишь я хожу».
— А кого же на примете
Ты имеешь? — «Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.

Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает—
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,

Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;

А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окиану
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался—
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,

Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».
Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда». —
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольных зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.
Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,

И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеял двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна блещит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем зыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

П. БАЖОВ

СЕРЕБРЯНОЕ КОПЫТЦЕ

(В сокр.)

Жил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя.

Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей — не знают ли кого, а соседи и говорят:

— Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее.

— Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

— Знавал я Григорья, да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли?

Соседи объясняют:

— Плохое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и взъездается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

— И то правда, — отвечает Кокованя. — Уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит — полна изба народу, больших и маленьких. У печки девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно. Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

— Это у вас Григорьева-то подаренка?

Хозяйка отвечает:

— Она самая. Мало одной-то, так еще кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

Кокованя и говорит:

— Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет.

Потом и спрашивает у сиротки:

— Ну как, подаренушка, пойдешь ко мне жить?

Девчоночка удивилась:

— Ты, дедо, как узнал, что меня Даренкой зовут?

— Да так, — отвечает, — само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

— Ты хоть кто? — спрашивает девчоночка.
— Я, — говорит, — вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да все увидеть не могу.
— Застрелишь его?
— Нет, — отвечает Кокованя. — Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.
— Тебе на что это?
— А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу. Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит — старик веселый да ласковый. Она и говорит:
— Пойду. Только ты эту кошку, Муренку, тоже возьми. Гляди, какая хорошая.
— Про это, — отвечает Кокованя, — что и говорить. Таковую звонкую кошку не взять — дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.
Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Даренкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал. Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трется у ног-то да мурлычет: «Пр-равильно придумал. Пр-равильно».
Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, и кошчонка ободранная за ними попрыгивает.
Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Дарена да кошка Муренка. Жили-поживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было. Кокованя с утра на работу уходил, Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила — мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им.
Старик был мастер сказки сказывать. Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:
«Пр-равильно говорит. Пр-равильно».
Только после всякой сказки Даренка напомним:
— Дедо, про козла-то скажи. Какой он?
Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:
— Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груды дорогих камней.

...Ушел Кокованя. Осталась Даренка с Муренкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит — Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит — от лесу какой-то

комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела — это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек. Выбежала Даренка поглядеть, а никого нет. Подождала-подождала, воротилась в балаган, да и говорит:

— Видно, задремала я. Мне и показалось. Муренка мурлычет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Легла Даренка рядом с кошкой да и уснула до утра.

Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучненько стало Даренке, а не плачет. Гладит Муренку да приговаривает:

— Не скучай, Муренушка! Завтра дедо непременно придет.

Муренка свою песенку поет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Посидела опять Даренушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться — вдруг по стенке топоток прошел. Испугалась Даренка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом — где дверка, а там и сверху запостукивало. Негромко, будто кто легонький да быстрый ходит.

Даренка и думает: «Не козел ли тот, вчерашний, прибежал?»

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках.

Даренка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся! Повернулся и побежал.

Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

— Поглядела я на Серебряное Копытце. И рожки видела и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой топает, дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Муренка знай свою песенку поет: «Пр-равильно говоришь. Пр-равильно».

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запokaпывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нету. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка — кошка близко на покосном ложке сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать.

Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит — и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются.

Вдруг Муřenка скок туда же! Встала рядом с козлом, громко мякнула, и ни Муřenки, ни Серебряного Копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Даренка запросила:

— Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб.

Все бы хорошо, да Муřenки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное Копытце тоже не показало. Потешил раз — и будет.

А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Н. ТЕЛЕШОВ

КРУПЕНИЧКА

Так рассказывают старые люди.

У воеводы Всеслава была единственная дочь, по имени Крупеничка. Шел год за годом, и из русой девочки с голубыми глазами обратилась Крупеничка в редкостную красавицу. Стали подумывать родители, за кого отдать ее замуж. Выдавать дочку на чужую сторону они и думать не хотели и выбирали такого зятя, чтобы жить всем вместе и никогда не расставаться с Крупеничкой.

Слава о дивной красавице далеко разносилась вокруг, и Всеслав этим очень гордился. Но старая мамушка Варварушка боялась такой славы и всегда сердилась, когда ее спрашивали о красоте Крупенички.

— Никакой красавицы у нас нету! — ворчала она. — Вон у соседей — у тех правда красавицы дочери. А у нас — девица как девица: таких везде много, как наша.

А сама налюбоваться и наглядеться не могла на свою Крупеничку. Знала, что красивей ее никого нет; и красивее нет, и добрей, и милей нету. Старые и молодые, бедные и богатые, свои и чужие — все любили Крупеничку за ее доброе сердце.

В народе даже песенка про нее сложилась:

Крупеничка, красная девица,
Голубка ты наша, радость-сердце,
Живи, цветы, молодейся,
Будь всем добрым людям на радость!

Летела, летела слава о красоте Крупенички и долетела до татарского становища, до военачальника Талантая.

— Гой вы, храбрые воины, удалые наездники! Покажите-ка мне, что за красавица такая дочка воеводы Всеслава, Крупеничка, — сказал Талантай. — Не годится ли она в жены нашему хану?

Сели на коней три наездника, надели на себя халаты: один надел халат зеленый, точно трава; другой — серый, точно дорога лесная; третий коричневый, как сосновый ствол.

Прищурили наездники хитрые глаза, улыгнулись друг другу одними углами губ, задорно встряхнули бритыми головами в мохнатых шапках и поехали-поскакали с молодецким покриком. А через несколько дней вернулись и привезли с собой Талантаю, для хана своего, подарок: дивную красавицу — Крупеничку.

Шла она с мамушкой Варварушкой купаться в озере; а в лесу, как нарочно, ягодка за ягодкой — спелая земляника так и заманивает глубже в чащу. А мамушка все рассказывает ей про одолень-траву, что растет белыми звездами среди озера; надобно собрать этой одолень-травы и в пояс зашить, и тогда с человеком никакой беды не случится: одолень-трава всякую беду отведет. И вскрикнуть обе не успели, как поднялась вдруг перед ними столбом серая пыль с тропинки, с одной стороны сорвался с места сосновый пенек лесной и бросился им под ноги, а с другой стороны прыгнул на них зеленый куст. Подхватили они Крупеничку — и тут только увидела мамушка Варварушка, что это был за куст зеленый. Вцепилась она в него что было силы, но хитро извернулся татарин и выскользнул из своей одежды, злодей. Варварушка так и повалилась на землю с зеленым халатом в руках. А что было дальше, она не знала, не ведала, точно затмился с горя ее рассудок. Сидит она целыми днями на берегу озера, глядит на простор воды да все приговаривает:

— Одолень-трава! Одолей ты мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса дремучие, дай ты мне, одолень-трава, увидеть мою милую Крупеничку!

Сидела она так-то над озером да горевала и плакала, как вдруг подошел к ней прохожий старичок, низенький, тощенький, с белой бородкой, с сумочкой за плечами, и говорит Варварушке:

— Иду я в дальнюю сторону басурманскую. Не снести ль кому от тебя поклон?

Посмотрела на него Варварушка и спрашивает:

— А кто ты таков, добрый человек? Как тебя зовут?

— А зовут меня Одолень-трава.

Обрадовалась Варварушка, бросилась с плачем старичку в ноги и опять заголосила, как безумная:

— Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, дурно бы нам не делали. Верни, старичок, мне мою Крупеничку!

Выслушал ее старичок и ласково ответил:

— Коли так, будь же ты мне в дороге верной спутницей, в трудах помощницей!

Так сказал он мамушке и взмахнул рукавом над ее головой. И тотчас Варварушка обратилась в дорожный посох. С ним и пошел старичок в путь-дорогу. Где

гора крута, посошок ему опорой служит, где чаща густа — он кусты раздвигает, где собаки злы — он их отгоняет.

Шел, шел старичок и пришел в татарское становище, где жил Талантай и где снаряжали в ту пору караван для отсылки хану драгоценных подарков. Отсылали золото и меха, камни самоцветные и снаряжали в дальний путь красавиц невольниц.

Среди них была и Крупеничка.

Остановился старичок у дороги, по которой должен был идти караван, развернул свой узелок и начал раскладывать, будто для продажи, разные сласти: тут у него и мед, и пряники, и орехи. Огляделся он по сторонам — нет ли кого, поднял над головой и бросил оземь свой посох дорожный, потом взмахнул над ним рукавом — и вместо посоха поднялась с травы и стоит перед ним мамушка Варварушка.

— Ну, теперь, мамушка, не зевай, — говорит ей старичок. — Гляди во все глаза на дорогу: на нее вскоре упадет малое зернышко. Как упадет, бери его скорей, зажимай в руке и береги, покуда домой не вернемся. Смотри не потеряй зернышка, коль мила тебе твоя Крупеничка.

Вот и тронулся караван из становища; проходит он по дороге мимо старичка, а тот на лужайке сидит, разложил вокруг себя сласти и приветливо покрикивает:

— Кушайте, красавицы, соты медовые, пряники душистые, орехи каленые!

И мамушка Варварушка ему поддакивает:

— Кушайте, красавицы: веселее будете, румянее станете!

Увидели их татары, велели сейчас же сластями красавиц попотчевать. И старики понесли им свое угощение:

— Кушайте, кушайте на здоровье!

Обступили их девушки; одни посмеиваются, другие молча глядят, третьи печалются, отворачиваются.

— Кушайте, девицы! Кушайте, красавицы!

Еще издали завидела Крупеничка свою мамушку Варварушку. Сердце у нее так в груди и запрыгало, а лицо побелело.

Чувствует она, что неспроста пришла сюда старуха и неспроста не признает ее, а идет к ней словно чужая: не здоровается, не кланяется, идет прямо на нее, во все глаза глядит и только громким голосом твердит одно и то же:

— Кушайте, милые, кушайте!

Старичок тоже покрикивает, а сам во все стороны раздает кому орехов, кому меду, кому пряников — и всем стало вдруг весело.

Подошел старичок поближе к Крупеничке да как выбросит в воздух в левую сторону от нее у всех над головами целую горсть гостинцев, да еще горсть, да еще горсть... Кинулись девушки ловить да подбирать гостинцы, а он взмахнул рукавом над Крупеничкой в правую сторону — и Крупенички не стало. Только упало вместо нее на дорогу малое гречишное зернышко.

Бросилась за ним мамушка Варварушка, схватила зернышко в руку и зажала крепко-накрепко, а старичок махнул и над нею рукавом — и вместо Варварушки поднял с земли дорожный посох.

— Кушайте, красавицы, кушайте на здоровье!

Роздал он поскорее все остатки, встряхнул пустым мешочком, поклонился всем на прощанье и пошел потихоньку своим путем, опираясь на посох. Татары ему еще воловий пузырь с кумысом на дорогу дали.

Никто и не заметил сразу, что невольниц стало на одну меньше.

Долго ли, коротко ли, возвратился благополучно старичок на тот самый берег, где повстречался с мамушкой Варварушкой, где вдоль по озеру раскинулись зеленые широкие листья и белыми звездами по воде цвела одолень-трава. Кинул он оземь свой посох дорожный — и перед ним опять стоит мамушка Варварушка: правая рука в кулачок зажата и к сердцу приложена — не оторвешь.

Спросил ее старичок:

— Укажи мне: где здесь у вас поле, никогда не паханное, где земля, никогда не сеянная?

— А вот тут, около озера, — отвечает Варварушка, — поляна никогда не пахана, земля никогда не сеяна; цветет она чем сама засеется.

Взял тогда старичок из рук у нее гречишное зернышко, бросил его на землю несеяную и сказал:

— Крупеничка, красная девица, живи, цвети, молодейся добрым людям на радость! А ты, греча, выцветай, созревай, завивайся — будь ты всем людям на угоду!

Проговорил — и исчез старичок, как будто никогда его здесь и не было. Глядит мамушка Варварушка, протирает глаза, будто спросонья, и видит перед собой Крупеничку, красавицу свою ненаглядную, живую и здоровую.

А там, где упало малое зернышко, зазеленело невиданное доселе растение, и развело оно по всей стране цветистую душистую гречу, про которую и теперь, когда ее сеют, поют старинную песенку:

Крупеничка, красная девица,
Кормилка ты наша, радость-сердце.
Цвети, выцветай, молодейся,
Мудрее, курчавей завивайся,
Будь всем добрым людям на угоду!

Во время посева, 13 июня, в день Гречишницы, в старину всякого странника, бывало, угощали кашей — досыта.

Странники ели да похваливали и желали, чтоб посев был счастливый, чтоб гречи уродилось на полях видимо-невидимо, потому что без хлеба да без каши ни во что труды наши!

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

Жила девочка Женя. Однажды послала ее мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика. Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зеваает, вывески читает, ворон считает. А тем временем сзади пристала незнакомая собака да все баранки одну за другой и съела: съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась ее догонять.

Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись — старушка.

— Девочка, девочка, почему ты плачешь?

Женя старушке все и рассказала.

Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется — цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

— Этот цветик, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели сделать то-то или то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы ты проводила ее до ближайшего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась по своему обыкновению, заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила, про заветный цветок.

— А ну-ка посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками!

Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!».

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке.

В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила, тятя-растяпа! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку?

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая!

Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться.

Мама прибежала из кухни — глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчишки играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчишки, мальчишки, примите меня поиграть!

— Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.

— Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?
— Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.
— Значит, не принимаете?
— Не принимаем. Уходи!
— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе!

Не успела она это сказать, как вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок.

Женя, как была в летнем платьице с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе. А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвертый — потерянный, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи.

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе!

И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчики на нее смотрят и смеются:

— Ну и где же твой Северный полюс?
— Я там была.
— Мы не видели. Докажи!
— Смотрите — у меня еще висит сосулька.
— Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошах. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

«Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!».

Вынула цветик-семицветик, оторвала оранжевый лепесток, кинула и сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели, чтобы все игрушки, какие есть на свете, были мои!

И в тот же миг, откуда ни возьмись, со всех сторон повалили к Жене игрушки.

Первыми, конечно, прибежали куклы, громко хлопая глазами и пища без передышки: «папа-мама», «папа-мама». Женя сначала очень обрадовалась, но кукол оказалось так много, что они сразу заполнили весь двор, переулок, две улицы и половину площади. Невозможно было сделать шагу, чтобы не наступить на куклу. Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало. За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях. Движение в городе остановилось. Поставшие милиционеры влезли на фонари.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову. — Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили...

Уже весь город был завален до самых крыш игрушками.

Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,

Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины!

И тотчас все игрушки исчезли. Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперед буду умнее.

Пошла она на улицу, идет и думает: «Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю-ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую бананку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет, лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело.

А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселье, но смиренные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голосом, дрожащим от счастья:

— Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

— Вели, чтобы Витя был здоров!

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

❧ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН ❧

Поэзия

А. МИЛН

Баллада о королевском бутерброде

(Пер. с англ. С. Маршака)

Король его величество
Просил ее величество,
Чтобы ее величество
Спросила у молочницы:
Нельзя ль доставить масла
На завтрак королю.

Придворная молочница
Сказала: — Разумеется:
Схожу, скажу корове,
Покуда я не сплю! —

Придворная молочница
Пошла к своей корове
И говорит корове,
Лежащей на полу:

— Велели их величества
Известное количество
Отборнейшего масла
Доставить к их столу! —

Ленивая корова
Ответила спросонья:
— Скажите их величествам,
Что нынче очень многие
Двуногие, безрогие
Предпочитают мармелад,
А также пастилу!

Придворная молочница
Сказала: — Вы подумайте! —
И тут же королеве
Представила доклад:

— Сто раз прошу прощения
За это предложение,
Но если вы намажете
На тонкий ломтик хлеба
Фруктовый мармелад, —
Король его величество,
Наверно, будет рад! —

Тотчас же королева
Пошла к его величеству
И, будто между прочим,
Сказала невпопад:

— Ах да, мой друг, по поводу
Обещанного масла...
Хотите ли попробовать
На завтрак мармелад?

Король ответил:
— Глупости! —
Король сказал:
— О, боже мой! —
Король вздохнул:
— О, Господи! —
И снова лег в кровать.

— Еще никто, —
Сказал он, —
— Никто меня на свете
Не называл капризным.
Просил я только масла
На завтрак мне подать! —

На это королева сказала:
— Ну конечно!.. —
И тут же приказала
Молочницу позвать.

Придворная молочница
Сказала:
— Ну, конечно! —
И тут же побежала
В коровий хлев опять.

Придворная корова
Сказала:
— В чем же дело?
Я ничего дурного
Сказать вам не хотела.

Возьмите простокваши,
И молока для каши,
И сливочного масла
Могу вам тоже дать! —

Придворная молочница
Сказала:
— Благодарствуйте! —
И масло на подносе
Послала королю.

Король воскликнул:
— Масло!
Отличнейшее масло!
Прекраснейшее масло!
Я так его люблю!

— Никто, никто, — сказал он
И вылез из кровати,
— Никто, никто, — сказал он,
Спускаясь вниз в халате,
— Никто, никто, — сказал он,
Намылив руки мылом,
— Никто, никто, — сказал он,
Съезжая по перилам,

— Никто не скажет, будто я
Тиран и сумасброд,
За то, что к чаю я люблю
Хороший бутерброд.

В. СМИТ

Про летающую корову

(Пер. с англ. Б. Заходера)

Очень многие
Считают,
Что Коровы не летают,
Так что я
Беру с вас слово:
Кто увидит, что Корова
Пролетает в вышине,
Тот,
Договорившись с мамой,
Пусть сейчас же телеграммой
(Лучше — срочной телеграммой!)
Сообщит об этом мне!

Я. БЖЕХВА

На Горизонтских островах

(Пер. с польск. Б. Заходера)

На веселых,
На зеленых
Горизонтских островах,
По свидетельству ученых,

Ходят все
На головах!

Говорят,
Что там живет
Трехголовый Кашалот,
Сам играет на рояле,
Сам танцует,
Сам поет!

По горам на самокате
Ездят там
Бычки в томате!
А один ученый Кот
Даже водит
Вертолет!

Там растут на вербе груши,
Шоколад
И мармелад,
А по морю, как по суше,
Скачут зайцы,
Говорят!

Дети
Взрослых
Учат в школах!
Вот какие,
В двух словах,
Чудеса
На тех веселых
Горизонтских островах!

Иногда мне жаль немного,
Что никак —
Ни мне, ни вам! —
Не найти нигде
Дорогу
К этим славным островам!

ДЖ. РИВЗ

Шумный Ба-бах

(Пер. с англ. М. Бородицкой)

В очень громких сапогах
Ходит по лесу Ба-бах!
И заслышав этот звук
В ветках спрятался Тук-тук,
На сосну взбежал Цок-цок,
В чашу кинулся Прыг-скок;
Чик-чиришка в листья — порх!
Шебуршонок в норку — шорх!
Тихо-тихо все сидят
И, хихикая, следят,
Как шумит в лесу Ба-бах
В очень громких сапогах.

Ю. ТУВИМ

Письмо ко всем детям по одному очень важному делу

(Пер. с польск. С. Михалкова)

Дорогие мои дети!
Я пишу вам письмецо:
Я прошу вас, мойте чаще
Ваши руки и лицо.

Все равно какой водою:
Кипяченой, ключевой,
Из реки иль из колодца,
Или просто дождевой!

Нужно мыться непременно
Утром, вечером и днем —
Перед каждою едою,
После сна и перед сном!

Тритесь губкой и мочалкой,
Потерпите — не беда!

И чернила, и варенье
Смоют мыло и вода.

Дорогие мои дети!
Очень, очень вас прошу:
Мойтесь чище, мойтесь чаще —
Я грязнуль не выношу.

Не подам руки грязнулям,
Не поеду в гости к ним!
Сам я моюсь очень часто.
До свиданья!

Ваш Тувим.

М. КАРЕМ

Мирная считалка

(Пер. с франц. В. Берестова)

Раз-два-три-четыре-пять!
Всех чудес не сосчитать.
Красный, белый, желтый, синий!
Медь, железо, алюминий!
Солнце, воздух и вода!
Горы, реки, города!
Труд, веселье, сладкий сон!
А война пусть выйдет вон!

Литературные сказки

Х. МЯКЕЛЯ

Господин Ау

(Главы из книги, пер. с финск. Э. Успенского)

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Господин Ау идет на работу

Дядюшка Ау, он же господин Ау, открыл глаза. Но тотчас же закрыл их, как только увидел, что вовсю светит солнце. Он поплотнее завернул себя в одеяло и удобнее уложил себя на подушке. Ему не надо было спешить в детский сад, в школу или на завод. Он жил в лесу и вставал, когда хотел.

— А-аах! У-уух! — произнес он и захрапел, затарахтел во сне как тарактело бы метро в городе Хельсинки, если бы оно там было.

Пока он тарактел, ступились сумерки.

«Приехали, — решил дядюшка Ау. — Пора вставать».

У него не было горячего желания немедленно вылезти из постели. Но его ждали дела.

Если где-то ни с того ни с сего заскрипит дверь...

Что-то загрохочет и страшно свалится...

Нож сверкнет около кладбища...

Ни с того ни с сего вдруг жутко завоет и заушает...

Это работа господина Ау. Вернее, господ Ау, целого семейства, начиная с прапрадедушки и кончая просто дедушкой. Такая у них доля и квалификация.

Жалко, что папа куда-то исчез. Если что-то неведомое в лесу застонет и замечется... Под кроватью кто-то заворочается, а никого нет... На кухне зашлепают босыми ногами и зачавкает... Все это господин Ау. Суровый, но справедливый, мрачный, в черном плаще. Отчаянный и беспощадный.

Как говорилось выше, отец господина Ау, то есть папа, куда-то пропал. А дедушка не мог толком объяснить, почему дядюшка Ау должен все это делать.

— Так заведено! — говорил он обычно.

Или:

— Не нашего ума дело.

Или:

— Наш прадед терпел и нам велел. Мы люди темные.

Других доводов у дедушки не было. И мотивировок тоже. Скорее всего, дедушка дядюшки Ау не был маяком разума. Да и лучом света в лесном царстве, пожалуй, его никто бы назвать не рискнул.

Слава богу, что он еще научил господина Ау читать, заниматься волшебством и пользоваться волшебной книгой. Что он передал внуку основные азы пугания, кричания, шастания по лесам и чердакам.

«Конечно, — иногда думал дядюшка Ау, — мой дедушка был темный. Но он был умелец. Одних видов скрипа он знал двести! А по части клацания, чавкания и воя он мог бы просто выступать в художественной самодеятельности!».

И тепло подступало к сердцу несколько мрачноватого и суроватого дядюшки Ау. И его мрачноватость и суроватость немного рассеивались.

«Пора! — решительно решил господин Ау. — Рабочий день начинается».

Хотя начиналась рабочая ночь.

Надев огромные, кажется бабушкины, боты и еще не совсем просохший брезентовый плащ, дядюшка вышел из дома. Причем он ну никак не мог решить, где ему держать бороду — под плащом или над плащом. Так — неудобно, а так промокает.

— Так неудобно. А так — промокает! Так — неудобно. А так — промокает! бормотал он.

Бух! Это он врезался в дерево. Он сразу забыл про бороду и стал думать про шишку. Где ее держать — под капюшоном или снаружи? Так — слишком жарко, а так — слишком холодно.

Хлоп! Он свалился в лужу. Вот не везет. Зато он сразу забыл о шишке и стал снова думать о бороде. Где ее сушить: под плащом — ему мокро, снаружи бороде. Хорошо, что вдали показался свет, и это отвлекло дядюшку.

«Хватит фокусов. Начинаются рабочие будни!».

Господин Ау стал присматриваться. Из-за темных осенних деревьев пробивался слабый свет. Там была маленькая избушка. Очень маленькая.

«Может быть, там живут и маленькие люди. Такие же, как я, — подумал господин Ау и даже обрадовался. — Они могут и по-настоящему испугаться меня. Как в старину».

Он тихонечко подобрался к окну и заглянул в домик. В маленькой комнате, на маленькой постели сидела маленькая девочка. С яркой огромной книжкой.

— Вот подходящий для меня случай, — решил господин Ау.

Он открыл окно, ибо господа Ау мастера в таких делах, и бесшумно проник в комнату.

Девочка и не заметила ничего. Ее звали Римма. Ей только что исполнилось шесть лет. Она жила с бабушкой и кошкой. Кошка ушла ловить мышей, а бабушка ушла на кухню пить кофе. В Финляндии это не редкость.

Римма, вместо того чтобы спать, читала по складам книжку. В Финляндии есть такие девочки, которые незаметно читают книжки, когда им давно положено спать. Книжка называлась «Правдивые рассказы о привидениях». А читала Римма вслух.

— Бы-ло одна-ж-ды од-но п..п..приви... одно приви... при-ви-...-дение, ко-ко-кото-ро-я кричи-чи-ча-ча-ло стра-ш-ным голо-сом: «У-у-у».

— А-а-а! — закричал господин Ау и с поднятыми руками, оскалив зубы, бросился на середину комнаты. И стал там прыгать.

Девочка бросила книгу и смотрела на него с изумлением.

— Ты кто?

Дядюшка Ау остановился.

— Я буйный господин, страшный господин Ау! Нет черней и упрямей меня никого! Я бросаю детей в кастрюли и заставляю их кипеть и бурлить!

— Я люблю читать про привидения и смотреть привидения по телевизору. Но я не думала, что их уже доставляют на дом, — сказала девочка.

— Кого доставляют на дом? — удивился дядюшка Ау.

— Привидения.

— Меня никто не доставлял! Я сам себя доставил! — возмутился жуткий господин Ау.

— Попугай меня еще, — попросила Римма. — Только пострашней, пожалуйста, будь добр.

Ау взялся за дело. Он рычал, как лев или мотоцикл, пыхтел, бегал по стенке, показывал зубы и возникал в разных местах. Девочка смеялась.

— Мне уже давно не было так весело.

— «Куда мы идем? — подумал опасный Ау. — Нормальный ребенок давно бы зайкой стал. Или кричал бы так, что бабушка поседела. А эта!!! Тьфу!»

От разочарования он плюнул на пол и растер плевков ногой.

— Пожалуй, я пойду. Мне холодно, — сказал он. Девочка соскочила с кровати, сбегала на кухню и принесли ему пирожок. Господину Ау он показался огромным.

— Обещай, что еще придешь.

— Подумаем! — грозно ответил Ау. И направился к окну.

— Может, тебе открыть дверь? — спросила девочка.

Дядюшка Ау обернулся и гордо постучал носком бота по полу. Больше он ничего не сказал. Но все было ясно. Для умных. После этого он исчез, бултыхнувшись

через окно на траву. Он бежал по дороге, оберегая пирожок. Было темно и мокро. Вдруг кто-то страшно завыл впереди, в кустах, Господин Ау схватился за сердце. А это, оказывается, была обычная полицейская машина.

— Довели! — сказал господин Ау про кого-то. — Чтобы профессиональный пугатель, специалист по ужасам ужаснулся сам! Дедушка мой со стыда бы сгорел! Хорошо, что он уже умер.

Конечно, в этом не было ничего хорошего, что дедушка умер. Просто фраза такая получилась.

Хорошо, что дедушка ее не слышал. Хорошо, что он...

В избушке было темно. На плите кипела вода. Господин Ау заварил чай с медом, разогрел смородиновый сок и съел трофейный пирожок.

Он просушил одежду и лег в постель. Но сон не приходил. Дядюшка Ау поднял с пола волшебную книгу. «Тысяча и один магический и мрачный способ страшить людей». Стал читать, но буквы убежали от него муравьиными стаями и прыгали куда-то, как блохи.

«Я уже, кажется, состарился!» — подумал господин Ау печально.

Тем временем вся изба укуталась в мягкое покрывало и уснула. Дрова в печи стали краснеть и темнеть. Успокоился и уснул дядюшка Ау.

История вторая

Господин Ау и больное дерево

Утром дядюшка Ау проснулся бодрым.

«Неужели день? Давно не вставал я днем».

Он посмотрел в окошко. Желтый лист пролетел мимо окна. Господин Ау вздрогнул.

«Что? Яблоня, должно быть, болеет. Каждую осень с этим деревом что-то делается, и оно теряет листья, Я должен помочь ему. Я его вылечу».

Он разыскал в ящиках пластырь, иголку, нитку, ножницы, дедушкино лекарство от кашля и от облысения и вышел на улицу.

На улице было удивительно светло. Не то что ночью. Желтый лист зацепился за шип розы. Он был не один. Под яблоней лежали и другие пожелтевшие и коричневые листья.

Дядюшка Ау принес лестницу, приставил ее к дереву в осторожно взобрался на нее. Он приклеивал листья пластырем, пришивал их к веткам, приматывал нитками. Напоследок вылил все лекарства на корни дерева и вернулся домой.

«Молодец я! — хвалил себя дядюшка. — Ну просто отчаянный головорез. Личность космического масштаба!»

Он даже написал плакат на большом листе бумаги: «ДЕРЕВУ БЫТЬ ЗЕЛЕННЫМ!» — и ходил с этим плакатом вокруг яблони, пока не стемнело.

Потом господин Ау лег спать и быстро уснул. Ночью он видел длинный и ясный сон. Во сне разные острые и неудобные предметы, вроде вилок и граблей,

шли ему навстречу. Дядюшка Ау все время уворачивался от них и при этом все время падал с кровати.

Когда он увернулся в последний раз, уже было утро.

«Ничего! — подумал господин Ау. — Зато я уже на ногах. А то бы я час вылезал из-под одеяла!»

Он сразу побежал к окну. Что это? Дерево снова сбросило много-много листьев.

Даже не позавтракав, дядюшка снова взялся за дело. Весь день он опять клеил листья, красил их в зеленый цвет, приматывал нитками и ходил с плакатом «ДЕРЕВУ БЫТЬ ЗЕЛЕННЫМ!».

К вечеру дядюшка настолько устал, что, ни о чем не думая, завалился спать. Он упал на постель, как сосна, подрезанная бензопилой. И спал, как бревно, до утра.

А утром... Снова под деревом лежали опавшие листья...

«Ах так! Ну хорошо!».

Господин Ау двенадцать часов простоял на лестнице. Упрямо сжав зубы и не рассуждая, он привязывал листья и красил их зеленой краской. Висел на ветках вниз головой, шлепался и снова забирался вверх.

Но когда он шлепнулся последний раз, все листья снова были на ветках.

Призыв «ДЕРЕВУ БЫТЬ ЗЕЛЕННЫМ!» был претворен в жизнь. Более того, зеленым был и сам дядюшка от бороды до ботинок.

«Если дерево будет с листьями всю зиму, значит, у меня будут зимние яблоки».

Он был очень доволен собою, господин Ау.

«Да, есть во мне что-то крестьянское! Не зря я живу в сельской местности. Только не надо давать этому волю. Моя цель в жизни должна быть значительнее».

Он походил под деревом, держа руки за спиной.

— Не забывай, — сказал он сам себе, — на тебя смотрит Вселенная.

История третья

Господин Ау идет сначала в отпуск, а потом на рыбалку

Господин Ау решил взять маленький отпуск. «Работаешь, работаешь, как лошадь, и никакой благодарности со стороны ЭТИХ! В следующий раз устрой им забастовку!».

Отчаянный господин Ау очень часто ругал ЭТИХ.

Он говорил:

— ОНИ, небось, не ходят по ночам под дождем.

— У НИХ-ТО все есть! И шубы, и шапки! И валенки!

А если расспросить господина Ау, кто такие ЭТИ и ОНИ, которые так хорошо живут, у которых все есть и которые не дают хорошо жить господину Ау, он бы, наверное, не ответил.

— ОНИ, и все тут!

Отпуск-то он себе взял, а что с ним делать, совсем не знал.

В отпуске положено загорать, ходить в походы, уезжать на Гавайские острова и ловить рыбу.

Господин Ау решил остановиться на последнем. В дедушкином чулане он отыскал старую длинную удочку. Сам он довольно легко вышел из чулана, а удочка никак не хотела. Господин Ау уперся ногой в косяк двери и стал вытаскивать бамбуковую удочку наружу. Она натянулась, потом выгнулась, как лук, и выстрелила дядюшкой в чулан. Долго он гремел там по всем полкам. Наконец упрямство господина Ау взяло верх, и удочка была извлечена из чулана.

Бренча и стуча рыбацким снаряжением, дядюшка Ау направился к водным просторам. Он шел по теневой стороне дороги.

— Темнота — друг семейства Ау, — не поленился он лишний раз сказать сам себе.

У господина Ау не было под рукой внука, поэтому весь свой воспитательный талант он направил на самого себя.

Он прошел мимо избушки, где жила девочка Римма.

«Надо как-нибудь пострашать ее еще раз. Пусть напугается до смерти!» — жестоко решил господин Ау.

Тем временем лес кончился и открылось лесное озеро.

Господин Ау наладил удочку и, раскрутив ее, забросил крючок с наживкой подальше от берега. Удочка была тяжелая, и пока дядюшка крутил ее в одну сторону, его самого закручивало в другую.

Раздался треск, но крючок не ушел под воду. Озеро было покрыто прозрачным льдом.

«Застеклили! — мрачно подумал дядюшка. — Это ИХ рук дело!».

Господин Ау начал тянуть крючок на себя, но он за что-то зацепился и не хотел возвращаться к хозяину. Дядюшка потянул пружинистую удочку изо всех сил и неожиданно сам выехал на середину озера. Его ноги разбежались в разные стороны, и он расплющился по льду.

Дядюшка Ау был утомлен. Как будто он собирался пробежать десять километров, а пробежал одиннадцать.

Он решил отдохнуть. Все во льду отражалось очень красивым. Вверху были облака и елки, и внизу тоже. Господин Ау лежал, как на большом зеркале. Он решил рассмотреть свое отражение.

Но что это? Господина Ау охватил ужас. Снизу на него смотрела усатая шерстяная морда, бровастая, с большими, торчащими наружу зубами.

«Неужели я так изменился? — думал дядюшка Ау. — Вот что значит нерегулярное бритье. Но почему у меня такие зубы? Просто лесопилка во рту».

И тут до него дошло, кто на него глядит. Это был бобер, который, в свою очередь, очень заинтересовался господином Ау.

— Эй, ты, вылезай!

Бобер доплыл до ближайшей проруби и наполовину вылез наружу. Он упирался лапами в лед, как оратор на трибуне.

— Ну, вылез.

— Добрый день.

— Привет. Что ты тут делаешь?

— Ужу. Но не могу даже крючок погрузить в воду.

— Сейчас я помогу, — пообещал бобер. Он подошел к дядюшке Ау и прорубил своим хвостом прорубь.

— А ты кто? — спросил бобер.

— Я — господин Ау. Отчаянный, черный как смоль, страшный и весьма ужасный, — ответил дядюшка, сам не очень в этом убежденный. — Что-то не очень клюет. Не пойму, в чем дело.

— Я пойду посмотрю, — сказал бобер и бултыхнулся в соседнюю прорубь.

Без него дядюшке стало очень одиноко. Он начал мерзнуть.

«Хоть уходи из отпуска».

Тут бобер вылез на лед.

— Теперь можешь тянуть. Мне показалось, что на твоём крючке рыба.

Господин Ау потянул. И что же? На крючке была большущая рыба. Она была мокрая и скользкая. На морозе она тут же замерзла.

— Смотри! — гордо сказал дядюшка бобру. А бобер почему-то булькал.

Господин Ау попытался снять рыбу с крючка, но у него ничего не выходило. А бобер все булькал и трясся как в лихорадке. Потом он поскользнулся и хлопнулся в прорубь.

— Ой, не могу!

Дядюшка Ау смотрел ему вслед. В прорубь. Из проруби поднимались пузыри, и, когда они лопались, изнутри слышен был приглушенный смех.

«Нет, мне никогда не понять этот загадочный животный мир!», — решил господин Ау и направился домой.

Тяжелая рыба покачивалась на крючке. Это был новый, неизвестный науке вид рыбы — лещ сушеный, вяленый. А точнее — лещ сушеный, вяленый и очень вкусный.

История четвертая

Господин Ау получает посылку

Отчаянный и суровый господин Ау проснулся, так как почувствовал: кто-то стоит за дверью.

Он натянул на себя куртку, потом башмаки, подкрался к двери и выглянул.

Действительно, за дверью кто-то стоял, дядюшка Ау мельком увидел длинную тень.

— Ага! — сказал господин Ау. — Засада, — и он сунул руку в карман, чтобы приготовить нож.

Однако ножа не было и кармана тоже. Потому, что господин Ау забыл надеть штаны. Дядюшка кинулся к табуретке, на которой они лежали, и стал срочно засовывать ноги в брючины. Ничего не выходило, так как мешали ботинки.

— Спокойствие! — сказал сам себе жестокий Ау. — Начнем все сначала и без спешки.

Он разделся, лег в постель, потом снова вскочил. Теперь он уже одевался, не торопясь. Спокойно, как в медленном кино. Ему даже хотелось почистить ботинки и погладить брюки. Для полного спокойствия.

Тень была на прежнем месте.

«Внезапность — это уже половина победы!», — подумал господин Ау.

Он выпрыгнул из окна и начал медленно обходить вокруг дома. Угол приближался. Господин Ау приготовился к тигровому прыжку. Это когда всю силу направляют в задние лапы.

— Р-р-р! — взрычал он, как уссурийский тигр в Хельсинкском зоопарке, бросился вперед и тут же наступил на собственные шнурки.

Бум! И господин Ау растянулся во весь рост. Тишина. Осторожно дядюшка открыл один глаз, чтобы увидеть не всю опасность, а только ее половину, потом второй.

Но никакой опасности он не увидел, а увидел длинный предмет, воткнутый в снег.

«Кажется, я жив! — решил зловеющий господин Ау. — И слава богу. Если бы я умер, я бы взбесился от злости и все бы здесь разворотил. Им просто повезло! На этот раз!».

Загадочный длинный предмет был обернут бумагой. на которой было написано: «Губерния Уусимаа. Лес около города. Господину Ау».

«Знают меня в народе и на почте! — с гордостью отметил господин Ау. — Жалко только, что почтальоны меня не боятся. Слишком я стал прост и демократичен. Надо бы их подзапугать! Но, с другой стороны, если их запугаешь, они перестанут ходить сюда, и все. Ни одной посылки, ни одного письма, ни одной газеты не получишь!».

Чаша весов колебалась туда-сюда. На одной стороне лежали запуганные почтальоны, а на другой разные интересные и вкусные посылки.

«Этот вопрос слишком сложен для сейчас. Будем решать его зимой».

Дядюшка Ау стал смотреть, кто же отправил ему эту посылку? Но, как назло, обратный адрес весь размок, и, кроме слова «ОТПРАВИТЕ...», господин Ау прочитать ничего не сумел.

«Должно быть, иностранец, — решил господин. — Наверное, швед или араб. Никого не знаю с такой фамилией. И с таким именем ОТПРАВИТЕ».

Дальше было написано: «Лыжи — 1 компл., палки — 1 компл., ботинки — 1 компл.».

«Один, один и один — должно быть три предмета, — подумал дядюшка, вскрыв посылку. — А здесь их шесть».

Он взял лыжный ботинок и надел его. Потом второй. Ботинки были просто как на заказ. Помня опыт со шнурками, дядюшка затянул их на столько узлов, что даже концов не осталось.

Потом он стал совать ботинок в металлическую рогульку. Раз. Два. Ничего не выходило. Но как только дядюшка решил оставить свою затею, послышался щелчок, и лыжа прочно прилипла к ботинку господина Ау.

Вторая лыжа так и не прилипла.

«Ладно, — решил дядюшка, — покатаемся и так».

Снег лежал не везде, и сначала у господина Ау все шло удачно. Лыжная нога попадала на снежные пятна, а ботиночная бежала по земле. Потом этот стройный порядок стал нарушаться. Лыжная нога все чаще попадала на землю, а ботиночная в снег. В конце концов господин Ау рухнул на землю. Даже палки ему не помогли.

Другой бы расстроился и бросил это лыжное занятие. Другой бы, но не господин Ау! Вековое упрямство и свирепость гнали и гнали его вперед.

«Ни за что не пойду домой, пока не накатаюсь!».

Рот у господина Ау был забит травой, ботиночная нога промокла, и бока болели. А тут, как назло, кончился лес и совсем кончился снег.

Господин Ау просто рассвирепел.

«Пока я ехал сюда, я свалился пять раз. За обратную дорогу будет столько же. Итого десять. И все ради чего? Из-за того, что какой-то иностранный араб или швед прислал мне эти лыжи! Попадись он мне сейчас, одним иностранцем стало бы меньше!».

Тут впереди он заметил маленький домик. Тот самый домик, где жила девочка Римма с бабушкой и кошкой.

«Вот кто мне за все ответит! Раз нет посылочного иностранца, пусть рыдает тот, кто ближе. Нечего поселяться рядом со страшными господами Ау!».

Приняв решение, господин Ау никогда не менял его. Если оно было правильным. А неправильных решений он не принимал никогда. Решив напугать Римму, он двинулся к дому.

Римма была одна. Она играла с куклами. Куклы только что были приглашены на чашку кофе. На столе у них стоял торт, булка, маленькие пряники и коврижки. Из горячего кофейника шел пар. Римма разливала кофе гостям. Сначала самой старшей кукле.

— Вам кофе или чай? — спрашивала она.

— Сначала кофе, а потом чай! — отвечала старшая.

— А вам? — спрашивала Римма у куклы поменьше, но потолще.

— А мне сначала чай, а потом кофе. И то и другое с тортом.

— А вам? — обратилась Римма к самому маленькому кукленку.

— Мне мороженое, — ответил кукленок.

Услышав этот разговор, господин Ау чуть не лопнул от злости.

«Некоторые травы наелись, промокли насквозь, а некоторые чай и кофе пьют! И то и другое с тортом! Мне травы с тортом никто не давал! Ну, я им покажу!»

Господин Ау приоткрыл окошко, завыл жутким голосом и стал проникать в дом.

— У-у-у! — выл дядюшка что было сил.

Куклы и Римма перепугались.

— Ага! — торжествовал дядюшка и сделал решительный рывок в комнату. Но трах-тара-рах — лыжа не пускала его, и господин Ау повис на подоконнике в самом неудобном положении — попкой кверху. — Сейчас я вам задам! — кричал он, еще не понимая, что произошло.

Он не понимал, а девочка уже сообразила. Она поискала глазами и нашла самую необходимую в эту минуту вещь. А именно: плетеную выбивалку для ковров.

— Вот тебе, дурацкий грязный мелюзга! Призрак несчастный! Испортил весь кукольный званый вечер!

Господин Ау понял, что он попал в беду. Ему не оставалось ничего другого, как использовать волшебный дедушкин узелок — носовой платок. Он оперся одной ногой в подоконник и разогнулся. Потом засунул руку в карман и бросил узелок на пол. И крикнул неистовым голосом:

— А-а-а-а-ууууу! Смотри, кто бежит у твоих ног!

Трудно говорить правильно, находясь в таком неправильном положении. И Римма одеревенела. Так как у самых ее ног бегала живая мышь. Ее она боялась больше, чем всего ужасного семейства господ Ау, вместе взятого.

Господин Ау сразу ожил и приготовился к новым попыткам пугания. Но он забыл про кошку. А кошка, как назло, была здесь. В тот же миг она прыгнула, схватила мышонка и сразу проглотила его, как делают все кошки.

Господин Ау остолбенел от ярости. Один из его волшебных талисманов: носовой платок — узелок-мышь — исчез.

— Эту кошку надо вскрыть! — закричал он, когда к нему вернулся дар речи. — Там мой мышевой платок!

— Чего, чего? — переспросила девочка.

— Узевой мышок!

— Ах, узевой мышок, — повторяла Римма. — Ах, мышевой платок! Ах, кошку надо вскрыть! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Господин Ау крутился и сверкал, как черная молния.

Но ничего не получалось. Выбивалка порхала вокруг, как бабочка, все шлепала его по одному месту.

Наконец господин Ау успокоился.

— Мученье, ты не сделаешь мне больно!

А Римма устала. Она взяла дядюшку Ау за шиворот и вышвырнула на улицу.

— Остерегайся впредь обижать нас. А если когда-нибудь станешь повежливее, приходи сюда на чашку кофе вместе с куклами. Они собираются каждую среду в 12 часов.

Дома дядюшка Ау обещал себе, что больше никогда, никогда не пойдет к этой маленькой, сумасшедшей и опасной девочке.

Но дома его ждал еще один подарок — лыжа не хотела сниматься. Шнурки у богинок промокли и не развязывались, а механизм не отщелкивался.

«Может, принести зубило и кувалду! — думал господин Ау. — Но за ними надо идти в дом».

В дом он кое-как вошел вместе с лыжей. Прошел по комнате и даже заглянул в чулан. Но взять кувалду лыжа не давала. Он тянул руки, а лыжа упиралась в стенку.

Он понял, что сегодня с лыжей ему не расстаться.

Попытался сделать чай. Дров набрал, а запихнуть их в печку не смог.

Лыжа мешала.

Можно было растопить печку и сжечь кусок лыжи. Но, как уже говорилось, дров он набрал, а запихнуть в печку не мог.

«Вряд ли я сейчас чего сделаю, — думал в отчаянии господин Ау. — Не лучше ли будет, если я пойду сначала спать?».

Он сел на край постели и почувствовал, как сон охватил его. Тогда дядюшка закинул ногу вверх, поставил лыжу на пятку и задремал. Он был похож на человека в больнице, у которого нога на растяжке.

Спал он, конечно, не раздеваясь. Попробуйте вы стянуть ваши штаны, если у вас на ноге лыжа.

Но зато сон у него был хороший. Снилось ему кукольное кофепитие, и камин при этом топили не дровами, а плетеными выбивалками для ковров. Их сожгли штук двести.

Р. КИПЛИНГ

СЛОНОНОК

(Пер. с англ. К. Чуковского, стихи в пер. С. Мариака)

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давным-давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепешка, черненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но все же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давным-давно, жил один такой Слон, или, лучше сказать, Слононок, который был страшно любопытен и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тетке, и спрашивал ее, отчего у нее на хвосте перья растут так, а не этак, и долговязая тетка Страусиха давала ему за это тумака своей твердой-претвердой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дядьке Жирафу и спрашивал его, отчего у него на шкуре пятна, и длинноногий дядька Жираф давал ему за это тумака своим твердым-претвердым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тетку Бегемотиху, отчего у нее такие красные глаза, и толстая тетка Бегемотиха давала ему за это тумака своим толстым-пре-толстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядьку Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павиан давал ему за это тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас же спрашивал обо всем и тотчас же получал тумака от всех своих дядей и теток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слононок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой еще никто никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все испуганно и громко закричали:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, стали сыпать на него тумаки.

Били его долго, без передышки, но, когда кончили бить, он сейчас же подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тетки колотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное мое любопытство, и все же мне страшно хотелось бы знать: что кушает за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо, печально и горько всхлипывая:

— Ступай к берегу сонной, зловонной, мутно-зеленой реки Лимпопо, где растут ядовитые деревья, которые нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь все.

На следующий же день, когда от равноденствия ничего не осталось, этот любопытный Слононок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зеленых хрустящих дынь, взвалил все это на плечи и, пожелав своим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к сонной, зловонной, мутно-зеленой реке Лимпопо. Там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и я узнаю-таки, что кушает за обедом Крокодил.

И родственники еще раз хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно любезно просил их не беспокоиться.

И он ушел от них, слегка потрепанный, но не очень удивленный. Ел по дороге дыни, а корки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем.

Из города Грэма он пошел в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда наконец

не пришел к сонной, зловонной, мутно-зеленой реке Лимпопо, окруженной как раз такими деревьями, как говорила птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слононок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг какого-то утеса.

— Извините, пожалуйста! — сказал Слононок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — с сердцем переспросил Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Нашел о чем спрашивать!

— Извините, пожалуйста! — продолжал Слононок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слононку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуею.

— Вот чудеса! — сказал Слононок. — Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тетка колотила меня, и другой мой дядька, Павиан, колотил меня, и другая моя тетка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное мое любопытство, — здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попросился с Двухцветным Питоном, Скалистым Змеем, помог ему опять обмотаться вокруг скалы и пошел себе дальше. Хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю — потому что, повторяю, чем бы он стал их поднимать? — и скоро набрел на какое-то бревно, валявшееся у самого берега сонной, зловонной, мутно-зеленой реки Лимпопо, окруженной деревьями, нагоняющими лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это был Крокодил. И мигнул Крокодил одним глазом — вот так.

— Извините, пожалуйста! — обратился к нему Слононок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слононок (опять-таки очень учтиво) отступил назад, потому что новые тумаки не привлекали его.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил. — Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Извините, пожалуйста! — сказал Слононок чрезвычайно учтиво. — Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тетка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тетка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павиан,

колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей, вот только что колотил меня больно-пребольно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

И он заплакал крокодиловыми слезами, чтобы показать, что он и вправду Крокодил. Слононок ужасно обрадовался. У него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее: что кушаете вы за обедом?

— Подойди поближе, малютка, я шепну тебе на ушко.

Слононок нагнул голову близко-близко к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был нисколько не больше башмака.

— Мне кажется, — сказал Крокодил, и он сказал это сквозь зубы, вот так, — мне кажется, что сегодня на первое блюдо у меня будет молодой Слононок.

Слононку, мой милый мальчик, это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде беда, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно!)

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей, кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то мое мнение таково, что не успеешь ты сказать «раз, два, три!», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком, — так он величал Крокодила, — ты попадешь туда, в ту прозрачную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи, всегда говорят вот так.

Слононок сел на задние ножки и стал тянуться назад. Он тянул, и тянул, и тянул, и нос у него начал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил ее, как сбитые сливки, ударами своего хвоста и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слононка вытягивался, и Слононок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянул, и тянул, и тянул, и нос у него все вытягивался. И Крокодил бил хвостом, как веслом, и тоже тянул и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слононка нос, и больно было этому носу у-ж-ж-жас-но!

И вдруг Слононок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиной:

— Довольдо! Осдавьде! Я больше де богу! (Довольно! Оставьте! Я больше не могу!)

Услыхав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей, бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задней ноги Слононка и сказал:

— О неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо впечатление мое таково, что этот военный корабль с живым винтом и бронированной палубой, — так величал он Крокодила, — хочет испортить твою будущую карьеру...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи всегда выражаются так.

И вот тянет Змей, тянет Слононок, но тянет и Крокодил. Тянет, тянет, но так как Слононок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей, тянут сильнее, то Крокодил в конце концов должен выпустить носик Слононка — Крокодил отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слононок как стоял, так и сел и очень больно ударился, но все же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею, спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом — обернуть его холодноватыми листьями бананов и опустить в воду сонной, зловонной, мутно-зеленой реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему ты это делаешь? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Извините, пожалуйста, — сказал Слононок, — нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придется ждать! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слононок просидел над водою три дня и все поджидал, не станет ли у него нос короче. Однако нос не становился короче, и — мало того — из-за этого носа глаза у Слононка стали немного косыми. Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слононку нос в самый заправдашный хобот — точь-в-точь такой, какие есть у нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слононка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот, хлопнул хоботом муху — и убил ее насмерть.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним, булавочным носом? Кстати, не хочешь ли ты закусить?

И Слононок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле, сорвал добрый пучок травы, хлопнул им о передние ноги, чтобы стряхнуть с него пыль, и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним, булавочным носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так, — сказал Слононок.

И, сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из сонной, зловонной, мутно-зеленой реки Лимпопо немного илу и шлепнул его себе на голову. Ил расквасился мокрой лепешкой, и за уши Слононку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе и третья выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним, булабочным носом! И, кстати, что ты теперь думаешь насчет тумачков?

— Извините, пожалуйста, — сказал Слононок, — но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я с радостью! — сказал Слононок.

— Ты еще не знаешь своего носа! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Это просто клад, а не нос. Вздует кого угодно.

— Благодарю вас, — сказал Слононок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой. Я пойду к милым родственникам и проверю мой нос.

И пошел Слононок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом. Захочется ему сладких плодов — он срывает плоды прямо с дерева, а не стоит и не ждет, как прежде, чтобы они свалились на землю. Захочется ему травки — он рвет ее прямо с земли, а не бухается на колени, как бывало.

Мухи докучают ему — он сорвет с дерева ветку и машет ею, как веером. Припекает солнце — он опустит свой хобот в реку — и вот на голове у него холодная, мокрая нахлопка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот у него звончее сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать толстяка Бегемота, хорошенько отколотить его и проверить, правду ли сказал ему Двухцветный Питон, Скалистый Змей, про его новый нос. Поколотив Бегемота, он пошел по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо, — потому что он был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришел домой, к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за несносное твое любопытство.

— Эх, вы! — сказал Слононок. — Много вы смыслите в тумачках! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянемся бананами! — закричали они. — Где это ты так наострился и что у тебя такое с носом?

— Этот нос у меня новый, и дал мне его Крокодил на сонной, зловонной, мутно-зеленой реке Лимпопо, — сказал Слононок. — Я завел с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядька Павиан.

— Пожалуй, — сказал Слононок, — но полезный!

И он схватил волосатого дядьку Павиана за волосатую ногу и, раскачав, закинул его в осиное гнездо.

И так разошелся этот гадкий Слононок, что отколотил всех своих милых родственников. Бил он их, бил, так что им жарко стало. Те выпучили на него глаза от изумления. Он выдернул из хвоста у долгопязой тетки Страусихи чуть не все ее перья; он ухватил длинноногого дядьку Жирафа за заднюю ногу и поволок его по терновым кустам; с гиканьем стал он пускать пузыри прямо в ухо своей толстой тетке Бегемотихе, когда та дремала в воде после обеда; но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родственники — кто раньше, кто позже — отправились к сонной, зловонной, мутно-зеленой реке Лимпопо, окруженной деревьями, нагоняющими на людей лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, родственники уже больше не дрались, и с той поры, мой мальчик, у всех Слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех такой самый хобот, как у этого любопытного Слононка.

Есть у меня шестерка слуг
Проворных, удалых,
И все, что вижу я вокруг,
Все знаю я о них.

Я по утрам, едва встаю,
Всегда берусь за труд,
А слугам отдых я даю
Пускай едят и пьют.

Они по знаку моему
Являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему,
Кто, Что, Когда и Где.

Но у меня есть милый друг,
Особа юных лет.
Ей служат сотни тысяч слуг —
И всем покоя нет.

Бегут на запад, на восток,
На север и на юг.
Даю я каждому урок
И каждому досуг.

Она их гонит, как собак,
В ненастье, дождь и тьму, —
Пять тысяч Где, семь тысяч Как,
Сто тысяч Почему!

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ, ОПЯТЬ ПРИЛЕТЕЛ

(Главы в сокр., пер. со швед. Л. Лунгиной)

Карлсон, который живет на крыше

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живет самая обыкновенная шведская семья по фамилии Свантесон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трех самых обыкновенных ребят — Боссе, Бетан и Малыша.

— Я вовсе не самый обыкновенный малыш, — говорит Малыш.

Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые глаза, невымытые уши и разорванные на коленках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш — самый обыкновенный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит — он тоже самый обыкновенный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у нее косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек.

Во всем доме есть только одно не совсем обыкновенное существо — Карлсон, который живет на крыше. Да, он живет на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да еще в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живет именно там.

Карлсон — это маленький толстенький самоуверенный человек, и к тому же он умеет летать. На самолетах и вертолетах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор, — конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живется в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звезды. С крыши, разумеется, звезды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живет на крышах. Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой. И вообще, станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

— Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полез в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нем не вспоминал.

Малыш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались необычайные приключения. Карлсону, должно быть, тоже было приятно познакомиться с Малышом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да еще в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: «Привет, Карлсон!», когда ты пролетаешь мимо.

Их знакомство произошло в один из тех неудачных дней, когда быть Малышом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Малышом чудесно. Ведь Малыш — любимец всей семьи, и каждый балует его как только может. Но в тот день все шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он опять разорвал штаны, Бетан крикнула ему: «Вытри нос!», а папа рассердился, потому что Малыш поздно пришел из школы.

— По улицам слоняешься! — сказал папа.

«По улицам слоняешься!». Но ведь папа не знал, что по дороге домой Малышу повстречался щенок. Милый, прекрасный щенок, который обнюхал Малыша и приветливо завилял хвостом, словно хотел стать его щенком.

Если бы это зависело от Малыша, то желание щенка осуществилось бы тут же. Но беда заключалась в том, что мама и папа ни за что не хотели держать в доме собаку. А кроме того, из-за угла вдруг появилась какая-то тетка и закричала: «Рики! Рики! Сюда!», — и тогда Малышу стало совершенно ясно, что этот щенок уже никогда не станет его щенком.

— Похоже, что так всю жизнь и проживешь без собаки, — с горечью сказал Малыш, когда все обернулось против него. — Вот у тебя, мама, есть папа; и Боссе с Бетан тоже всегда вместе. А у меня — у меня никого нет!..

— Дорогой Малыш, ведь у тебя все мы! — сказала мама.

— Не знаю... — с еще большей горечью произнес Малыш, потому что ему вдруг показалось, что у него действительно никого и ничего нет на свете.

Впрочем, у него была своя комната, и он туда отправился.

Стоял ясный весенний вечер, окна были открыты, и белые занавески медленно раскачивались, словно здороваясь с маленькими бледными звездами, только что появившимися на чистом весеннем небе. Малыш облокотился о подоконник и стал смотреть в окно. Он думал о том прекрасном щенке, который повстречался ему сегодня. Быть может, этот щенок лежит сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик — не Малыш, а другой — сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: «Рики, ты чудесный пес!»

Малыш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжание. Оно становилось все громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо

окна пролетел толстый человечек. Это и был Карлсон, который живет на крыше. Но ведь в то время Малыш еще не знал его.

Карлсон окинул Малыша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрал высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернул назад, к окну. Затем он прибавил скорость и пронесся мимо Малыша, как настоящий маленький самолет. Потом сделал второй круг. Потом третий.

Малыш стоял не шелохнувшись и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мурашки — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал:

— Привет! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

— Да, да, пожалуйста, — поспешно ответил Малыш и добавил: — А что, трудно вот так летать?

— Мне — ни капельки, — важно произнес Карлсон, — потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увальню, похожую на мешок с сеном, подражать мне.

Малыш подумал, что на «мешок с сеном» обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

— Как тебя зовут? — спросил Карлсон.

— Малыш. Хотя по-настоящему меня зовут Сванте Свантесон.

— А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и все. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — сказал Малыш.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлсон.

— Семь, — ответил Малыш.

— Отлично. Продолжим разговор, — сказал сон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенькие ножки и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет? — спросил Малыш, решив, что Карлсон ведет себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

— Сколько мне лет? — переспросил Карлсон. — Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Малыш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только еще не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

— А в каком возрасте бывает расцвет сил?

— В любом! — ответил Карлсон с довольной улыбкой. — В любом, во всяком случае, когда речь идет обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошел к книжной полке Малыша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

— Давай запустим ее, — предложил Карлсон.

— Без папы нельзя, — сказал Малыш. — Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

— С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живет на крыше. Лучший в мире специалист по паровым машинам — это Карлсон, который живет на крыше. Так и передай своему папе! — сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажег фитиль.

Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности заплясали веселые голубые язычки пламени. Малыш испуганно вскрикнул и отскочил.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Малыш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

— Погляди, как испортилась полка! — озабоченно произнес Малыш. — Что теперь скажет мама?

— Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке — это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустил на колени возле паровой машины, и глаза его заблестели.

— Сейчас она начнет работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут... — пыхла она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам ее изобрел.

— Я должен проверить предохранительный клапан, — вдруг произнес Карлсон и принялся крутить какую-то маленькую ручку. — Если не проверить предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут... — пыхла машина все быстрее и быстрее. — Фут-фут-фут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась галопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Малыш уже перестал горевать по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил ее предохранительный клапан.

— Ну, Малыш, — сказал Карлсон, — вот это действительно «фут-фут-фут»! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе...

Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки ее разлетелись по всей комнате.

— Она взорвалась! — в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус. — Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Вот здорово!

Но Малыш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слез.

— Моя паровая машина... — всхлипывал он. — Моя паровая машина развалилась на куски!

— Пустяки, дело житейское! — И Карлсон беспечно махнул своей маленькой пухлой рукой. — Я тебе дам еще лучшую машину, — успокаивал он Малыша.

— Ты? — удивился Малыш.

— Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

— Где это у тебя там, наверху?

— Наверху, в моем домике на крыше.

— У тебя есть домик на крыше? — переспросил Малыш. — И несколько тысяч паровых машин?

— Ну да. Уж сотни две наверняка.

— Как бы мне хотелось побывать в твоём домике! — воскликнул Малыш.

В это было трудно поверить: маленький домик на крыше, и в нём живет Карлсон...

— Подумать только, дом, набитый паровыми машинами! — воскликнул Малыш. — Две сотни машин!

— Ну, я в точности не считал, сколько их там осталось, — уточнил Карлсон, — но уж никак не меньше нескольких дюжин.

— И ты мне дашь одну машину?

— Ну конечно!

— Прямо сейчас!

— Нет, сначала мне надо их немножко осмотреть, проверить предохранительные клапаны... ну, и тому подобное. Спокойствие, только спокойствие! Ты получишь машину на днях.

Малыш принялся собирать с пола куски того, что раньше было его паровой машиной.

— Представляю, как рассердится папа, — озабоченно пробормотал он.

Карлсон удивленно поднял брови:

— Из-за паровой машины? Да ведь это же пустяки, дело житейское. Стоит ли волноваться по такому поводу! Так и передай своему папе. Я бы ему это сам сказал, но спешу и поэтому не могу здесь задерживаться... Мне не удастся сегодня встретиться с твоим папой. Я должен слетать домой, поглядеть, что там делается.

— Это очень хорошо, что ты попал ко мне, — сказал Малыш. — Хотя, конечно, паровая машина... Ты еще когда-нибудь залетишь сюда?

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и нажал кнопку на своем животе.

Мотор загудел, но Карлсон все стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

— Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я все-таки загляну в мастерскую.

Малыш тоже подумал, что так будет разумнее. Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстенная фигурка четко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звездами небе.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

Карлсон приходит на день рождения

Настало лето. Занятия в школе кончились, и Малыша собирались отправить в деревню, к бабушке. Но до отъезда должно было еще произойти одно важное событие — Малышу исполнялось восемь лет. О, как долго ждал Малыш своего дня рождения! Почти с того дня, как ему исполнилось семь.

Удивительно, как много времени проходит между днями рождения, — почти столько же, сколько между рождественскими праздниками.

Вечером накануне этого торжественного дня у Малыша был разговор с Карлсоном.

— Завтра день моего рождения, — сказал Малыш. — Ко мне придут Гунилла и Кристер, и нам накроют стол в моей комнате... — Малыш помолчал; вид у него был мрачный. — Мне бы очень хотелось и тебя пригласить, — продолжал он, — но...

Мама так сердилась на Карлсона, что бесполезно было просить у нее разрешения.

Карлсон выпятил нижнюю губу больше, чем когда бы то ни было:

— Я с тобой не буду водиться, если ты меня не позовешь! Я тоже хочу повеселиться.

— Ладно, ладно, приходи, — торопливо сказал Малыш.

Он решил поговорить с мамой. Будь что будет, но невозможно праздновать день рождения без Карлсона.

— А чем нас будут угощать? — спросил Карлсон, перестав дуться.

— Ну конечно, сладким пирогом. У меня будет именинный пирог, украшенный восемью свечами.

— Хорошо! — воскликнул Карлсон. — Знаешь, у меня есть предложение.

— Какое? — спросил Малыш.

— Нельзя ли попросить твою маму приготовить нам вместо одного пирога с восемью свечами восемь пирогов с одной свечой?

Но Малыш не думал, чтобы мама на это согласилась.

— Ты, наверно, получишь хорошие подарки? — спросил Карлсон.

— Не знаю, — ответил Малыш и вздохнул. Он знал: то, чего он хотел, хотел больше всего на свете, он все равно не получит...

— Собаку мне, видно, не подарят никогда в жизни, — сказал Малыш. — Но я, конечно, получу много других подарков. Поэтому я решил весь день веселиться и совсем не думать о собаке.

— А кроме того, у тебя есть я. Я куда лучше собаки, — сказал Карлсон и взглянул на Малыша, наклонив голову. — Хотелось бы знать, какие ты получишь подарки. Если тебе подарят конфеты, то, по-моему, ты должен их тут же отдать на благотворительные цели.

— Хорошо, если я получу коробку конфет, я тебе ее отдам.

Для Карлсона Малыш был готов на все, особенно теперь, когда предстояла разлука.

— Знаешь, Карлсон, — сказал Малыш, — послезавтра я уезжаю к бабушке на все лето.

Карлсон сперва помрачнел, а потом важно произнес:

— Я тоже еду к бабушке, и моя бабушка гораздо больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живет твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же еще! А ты небось думаешь, что она живет на улице и всю ночь скачет?

Больше им не удалось поговорить ни о бабушке Карлсона, ни о дне рождения Малыша, ни о чем другом, потому что уже стемнело и Малышу нужно было поскорее лечь в постель, чтобы не проспать день своего рождения.

Проснувшись на следующее утро, Малыш лежал в кровати и ждал: он знал — сейчас отворится дверь, и все войдут к нему в комнату и принесут именинный пирог и другие подарки. Минуты тянулись мучительно долго. У Малыша даже живот заболел от ожидания, так ему хотелось скорее увидеть подарки.

Но вот наконец в коридоре раздались шаги и послышались слова: «Да он, наверно, уже проснулся». Дверь распахнулась, и появились все: мама, папа, Боссе и Бетан.

Малыш сел на кровати, и глаза его заблестели.

— Поздравляем тебя, дорогой Малыш! — сказала мама.

И папа, и Боссе, и Бетан тоже сказали: «Поздравляем!» и перед Малышом поставили поднос. На нем был пирог с восемью горящими свечками и другие подарки.

Много подарков — хотя, пожалуй, меньше, чем в прошлые дни рождения: на подносе лежало всего четыре свертка; Малыш их быстро сосчитал. Но папа сказал:

— Не обязательно все подарки получать утром — может быть, ты получишь еще что-нибудь днем...

Малыш был очень рад четырем сверткам. В них оказались: коробка с красками, игрушечный пистолет, книга и новые синие штанишки. Все это ему очень понравилось. «Какие они милые — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан! — подумал Малыш. — Ни у кого на свете нет таких милых мамы и папы и брата с сестрой».

Малыш несколько раз стрельнул из пистолета. Выстрелы получались очень громкие. Вся семья сидела у его кровати и слушала, как он стреляет. О, как они все друг друга любили!

— Подумай, восемь лет назад ты появился на свет — вот таким крошкой... — сказал папа.

— Да, — сказала мама, — как быстро идет время! Помнишь, какой дождь хлестал в тот день в Стокгольме?

— Мама, я родился здесь, в Стокгольме? — спросил Малыш.

— Конечно, — ответила мама.

— Но ведь Боссе и Бетан родились в Мальме?

— Да, в Мальме.

— А ведь ты, папа, родился в Гетеборге? Ты мне говорил...

— Да, я гетеборгский мальчишка, — сказал папа.

— А ты, мама, где родилась?

— В Эскильстуне, — сказала мама.

Малыш горячо обнял ее.

— Какая удача, что мы все встретились! — проговорил он.

И все с этим согласились.

Потом они пропели Малышу «Многие лета», а Малыш выстрелил, и треск получился оглушительный.

Все утро Малыш то и дело стрелял из пистолета, ждал гостей и все время размышлял о словах папы, что подарки могут появиться и днем. На какой-то счастливый миг он вдруг поверил, что свершится чудо — ему подарят собаку. Но тут же понял, что это невозможно, и даже рассердился на себя за то, что так глупо размышлял. Ведь он твердо решил не думать сегодня о собаке и всему радоваться. И Малыш действительно всему радовался. Сразу же после обеда мама стала накрывать на стол у него в комнате. Она поставила в вазу большой букет цветов и принесла самые красивые розовые чашки. Три штуки.

— Мама, — сказал Малыш, — нужно четыре чашки.

— Почему? — удивилась мама.

Малыш замаялся. Теперь ему надо было рассказать, что он пригласил на день рождения Карлсона, хотя мама, конечно, будет этим недовольна.

— Карлсон, который живет на крыше, тоже придет ко мне, — сказал Малыш и смело посмотрел маме в глаза.

— О! — вздохнула мама. — О! Ну что ж, пусть приходит. Ведь сегодня день твоего рождения.

Мама провела ладонью по светлым волосам Малыша:

— Ты все еще носишься со своими детскими фантазиями. Трудно поверить, что тебе исполнилось восемь. Сколько тебе лет, Малыш?

— Я мужчина в самом расцвете сил, — важно ответил Малыш — точь-в-точь как Карлсон.

Медленно катился этот день. Уже давно настало то «днем», о котором говорил папа, но никаких новых подарков никто не приносил.

В конце концов Малыш получил еще один подарок.

Боссе и Бегай, у которых еще не начались летние каникулы, вернулись из школы и тут же заперлись в комнате Боссе.

Малыша они туда не пустили. Стоя в коридоре, он слышал, как за запертой дверью раздавалось хихиканье сестры и шуршание бумаги. Малыш чуть не лопнул от любопытства.

Некоторое время спустя они вышли, и Бетан, смеясь, протянула Малышу сверток. Малыш очень обрадовался и хотел уже разорвать бумажную обертку, но Боссе сказал:

— Нет, сперва прочти стихи, которые здесь наклеены.

Стихи были написаны крупными печатными буквами, чтобы Малыш смог их сам разобрать, и он прочел:

Брат и сестра тебе дарят собаку.
Она не вступает с собаками в драку,
Не лает, не прыгает и не кусается,
Ни на кого никогда не бросается.
И хвостик, и лапы, и морда, и уши
У этой собаки из черного плюша.

Малыш молчал; он словно окаменел.

— Ну, а теперь развяжи сверток, — сказал Боссе.

Но Малыш швырнул сверток в угол, и слезы градом покатались по его щекам.

— Ну что ты, Малыш, что ты? — испуганно сказала Бетан.

— Не надо, не плачь, не плачь, Малыш! — растерянно повторял Боссе; видно было, что он очень огорчен.

Бетан обняла Малыша:

— Прости нас! Мы хотели только пошутить. Понимаешь?

Малыш резким движением вырвался из рук Бетан; лицо его было мокрым от слез.

— Вы же знали, — бормотал он, всхлипывая, — вы же знали, что я мечтал о живой собаке! И нечего было меня дразнить...

Малыш побежал в свою комнату и бросился на кровать. Боссе и Бетан кинулись вслед за ним. Прибежала и мама. Но Малыш не обращал на них никакого внимания — он весь трясся от плача.

Теперь день рождения был испорчен. Малыш решил быть целый день веселым, даже если ему и не подарят собаку. Но получить в подарок плюшевого

щенка — это уж слишком! Когда он об этом вспоминал, его плач превращался в настоящий стон, и он все глубже зарывался головой в подушку.

Мама, Боссе и Бетан стояли вокруг кровати. Всем им было тоже очень грустно.

— Я сейчас позвоню папе и попрошу его пораньше прийти с работы, — сказала мама.

Малыш плакал... Что толку, если папа придет домой? Все сейчас казалось Малышу безнадежно грустным. День рождения был испорчен, и ничем уже нельзя было тут помочь.

Он слышал, как мама пошла звонить по телефону, но он все плакал и плакал. Слышал, как папа вернулся домой, но все плакал и плакал. Нет, никогда Малыш теперь уже не будет веселым. Лучше всего ему сейчас умереть, и пусть тогда Боссе и Бетан возьмут себе плюшевого щенка, чтобы вечно помнить, как они зло подшутили над своим маленьким братом в тот день рождения, когда он был еще жив...

Вдруг Малыш заметил, что все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — стоят вокруг его постели, но он еще глубже зарылся лицом в подушку.

— Послушай, Малыш, там возле входной двери тебя кто-то ждет... — сказал папа.

Малыш не ответил. Папа потряс его за плечо:

— Ты что, не слышишь, что тебя у двери ждет один приятель?

— Наверно, Гунилла или там Кристер, — ворчливо отозвался Малыш.

— Нет, того, кто тебя ждет, зовут Бимбо, — сказала мама.

— Не знаю я никакого Бимбо! — пробурчал Малыш.

— Возможно, — сказала мама. — Но он очень хочет с тобой познакомиться.

Именно в эту минуту из передней донеслось негромкое тьяканье.

Малыш напряг все свои мускулы и упрямо не отрывался от подушки. Нет, ему и в самом деле пора бросить все эти выдумки...

Но вот опять в прихожей раздалось тьяканье. Резким движением Малыш сел на постели.

— Это что, собака? Живая собака? — спросил он.

— Да, — сказал папа, — это собака. Твоя собака. Тут Боссе кинулся в прихожую и минуту спустя влетел в комнату Малыша, держа на руках — о, наверно, Малышу это все только снится! — маленькую короткошерстную таксу.

— Это моя живая собака? — прошептал Малыш.

Слезы застилали ему глаза, когда он протянул свои руки к Бимбо. Казалось, Малыш боится, что щенок вдруг превратится в дым и исчезнет.

Но Бимбо не исчез. Малыш держал Бимбо на руках, а тот лизал ему щеки, громко тьякал и обнюхивал уши. Бимбо был совершенно живой.

— Ну, теперь ты счастлив, Малыш? — спросил папа.

Малыш только вздохнул. Как мог папа об этом спрашивать! Малыш был так счастлив, что у него заныло где-то внутри, то ли в душе, то ли в животе. А может быть, так всегда бывает, когда ты счастлив?

— А эта плюшевая собака будет игрушкой для Бимбо. Понимаешь, Малыш! Мы не хотели дразнить тебя... так ужасно, — сказала Бетан.

Малыш все простил. И вообще он почти не слышал, что ему говорят, потому что разговаривал с Бимбо:

— Бимбо, маленький Бимбо, ты — моя собака!

Затем Малыш сказал маме:

— Я думаю, что мой Бимбо гораздо милее Альберга, потому что короткошерстные таксы наверняка самые лучшие собаки в мире.

Но тут Малыш вспомнил, что Гунилла и Кристер должны прийти с минуты на минуту...

О! Он и не представлял себе, что один день может принести с собой столько счастья. Подумать только, ведь они сейчас узнают, что у него есть собака, на этот раз действительно его собственная собака, да к тому же еще самая-самая распрескрасная в мире! Но вдруг Малыш забеспокоился:

— Мама, а мне можно будет взять с собой Бимбо, когда я поеду к бабушке?

— Ну конечно. Ты повезешь его в этой маленькой корзинке, — ответила мама и показала специальную корзинку для перевозки собак, которую вместе со щенком принес в комнату Боссе.

— О! — сказал Малыш. — О!

Раздался звонок. Это пришли Гунилла и Кристер. Малыш бросился им навстречу, громко крича:

— Мне подарили собаку! У меня теперь есть своя собственная собака!

— Ой, какая она миленькая! — воскликнула Гунилла, но тут же спохватилась и торжественно произнесла: — Поздравляю с днем рождения. Вот тебе подарок от Кристера и от меня. — И она протянула Малышу коробку конфет, а потом снова села на корточки перед Бимбо и повторила: — Ой, до чего же она миленькая!

Малышу это было очень приятно слышать.

— Почти такая же милая, как Еффа, — сказал Кристер.

— Что ты, она куда лучше Еффы и даже куда лучше Альберга! — сказала Гунилла.

— Да, она куда лучше Альберга, — согласился с ней Кристер.

Малыш подумал, что и Гунилла, и Кристер очень хорошие друзья, и пригласил их к празднично убранному столу.

Как раз в эту минуту мама принесла блюдо маленьких аппетитных бутербродов с ветчиной и сыром и вазу с целой горой печенья. Посреди стола уже красовался именинный пирог с восемью зажженными свечами. Потом мама взяла большой кофейник с горячим шоколадом и стала разливать шоколад в чашки.

— А мы не будем ждать Карлсона? — осторожно спросил Малыш. Мама качала головой.

— Нет, я думаю, ждать не стоит. Я уверена, что он сегодня не прилетит. И вообще давай поставим на нем крест. Ведь у тебя ж теперь есть Бимбо.

Конечно, теперь у Малыша был Бимбо, но все же он очень хотел, чтобы Карлсон пришел на его праздник.

Гунилла и Кристер сели за стол, и мама стала их угощать бутербродами. Малыш положил Бимбо в корзинку и тоже сел за стол.

Когда мама вышла и оставила детей одних, Боссе сунул свой нос в комнату и крикнул:

— Не съдайте весь пирог — оставьте и нам с Бетан!

— Ладно, оставлю по кусочку, — ответил Малыш. — Хотя, по правде говоря, это несправедливо: ведь вы столько лет ели сладкие пироги, когда меня еще и на свете не было.

— Только смотри, чтобы это были большие куски! — крикнул Боссе, закрывая дверь.

В этот самый момент за окном послышалось знакомое жужжание мотора, и в комнату влетел Карлсон.

— Вы уже сидите за столом? — воскликнул он. — Наверно, все уже съели?

Малыш успокоил его, сказав, что на столе еще полным-полно угощений.

— Превосходно! — сказал Карлсон.

— А ты разве не хочешь поздравить Малыша с днем рождения? — спросила его Гунилла.

— Да-да, конечно, поздравляю! — ответил Карлсон. — Где мне сесть?

Мама так и не поставила на стол четвертой чашки. И когда Карлсон это заметил, он выпятил нижнюю губу и сразу надулся:

— Нет, так я не играю! Это несправедливо! Почему мне не поставили чашку?!

Малыш тут же отдал ему свою, а сам тихонько пробрался в кухню и принес себе оттуда другую чашку.

— Карлсон, — сказал Малыш, вернувшись в комнату, — я получил в подарок собаку. Ее зовут Бимбо. Вот она. — И Малыш показал на щенка, который спал в корзинке.

— Это отличный подарок, — сказал Карлсон. — Передай мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, и этот, и этот... Да! — воскликнул вдруг Карлсон. — Я чуть не забыл! Ведь и я принес тебе подарок. Лучший в мире подарок... — Карлсон вынул из кармана брюк свисток и протянул его Малышу: — Теперь ты сможешь свистеть своему Бимбо. Я всегда свищу своим собакам. Хотя моих собак зовут Альбергами и они умеют летать...

— Как, всех собак зовут Альбергами? — удивился Кристер.

— Да, всю тысячу! — ответил Карлсон. — Ну что ж, теперь, я думаю, можно приступить к пирогу.

— Спасибо, милый, милый Карлсон, за свисток! — сказал Малыш. — Мне будет так приятно свистеть Бимбо.

— Имей в виду, — сказал Карлсон, — что я буду часто брать у тебя этот свисток. Очень, очень часто. — И вдруг спросил с тревогой: — Кстати, ты получил в подарок конфеты?

— Конечно, — ответил Малыш. — От Гуниллы и Кристера.
— Все эти конфеты пойдут на благотворительные цели, — сказал Карлсон и сунул коробку себе в карман; затем вновь принялся поглощать бутерброды.

Гунилла, Кристер и Малыш тоже ели очень торопливо, боясь, что им ничего не достанется. Но, к счастью, мама приготовила много бутербродов.

Тем временем мама, папа, Боссе и Бетан сидели в столовой.

— Обратите внимание, как тихо у детей, — сказала мама. — Я просто счастлива, что Малыш получил наконец собаку. Конечно, с ней будет большая возня, но что поделаешь!

— Да, теперь-то уж, я уверен, он забудет свои глупые выдумки про этого Карлсона, который живет на крыше, — сказал папа.

В этот момент из комнаты Малыша донеслись смех и детская болтовня. И тогда мама предложила:

— Давайте пойдем и посмотрим на них. Они такие милые, эти ребята.

— Давайте, давайте пойдем! — подхватила Бетан.

И все они — мама, папа, Боссе и Бетан — отправились поглядеть, как Малыш празднует свой день рождения.

Дверь открыл папа. Но первой вскрикнула мама, потому что она первая увидела маленького толстого человечка, который сидел за столом возле Малыша.

Этот маленький толстый человечек был до ушей вымазан взбитыми сливками.

— Я сейчас упаду в обморок... — сказала мама.

Папа, Боссе и Бетан стояли молча и глядели во все глаза.

— Видишь, мама, Карлсон все-таки прилетел ко мне, — сказал Малыш. — Ой, какой у меня чудесный день рождения получился!

Маленький толстый человечек стер пальцами с губ сливки и так энергично принялся махать своей пухлой ручкой маме, папе, Боссе и Бетан, что хлопья сливок полетели во все стороны.

— Привет! — крикнул он. — До сих пор вы еще не имели чести меня знать. Меня зовут Карлсон, который живет на крыше... Эй, Гунилла, Гунилла, ты слишком много накладываешь себе на тарелку! Я ведь тоже хочу пирога...

И он схватил за руку Гуниллу, которая уже взяла с блюда кусочек сладкого пирога, и заставил ее положить все обратно.

— Никогда не видел такой прожорливой девчонки! — сказал Карлсон и положил себе на тарелку куда больший кусок. — Лучший в мире истребитель пирогов — это Карлсон, который живет на крыше! — сказал он и радостно улыбнулся.

— Давайте уйдем отсюда, — прошептала мама.

— Да, пожалуй, уходите, так будет лучше. А то я при вас стесняюсь, — заявил Карлсон.

— Обещай мне одну вещь, — сказал папа, обращаясь к маме, когда они вышли из комнаты Малыша. — Обещайте мне все — и ты, Боссе, и ты, Бетан. Обещайте мне никогда никому не рассказывать о том, что мы сейчас видели.

— Почему? — спросил Боссе.

— Потому, что нам никто не поверит, — сказал папа. — А если кто-нибудь и поверит, то своими расспросами не даст нам покоя до конца наших дней!

Папа, мама, Боссе и Бетан пообещали друг другу, что они не расскажут ни одной живой душе об удивительном товарище, которого нашел себе Малыш.

И они сдержали свое обещание. Никто никогда не услышал ни слова о Карлсоне. И именно поэтому Карлсон продолжает жить в своем маленьком домике, о котором никто ничего не знает, хотя домик этот стоит на самой обыкновенной крыше самого обыкновенного дома на самой обыкновенной улице в Стокгольме. Поэтому Карлсон до сих пор спокойно гуляет, где ему вздумается, и проказничает сколько хочет. Ведь известно, что он лучший в мире проказник!

Когда с бутербродами, печеньем и пирогом было покончено и Кристер с Гуниллой ушли домой, а Бимбо крепко спал в своей корзинке, Малыш стал прощаться с Карлсоном.

Карлсон сидел на подоконнике, готовый к отлету. Ветер раскачивал занавески, но воздух был теплый, потому что уже наступило лето.

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Буду, если только моя бабушка меня отпустит. А это еще неизвестно, потому что она считает меня лучшим в мире внуком.

— А ты и вправду лучший в мире внук?

— Конечно. А кто же еще, если не я? Разве ты можешь назвать кого-нибудь другого? — спросил Карлсон.

Тут он нажал кнопку на животе, и моторчик заработал.

— Когда я прилечу назад, мы съедим еще больше пирогов! — крикнул Карлсон. — От пирогов не толстеют!.. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — крикнул в ответ Малыш.

И Карлсон улетел.

Но в корзинке, рядом с кроватью Малыша, лежал Бимбо и спал.

Малыш наклонился к щенку и тихонько погладил его по голове своей маленькой обветренной рукой.

— Бимбо, завтра мы поедем к бабушке, — сказал Малыш. — Доброй ночи, Бимбо! Спи спокойно.

Карлсон и телевизор

Папа пришел домой обедать и рассказал за столом о своем новом огорчении.

— Бедняжки, вам, видно, придется побыть несколько дней совсем одним. Мне надо срочно лететь по делам в Лондон. Я могу надеяться, что все будет в порядке?

— Конечно, в полном, — заверил его Малыш. — Если только ты не станешь под пропеллер.

— Да нет, — рассмеялся папа, — я спрашиваю про дом. Как вы здесь будете жить без меня и без мамы?

Боссе и Бетан тоже заверили его, что все будет в полном порядке. А Бетан сказала, что провести несколько дней без родителей даже забавно.

— Да, но подумайте о Малыше, — сказал папа.

Бетан неясно похлопала Малыша по светлой макушке.

— Я буду ему родной матерью, — заявила она.

Но папа этому не очень поверил, да и Малыш тоже.

— Тебя вечно нет дома, ты все бегаешь со своими мальчишками, — пробормотал он.

Боссе попытался его утешить:

— Зато у тебя есть я.

— Ну да, только ты всегда торчишь на стадионе в Остермальме, там ты у меня есть, — уточнил Малыш.

Боссе расхохотался:

— Итак, остается одна домомучительница. Она не бегает с мальчишками и не торчит на стадионе.

— Да, к сожалению, — сказал Малыш.

Малыш хотел было объяснить, какого он мнения о фрекен Бок. Но тут он вдруг обнаружил, что, оказывается, он на нее уже не сердится. Малыш даже сам изумился: ну ни капельки не сердится! Как это случилось? Выходит, достаточно просидеть с человеком взаперти часа два, и ты готов с ним примириться. Не то чтобы он вдруг полюбил фрекен Бок — о, нет! — но он все же стал относиться к ней гораздо добрее. Бедняжка, ей приходится жить с этой Фридой! Уж кто-кто, а Малыш хорошо знает, что значит иметь сестру с тяжелым характером. А ведь Бетан еще не хвастается, как эта Фрида, что выступала по телевидению.

— Я не хотел бы, чтобы вы ночью были одни, — сказал папа. — Придется спросить фрекен Бок, не согласится ли она ночевать здесь, пока меня не будет.

— Теперь мне мучиться с ней не только днем, но и ночью, — сокрушенно заметил Малыш. Но в глубине души он чувствовал, что все же лучше, если кто-нибудь будет жить с ними, пусть даже домомучительница.

Фрекен Бок с радостью согласилась пожить с детьми. Когда они остались вдвоем с Малышом, она объяснила ему, почему она это сделала так охотно.

— Понимаешь, ночью привидений бывает больше всего, и я смогу собрать у вас такой материал для телевизионной передачи, что Фрида упадет со стула, когда увидит меня на экране!

Малыш был всем этим очень встревожен. Его мучила мысль, что фрекен Бок в отсутствие папы приведет в дом массу людей с телевидения и что кто-нибудь из них пронюхает про Карлсона и — ой, подумать страшно! — сделает о нем передачу, потому что ведь никаких привидений в доме нет. И тогда придет конец их мирной жизни, которой мама и папа так дорожат. Малыш понимал, что он должен предостеречь Карлсона и попросить его быть поосторожнее.

Однако ему удалось это сделать только на завтра вечером. Он был дома один. Папа уже улетел в Лондон, Боссе и Бетан ушли каждый по своим делам, а фрекен Бок отправилась к себе домой, на Фрейгатен, узнать у Фриды, посещали ли ее новые привидения.

— Я скоро вернусь, — сказала она, уходя, Малышу. — А если в мое отсутствие появятся привидения, попроси их меня подождать, да не забудь предложить им сесть, ха-ха-ха!

Фрекен Бок теперь почти не сердилась, она все время смеялась. Правда, иногда она все же ругала Малыша, но он был ей благодарен уже за то, что это случилось лишь изредка. Она и на этот раз ушла в приподнятом настроении. Малыш долго еще слышал ее шаги на лестнице — от них стены дрожали.

Вскоре в окно влетел Карлсон.

— Привет, Малыш! Что мы сегодня будем делать? — спросил он. — Нет ли у тебя паровой машины, чтобы ее взорвать, или домомучительницы, чтобы ее изводить? Мне все равно, что делать, но я хочу позабавиться, а то я не играю!

— Мы можем посмотреть телевизор, — предложил Малыш.

Представьте себе, Карлсон просто понятия не имел, что такое телевидение! Он в жизни не видел телевизора! Малыш повел его в столовую и с гордостью показал их новый, прекрасный телевизор.

— Погляди!

— Это что еще за коробка? — спросил Карлсон.

— Это не коробка, это телевизор, — объяснил Малыш.

— А что сюда кладут? Плюшки?

Малыш расхохотался.

— Подожди, сейчас увидишь, что это такое.

Он включил аппарат, и тут же на стеклянном экране появился дяденька, который рассказывал, какая погода в Нурланде. Глаза Карлсона стали круглыми от удивления.

— Как: это вы умудрились его засунуть в этот ящик?

Малыш давился от смеха.

— Тебя это удивляет? Он залез сюда, когда был еще маленький, понимаешь?

— А на что он вам нужен? — не унимался Карлсон.

— Ах, ты не понимаешь, что я шучу! Конечно, он не залезал сюда, когда был маленьким, и нам он ни на что не нужен. Просто он появляется здесь и рассказывает, какая завтра будет погода. Он, как старик-лесовик, все знает, ясно?

Карлсон захихикал.

— Вы запихали вот этого дяденьку в ящик только для того, чтобы он вам рассказывал, какая завтра будет погода... С тем же успехом вы можете и меня спросить!.. Будет гром, и дождь, и град, и буря, и землетрясение — теперь ты доволен?

— Вдоль побережья Нурланда завтра ожидается буря с дождем, — сказал «лесовик» в телевизоре.

Карлсон захохотал еще пуще прежнего.

— Ну вот, и я говорю... буря с дождем.

Он подошел вплотную к телевизору и прижался носом к носу «старика-лесовика».

— Не забудь сказать про землетрясение! Бедные нурландцы, ну и погоду им пророчит, не позавидуешь! Но, с другой стороны, пусть радуются, что у них будет хоть какая-нибудь. Подумай, что было бы, если бы им пришлось обходиться вообще без погоды. — Он дружески похлопал дяденьку на экране. — Какой миленький старичок! — сказал он. — Да он меньше меня. Он мне нравится.

Потом Карлсон опустил на колени и осмотрел низ телевизора:

— А как же он все-таки сюда попал?

Малыш попытался объяснить, что это не живой человек, а только изображение, но Карлсон даже рассердился:

— Ты меня не учи, балда! Не глупей тебя! Сам понимаю, это такой особый человек. Да и с чего обычные люди стали бы говорить, какая будет погода в Нурланде?

Малыш мало что знал о телевидении, но он все же очень старался объяснить Карлсону, что это такое. А кроме того, он хотел предостеречь Карлсона от грозившей ему опасности.

— Ты и представить себе не можешь, до чего фрекен Бок хочет попасть в телевизор, — начал он.

Но Карлсон прервал его новым взрывом хохота:

— Домомучительница хочет залезть в такую, маленькую коробочку?! Такая громадина! Да ее пришлось бы сложить вчетверо!

Малыш вздохнул. Карлсон явно ничего не понял. Малыш начал объяснять все сначала. Особым успехом эта попытка не увенчалась, но в конце концов ему все же удалось втолковать Карлсону, как удивительно действует эта штуковина.

— Чтобы попасть в телевизор, фрекен Бок вовсе не надо самой лезть в ящик, она может преспокойно сидеть себе в нескольких милях от него, и все же она будет видна на экране как живая, — объяснил Малыш.

— Домомучительница... как живая... вот ужас! — воскликнул Карлсон. — Лучше разбей этот ящик либо сменяй его на другой, полный плюшек, они нам пригодятся.

Как раз в этот момент на экране появилось личико хорошенькой дикторши. Она так приветливо улыбалась, что Карлсон широко открыл глаза.

— Пожалуй, надо еще подумать, — сказал он. — Во всяком случае, уж если менять, то только на очень свежие плюшки. Потому что я вижу, этот ящик ценней, чем сперва кажется.

Дикторша продолжала улыбаться Карлсону, и он улыбался ей в ответ. Потом он оттолкнул Малыша в сторону:

— Погляди только на нее! Я ей нравлюсь, да-да, она ведь видит, что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил.

Вдруг дикторша исчезла. Вместо нее на экране возникли два серьезных полных господина, которые все болтали и болтали. Карлсону это пришлось не по душе. Он начал нажимать на все кнопки и вертеть все ручки.

— Не крути, этого нельзя делать, — сказал Малыш.

— Как так — нельзя? Я хочу выкрутить обратно ту милую девушку, — сказал Карлсон.

Он крутил ручки во все стороны, но дикторша не появлялась. Добился он только того, что полные господа стали на глазах еще больше полнеть, ноги у них сделались короткими-прекороткими, а лбы нелепо вытянулись. Эти изменения очень развеселили Карлсона — он довольно долго забавлялся такой игрой с телевизором.

— Старики во всем слушаются моей команды, — сказал он с довольным видом.

А господа на экране, меняя облик, продолжали без умолку болтать, пока Карлсон им не помешал.

— Я лично считаю... — начал один из них.

— А какое мне дело, что ты считаешь? — перебил его Карлсон. — Отправляйся-ка лучше домой и ложись спать!

Он с треском выключил аппарат и радостно засмеялся.

— Вот он, наверно, разозлился! Так я и не дал ему сказать, что он лично считает!

Телевизор явно надоел Карлсону, он уже жаждал новых развлечений.

— Где домомучительница? Позови ее, я ее разыграю.

— Разыграешь... это как? — с тревогой спросил Малыш.

— Существуют три способа укрощать домомучительниц, — объяснил Карлсон. — Их можно низводить, дразнить и разыгрывать. Собственно говоря, все это одно и то же, но разыгрывать — самый прямой путь борьбы с ними.

Малыш встревожился еще больше. Если Карлсон вступит в прямую борьбу с фрекен Бок, она его непременно увидит, а именно этого не должно случиться. Пока папа и мама в отъезде, Малыш, как бы ему ни было трудно, обязан помешать этой встрече. Надо как-то напугать Карлсона, чтобы он сам старался не попадаться на глаза фрекен Бок. Малыш подумал, а потом сказал не без лукавства:

— Карлсон, ты, видно, хочешь попасть в телевизор?

Карлсон энергично замотал головой.

— В этот вот ящик? Я? Ни за что на свете! Пока буду в силах защищаться, меня туда не заташат. — Но он тут же задумался и добавил: — Хотя, может быть. Если я там оказался бы рядом с этой милой девчонкой...

Малыш стал верить его, что на это надеяться нечего. Напротив, если он попадет в телевизор, то не иначе, как с домомучительницей.

Карлсон вздрогнул.

— Домомучительница и я в такой маленькой коробке?.. Ой, ой! Вот тут-то и произойдет землетрясение в Нурланде! Как только тебе в голову взбрела такая дурацкая мысль?

Тогда Малыш рассказал ему о намерениях фрекен Бок сделать для телевидения передачу о привидениях да еще такую, чтобы Фрида со стула упала.

— Разве домомучительница видела у вас привидения? — удивился Карлсон.

— Нет, видеть не видела, — сказал Малыш, — но слышала, как оно мычало перед окном. Понимаешь она решила, что ты — привидение.

И Малыш стал объяснять, какая связь между Фридой, домомучительницей и Карлсоном, но он жестоко ошибся в своих расчетах.

Карлсон опустил на колени и немножко повыл от удовольствия, а кончив выть, хлопнул Малыша по спине:

— Береги домомучительницу! Она самая ценная мебель в вашем доме. Береги как зеницу ока! Потому что теперь мы и в самом деле сумеем позабавиться.

— А как? — с испугом спросил Малыш.

— О! — вопил Карлсон. — Не одна только Фрида упадет со стула. Все телевизионные старики и вообще все на свете бледнеет перед тем, что вы увидите!

Малыш встревожился еще больше.

— Что же мы увидим?

— Маленькое привидение из Вазастана! — провозгласил Карлсон и загорланил: — Гоп, гоп, ура!

И тут Малыш сдался. Он предостерег Карлсона, он честно пытался поступить так, как хотели папа и мама. Но теперь пусть будет так, как хочет Карлсон. Все равно в конце концов всегда все получается по его. Пусть Карлсон выкидывает любые штуки, изображает привидение и разыгрывает фрекен Бок сколько ему будет угодно. Малыш больше не собирается его останавливать. А приняв это решение, он подумал, что они и в самом деле смогут позабавиться на славу. Он вспомнил, как однажды Карлсон уже изображал привидение и прогнал воров, которые хотели украсть мамины деньги на хозяйство и все столовое серебро. Карлсон тоже не забыл этого случая.

— Помнишь, как нам тогда было весело? — спросил он. — Да, кстати, где же мой привиденческий костюм?

Малышу пришлось сказать, что его взяла мама. Она очень сердилась тогда из-за испорченной простыни. Но потом она поставила заплатки и снова превратила привиденческий костюм в простыню.

Карлсон фыркнул от возмущения:

— Меня просто бесит эта любовь к порядку! В вашем доме ничего нельзя оставить. — Он сел на стул и надулся. — Нет, так дело не пойдет, так я не играю. Можешь сам стать привидением, если хочешь.

Но он тут же вскочил со стула, подбежал к бельевому шкафу и распахнул дверцы:

— Здесь наверняка найдется еще какая-нибудь простынка.

И он вытащил было одну из лучших маминых льняных простыней, но Малыш остановил его:

— О нет, эту не надо! Положи ее... Вот тут есть и старые, чиненые.

Карлсон скорчил недовольную мину:

— Старые, чиненые простыни! Я думал, маленькое привидение из Вазастана должно шеголять в нарядных воскресных одеждах. Впрочем... раз уж у вас такой дом... давай сюда эти лохмотья.

Малыш вынул две старенькие простыни и дал их Карлсону:

— Если ты их сошьешь, то вполне может получиться одежда для привидения. Карлсон угрюмо стоял с простынями в руках.

— Если я их сошью? Ты хочешь сказать, если ты их сошьешь... Давай полетим ко мне, чтобы домомучительница не застала нас врасплох!

Около часа Малыш сидел у Карлсона и шил костюм для привидения. В школе на уроках труда он научился шить разными стежками, но никто никогда не учил его, как из двух стареньких простыней сшить приличный костюм для привидения. Это ему пришлось продумать самому.

Он, правда, попытался было обратиться за помощью к Карлсону.

— Ты бы хоть скроил, — попросил Малыш.

Но Карлсон покачал головой.

— Уж если что кроить, то я охотнее всего раскроил бы твою маму! Да, да! Зачем это ей понадобилось загубить мой привиденческий костюм? Теперь ты должен шить мне новый. Это только справедливо. Ну, живей за дело и, пожалуйста, не ной!

Для пущей убедительности Карлсон добавил, что ему и некогда шить, потому что он намерен срочно нарисовать картину.

— Всегда надо все бросать, если тебя посетило вдохновение, понимаешь, а меня оно сейчас посетило. «Ла, ла, ла», — поет что-то во мне, и я знаю, что это вдохновение.

Малыш не знал, что это за штука такая — вдохновение. Но Карлсон объяснил ему, что вдохновение охватывает всех художников, и тогда им хочется только рисовать, рисовать и рисовать, вместо того чтобы шить одежды для привидения.

И Малышу ничего не оставалось, как сесть на верстак, согнув спину и поджав ноги, словно заправский портной, и шить, в то время как Карлсон, забившись в угол, рисовал свою картину.

Уже совсем стемнело, но в комнате Карлсона было светло, тепло и уютно — горела керосиновая лампа, а в камине пылал огонь.

— Надеюсь, ты в школе не ленился на уроках труда, — сказал Карлсон. — Потому что я хочу получить красивый костюм для привидения. Учти это. Вокруг шеи можно бы сделать небольшой воротничок или даже оборки.

Малыш ничего не ответил. Он усердно шил, огонь в камине потрескивал, а Карлсон рисовал.

— А что ты, собственно говоря, рисуешь? — спросил Малыш, нарушая воцарившуюся тишину.

— Увидишь, когда все будет готово, — ответил Карлсон.

Наконец Малыш смастерил какую-то одежду.

«Пожалуй, для привидения сойдет», — подумал он. Карлсон померял и остался очень доволен. Он сделал несколько кругов по комнате, чтобы Малыш мог как следует оценить его костюм.

Малыш содрогнулся. Ему показалось, что Карлсон выглядит на редкость таинственно — совсем по-привиденчески.

Бедная фрекен Бок, она увидит такое привидение, которое хоть кого испугает!

— Домомучительница может тут же посылать за дяденьками из телевизора, — заявил Карлсон. — Потому что сейчас внизу появится малютка привидение из Вазастана — моторизованное, дикое, прекрасное и ужасно, ужасно опасное!

Карлсон снова облетел комнату и даже закудаhtал от удовольствия. О своей картине он и думать забыл. Малыш подошел к камину поглядеть, что же Карлсон нарисовал. Внизу было написано неровными буквами: «Портрет моего кролика». Но Карлсон нарисовал маленького красного зверька, скорее напоминающего лисицу.

— Разве это не лисица? — спросил Малыш.

Карлсон спланировал на пол и стал рядом с ним. Склонив голову набок, любовался он своей картиной.

— Да, конечно, это лисица. Без всякого сомнения это лисица, да к тому же сделанная лучшим в мире рисовальщиком лисиц.

— Да, но... Ведь здесь написано: «Портрет моего кролика»... Так где ж он, этот кролик?

— Она его съела, — сказал Карлсон.

В. ОРЛОВ

«Ты скажи мне, реченька...»

— Ты скажи мне,
Реченька лесная,
Отчего ты
Звонкая такая?

— Утром надо мной
Поет синичка —
Оттого и звонкая
Водичка!

— Ты скажи мне,
Реченька лесная,
Отчего ты
Чистая такая?

— Чистым голоском
Поет синичка —
Оттого и чистая
Водичка!

— Ты скажи мне,
Реченька лесная,
Отчего ты
Синяя такая?

— В родничке
Купается синичка —
Оттого и синяя
Водичка!

Ю. ВЛАДИМИРОВ

Чудаки

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков.
Один пятак —

на кушак,

Другой пятак —

на колпак,

А третий пятак —

так.

По пути на базар чудаки
Перепутали все пятаки.

Который пятак

на кушак,

Который пятак

на колпак,

А который пятак —

так.

Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки.

— Извините,

но с нами беда:

Мы забыли —

который куда:

Который пятак

на кушак,

Который пятак

на колпак,

А который пятак —

так.

С. ГОРОДЕЦКИЙ

Котенок

Ты зачем, шалун-котенок,
Куклу в поле утащил?
Простудиться мог ребенок,
На ветру совсем застыл!

Утро целое искала
В детской куклолку свою,
А тебе и горя мало!
Слышишь, что я говорю?».

Улыбаясь виновато,
Ей в ответ котенок-плут:
«Кукле в детской скучновато,
Я играл с ней там и тут.

Кукла, глазки закрывая,
Все мяукала со мной.
Думал я: она живая,
Прибежит сама домой!»

Э. УСПЕНСКИЙ

Разгром

Мама приходит с работы,
Мама снимает боты,
Мама проходит в дом,
Мама глядит кругом.

Был на квартиру налет?
Нет.
К нам заходил бегемот?
Нет.
Может быть, дом не наш?
Наш.
Может, не наш этаж?
Наш.

Просто приходил Сережка,
Поиграли мы немножко.

Значит, это не обвал?
Нет.
Слон у нас не танцевал?
Нет.
Очень рада.
Оказалось,
Я напрасно волновалась!

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русские народные сказки

Никита Кожемяка

(Из сборника сказок А. Афанасьева)

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливой к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слезы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». — «Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо между проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева между пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду

берут». Взъехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, — называет ее валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

Докучные сказки

Среди фольклора, который придумал русский народ, есть и докучные сказки. Сказитель рассказывал их тем, кто допекал его, прося повторить одно и то же много раз.

Докучные сказки — это сказки, в которых многократно повторяется один и тот же фрагмент текста. Такие сказки похожи на цепь с большим количеством повторяющихся звеньев, количество которых зависит только от воли исполнителя или слушателя.

Звенья скрепляются при помощи специальной фразы «не начать ли сказочку сначала», после которой фрагмент повторяется вновь и вновь. В некоторых из докучных сказок рассказчик задает вопрос, на который слушатель обязательно должен дать ответ, который и используется для очередного повтора сказочки.

Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди поляца. Не сказать ли сказку опять с конца?

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец, тут и сказке конец.

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

— Сказать ли тебе сказку про белого бычка?
— Скажи.
— Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?
— Скажи.
— Ты скажи, да я скажи, да чего у вас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?

— Рассказать ли тебе сказочку про белого гуся?
— Расскажи.
— Вот она и вся.

— Рассказать ли тебе докучную сказочку?
— Расскажи.
— Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?
— Не надо.
— Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку? — и т. д.

Чучело-Мяучело

Чучело-Мяучело на трубе сидело,
Чучело-Мяучело песенку запело.
Чучело-Мяучело с пастью красной-красной,
Всех оно замучило песенкой ужасной.
Всем кругом от чучела горестно и тошно,
Потому что песенка у него про то, что
Чучело-Мяучело на трубе сидело...

Гусь

Летел гусь, сел на дорогу — упал в воду. Мок-мок, кис-кис — вымок, выкис, вылез — сел на дорогу и опять пал в воду. Мок-мок, кис-кис, выкис, вылез и т.д.

Карась

Плавал и плавал у плотины карась...
Сказка моя уже началась.
Плавал и плавал карась у плотины...
Сказка рассказана до половины.
Поймал бы я вам за хвост карася...
Да жаль, что сказка рассказана вся.

Овечка на мосту

Протекает речка,	У овечки хвост,
Через речку мост,	На хвосте мочало,
На мосту овечка,	Рассказать сначала?..

Ворона на мосту

Едем дальше.
Видим мост,
На мосту ворона сохнет.
Хвать ее за хвост,
Шасть под мост —
Пусть она помокнет!
Едем дальше.
Видим мост,
Под мостом ворона мокнет.
Хвать ее за хвост,
Шасть ее на мост —
Пусть она обсохнет!
Едем дальше...

Мы с тобой шли?

— Мы с тобой шли?
— Шли!
— Сапог нашли?
— Нашли!
— Я тебе его дал?
— Дал!
— Ты его взял?
— Взял!
— А где же он?
— Кто?
— Да не кто, а что!
— Что?

— Сапог!
— Какой?
— Ну такой!
— Мы с тобой шли?
— Шли!
— Сапог нашли?
— Нашли... и т.д.

Избушка

На горوشке — избушка,
Живет в ней старушка.
Сидит на печи,
Жует калачи.
Вот она встала,
Из-за печи мочалу достала...
Хороша у старушки мочала!
Не начать ли сказку с начала?

Бабка у речки

Жила-была бабка
Да у самой речки,
Захотелось бабке
Искупаться в речке.
Накупила она
Мыла да мочала.
Эта сказка хороша,
Начинай сначала...

Зарубежные народные сказки

О мышонке, который был кошкой, собакой и тигром

(Инд., пер. Н. Ходзы)

Говорится: если тигр имеет сердце мышонка, то лучше ему не встречаться с кошкой.

Случилось, что ворон нес в клюве мышонка и, пролетая над лесом, выронил свою добычу. В том лесу жил человек, умеющий делать чудеса. И мышонок упал к ногам этого человека. Увидев мышонка, человек поднял его и принес в свою хижину.

Много дней прожил мышонок с человеком. Человек кормил его, поил, и мышонок был счастлив. Но однажды, выйдя из хижины, он увидел поблизости большого кота. Юркнув обратно в хижину, мышонок забился в угол и сидел там, дрожа от страха. Заметив это, человек спросил:

— Что с тобой? Почему ты дрожишь?

— Ах, господин мой, — пропищал мышонок. — Невдалеке от нашей хижины я встретил кота и теперь я умираю от страха!..

Человек подумал немного и сказал:

— Хорошо, я сделаю так, что ты никогда не будешь бояться кошек. Ложись спать. Утром ты проснешься не мышонком, а кошкой.

Как человек обещал, так и сделал: утром мышонок проснулся кошкой.

— Больше тебе нечего бояться кошек. Теперь ты тоже кошка, — сказал человек.

Довольная кошка-мышь выбежала из хижины. И только она собралась понежиться на солнце, как вдруг опять увидела кота. Бедняга сразу же забыла, что она уже немышь, а кошка, и понеслась обратно в хижину.

— Что с тобой? — спросил человек. — Кого ты опять испугалась?

Кошке стыдно было признаться, что она по-прежнему боится кота, и она сказала неправду:

— Я встретила в лесу собаку; она погналась за мной, я еле спаслась от нее.

Снова сказал человек:

— Ложись спать. Утром ты проснешься собакой, и тогда тебе нечего будет бояться других собак.

Так и случилось: утром кошка проснулась большой собакой и с громким лаем выбежала в лес. У ближнего дерева она опять заметила кота. И кот тоже увидел собаку. Кот подумал, что собака сейчас бросится на него, и приготовился защищаться: он зафырчал, поднял правую лапу и громко мяукнул. Услышав мяуканье, собака, не помня себя от ужаса, вбежала в хижину.

— А на этот раз кто тебя напугал? — спросил человек.

Стыдно было собаке признаться, что она испугалась кошки, и собака сказала неправду:

— Ах, господин мой, невдалеке от нашей хижины я встретила тигра! Я до сих пор не пойму, как мне удалось спастись от его ужасных клыков!

— Ну, тогда я сделаю так, что ты никого не будешь отныне бояться. Ложись спать. Завтра ты проснешься тигром.

Так и случилось: утром собака проснулась тигром и решила: «Не пристало мне, царю зверей, ютиться в жалкой хижине человека. Пойду в лес, и пусть все звери трепещут перед моей силой и храбростью!»

Так подумав, тигр важно направился вглубь леса. И вдруг он увидел кота. И кот тоже увидел тигра. От ужаса шерсть кота поднялась дыбом, спина выгнулась дугой, глаза засверкали.

— Теперь я погиб! — подумал кот. — От тигра мне не спастись!

Тигр же, в груди которого билось трусливое сердце мышонка, при виде горящих глаз кота бросился опрометью бежать в хижину человека. Он влетел в дом, забился в самый дальний угол и лежал там, стуча от страха зубами.

Удивился человек:

— Почему ты опять дрожишь? Разве в нашем лесу есть зверь сильнее тигра?

— Есть ... — сказал еле слышно тигр.

— Кто же это? — удивился человек.

— Это... это... это кот!

Тогда человек понял все и сказал:

— Тигр, в груди которого бьется сердце мышонка, слабее кошки. Пусть же тот, у кого сердце мышонка, останется навсегда мышонком.

И, так сказав, он превратил тигра в жалкую маленькую мышь.

ЖЕЛТЫЙ АИСТ

(*Кит., пер. Ф. Ярлина*)

Говорят, что жил когда-то в Фучжоу один бедный студент. Звали его Ми. Бедность его была так глубока, что даже за чашку чаю заплатить ему было нечем. Ми наверняка умер бы с голоду, если бы не один хозяин чайной. Жалея бедняка, он кормил и поил студента Ми бесплатно.

Но вот однажды Ми явился к хозяину и сказал:

— Я ухожу. Денег у меня нет, и заплатить за все, что я здесь выпил и съел, мне нечем. Однако я не хочу оставаться неблагодарным. Вот, смотри!

И он вынул из кармана кусок желтого мела и нарисовал на стене чайной аиста. Аист был совсем как живой, только желтый.

— Этот аист, — сказал Ми, — принесет вам в десять раз больше денег, чем я задолжал. Каждый раз, когда соберутся люди и трижды хлопнут в ладоши, он будет сходить со стены и танцевать. Однако помните об одном: никогда не заставляйте аиста танцевать для одного человека. И если уж случится такое несчастье, то знайте — это будет в последний раз. А теперь прощайте!

И с этими словами студент Ми повернулся и вышел.

Хозяин был удивлен, однако решил попробовать. Когда на другой день в чайной собралось много народу, он попросил всех трижды хлопнуть в ладоши. И сейчас же желтый аист сошел со стены и протанцевал несколько танцев. Да еще как весело и забавно! А потом ушел обратно. Гости были в восхищении — удивлялись, ахали, не могли поверить своим глазам. И так было каждый раз.

Слух о диковинке разнесся повсюду. Народ валом валил в чайную, и хозяин быстро богател. Обещание студента Ми сбывалось.

Но вот однажды в чайную зашел богатый чиновник. Видит — кругом сидят одни крестьяне да ремесленники. Рассердился и приказал всех выгнать.

Слуги налетели с палками — народ разбежался, и чиновник остался один. Выложил перед хозяином кучу денег и потребовал показать ему аиста. Хозяин при виде денег забыл обо всем и трижды хлопнул в ладоши. Аист нехотя сошел со стены и протанцевал один танец. Вид у него был грустный и больной. Потом он ушел обратно и больше не шевелился. Чиновник кричал, грозил, но сделать ничего не мог.

А ночью у дверей чайной раздался сильный стук. Хозяин пошел открывать — видит, стоит студент Ми и молчит. Вынул из кармана дудочку, заиграл и пошел не оборачиваясь. Аист встрепенулся, соскочил со стены и последовал за ним. С тех пор никто уже никогда не видел студента Ми и его волшебного желтого аиста.

Старые люди говорят, что если где-нибудь и появится такая диковинка, то это для всех. А когда ею завладеет лишь один человек, то ее как бы нет — она все равно исчезнет.

Проза

Б. ЖИТКОВ

БЕЛЫЙ ДОМИК

Мы жили на море, и у моего папы была хорошая лодка с парусами. Я отлично умел на ней ходить — и на веслах и под парусами. И все равно одного меня папа никогда в море не пускал. А мне было двенадцать лет.

Вот раз мы с сестрой Ниной узнали, что отец на два дня уезжает из дому, и мы затеяли уйти на шлюпке на ту сторону; а на той стороне залива стоял очень хорошенький домик: беленький, с красной крышей. А кругом домика росла рощица. Мы там никогда не были и думали, что там очень хорошо. Наверно, живут добрые старик со старушкой. А Нина говорит, что непременно у них собачка и тоже добрая. А старики, наверное, простоквашу едят и нам обрадуются и простокваши дадут.

И вот мы стали копить хлеб и бутылки для воды. В море-то ведь вода соленая, а вдруг в пути пить захочется?

Вот отец вечером уехал, а мы сейчас же налили в бутылки воды потихоньку от мамы. А то спросит: зачем? — и тогда все пропало.

Чуть только рассвело, мы с Ниной тихонько вылезли из окошка, взяли с собой наш хлеб и бутылки в шлюпку. Я поставил паруса, и мы вышли в море. Я сидел как капитан, а Нина меня слушалась, как матрос.

Ветер был легонький, и волны были маленькие, и у нас с Ниной выходило, будто мы на большом корабле, у нас есть запасы воды и пищи, и мы идем в другую страну. Я правил прямо на домик с красной крышей. Потом я велел сестре готовить завтрак. Она наломала мelenько хлеба и откупорила бутылку с водой.

Она все сидела на дне шлюпки, а тут, как встала, чтобы мне подать, да как глянула назад, на наш берег, она так закричала, что я даже вздрогнул:

— Ой, наш дом еле видно! — и хотела реветь.

Я сказал:

— Рева, зато старичков домик близко.

Она поглядела вперед и еще хуже закричала:

— И старичков домик далеко: нисколько мы не подъехали. А от нашего дома уехали!

Она стала реветь, а я назло стал есть хлеб как ни в чем не бывало. Она редела, а я приговаривал:

— Хочешь назад, прыгай за борт и плыви домой, а я иду к старичкам.

Потом она попила из бутылки и заснула. А я все сижу у руля, и ветер не меняется и дует ровно. Шлюпка идет гладко, и за кормой вода журчит. Солнце уже высоко стояло.

И вот я вижу, что мы совсем близко уж подходим к тому берегу и домик хорошо виден. Вот пусть теперь Нинка проснется да глянет — вот обрадуется! Я глядел, где там собачка. Но ни собачки, ни старичков видно не было.

Вдруг шлюпка споткнулась, стала и наклонилась набок. Я скорей опустил парус, чтобы совсем не опрокинуться. Нина вскочила. Спросонья она не знала, где она, и глядела, вытаращив глаза. Я сказал:

— В песок ткнулись. Сели на мель. Сейчас я спихну. А вон домик.

Но она и домику не обрадовалась, а еще больше испугалась. Я разделся, прыгнул в воду и стал спихивать.

Я выбился из сил, но шлюпка ни с места. Я ее клонил то на один, то на другой борт. Я спустил паруса, но ничто не помогло.

Нина стала кричать, чтобы старичок нам помог. Но было далеко, и никто не выходил. Я велел Нинке выпрыгнуть, но и это не облегчило шлюпку: шлюпка прочно вкопалась в песок. Я пробовал пойти вброд к берегу. Но во все стороны было глубоко, куда ни сунься. И никуда нельзя было уйти. И так далеко, что и доплыть нельзя.

А из домика никто не выходил. Я поел хлеба, запил водой и с Ниной не говорил. А она плакала и приговаривала:

— Вот завез, теперь нас здесь никто не найдет. Посадил на мель среди моря. Капитан! Мама с ума сойдет. Вот увидишь. Мама мне так и говорила: «Если с вами что, я с ума сойду».

А я молчал. Ветер совсем затих. Я взял и заснул.

Когда я проснулся, было совсем темно. Нинка хныкала, забившись в самый нос, под скамейку. Я встал на ноги, и шлюпка под ногами качнулась легко и свободно. Я нарочно качнул ее сильнее. Шлюпка на свободе. Вот я обрадовался-то! Ура! Мы снялись с мели. Это ветер переменялся, нагнал воды, шлюпку подняло, и она сошла с мели.

Я огляделся. Вдали блестели огоньки — много-много. Это на нашем берегу: крохотные, как искорки. Я бросился поднимать паруса. Нина вскочила и думала сначала, что я с ума сошел. Но я ничего не сказал.

А когда уже направил шлюпку на огоньки, сказал ей:

— Что, рева? Вот и домой идем. А реветь нечего.

Мы всю ночь шли. Под утро ветер перестал. Но мы были уже под берегом. Мы на веслах догреблись до дому. Мама и сердилась, и радовалась сразу. Но мы выпросили, чтобы отцу ничего не говорила.

А потом мы узнали, что в том домике уж целый год никто не живет.

Как я ловил человечков

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке пароходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: желтая и на ней два черных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам веревочные лесенки. На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулем винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть пароходиком. Бабушка мне все позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то что играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснешься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка! — И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я все смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтобы лучше видеть. И все больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И, наверно, в нем живут человечки. Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, поглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я прятался за дверь и глядел в щелку. А они хитрые, человечки, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты все ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают.

Это я наврал: дома ночью темно.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но все же было видно, как блестел пароходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне все стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание сперло. Я чуть двинулся вперед. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человека!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул. На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щелочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они ее в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы все вертко. Чтоб не поймали. Вот они завоятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, все равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда ни сюда. Пусть убегут, а все равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходике на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, когда бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затер, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днем я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик. Леденец, как был, — на месте. Ну да! Дураки они днем братья за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонек и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорики, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — все подобрало.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них на пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днем там сидят рядком и тихонечко шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я все время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходу. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой в гости таскала. Все к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натер себе и лоб, и щеки — все лицо, одним словом. Не жалея. И тихонько прилег на кровать. Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лег?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговорю!

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и все приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернется? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубаше. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу, руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил их пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются. Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там крою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтобы не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно все заделано!

Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти веревочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу делать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щелку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захлопну, как жука в ладони.

Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в середку рукой — прихлопнуть. Хоть один, да попадетсЯ. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутри рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. Под рукой, конечно, ничего.

У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Все криво становилось. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь — все попало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой. Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты реवेशь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она еще не видала пароходика.

Г. СНЕГИРЕВ

Пингвиний пляж

Около Антарктиды со стороны Африки есть маленький островок. Он скалистый, покрыт льдами.

И вокруг в холодном океане плавают льдины. Всюду крутые скалы, только в одном месте берег низкий — это пингвиний пляж. С корабля мы выгрузили свои вещи на этот пляж.

Пингвины вылезли из воды, столпились у ящиков. Бегают по мешкам, клюют их и громко кричат, переговариваются: никогда они не видели таких удивительных вещей!

Один пингвин клюнул мешок, голову склонил набок, постоял, подумал и громко что-то сказал другому пингвину. Другой пингвин тоже клюнул мешок; вместе стояли, подумали, поглядели друг на друга и громко закричали: «Карр... Каррр...».

Тут еще пингвины с гор прибежали на нас смотреть. Много их собралось, задние на передних напирают и кричат, как на базаре. Еще бы: ведь они первый раз увидели людей и каждому хочется вперед пролезть, посмотреть на нас, клюнуть мешок.

Вдруг слышу: сзади кто-то танцует.

У нас был большой лист фанеры. Он лежал на камнях, и пингвины на нем устроили танцы. Пробежит пингвин по фанере, назад вернется, еще раз пробежит, да еще лапкой притопнет! Очередь выстроилась — всем хочется потанцевать.

Один пингвин поскользнулся на гладкой фанере и на брюхе проехал, другие тоже стали падать и кататься.

Весь день они танцевали на фанере. Я ее не убирал. «Пускай, — думаю, — повеселятся, они, наверное, радуются, что мы приехали».

Вечером пингвины построились в одну шеренгу и ушли. Один пингвин на меня загляделся и отстал. Потом он догнал остальных пингвинов, но никак не мог идти в ногу, потому что все на меня оглядывался.

К морю

Пингвины с утра идут к морю. Перебираются через ущелья. По ровному месту идут гуськом. С гор катятся на брюхе по снегу. Первый пингвин ляжет на живот — и вниз, за ним второй, третий... и покатались...

Внизу отряхнутся от снега, выстроятся в цепочку и снова в путь. Молча идут они, все в ногу, серьезные.

Придут пингвины на крутой берег, посмотрят вниз и загалдят: высоко, страшно! Задние на передних напирают, ругаются: надо прыгать!

Первый пингвин растопырит крылышки — и вниз головой.

И прыгают с кручи один за другим, по очереди. Вынырнут из воды, наберут воздуха — опять под воду. Нырнут, поймают рачка, опять вверх — глотнуть воздуха. В воде они тоже цепочкой плавают, кувыркаются, играют.

ОТВАЖНЫЙ ПИНГВИНЕНОК

Однажды я спустился к морю и увидел маленького пингвиненка. У него еще только выросли три пушинки на голове и коротенький хвостик.

Он смотрел, как взрослые пингвины купаются. Остальные птенцы стояли у нагретых солнцем камней.

Долго стоял на скале пингвиненок: страшно ему было бросаться в море.

Наконец он решился и подошел к краю скалы.

Маленький голый пингвиненок стоял на высоте трехэтажного дома. Его сносила ветер.

От страха пингвиненок закрыл глаза и... бросился вниз. Вынырнул, закружился на одном месте, быстро вскарабкался на камни и удивленно посмотрел на море.

Это был отважный пингвиненок. Он первый искупался в холодном зеленом море.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Буква «ТЫ»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только, самая последняя буква — «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует ее рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я»!

— Буква «ты»?

— Да не «ты», а «я»!

Она еще больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: ты.

— Да не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты»!

— Ох, Иринушка, Иринушка! Наверное, мы, голубушка, с тобой немного перучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: «я»?

— Нет, — говорит, — почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь?

Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я — это не я, ты — не ты, она — не она и что вообще «я» — это только буква.

— Ну, вот что, — сказал я наконец, — ну, давай, скажи как будто про себя: я! Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну, ну... Конечно.

Вижу — молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шепотом — на ухо мне:

— Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже все кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварем, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая. Но и мне тоже было стыдно, что я — большой человек — не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал все-таки. Я быстро подошел к девочке, ткнул ее пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит:

— Это я.

— Ну вот... Понимаешь? А это буква «я»!

Она говорит:

— Понимаю...

А у самой уж, вижу, и губы дрожат и носик сморщился — вот-вот заплачет.

— Что же ты, — я спрашиваю, — понимаешь?

— Понимаю, — говорит, — что это я.

— Правильно! Молодец! А это вот буква «я». Ясно?

— Ясно, — говорит. — Это буква «ты».

— Да не ты, а я!

— Не я, а ты.

— Не я, а буква «я»!

— Не ты, а буква «ты».

— Не буква «ты», господи боже мой, а буква «я»!

— Не буква «я», господи боже мой, а буква «ты»!

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

— Нет такой буквы! — закричал я. — Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

— Ты, ты, ты, — пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко ее.

— Хорошо, — сказал я. — Как видно, мы с тобой и в самом деле немного поработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня — хватит.

Она кое-как запихала в сумочку свое барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнем через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, — решил я. — Забудем о ней. Ну ее. Начнем следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, веселая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил ее за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

— А ну, сударыня, давайте-ка, почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поерзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло и не переводя дыхания, прочла:

— Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

— Что такое? Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что еще за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там черным по белому написано:

«Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

— Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

— Яблоко? Так значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну конечно, «я»! А потом спохватился и думаю: «Нет, голубушка! Знаем мы вас. Если я скажу «я» — значит — опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадемся».

И я сказал:

— Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь! Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы все это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы — вместо «яблоко» — тыблоко, вместо «ярмарка» — тырмарка, вместо

«якорь» — тыкорь и вместо «язык» — тызык. А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

М. МОСКВИНА

Кроха

Когда я была маленькой, три года назад, моим соседям — Дане и Митьке — папа привез из пустыни Каракумы черепашонка. Я таких маленьких черепах никогда не видела. Он на Митькиной ладошке целиком помещался. Панцирь у него был мягкий, коготки на запятые похожи, нос приплюснутый, голова, лапы, хвост — в чешуйках, глаза черные, как у нашего пуделя Чипса.

Чипс очень удивился, когда ему черепашонка показали.

Понюхает-понюхает — и на нас смотрит: это еще кто такой?!

Черепашонок сначала струсил и спрятался в панцирь — одни коготки торчали. Чипс ему, наверное, показался чудовищем. Потом расхрабрился и пошел вперевалочку на Чипса. Тот отскочил и залез под кровать.

— Вот это кроха! — сказал Даня.

Так и назвали черепашонка — Кроха.

Ел Кроха все подряд — капусту, петрушку, сушеный клевер, укроп, морковь, яблоки. Поест — и бродит по квартире, пока нос не становится пушистым от налипших пылинки.

— Очень вредно, когда нос в пыли! — сказал Митька и построил Крохе из кубиков дом.

Там было много входов и выходов. Крохе это нравилось. Еще ему нравилось, когда Митька играл на пианино «Собачий вальс». Но больше всего Кроха любил ездить в открытом товарном вагоне на поезде по игрушечной железной дороге. Встанет на задние лапы, а передними на бортик опирается.

— Ту-ду-ду-у! — кричит Митька. — Чух-чух-чух! Поезд отправляется!

Едет поезд мимо игрушечных домов и бумажных деревьев. Кроха шею вытянет и вертит во все стороны головой, как иностранный турист.

Прошла зима. И вдруг с Крохой что-то случилось. Дают ему есть — не ест. Молока наливаем — отворачивается. Забьется в угол, голову втянет, но не спит — все думает о чем-то своем с открытыми глазами.

— Заболел, — решил Даня.

Митька положил черепашонка в варезку, и мы понесли его в ветеринарную лечебницу. Там была очередь — кошка, собака, завернутый в платок попугай, серый кролик с забинтованной лапой, из муфты выглядывала морская свинка. Все были хмурые и сидели тихо.

Когда мы вошли в кабинет, доктор вынул из варезки Кроху и поднес его к большой яркой лампе. Кроха даже не зажмурился.

— Значит, говорите, похудел? Не ест, не играет, не слушает музыку... — Доктор долго и внимательно смотрел на Кроху. — Ну что ж, все ясно. Это ностальгия.

— Что? — спросили мы хором.

— Нос-таль-гия! — повторил доктор и выключил лампу. — Что в переводе означает «тоска по родине». Откуда привезли черепаху?

— Из пустыни.

— Из Каракумов.

— Значит, скучает по пустыне.

— А когда он перестанет скучать? — спросил Митька.

— Чего не знаю, того не знаю, — развел руками доктор.

— А вы дайте ему какое-нибудь лекарство! — не сдавался Митька.

— От этой болезни лекарств нет, — сказал доктор. — И я ничем не смогу вам помочь...

С огромных сосулк весело капала вода. Некоторые люди уже ходили без шапок. Начинаясь апрель! А мы шли и не знали, что делать.

— Слушайте, — сказала я. — Раз Крохе нужно домой...

— ...то давайте отправим Кроху в Каракумы! — закончил Даня.

— А Каракумы — это где? — спросил Митька, прижимая к себе варежку.

— Далековато, — сказал Даня. — Там, где Туркмения и Ашхабад. Только кто его туда повезет? Папа летом на Дальний Восток собирается.

— Но кому-то же надо сейчас в Ашхабад! — сказала я.

— Точно! — сказал Даня. — Поехали на вокзал!

— На аэровокзал! Самолетом быстрее.

У окошка рейса Москва-Ашхабад толпились пассажиры. Митька выбрал одного из них — серьезного, усатого, чем-то похожего на их папу.

— Дядя! — позвал его Митька.

— Вы меня? — удивился усатый.

— Вас! — сказали мы вместе.

Усатый подошел.

— Вот у нас тут в варежке черепашенок Кроха, — сказал Даня. — Возьмите его с собой.

— Зачем? — не понял усатый. — Я в Каракумы, там этих черепах полно!

— Понимаете, у него... ностальгия. Ему как раз тоже в Каракумы надо.

— Ну что ж, — покачал головой усатый, — надо так надо.

Он записал их адрес. Митька отдал ему варежку.

Потом мы видели, как он прошел в стеклянные двери, сел в автобус и уехал.

А через три дня пришла телеграмма:

КАРАКУМАХ ЦВЕТУТ ТЮЛЬПАНЫ
САМОЧУВСТВИЕ ХОРОШЕЕ НЕ СКУЧАЙТЕ
ВАШ КРОХА.

А. МИТЯЕВ

СКАЗКА ПРО ТРЕХ ПИРАТОВ

В одном доме жила семья: мама, папа и дочка. Был выходной день. Они позавтракали поздно и собирались мыть посуду на кухне. В это время постучали соседи и позвали всех к себе посмотреть породистого щенка. Это было интереснее мытья посуды, и все побежали к соседям. А кран над раковиной забыли завернуть. Стоит ли говорить, что кран обязательно надо заворачивать, если уходишь, иначе будет беда.

Вода из крана бежала ровной струйкой. Вдруг струйка прервалась. Кран громко чихнул, и из него с брызгами выскочило что-то, потом еще что-то и еще что-то. Эти три что-то как раз и были три пирата: пират Синий Нос, пират Красный Нос и пират Нос Крючком. Их стукнуло о тарелки, которые лежали в кухонной раковине, на них лилась вода, поэтому они некоторое время валялись, как попало, потом стали приходить в себя.

Первым пришел в себя пират Синий Нос. Он втянул воздух в свой синий, как слива, нос и закричал:

— Тысяча чертей! Пусть сожрет меня акула, если это не камбуз!

— Камбуз! Камбуз! — завопили Красный Нос и Нос Крючком. — Отличный камбуз, адмиральский камбуз. Ну и попируем мы здесь! На разведку, ребята!

Пираты выскочили из раковины и разбежались по кухне.

Синий Нос прикатил банку с перцем, Красный Нос пригасил на спине вафлю, а Нос Крючком приволок ложку с остатками сметаны. Пираты намазали вафлю сметаной, посыпали перцем и начали есть ее с трех сторон, не разламывая. Ели они страшно быстро, через мгновение вафля исчезла в их животах, и они чуть было не откусили друг другу носы.

— А теперь, — сказал Нос Крючком, поглаживая круглый живот, — за мной! Я нашел склад оружия.

В ящике кухонного шкафа лежали ножи. Они были острые и сверкали. У пирата Красный Нос от счастья закружилась голова, и он свалился в ящик с ножами. Однако ножи для пиратов были тяжелы и велики. Пираты приуныли. Но тут попался нож от мясорубки. Они его взяли один на троих и двинулись дальше.

Пока они идут с ножом от мясорубки, озираясь по сторонам, самое время сказать о них следующее.

Это были ужасные пираты. Когда-то очень давно их боялись на всех морях и океанах. Потом перестали бояться, и они от такого несчастья стали маленькими. В огромном море им нечего было делать. Они пробрались в речку. Там их всосала водопроводная труба. По ней-то они и попали на кухню.

Из кухни коридорчик вел в прихожую. Пираты очень быстро достигли прихожей. Первое, что увидели они, — это вешалку, даже не саму вешалку, а одежду на ней.

— Осмотреть карманы! — отдал команду Синий Нос. — Возможно, там спрятаны клады золотых дукатов.

Красный Нос ухватился за полу мужского пальто и ловко, как обезьяна, стал подниматься к карману. Синий Нос забрался в карман женской шубки, а Нос Крючком — в карман детской курточки.

— В этих душистых мешках нет ни пылинки, — проворчал Синий Нос, скатываясь по скользкому меху на пол.

Из кармана мужского пальто слышалось сопение, пыхтение. Красный Нос вылетел оттуда, чихая. Зацепившись ногой, он вывернул карман, из него посыпалась желтая пыль. Синий Нос тоже стал чихать, нос у него стал фиолетовым.

— Тысяча чертей! Это же табак! — догадались Красный и Синий Носы.

Услыхав про табак, Нос Крючком, не кутивший тридцать лет ровно, начал быстро спускаться по шерстяной нитке, торчавшей из кармана куртки. Нитка все удлинялась. Когда Нос Крючком спустился почти до пола, нитка натянулась, и из кармана упала четырехпалая перчатка — пятый палец весь распустился, пока пират спускался. Нос Крючком тоже стал чихать.

Начихавшись всласть, пираты занялись дальнейшим осмотром. Их внимание остановили галоши.

— Пусть меня проглотит кашалот! — заорал Нос Крючком. — Это отличные корабли. Без единой трещины, просмоленные как надо. Возьмем один из больших кораблей. Пусть у него меньше скорость, зато он поднимет больше груза.

Пираты уцепились за большую галошу и потащили ее.

— Клянусь потрохами каракатицы, — закричал Синий Нос, — мы делаем бесполезную работу! Куда мы тащим корабль? Ни шагу дальше. Мы его загрузим здесь. Всем искать клад!

Пираты кинулись в детскую комнату. Синий Нос подбежал к кожаному сундуку с большим никелированным замком. Открыть замок — суший пустяк пирату. Скоро Синий Нос скрылся в кожаном сундуке.

Красный Нос и Нос Крючком напали на кукол, которые сидели в уголке. Они отбирали у тех капроновые одежды и сваливали в вороха. Нос Крючком надел голубую юбку с кружавчиками. Красный Нос напялил на голову чепчик с бантиком. Пираты пригрозили голым куклам ножом от мясорубки и запихали их под тахту.

В это время вылез из кожаного сундука Синий Нос. За поясом у него было три кинжала — перышки, которые он нашел в пенале. В руках он сжимал авторучку.

Синий Нос страшно рассердился, увидев друзей в кукольных нарядах: как они смели заняться дележом без него? Он отвинтил колпачок у ручки и, нажимая насосик, открыл стрельбу. Первую чернильную струю Синий Нос запустил в физиономию Красному Носу, и нос у того стал синим. Вторая струя ударила в физиономию Носа Крючком. У него нос тоже стал синим.

— Пусть меня задушит осьминог! — захохотал стрелок. — Мы все теперь Синие Носы — стало быть, братья! Давайте мириться.

Пираты обнялись, потом надели на настоящего Синего Носа кофточку. Синий Нос подарил им по кинжалу и отсалютовал в обои на стене несколькими очередами из авторучки.

— А теперь без промедления носить добро на корабль! — распорядился стоящий Синий Нос.

И только он распорядился, как за входной дверью на лестничной площадке послышались шаги.

— Клянусь омаром и кальмаром, — прошептал Нос Крючком, — это морская пехота врага! Надо удирать!..

Пираты бросили нож от мясорубки и, срывая на ходу награбленную одежду, кинулись на кухню. Мигом они забрались в раковину. Красный Нос попытался влезть в кран, но его тут же отбросило струей на посуду. Он потерял спину и, сморщившись, проворчал:

— Очень сильный прилив. Надо ждать отлива. Иначе не попадешь в трубу.

— Немедленно за мной, хромые кефали! — заорал Синий Нос. — Или мы погибли...

Он втянул в себя побольше воздуха и нырнул в отверстие раковины. За ним бросился Красный Нос — нос у него был уже красный, отмылся. Последним нырнул Нос Крючком. При этом он запутался в мочалке. Она потащилась за ним и заткнула отверстие в раковине.

Дверь открылась. Мама, папа и дочка вошли в квартиру.

— Хороший щеночек! — сказала дочка.

Папа и мама хотели сказать, что им тоже понравилась собака, что, может быть, стоит завести такую, но они ничего не сказали. Папа споткнулся о галошу, а мама попала ногой в ручеек, бежавший в прихожую с кухни. Они только вздохнули и принялись за уборку. Да, задали им работу эти ужасные пираты...

Я. АКИМ

Жадина

Кто держит
Конфету свою
В кулаке,
Чтоб съесть ее
Тайно от всех
В уголке,
Кто, выйдя во двор,
Никому из соседей
Не даст
Прокатиться
На ве-
ло-
си-
педке,

Кто мелом,
Резинкой,
Любою безделицей
В классе
Ни с кем
Ни за что
Не поделится —

Имя тому
Подходящее дадено,
Даже не имя,
А прозвище:
ЖАДИНА!

Жадину
Я ни о чем
Не прошу.
В гости я
Жадину
Не приглашу.
Не выйдет из жадины
Друга хорошего,

Даже приятелем
Не назовешь его.
Поэтому —
Честно, ребята, скажу —
С жадными
Я никогда
Не дружу!

Ю. МОРИЦ

Домик с трубой

Помню я, в детстве
Над нашей избой
В небо струился
Дымок голубой,

Чурки пылали
За дверцей в печи
И раскаляли огнем
Кирпичи,

Чтобы держался
Наш домик в тепле,
Пшенная каша
Томила в котле!

И, напевая,
Летел в дымоход
Дым, согревая
Зимой небосвод.

Очень мне нравился
Фокусник-дым,
Он развлекал меня
Видом своим,

Он превращался
В дракона, в коня,

Он заставлял
Волноваться меня!

Мог он построить
Над нашей трубой
Царство любое
И город любой,

Всякое чудище
Мог победить,
Чтоб не повадилось
Людам вредить!

Жалко, что этот
Дымок голубой
В сказку отправился
Вместе с трубой!

Чтобы теперь
У него побывать,
Надо картинку
Нарисовать:

Домик с трубой,
Домик с трубой,
В небо струится
Дымок голубой!

Р. СЕФ

Совет

Поссорились
Чашка и блюдец.
Сейчас
Они разобьются,
Скоро
В кухне, на полке,
Будут лежать
Осколки.
И ты
Не ссорься напрасно —

Это
Очень
Опасно.

Бесконечные стихи

Кто вечно хнычет
И скучает,
Тот ничего
Не замечает.
Кто ничего
Не замечает,
Тот ничего
Не изучает.
Кто ничего
Не изучает,
Тот вечно хнычет
И скучает.

(Если скучно стало,
Начинай сначала!)

Д. ХАРМС

«Уж я бегал, бегал, бегал...»

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал.

Вижу — по небу летит
галка,
а потом еще летит
галка,
а потом еще летит
галка,
а потом еще летит
галка.
Почему я не летаю?
Ах, как жалко!

Надоело мне сидеть,
захотелось полететь,
разбежаться,
размахаться,
и, как птица, полететь.

Разбежался я, подпрыгнул,
крикнул: «Эй!».
Ногами дрыгнул.
Давай ручками махать,
давай прыгать и скакать.

Меня сокол охраняет,
сзади ветер подгоняет,
снизу реки и леса,
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать,
захотелось погулять,
топ
топ
топ
топ
захотелось погулять.

Я по садику гуляю,
я цветочки собираю,
я на яблоню влезаю,
в небо яблоки бросаю,
в небо яблоки бросаю
наудачу на авось,
прямо в небо попадаю,
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться,
захотелось покупаться,
буль
буль
буль
буль
захотелось покупаться.

Посмотрите,
посмотрите,
как плыву я под водой,
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:
рыбы, рыбы, рыбы, рыбы,
рыбы — жители воды,
эти рыбы,
даже рыбы! —
хуже плавают, чем ты!

Я говорю:
надоело мне купаться,
плавать в маленькой реке,
лучше прыгать, кувыраться
и валяться на песке.

Мне купаться надоело,
я на берег — и бегом.
И направо, и налево,
бегал прямо и кругом.

Уж я бегал, бегал, бегал
и устал.
Сел на тумбочку, а бегать
перестал... и т.д.

Д. ЧИАРДИ

О том, у кого три глаза
(Пер. с англ. Р. Сефа)

У этого
Милого существа
Три глаза
И только одна голова.
Зато
Голова эта очень умна —
Все время
Подмигивает она;

Красный,
Зеленый
И желтый глаз
Поочередно
Смотрят на вас.
Один из них
Говорит: «Иди!».
Второй умоляет:
«Чуть-чуть подожди!»,
А третий командует:
«Смирно стой!
Закрота дорога
Перед тобой.
Но если ты лошадь
Или трамвай,
Тогда, пожалуйста, —
Проезжай».
Один глаз
Погас,
Другой глаз
Погас,
И вот загорается
Третий глаз.
При виде
Зеленого огонька
Мчат машины
Во весь опор,
И глядит,
Глядит на них свысока
Уличный... светофор.

Б. ЗАХОДЕР

Приятная встреча

Встретились Бяка и Бука.
Никто не издал ни звука.
Никто не подал и знака —
Молчали Бука и Бяка.

И Бука
Думал со скукой:

«Чего он так смотрит — буккой?»
А Бяка думал:
«Однако
Какой он ужасный
Бяка...».

А. ПЛЕЩЕЕВ

Мой садик

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
В наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли;
И тростник сухой и жёлтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри — ка,
Хлынул, словно из ведра;
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!..

С. МАРШАК

Почта

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

У него сегодня много
Писем в сумке на боку, —
Из Ташкента, Таганрога,
Из Тамбова и Баку.
В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,

А к двенадцати часам
Все разнес по адресам.

— Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!
— Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!
В Лондон вылетел вчера
В семь четырнадцать утра.

Житков за границу
По воздуху мчится —
Земля зеленеет внизу.
А вслед за Житковым
В вагоне почтовом
Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам
Разложены с толком,
В дороге разборка идет,
И два почтальона
На лавках вагона
Качаются ночь напролет.

Открытка — В Дубровку,
Посылка — В Покровку,
Газета — В Ростов-на-Дону.
Письмо — В Бологое.
А вот заказное
Поедет в чужую страну.

Письмо само
Никуда не пойдет,
Но в ящик его опусти —
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывет
Тысячи верст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:

Ему не нужен билет.
На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге оно
Не пьет и не ест
И только одно
Говорит:
— Срочное.
Англия. Лондон.
Вест, 14, Бобкин-стрит.

Бежит, подбрасывая груз,
За автобусом автобус.
Качаются на крыше
Плакаты и афиши.
Кондуктор с лесенки кричит:
— Конец маршрута. Бобкин-стрит!

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
Шагает быстро мистер Смит
В почтовой синей кепке,
А сам он вроде щепки.

Идет в четырнадцатый дом,
Стучит висячим молотком
И говорит сурово:
— Для мистера Житкова.
Швейцар глядит из-под очков
На имя и фамилию
И говорит: — Борис Житков
Отправился в Бразилию.

Пароход отойдет
Через две минуты.
Чемоданами народ
Занял все каюты.
Но в одну из кают
Чемоданов не несут.

Там поедет вот что:
Почтальон и почта.

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлен,
Бредет седой Базилио,
Бразильский почтальон.
В руке он держит странное,
Измятое письмо.

На марке — иностранное
Почтовое клеймо.
И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?
Это он,
Это он,

Ленинградский почтальон!
Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
— Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!

Мой сосед вскочил с постели:
— Вот так чудо в самом деле.
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной,

Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.
По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.

Честь и слава почтальонам,
Утомленным, запыленным,
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

Литературные сказки

А. ВОЛКОВ

Волшебник Изумрудного города

(Главы)

Ураган

Среди обширной канзасской степи жила девочка Элли. Ее отец, фермер Джон, целый день работал в поле, мать Анна хлопотала по хозяйству.

Жили они в небольшом фургоне, снятом с колес и поставленном на землю.

Обстановка домика была бедна: железная печка, шкаф, стол, три стула и две кровати. Рядом с домом, у самой двери, был выкопан «ураганный погреб». В погребе семья отсиживалась во время бурь.

Степные ураганы не раз уже опрокидывали легонькое жилище фермера Джона. Но Джон не унывал: когда утихал ветер, он поднимал домик, печка и кровати

ставились на места, Элли собирала с пола оловянные тарелки и кружки — и все было в порядке до нового урагана.

Вокруг до самого горизонта расстилалась ровная, как скатерть, степь. Кое-где виднелись такие же бедные домики, как и домик Джона. Вокруг них были пашни, где фермеры сеяли пшеницу и кукурузу.

Элли хорошо знала всех соседей на три мили кругом. На западе проживал дядя Роберт с сыновьями Бобом и Диком. В домике на севере жил старый Рольф, который делал детям чудесные ветряные мельницы.

Широкая степь не казалась Элли унылой: ведь это была ее родина. Элли не знала никаких других мест. Горы и леса она видела только на картинках, и они не манили ее, быть может, потому, что в дешевых Эллиных книжках были нарисованы плохо.

Когда Элли становилось скучно, она звала веселого песика Тототку и отправлялась навестить Дика и Боба, или шла к бабушке Рольфу, от которого никогда не возвращалась без самодельной игрушки.

Тототка с лаем прыгал по степи, гонялся за воронами и был бесконечно доволен собой и своей маленькой хозяйкой. У Тототки была черная шерсть, острые ушки и маленькие, забавно блестящие глазки. Тототка никогда не скучал и мог играть с девочкой целый день.

У Элли было много забот. Она помогала матери по хозяйству, а отец учил ее читать, писать и считать, потому что школа находилась далеко, а девочка была еще слишком мала, чтобы ходить туда каждый день.

Однажды летним вечером Элли сидела на крыльце и читала вслух сказку. Анна стирала белье.

— «И тогда сильный, могучий богатырь Арнаульф увидел волшебника ростом с башню, — нараспев читала Элли, вода пальцем по строкам. — Из рта и ноздрей волшебника вылетал огонь...».

— Мамочка, — спросила Элли, отрываясь от книги. — А теперь волшебники есть?

— Нет, моя дорогая. Жили волшебники в прежние времена, а теперь перевелись. Да и к чему они? И без них хлопот хватит.

Элли смешно наморщила нос:

— А все-таки без волшебников скучно. Если бы я вдруг сделалась королевой, то обязательно приказала бы, чтобы в каждом городе и в каждой деревне был волшебник. И чтобы он совершал для детей разные чудеса.

— Какие же, например? — улыбаясь, спросила мать.

— Ну, какие... Вот чтобы каждая девочка и каждый мальчик, просыпаясь утром, находили под подушкой большой сладкий пряник... Или... — Элли с укором посмотрела на свои грубые поношенные башмаки. — Или чтобы у всех детей были хорошенькие легкие туфельки...

— Туфельки ты и без волшебника получишь, — возразила Анна. — Поедешь с папой на ярмарку, он и купит...

Пока девочка разговаривала с матерью, погода начала портиться.

* * *

Как раз в это самое время в далекой стране, за высокими горами, колдовала в угрюмой глубокой пещере злая волшебница Гингема.

Страшно было в пещере Гингема. Там под потолком висело чучело огромного крокодила. На высоких шестах сидели большие филины, с потолка свешивались связки сушеных мышей, привязанных к веревочкам за хвостики, как лукови. Длинная толстая змея обвилась вокруг столба и равномерно качала пестрой и плоской головой. И много еще всяких странных и жутких вещей было в обширной пещере Гингема.

В большом закопченном котле Гингема варила волшебное зелье. Она бросала в котел мышей, отрывая одну за другой от связки.

— Куда это подевались змеиные головы? — злобно ворчала Гингема, — не все же я съела за завтраком!.. А, вот они, в зеленом горшке! Ну, теперь зелье выйдет на славу!.. Достанется же этим проклятым людям! Ненавижу я их... Расселились по свету! Осушили болота! Вырубили чащи!.. Всех лягушек вывели!.. Змей уничтожают! Ничего вкусного на земле не осталось! Разве только червячком, да паучком полакомишься!..

Гингема погрозила в пространство костлявым иссохшим кулаком и стала бросать в котел змеиные головы.

— Ух, ненавистные люди! Вот и готово мое зелье на погибель вам! Окроплю леса и поля, и поднимется буря, какой еще на свете не бывало!

Гингема с усилием подхватила котел за ушки и вытащила из пещеры. Она опустила в котел большое помело и стала расплескивать вокруг свое варево.

— Разразись, ураган! Лети по свету, как бешеный зверь! Рви, ломай, круши! Опрокидывай дома, поднимай на воздух! Сусака, масака, лэма, рэма, гэма!.. Буридо, фуридо, сэма, пэма, фэма!..

Она выкрикивала волшебные слова и брызгала вокруг растрепанным помелом, и небо омрачалось, собирались тучи, начинал свистеть ветер. Вдали блеснули молнии...

— Круши, рви, ломай! — дико вопила колдунья. — Сусака, масака, буридо, фуридо! Уничтожай, ураган, людей, животных, птиц! Только лягушек, мышек, змеек, паучков не трогай, ураган! Пусть они по всему свету размножатся на радость мне, могучей волшебнице Гингема! Буридо, фуридо, сусака, масака!

И вихрь завывал все сильнее и сильнее, сверкали молнии, оглушительно гремел гром.

Гингема в диком восторге кружилась на месте и ветер развеивал полы ее длинной черной мантии...

Вызванный волшебством Гингема, ураган донесся до Канзаса и с каждой минутой приближался к домику Джона. Вдали у горизонта сгущались тучи, среди них поблескивали молнии.

Тотошка беспокойно бегал, задрал голову и задорно лаял на тучи, которые быстро мчались по небу.

— Ой, Тотошка, какой ты смешной, — сказала Элли. — Пугаешь тучи, а ведь сам трусишь!

Песик и в самом деле очень боялся гроз, которых уже немало видел за свою недолгую жизнь.

Анна забеспокоилась.

— Заболталась я с тобой, дочка, а ведь, смотри-ка, надвигается самый настоящий ураган...

Вот уже ясно стал слышен грозный гул ветра. Пшеница на поле прилегла к земле, и по ней как по реке, покатались волны. Прибежал с поля взволнованный фермер Джон.

— Буря, идет страшная буря! — закричал он. — Прячьтесь скорее в погреб, а я побегу, загоню скот в сарай!

Анна бросилась к погребу, откинула крышку.

— Элли, Элли! Скорей сюда! — кричала она.

Но Тотошка, перепуганный ревом бури и беспрестанными раскатами грома, убежал в домик и спрятался там под кровать, в самый дальний угол. Элли не захотела оставлять своего любимца одного и бросилась за ним в фургон.

И в это время случилась удивительная вещь.

Домик повернулся два или три раза, как карусель. Он оказался в самой середине не урагана. Вихрь закружил его, поднял вверх и понес по воздуху.

В дверях фургона показалась испуганная Элли с Тотошкой на руках. Что делать? Спрыгнуть на землю? Но было уже поздно: домик летел высоко над землей...

Ветер трепал волосы Анны, которая стояла возле погреба, протягивала вверх руки и отчаянно кричала. Прибежал из сарая фермер Джон и в отчаянии бросился к тому месту, где стоял фургон. Осиротевшие отец и мать долго смотрели в темное небо, поминутно освещаемое блеском молний...

Ураган все бушевал, и домик, покачиваясь, несся по воздуху. Тотошка, недвольный тем, что творилось вокруг, бегал по темной комнате с испуганным лаем. Элли, растерянная, сидела на полу, схватившись руками за голову. Она чувствовала себя очень одинокой. Ветер гудел так, что оглушал ее. Ей казалось, что домик вот-вот упадет и разобьется. Но время шло, а домик все еще летел. Элли вскарабкалась на кровать и легла, прижав к себе Тотошку. Под гул ветра, плавно качавшего домик, Элли крепко заснула.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дорога из желтого кирпича

Элли в удивительной стране Жевунов

Элли проснулась от того, что песик лизал ее лицо горячим мокрым язычком и скулил. Сначала ей показалось, что она видела удивительный сон, и Элли уже собиралась рассказать о нем матери. Но, увидев опрокинутые стулья, валявшуюся в углу печку, Элли поняла, что все было наяву.

Девочка спрыгнула с постели. Домик не двигался, и солнце ярко светило в окно. Элли подбежала к двери, распахнула ее и вскрикнула от удивления.

Ураган занес домик в страну необычайной красоты. Вокруг расстилалась зеленая лужайка; по краям ее росли деревья со спелыми сочными плодами; на полянках виднелись клумбы красивых розовых, белых и голубых цветов. В воздухе порхали крошечные птицы, сверкавшие своим ярким оперением. На ветках деревьев сидели золотисто-зеленые и красногрудые попугаи и кричали высокими странными голосами. Невдалеке журчал прозрачный поток; в воде резвились серебристые рыбки.

Пока девочка нерешительно стояла на пороге, из-за деревьев появились самые забавные и милые человечки, каких только можно вообразить. Мужчины, одетые в голубые бархатные кафтаны и узкие панталоны, ростом были не выше Элли; на ногах у них блестели голубые ботфорты с отворотами. Но больше всего Элли понравились остроконечные шляпы: их верхушки украшали хрустальные шарики, а под широкими полями нежно звенели маленькие бубенчики.

Старая женщина в белой мантии важно ступала впереди трех мужчин; на ее остроконечной шляпе и на мантии сверкали крошечные звездочки. Седые волосы старушки падали ей на плечи.

Вдали, за плодовыми деревьями, виднелась целая толпа маленьких мужчин и женщин, они стояли, перешептываясь и переглядываясь, но не решались подойти поближе.

Подойдя к девочке, эти робкие маленькие люди приветливо и несколько боязливо улыбнулись Элли, но старушка смотрела на нее с явным недоумением. Трое мужчин дружно двинулись вперед и разом сняли шляпы. «Дзинь-дзинь-дзинь!» — прозвенели бубенчики. Элли заметила, что челюсти маленьких мужчин беспрестанно двигались, как будто что-то пережевывая.

Старушка обратилась к Элли:

— Скажи мне, как ты очутилась в стране жевунов, юное дитя?

— Меня сюда принес ураган в этом домике, — робко ответила старушке Элли.

— Странно, очень странно! — покачала головой старушка. — Сейчас ты поймешь мое недоумение. Дело было так. Я узнала, что злая волшебница Гингема выжила из ума, захотела погубить человеческий род и населить землю крысами и змеями. И мне пришлось употребить все свое волшебное искусство...

— Как, сударыня! — со страхом воскликнула Элли. — Вы волшебница? А как же мама говорила мне, что теперь нет волшебников?

— Где живет твоя мама?

— В Канзасе.

— Никогда не слыхала такого названия, — сказала волшебница, поджав губы. — Но, что бы не говорила твоя мама, в этой стране живут волшебники и мудрецы. Нас здесь было четыре волшебницы. Две из нас — волшебница Желтой страны (это я — Виллина!) и волшебница Розовой страны Стелла — добрые. А волшебница Голубой страны Гингема и волшебница Фиолетовой страны Бастинда — очень злые. Твой домик раздавил Гингему, и теперь осталась только одна злая волшебница в нашей стране.

Элли была изумлена. Как могла уничтожить злую волшебницу она, маленькая девочка, не убившая в своей жизни даже воробья!

Элли сказала:

— Вы, конечно, ошибаетесь: я никого не убивала.

— Я тебя в этом не виню, — спокойно возразила волшебница Виллина. — Ведь это я, чтобы спасти людей от беды, лишила ураган разрушительной силы и позволила захватить ему только один домик, чтобы сбросить его на голову коварной Гингеме, потому что вычитала в своей волшебной книге, что он всегда пустует в бурю...

Элли смущенно ответила:

— Это правда, сударыня, во время ураганов мы прячемся в погреб, но я побежала в домик за моей собачкой...

— Такого безрассудного поступка моя волшебная книга никак не могла предвидеть! — огорчилась волшебница Виллина. — Значит, во всем виноват этот маленький зверь...

— Тототка, ав-ав, с вашего позволения, сударыня! — неожиданно вмешался в разговор песик. — Да, с грустью признаюсь, это я во всем виноват...

— Как, ты заговорил, Тототка!? — с удивлением вскричала изумленная Элли.

— Не знаю, как это получается, Элли, но, ав-ав, из моего рта невольно вылетают человеческие слова...

— Видишь ли, Элли, — объяснила Виллина. — В этой чудесной стране разговаривают не только люди, но и все животные и даже птицы. Посмотри вокруг, нравится тебе наша страна?

— Она недурна, сударыня, — ответила Элли. — Но у нас дома лучше. Посмотрели бы вы на наш скотный двор! Посмотрели бы вы на нашу пестрянку, сударыня! Нет, я хочу вернуться на родину, к маме и папе...

— Вряд ли это возможно, — сказала волшебница. — Наша страна отделена от всего света пустыней и огромными горами, через которые не переходил ни один человек. Боюсь, моя крошка, что тебе придется остаться с нами.

Глаза Элли наполнились слезами. Добрые жевуны очень огорчились и тоже заплакали, утирая слезы голубыми носовыми платочками. Жевуны сняли шляпы и поставили их на землю, чтобы бубенчики своим звоном не мешали им рыдать.

— А вы совсем-совсем не поможете мне? — грустно спросила Элли у волшебницы.

— Ах да, — спохватилась Виллина, — я совсем забыла, что моя волшебная книга при мне. Надо посмотреть в нее: может быть, я там что-нибудь вычитаю полезное для тебя...

Виллина вынула из складок одежды крошечную книжечку величиной с наперсток. Волшебница подула на нее и на глазах удивленной и немного испуганной Элли книга начала расти, расти и превратилась в громадный том. Он был так тяжел, что старушка положила его на большой камень. Виллина смотрела на листы книги и они сами переворачивались под ее взглядом.

— Нашла, нашла! — воскликнула вдруг волшебница и начала медленно читать: — «Бамбара, чуфара, скорики, морики, турабо, фурабо, лорики, ерики... Великий волшебник Гудвин вернет домой маленькую девочку, занесенную в его страну ураганом, если она поможет трем существам добиться исполнения их самых заветных желаний, пикапу, трикапу, ботало, мотало...».

— Пикапу, трикапу, ботало, мотало... — в священном ужасе повторили жевуны.

— А кто такой Гудвин? — спросила Элли.

— О, это самый великий мудрец нашей страны, — прошептала старушка. — Он могущественнее всех нас и живет в Изумрудном городе.

— А он злой или добрый?

— Этого никто не знает. Но ты не бойся, разыщи три существа, исполни их заветные желания и волшебник Изумрудного города поможет тебе вернуться в твою страну!

— Где Изумрудный город?

— Он в центре страны. Великий мудрец и волшебник Гудвин сам построил его и управляет им. Но он окружил себя необычайной таинственностью и никто не видал его после постройки города, а она закончилась много-много лет назад.

— Как же я дойду до Изумрудного города?

— Дорога далека. Не везде страна хороша, как здесь. Есть темные леса со страшными зверями, есть быстрые реки — переправа через них опасна...

— Не поедете ли вы со мной? — спросила девочка.

— Нет, дитя мое, — ответила Виллина. — Я не могу надолго покинуть Желтую страну. Ты должна идти одна. Дорога в Изумрудный город вымощена желтым кирпичом и ты не заблудишься. Когда придешь к Гудвину, проси у него помощи...

— А долго мне придется здесь прожить, сударыня? — спросила Элли, опустив голову.

— Не знаю, — ответила Виллина. — Об этом ничего не сказано в моей волшебной книге. Иди, ищи, борись! Я буду время от времени заглядывать в мою волшебную книгу, чтобы знать, как идут твои дела... Прощай, моя дорогая!

Виллина наклонилась к огромной книге, и та тотчас сжалась до размеров перстка, и исчезла в складках мантии. Налетел вихрь, стало темно, и, когда мрак рассеялся, Виллины уже не было: волшебница исчезла. Элли и жевуны задрожали от страха, и бубенчики на шляпах маленьких людей зазвенели сами собой.

Когда все немного успокоились, самый смелый из жевунов, их старшина, обратился к Элли:

— Могущественная фея! Приветствуем тебя в Голубой стране! Ты убила злую Гингему и освободила жевунов!

Элли сказала:

— Вы очень любезны, но тут ошибка: я не фея. И ведь вы же слышали, что мой домик упал на Гингему по приказу волшебницы Виллины...

— Мы этому не верим, — упрямо возразил старшина жевунов. — Мы слышали твой разговор с доброй волшебницей, ботало, мотало, но мы думаем, что и ты могущественная фея. Ведь только феи могут разъезжать в своих домиках, и только фея могла освободить нас от Гингемы, злой волшебницы Голубой страны. Гингема много лет правила нами и заставляла нас работать день и ночь...

— Она заставляла работать нас день и ночь! — хором сказали жевуны.

— Она приказывала нам ловить пауков и летучих мышей, собирать лягушек и пиявок по канавам. Это были ее любимые кушанья...

— А мы, — заплакали жевуны. — Мы очень боимся пауков и пиявок!

— О чем же вы плачете? — спросила Элли. — Ведь все это прошло!

— Правда, правда! — Жевуны дружно рассмеялись и бубенчики на их шляпах весело зазвенели.

— Могущественная госпожа Элли! — заговорил старшина. — Хочешь стать нашей повелительницей вместо Гингемы? Мы уверены, что ты очень добра и не слишком часто нас будешь наказывать!

— Нет! — возразила Элли, — я только маленькая девочка и не гожусь в правительницы страны. Если вы действительно хотите помочь мне, дайте возможность исполнить ваши самые заветные желания!

— У нас было единственное желание — избавиться от злой Гингемы, пикапу, трикапу! Но твой домик — крак! крак! — раздавил ее, и у нас больше нет желаний!.. — сказал старшина.

— Тогда мне нечего здесь делать. Я пойду искать тех, у кого есть желания. Только вот башмаки у меня уж очень старые и рваные — они не выдержат долгого пути. Правда, Тотошка? — обратилась Элли к песику.

— Конечно, не выдержат, — согласился Тотошка. — Но ты не горюй, Элли, я тут неподалеку видел кое-что и помогу тебе!

— Ты?! — удивилась девочка.

— Да, я! — с гордостью ответил Тотошка и исчез за деревьями. Через минуту он вернулся с красивым серебряным башмачком в зубах и торжественно положил его у ног Элли. На башмачке блестела золотая пряжка.

— Откуда ты его взял? — изумилась Элли.

— Сейчас расскажу! — отвечал запыхавшийся песик, скрылся и вернулся с другим башмачком.

— Какая прелесть! — восхищенно сказала Элли и примерила башмачки — они как раз пришлись ей по ноге, точно были на нее сшиты.

— Когда я бегал на разведку, — важно начал Тотошка, — я увидел за деревьями большое черное отверстие в горе...

— Ай-ай-ай! — в ужасе закричали жевуны. — Ведь это вход в пещеру злой волшебницы Гингемы! И ты осмелился туда войти?..

— А что тут страшного? Ведь Гингема-то умерла! — возразил Тотошка.

— Ты, должно быть, тоже волшебник! — со страхом молвил старшина; все другие жевуны согласно закивали головами и бубенчики под шляпами дружно зазвенели.

— Вот там-то, войдя в эту, как вы ее называете, пещеру, я увидел много смешных и странных вещей, но больше всего мне понравились стоящие у входа башмачки. Какие-то большие птицы со страшными желтыми глазами пытались помешать мне взять эти башмачки, но разве Тотошка испугается чего-нибудь, когда он хочет услужить своей Элли?

— Ах ты, мой милый смельчак! — воскликнула Элли и нежно прижала песика к груди. — В этих башмачках я пройду без усталости сколько угодно...

— Это очень хорошо, что ты надела башмачки злой Гингемы, — перебил ее старший жевун. — Кажется, в них заключена волшебная сила, потому что Гингема надевала их только в самых важных случаях. Но какая это сила, мы не знаем... И ты все-таки уходишь от нас, милостивая госпожа Элли? — со вздохом спросил старшина. — Тогда мы принесем тебе пищи на дорогу...

Жевуны ушли, и Элли осталась одна. Она нашла в домике кусок хлеба и съела его на берегу ручья, запивая прозрачной холодной водой. Затем она стала собираться в далекий путь, а Тотошка бегал под деревом и старался схватить сидящего на нижней ветке крикливого пестрого попугая, который все время дразнил его.

Элли вышла из фургона, заботливо закрыла дверь и написала на ней мелом: «Меня нет дома»!

Тем временем вернулись жевуны. Они натащили столько еды, что Элли хватило бы ее на несколько лет. Здесь были бараны, связанные гуси и утки, корзины с фруктами...

Элли со смехом сказала:

— Ну куда мне столько, друзья мои?

Она положила в корзину немного хлеба и фруктов, попрощалась с жевунами и смело отправилась в дальний путь с веселым Тотошкой.

Неподалеку от домика было перепутье: здесь расходились несколько дорог. Элли выбрала дорогу, вымощенную желтым кирпичом и бодро зашагала по ней. Солнце сияло, птички пели, и маленькая девочка, заброшенная в удивительную чужую страну, чувствовала себя совсем неплохо.

Дорога была огорожена с обеих сторон красивыми голубыми изгородями, за которыми начинались возделанные поля. Кое-где виднелись круглые домики. Крыши их были похожи на остроконечные шляпы жевунов. На крышах сверкали хрустальные шарики. Домики были выкрашены в голубой цвет.

На полях работали маленькие мужчины и женщины, они снимали шляпы и приветливо кланялись Элли. Ведь теперь каждый жевун знал, что девочка в серебряных башмачках освободила их страну от злой волшебницы, опустив свой домик — крак! крак! — прямо ей на голову. Все жевуны, которых встречала Элли на пути, с боязливым удивлением смотрели на Тотошку и слыша его лай, затыкали уши. Когда же веселый песик подбегал к кому-нибудь из жевунов, тот удирал от него во весь дух: в стране Гудвина совсем не было собак.

К вечеру, когда Элли проголодалась и подумывала, где провести ночь, она увидела у дороги большой дом. На лужайке перед домом плясали маленькие мужчины и женщины. Музыканты усердно играли на маленьких скрипках и флейтах. Тут же резвились дети, такие крошечные, что Элли глаза раскрыла от изумления: они походили на кукол. На террасе были расставлены длинные столы с вазами, полными фруктов, орехов, конфет, вкусных пирогов и больших тортов.

Завидев приближающуюся Элли, из толпы танцующих вышел красивый высокий старик (он был на целый палец выше Элли!) и с поклоном сказал:

— Я и мои друзья празднуем сегодня освобождение нашей страны от злой волшебницы. Осмелюсь ли просить могущественную фею убивающего домика принять участие в нашем пире?

— Почему вы думаете, что я фея? — спросила Элли.

— Ты раздавила злую волшебницу Гингему — крак! крак! — как пустую яичную скорлупу; на тебе ее волшебные башмаки; с тобой удивительный зверь, какого мы никогда не видали, и, по рассказам наших друзей, он тоже одарен волшебной силой...

На это Элли не сумела ничего возразить и пошла за стариком, которого звали Прем Кокус. Ее встретили как королеву, и бубенчики непрестанно звенели, и были бесконечные танцы, и было съедено великое множество пирожных и выпито великое множество прохладительного, и весь вечер прошел так весело и приятно, что Элли вспомнила о папе и маме, только засыпая в постели.

Утром после сытного завтрака она спросила Кокуса:

— Далеко ли отсюда до Изумрудного города?

— Не знаю, — задумчиво ответил старик. — Я никогда не бывал там. Лучше держаться подальше от великого Гудвина, особенно, если не имеешь к нему

важного дела. Да и дорога до Изумрудного города длинная и трудная. Тебе придется переходить через темные леса и переправляться через быстрые глубокие реки.

Элли немного огорчилась, но она знала, что только великий Гудвин вернет ее в Канзас, и поэтому распрощалась с друзьями и снова отправилась в путь по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Страшила

Элли шла уже несколько часов и устала. Она присела отдохнуть у голубой изгороди, за которой расстилалось поле спелой пшеницы.

Около изгороди стоял длинный шест, на нем торчало соломенное чучело — отгонять птиц. Голова чучела была сделана из мешочка, набитого соломой, с нарисованными на нем глазами и ртом, так что получалось смешное человеческое лицо. Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех кафтана торчала солома. На голове была старая потертая шляпа, с которой были срезаны бубенчики, на ногах — старые голубые ботфорты, какие носили мужчины в этой стране. Чучело имело забавный и вместе с тем добродушный вид.

Элли внимательно разглядывала смешное разрисованное лицо чучела и удивилась, видя, что оно вдруг подмигнуло ей правым глазом. Она решила, что ей почудилось: ведь чучела никогда не мигают в Канзасе. Но фигура закивала головой с самым дружеским видом.

Элли испугалась, а храбрый Тотошка с лаем набросился на изгородь, за которой был шест с чучелом.

— Добрый день! — сказала чучело немного хриплым голосом.

— Ты умеешь говорить? — удивилась Элли.

— Научился, когда ссорился тут с одной вороной. Как ты поживаешь?

— Спасибо, хорошо! Скажи, нет ли у тебя заветного желания?

— У меня? О, у меня целая куча желаний! — И чучело скороговоркой начало перечислять: — Во-первых, мне нужны серебряные бубенчики на шляпу, во-вторых, мне нужны новые сапоги, в-третьих...

— Хватит, хватит! — перебила Элли. — Какое из них самое заветное?

— Самое-самое? — Чучело немного подумало. — Сними меня отсюда! Очень скучно торчать здесь день и ночь и пугать противных ворон, которые, кстати сказать совсем меня не боятся!

— Разве ты не можешь сойти сам?

— Нет, в меня сзади воткнули кол. Если бы ты вытащила его из меня, я был бы тебе очень благодарен!

Элли наклонила кол и, вцепившись обеими руками в чучело, стащила его.

— Чрезвычайно признателен! — пропыхтело чучело, очутившись на земле. — Я чувствую себя прямо новым человеком. Если бы еще получить серебряные бубенчики на шляпу да новые сапоги!

Чучело заботливо расправило кафтан, стряхнуло с себя соломинки и, шаркнув ножкой по земле, представилось девочке:

— Страшила!

— Что ты говоришь! — не поняла Элли.

— Я говорю: Страшила. Это так меня называли: ведь я должен пугать ворон. А тебя как зовут?

— Элли.

— Красивое имя! — сказал Страшила.

Элли смотрела на него с удивлением. Она не могла понять, как чучело, набитое соломой и с нарисованным лицом, ходит и говорит.

Но тут возмутился Тотошка и с негодованием воскликнул:

— А почему ты со мной не здороваешься?

— Ах, виноват, виноват! — извинился Страшила и крепко пожал песику лапу. — Честь имею представиться, Страшила!

— Очень приятно! А я Тото! Но близким друзьям позволительно звать меня Тотошкой!

— Ах, Страшила, как я рада, что исполнила самое заветное твое желание! — сказала Элли.

— Извини, Элли, — сказал Страшила, снова шаркнув ножкой, — но я, оказывается, ошибся. Мое самое заветное желание — получить мозги!

— Мозги!?

— Ну да, мозги. Очень неприятно, когда голова у тебя набита соломой...

— Как же тебе не стыдно обманывать? — с упреком спросила Элли.

— А что значит — обманывать? Меня сделали только вчера и я ничего не знаю...

— Откуда же ты узнал, что у тебя в голове солома, а у людей — мозги?

— Это мне сказала одна ворона, когда я с ней ссорился. Дело, видишь ли, Элли, было так. Сегодня утром поблизости от меня летала большая взъерошенная ворона и не столько клевала пшеницу, сколько выбивала из нее на землю зерна. Потом она нахально уселась на мое плечо и клюнула меня в щеку. «Кагги-карр! — насмешливо прокричала ворона. — Вот так чучело! Толку-то от него ничуть! Какой это чудак-фермер думал, что мы, вороны, будем его бояться?..» Ты понимаешь, Элли, я страшно рассердился и изо всех сил пытался заговорить. И какова была моя радость, когда это мне удалось. Но, понятно, у меня сначала выходило не очень складно. «Пш... пш... пшла... прочь, гадкая! — закричал я. — Нс... нс... Не смей клевать меня! Я прт... шрт... я страшный!» — Я даже сумел ловко сбросить ворону с плеча, схватив ее за крыло рукой. Ворона, впрочем, ничуть не смутилась и принялась нагло клевать колосья прямо передо мной. «Эка, удивил, — сказала она. — Точно я не знаю, что в стране Гудвина и чучело сможет заговорить, если сильно захочет! А все равно я тебя не боюсь! С шеста ведь ты не слезешь!» — «Пшш... пшш... пшла! Ах, я несчастный, — чуть не зарыдал я. — И правда, куда я годен? Даже поля от ворон уберечь не могу».

— При всем своем нахальстве, эта ворона была, по-видимому, добрая птица, — продолжал Страшила. — Ей стало меня жаль. «А ты не печалься так! — хрипло сказала она мне. — Если бы у тебя были мозги в голове, ты был бы как все люди! Мозги — единственная стоящая вещь у вороны... И у человека!». Вот так-то я и узнал, что у людей бывают мозги, а у меня их нет. Я весело закричал: «Эй-гей-гей-го! Да здравствуют мозги! Я себе обязательно их раздобуду!». Но ворона очень капризная птица и сразу охладила мою радость. «Кагги-карр!... — захохотала она. — Коли нет мозгов, так и не будет! Карр-карр!...» И она улетела, а вскоре пришли вы с Тотошкой, — закончил Страшила свой рассказ. — Вот теперь, Элли, скажи: можешь ты дать мне мозги?

— Нет, что ты! Это может сделать разве только Гудвин в Изумрудном городе. Я как раз сама иду к нему просить, чтобы он вернул меня в Канзас, к папе и маме.

— А где это Изумрудный город и кто такой Гудвин?

— Разве ты не знаешь?

— Нет, — печально ответил Страшила. — Я ничего не знаю. Ты же видишь, я набит соломой и у меня совсем нет мозгов.

— Ох, как мне тебя жалко! — вздохнула девочка.

— Спасибо! А если я пойду с тобой в Изумрудный город, Гудвин обязательно даст мне мозги?

— Не знаю. Но если великий Гудвин и не даст тебе мозгов, хуже не будет, чем теперь.

— Это верно, — сказал Страшила. — Видишь ли, — доверчиво продолжал он, — меня нельзя ранить, так как я набит соломой. Ты можешь насквозь проткнуть меня иглой, и мне не будет больно. Но я не хочу, чтобы люди называли меня глупцом, а разве без мозгов чему-нибудь научишься?

— Бедный! — сказала Элли. — Пойдем с нами! Я попрошу Гудвина помочь тебе.

— Спасибо! — ответил Страшила и снова раскланялся.

Право, для чучела, прожившего на свете один только день, он был удивительно вежлив.

Девочка помогла Страшילה сделать первые два шага, и они вместе пошли в Изумрудный город по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Сначала Тотошке не нравился новый спутник. Он бегал вокруг чучела и обнюхивал его, считая, что в соломе внутри кафтана есть мышинное гнездо. Он недружелюбно лаял на Страшилу и делал вид, что хочет его укусить.

— Не бойся Тотошки, — сказала Элли. — Он не укусит тебя.

— Да я и не боюсь! Разве можно укусить солону? Дай я понесу твою корзинку. Мне это нетрудно: я ведь не могу уставать. Скажу тебе по секрету, — прошептал он на ухо девочке своим хриловатым голосом, — есть только одна вещь на свете, которой я боюсь.

— О! — воскликнула Элли. — Что же это такое? Мышь?

— Нет! Горящая спичка!!!

Через несколько часов дорога стала неровной. Страшила часто спотыкался. Попадались ямы. Тотошка перепрыгивал через них, а Элли обходила кругом. Но Страшила шел прямо, падал и растягивался во всю длину. Он не ушибался. Элли брала его за руку, поднимала, и Страшила шагал дальше, смеясь над своей неловкостью.

Потом Элли подобрала у края дороги толстую ветку и предложила ее Страшиле вместо трости. Тогда дело пошло лучше, и походка Страшилы стала тверже.

Домики попадались все реже, плодовые деревья совсем исчезли. Страна становилась малонаселенной и угрюмой.

Путники уселись у ручейка. Элли достала хлеб и предложила кусочек Страшиле, но он вежливо отказался.

— Я никогда не хочу есть. И это очень удобно для меня.

Элли не настаивала и отдала кусок Тотошке; песик жадно проглотил его и стал на задние лапки, прося еще.

— Расскажи мне о себе, Элли, о своей стране, — попросил Страшила.

Элли долго рассказывала о широкой канзасской степи, где летом все так серо и пыльно и все совершенно не такое, как в этой удивительной стране Гудвина.

Страшила слушал внимательно.

— Я не понимаю, почему ты хочешь вернуться в свой сухой и пыльный Канзас?

— Ты потому не понимаешь, что у тебя нет мозгов, — горячо ответила девочка. — Дома всегда лучше!

Страшила лукаво улыбнулся.

— Солома, которой я набит, выросла на поле, кафтан сделал портной, сапоги сшил сапожник. Где же мой дом? На поле, у портного или у сапожника?

Элли растерялась и не знала, что ответить.

Несколько минут она сидела молча.

— Может быть, теперь ты мне расскажешь что-нибудь? — спросила девочка.

Страшила взглянул на нее с упреком:

— Моя жизнь так коротка, что я ничего не знаю. Ведь меня сделали только вчера, и я понятия не имею, что было раньше на свете. К счастью, когда хозяин делал меня, он прежде всего нарисовал мне уши, и я мог слышать, что делается вокруг. У хозяина гостил другой жевун, и первое, что я услышал, были его слова: «А ведь уши-то велики!» — «Ничего! В самый раз!» — ответил хозяин и нарисовал мне правый глаз.

И я с любопытством начал разглядывать все, что делается вокруг, так как — ты понимаешь — ведь я в первый раз смотрел на мир.

«Подходящий глазок» — сказал гость. — «Не пожалел голубой краски!».

«Мне кажется, другой вышел немного больше», — сказал хозяин, кончив рисовать мой второй глаз.

Потом он сделал мне из заплатки нос и нарисовал рот, но я не умел еще говорить, потому что не знал, зачем у меня рот. Хозяин надел на меня свой старый костюм и шляпу, с которой ребятишки срезали бубенчики. Я был страшно горд, и мне казалось, что выгляжу, как настоящий человек.

«Этот парень будет чудесно пугать ворон», — сказал фермер.

«Знаешь что? Назови его Страшилой!» — посоветовал гость и хозяин согласился.

Дети фермера весело закричали: «Страшила! Страшила! Пугай ворон!»

Меня отнесли на поле, проткнули шестом и оставили одного. Было скучно висеть, но слезть я не мог. Вчера птицы еще боялись меня, но сегодня уже привыкли. Тут я и познакомился с доброй вороной, которая рассказала мне про мозги. Вот было бы хорошо, если бы Гудвин дал их мне...

— Я думаю, он тебе поможет, — подбодрила его Элли.

— Да, да! Неудобно чувствовать себя глупцом, когда даже вороны смеются над тобой.

— Идем! — сказала Элли, встала и подала Страшиле корзинку.

К вечеру путники вошли в большой лес. Ветви деревьев спускались низко и загромождали дорогу, вымощенную желтым кирпичом. Солнце зашло и стало совсем темно.

— Если увидишь домик, где можно переночевать, скажи мне, — попросила Элли сонным голосом. — Очень неудобно и страшно идти в темноте.

Скоро Страшила остановился.

— Я вижу справа маленькую хижину. Пойдем туда?

— Да, да! — ответила Элли. — Я так устала!..

Они свернули с дороги и скоро дошли до хижины. Элли нашла в углу постель из мха и сухой травы и сейчас же уснула, обняв рукой Тотошку. А Страшила сидел на пороге, оберегая покой обитателей хижины.

Оказалось, что Страшила караулил не напрасно. Ночью какой-то зверь с белыми полосками на спине и на черной свиной мордочке попытался проникнуть в хижину. Скорее всего, его привлек запах съестного из Эллиной корзинки, но Страшиле показалось, что Элли угрожает большая опасность. Он, затаившись, подпустил врага к самой двери (враг этот был молодой барсук, но этого Страшила, конечно, не знал). И когда барсучишка уже просунул в дверь свой любопытный нос, принюхиваясь к соблазнительному запаху, Страшила стегнул его прутиком по жирной спине.

Барсучишка взвыл, кинулся в чащу леса, и долго еще слышался из-за деревьев его обиженный визг...

Остаток ночи прошел спокойно: лесные звери поняли, что у хижины есть надежный защитник. А Страшила, который никогда не уставал и никогда не хотел спать, сидел на пороге, пялил глаза в темноту и терпеливо дожидался утра.

Спасение Железного Дровосека

Элли проснулась. Страшила сидел на пороге, а Тотошка гонял в лесу белок.

— Надо поискать воды, — сказала девочка.

— Зачем тебе вода?

— Умыться и попить. Сухой кусок не идет в горло.

— Фу, как неудобно быть сделанным из мяса и костей! — задумчиво сказал Страшила. — Вы должны спать и есть, и пить. Впрочем, у вас есть мозги, а за них можно терпеть всю эту кучу неудобств.

Они нашли ручеек, и Элли с Тотошкой позавтракали. В корзинке оставалось еще немного хлеба. Элли собралась идти обратно в хижину, но тут послышался стон.

— Что это? — спросила она со страхом.

— Понятия не имею, — отвечал Страшила. — Пойдем, посмотрим.

Стон раздался снова. Они стали пробираться сквозь чащу. Скоро они увидели среди деревьев какую-то фигуру. Элли подбежала и остановилась с криком изумления.

У надрубленного дерева с высоко поднятым топором в руках стоял человек, целиком сделанный из железа. Голова его, руки и ноги были прикреплены к железному туловищу на шарнирах; на голове вместо шапки была медная воронка, галстук на шее был железный. Человек стоял неподвижно, с широко раскрытыми глазами.

Тотошка с яростным лаем попытался укунить ногу незнакомца и отскочил с визгом: он чуть не сломал зубы.

— Что за безобразие, ав-ав-ав! — пожаловался он. — Разве можно подставлять порядочной собаке железные ноги?..

— Наверно, это лесное пугало, — догадался Страшила. — Не понимаю только, что оно здесь охраняет?

— Это ты стонал? — спросила Элли.

— Да... — ответил Железный Дровосек. — Уже целый год никто не приходит мне помочь...

— А что нужно сделать? — спросила Элли, растроганная жалобным голосом незнакомца.

— Мои суставы заржавели, и я не могу двигаться. Но, если меня смазать, я буду как новенький. Ты найдешь масленку в моей хижине на полке.

Элли с Тотошкой убежали, а Страшила ходил вокруг Железного Дровосека и с любопытством рассматривал его.

— Скажи, друг, — поинтересовался Страшила. — Год — это очень долго?

— Еще бы! Год — это долго, очень долго! Это целых триста шестьдесят пять дней!..

— Триста... шестьдесят... пять... — повторил Страшила. — А что, это больше чем три?

— Какой ты глупый! — ответил Дровосек. — Ты, видно, совсем не умеешь считать!

— Ошибаешься! — гордо возразил Страшила. — Я очень хорошо умею считать! — И он начал считать, загибая пальцы: — Хозяин сделал меня — раз! Я поспорил с вороной — два! Элли сняла меня с кола — три! А больше со мной ничего не случилось, значит, дальше и считать незачем!

Железный Дровосек так удивился, что даже не смог ничего возразить. В это время Элли принесла масленку.

— Где смазывать? — спросила она.

— Сначала шею, — ответил Железный Дровосек.

И Элли смазала шею, но она так заржавела, что Страшиле долго пришлось вращивать голову Дровосека направо и налево, пока шея не перестала скрипеть.

— Теперь, пожалуйста, руки!

И Элли стала смазывать суставы рук, а Страшила осторожно поднимал и опускал руки Дровосека, пока они стали действительно как новенькие. Тогда Железный Дровосек глубоко вздохнул и бросил топор.

— Ух, как хорошо! — сказал он. — Я поднял вверх топор, прежде чем заржаветь, и очень рад, что могу от него избавиться. Ну, а теперь дайте мне масленку, я смажу себе ноги, и все будет в порядке.

Смазав ноги так, что он мог свободно двигать ими, Железный Дровосек много раз поблагодарил Элли, потому что он был очень вежливым.

— Я стоял бы здесь до тех пор, пока не обратился бы в железную пыль. Вы спасли мне жизнь! Кто вы такие?

— Я Элли, а это мои друзья...

— Тото!

— Страшила! Я набит соломой!

— Об этом нетрудно догадаться по твоим разговорам, — заметил Железный Дровосек. — Но как вы сюда попали?

— Мы идем в Изумрудный город к великому волшебнику Гудвину и провели в твоей хижине ночь.

— Зачем вы идете к Гудвину?

— Я хочу, чтобы Гудвин вернул меня в Канзас, к папе и маме, — сказала Элли.

— А я хочу попросить у него немножечко мозгов для моей соломенной головы, — сказал Страшила.

— А я иду просто потому, что люблю Элли и потому, что мой долг — защищать ее от врагов! — сказал Тотошка.

Железный Дровосек глубоко задумался.

— Как вы полагаете, великий Гудвин может дать мне сердце?

— Думаю, что может, — отвечала Элли. — Ему это не труднее, чем дать Страшиле мозги.

— Так вот, если вы примете меня в компанию, я пойду с вами в Изумрудный город и попрошу великого Гудвина дать мне сердце. Ведь иметь сердце — самое заветное мое желание!

Элли радостно воскликнула:

— Ах, друзья мои, как я рада! Теперь вас двое, и у вас два заветных желания!
— Пойдем с нами, — добродушно согласился Страшила.

Железный Дровосек попросил Элли доверху наполнить маслом масленку и положить ее на дно корзинки.

— Я могу попасть под дождь и заржаветь, — сказал он. — И без масленки мне придется плохо...

Потом он поднял топор, и они пошли через лес к дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Большим счастьем было для Элли и Страшилы найти такого спутника, как Железный Дровосек — сильного и ловкого.

Когда Дровосек заметил, что Страшила опирается на корявую сучковатую дубину, он тотчас срезал с дерева прямую ветку и сделал для товарища удобную и крепкую трость.

Скоро путники пришли к месту, где дорога заросла кустарником и стала непроходимой. Но Железный Дровосек заработал своим огромным топором и быстро расчистил путь.

Элли шла задумавшись и не заметила, как Страшила свалился в яму. Ему пришлось звать друзей на помощь.

— Почему ты не обошел кругом? — спросил Железный Дровосек.

— Не знаю! — чистосердечно ответил Страшила. — Понимаешь, у меня голова набита соломой, и я иду к Гудвину попросить немного мозгов.

— Так! — сказал Дровосек. — Во всяком случае мозги — не самое лучшее на свете.

— Вот еще! — удивился Страшила. — Почему ты так думаешь?

— Раньше у меня были мозги, — пояснил Железный Дровосек. — Но теперь, когда приходится выбирать между мозгами и сердцем, я предпочитаю сердце.

— А почему? — спросил Страшила.

— Послушайте мою историю, и тогда вы поймете.

И, пока они шли, Железный Дровосек рассказывал им свою историю:

— Я дровосек! Став взрослым, я задумал жениться. Я полюбил от всего сердца одну хорошенькую девушку, а я тогда был еще из мяса и костей, как и все люди. Но злая тетка, у которой жила девушка, не хотела расстаться с ней, потому что девушка работала на нее. Тетка пошла к волшебнице Гингема и пообещала ей набрать целую корзину самых жирных пивков, если та расстроит свадьбу...

— Злая Гингема убита! — перебил Страшила.

— Кем?

— Элли! Она прилетела на убивающем домике и — крак! крак! — села волшебнице на голову.

— Жаль, что этого не случилось раньше! — вздохнул Железный Дровосек и продолжал: — Гингема заколдовала мой топор, он отскочил от дерева и отрубил мне левую ногу. Я очень опечалился: ведь без ноги я не мог быть дровосеком. Я пошел к кузнецу, и он сделал мне прекрасную железную ногу. Гингема снова

заколдовала мой топор, и он отрубил мне правую ногу. Я опять пошел к кузнецу. Девушка любила меня по прежнему и не отказывалась выйти за меня замуж. «Мы много сэкономим на сапогах и брюках!» — говорила она мне. Однако злая волшебница не успокоилась: ведь ей очень хотелось получить целую корзину пивков. Я потерял руки, и кузнец сделал мне железные. Наконец топор отрубил мне голову, и я подумал, что мне пришел конец. Но об этом узнал кузнец и сделал мне отличную железную голову. Я продолжал работать, и мы с девушкой по-прежнему любили друг друга...

— Тебя, значит, делали по кускам, — глубокомысленно заметил Страшила. — А меня мой хозяин сделал зараз...

— Самое худшее впереди, — печально продолжал Дровосек. — Коварная Гингема, видя, что у нее ничего не выходит, решила окончательно доконать меня. Она еще раз заколдовала топор, и он разрубил мое туловище пополам. Но, к счастью, кузнец снова узнал об этом, сделал железное туловище и прикрепил к нему на шарнирах мою голову, руки и ноги. Но — увы! — у меня не было больше сердца: кузнец не сумел его вставить. И мне подумалось, что я, человек без сердца, не имею права любить девушку. Я вернул моей невесте ее слово и заявил, что она свободна от своего обещания. Странная девушка почему-то этому совсем не обрадовалась, сказала, что любит меня, как прежде, и будет ждать, когда я одумаюсь. Что с ней теперь, я не знаю: ведь я не видел ее больше года...

Железный Дровосек вздохнул, и большие слезы покатились из его глаз.

— Осторожней! — в испуге вскричал Страшила и вытер ему слезы голубым носовым платочком. — Ведь ты сразу же заржавеешь от слез!

— Благодарю, мой друг! — сказал Дровосек, — я забыл, что мне нельзя плакать. Вода вредна мне во всех видах... Итак, я гордился своим новым железным телом и уже не боялся заколдованного топора. Мне страшна была только ржавчина, но я всегда носил с собой масленку. Только раз я позабыл ее, попал под ливень и так заржавел, что не мог сдвинуться с места, пока вы не спасли меня. Я уверен, что и этот ливень обрушила на меня коварная Гингема... Ах, как это ужасно — стоять целый год в лесу и думать о том, что у тебя совсем нет сердца!

— С этим может сравниться только торчание на колу посреди пшеничного поля, — перебил его Страшила. — Но, правда, мимо меня ходили люди, и можно было разговаривать с воронами...

— Когда меня любили, я был счастливейшим человеком, — продолжал Железный Дровосек, вздыхая. — Если Гудвин даст мне сердце, я вернусь в страну жевунов и женюсь на девушке. Может быть, она все-таки ждет меня...

— А я, — упрямо сказал Страшила, — все-таки предпочитаю мозги: когда нет мозгов, сердце ни к чему.

— Ну, а мне нужно сердце! — возразил Железный Дровосек. — Мозги не делают человека счастливым, а счастье — лучшее, что есть на земле.

Элли молчала, так как не знала, кто из ее новых друзей прав.

Элли в плену у людоеда

Лес становился глуше. Ветви деревьев, сплетаясь вверху, не пропускали солнечных лучей. На дороге, вымощенной желтым кирпичом, была полутьма.

Шли до позднего вечера. Элли очень устала и Железный Дровосек взял ее на руки. Страшила плелся сзади, сгибаясь под тяжестью топора.

Наконец остановились на ночлег. Железный Дровосек сделал для Элли уютный шалаш из ветвей. Он и Страшила просидели всю ночь у входа в шалаш, прислушиваясь к дыханию девочки и охраняя ее сон.

Утром снова двинулись в путь. Дорога стала веселее: деревья опять отступили в стороны, и солнышко ярко освещало желтые кирпичи.

За дорогой здесь, видимо, кто-то ухаживал: сучья и ветки, сбитые ветром, были собраны и аккуратно сложены по краям дороги.

Вдруг Элли заметила впереди столб и на нем доску с надписью:

**ПУТНИК, ТОРОПИСЬ! ЗА ПОВОРОТОМ ДОРОГИ
ИСПОЛНЯТСЯ ВСЕ ТВОИ ЖЕЛАНИЯ!!!**

Элли прочитала надпись и удивилась.

— Что это? Я попаду отсюда прямо в Канзас, к маме и папе?

— А я, — подхватил Тотошка, — поколочу соседского Гектора, этого хвастунишку, который уверяет, что он сильнее меня?

Элли обрадовалась, забыла обо всем на свете и бросилась вперед. Тотошка следовал за ней с веселым лаем.

Железный Дровосек и Страшила, увлеченные все тем же интересным спором, что лучше — сердце или мозг, не заметили, что Элли убежала, и мирно шли по дороге. Внезапно они услышали крик девочки и злобный лай Тотошки. Друзья устремились к месту происшествия и успели заметить, как среди деревьев мелькнуло что-то лохматое и темное и скрылось в чаще леса. Возле дерева лежал бесчувственный Тотошка, из его ноздрей текли струйки крови.

— Что случилось? — горестно спросил Страшила. — Должно быть, Элли унес хищный зверь...

Железный Дровосек ничего не говорил: он зорко всматривался вперед и грозно размахивал огромным топором.

— Квиirr... квиirr... — вдруг раздалось насмешливое чоканье белки с верхушки высокого дерева. — Что случилось? Двое больших, сильных мужчин отпустили маленькую девочку, и ее унес людоед!

— Людоед? — переспросил Железный Дровосек. — Я не слыхал, что в этом лесу живет людоед.

— Квиirr... квиirr... каждый муравей в лесу знает о нем. Эх, вы! Не могли присмотреть за маленькой девочкой! Только черненький зверек смело вступился за нее и укусил людоеда, но тот так хватил его своей огромной ногой, что он, наверное, умрет...

Белка осыпала друзей такими насмешками, что им стало стыдно.

— Надо спасать Элли! — вскричал Страшила.

— Да, да! — горячо подхватил Железный Дровосек. — Элли спасла нас, а мы должны отбить ее у людоеда. Иначе я умру с горя... — и слезы покатались по щекам Железного Дровосека.

— Что ты делаешь! — в испуге закричал Страшила, вытирая ему слезы платочком. — Масленка у Элли!

— Если вы хотите выручить маленькую девочку, я покажу вам, где живет людоед, хотя очень его боюсь, — сказала белка.

Железный Дровосек бережно уложил Тотошку на мягкий мох и сказал:

— Если нам удастся вернуться, мы позаботимся о нем... — И он повернулся к белке: — Веди нас!

Белка запрыгала по деревьям, друзья поспешили за ней. Когда они зашли в глубь леса, показалась серая стена.

Замок людоеда стоял на холме. Его окружала высокая стена, на которую не вскарабкалась бы и кошка. Перед стеной был ров, наполненный водой. Утащив Элли, людоед поднял перекидной мост и запер на два засова чугунные ворота.

Людоед жил один. Прежде у него были бараны, коровы и лошади и он держал много слуг. В те времена мимо замка в Изумрудный город часто проходили путники. Людоед нападал на них и съедал. Потом жевуны узнали о людоеде и движение по дороге прекратилось.

Людоед принялся опустошать замок: сначала съел баранов, коров и лошадей, потом добрался до слуг и съел всех, одного за другим. Последние годы людоед прятался в лесу, ловил неосторожного кролика или зайца и съедал его всего с кожей и костями.

Людоед страшно обрадовался, поймав Элли, и решил устроить себе настоящий пир. Он притащил девочку в замок, связал и положил на кухонный стол, а сам принялся точить большой нож.

«Клинк... клинк...» — звенел нож.

А людоед приговаривал:

— Ба-га-ра! Знатная попала добыча! Уж теперь полакомлюсь вволю, ба-га-ра!

Людоед был так доволен, что даже разговаривал с Элли:

— Ба-га-ра! А ловко я придумал повесить доску с надписью! Ты думаешь, я действительно исполню твои желания? Как бы не так! Это я нарочно сделал, заманивать таких простаков, как ты! Ба-гар-ра!

Элли плакала и просила у людоеда пощады, но он не слушал и продолжал точить нож.

«Клинк... клинк... клинк...»

И вот людоед занес над девочкой нож. Она в ужасе закрыла глаза. Однако людоед опустил руку и зевнул.

— Ба-га-ра! Устал я точить этот большой нож! Пойду-ка отдохну часок-другой. После сна и еда приятней.

Людоед пошел в спальню и вскоре его храп раздался по всему замку и даже был слышен в лесу.

Железный Дровосек и Страшила в недоумении стояли перед рвом, наполненным водой.

— Я бы переплыл через воду, — сказал Страшила. — Но вода смывает мои глаза, уши и рот, и я стану слепым, глухим и немым.

— А я утону, — проговорил Железный Дровосек. — Ведь я очень тяжел. Если даже и вылезу из воды, сейчас же заржавею, а масленки нет.

Так они стояли, раздумывая, и вдруг услышали храп людоеда.

— Надо спасти Элли, пока он спит, — сказал Железный Дровосек. — Погоди, я придумал! Сейчас мы переберемся через ров.

Он срубил высокое дерево с развилкой на верхушке, и оно упало на стену замка и прочно легло на ней.

— Полежай! — сказал он Страшילה. — Ты легче меня.

Страшила подошел к мосту, но испугался и попятился. Белка не выдержала и одним махом вбежала на стену.

— Квирир... квирир... эх ты, трус! — крикнула она Страшילה. — Смотри, как это просто делается! — Но, взглянув в окно замка, она даже ахнула от волнения. — Девочка лежит связанная на кухонном столе... Около нее большой нож... девочка плачет... Я вижу, как из ее глаз катятся слезы...

Услышав такие вести, Страшила забыл про опасность и чуть ли не быстрее белки взлетел на стену.

— Ох! — только и сказал он, увидев через окно кухни бледное лицо Элли, и мешком свалился во двор.

Прежде чем он встал, белка спрыгнула ему на спину, перебежала двор, шмыгнула через решетку окна и принялась грызть веревку, которой была связана Элли.

Страшила открыл тяжелые засовы ворот, опустил подъемный мост, и Железный Дровосек вошел во двор, свирепо вращая глазами и размахивая огромным топором.

Все это он делал, чтобы устроить людоеда, если тот проснется и выйдет во двор.

— Сюда! Сюда! — пропищала белка из кухни, и друзья бросились на ее зов.

Железный Дровосек вложил острие топора в щель между дверью и косяком, нажал, и — трах! — дверь слетела с петель. Элли спрыгнула со стола, и все четверо — Железный Дровосек, Страшила, Элли и белка — побежали из замка в лес.

Железный Дровосек в спешке так топал ногами по каменным плитам двора, что разбудил людоеда. Людоед выскочил из спальни, увидел, что девочки нет, и пустился в погоню.

Людоед был невысок, но очень толст. Голова его походила на котел, а туловище — на бочку. У него были длинные руки, как у гориллы, а ноги обуты в высокие сапоги с толстыми подошвами. На нем был косматый плащ из звериных

шкур. На голову вместо шлема людоед надел большую медную кастрюлю, ручкой назад, и вооружился огромной дубиной с шишкой на конце, утыканной острыми гвоздями.

Он рычал от злости, и его сапожища грохотали: «Топ-топ-топ...», а острые зубы стучали: «Клац-клац-клац...».

— Ба-гар-ра! Не уходите, мошенники!..

Людоед быстро догонял беглецов. Видя, что от погони не убежать, Железный Дровосек прислонил испуганную Элли к дереву и приготовился к бою. Страшила отстал, ноги его цеплялись за корни, а грудью он задевал за ветки деревьев. Людоед догнал Страшילה, и тот вдруг бросился ему под ноги. Не ожидавший этого, людоед кувыркотом перелетел через Страшילה.

— Ба-гар-ра! Это еще что за чудело?

Людоед не успел опомниться, как к нему сзади подскочил Железный Дровосек, поднял огромный острый топор и разрубил людоеда пополам вместе с кастрюлей.

— Квирир... квирир... славно сделано! — восхитилась белка и поскакала по деревьям, рассказывая всему лесу о гибели свирепого людоеда.

— Очень остроумно! — похвалил Железный Дровосек Страшילה. — Ты не смог бы лучше свалить людоеда, если бы у тебя были мозги!

— Ты жестоко изранен! — испуганно сказала Элли.

— Пустяки! — добродушно возразил Страшила. — Надо зашить дырки. Он порвал мой костюм, и я боюсь, что из меня вылезет солома.

Элли достала иголку с ниткой и принялась за дело. Пока она зашивала прорехи, из леса послышался слабый визг. Железный Дровосек бросился в чашу и через минуту принес Тотошку. Храбрый маленький песик опомнился от бесчувствия и полз по следу людоеда...

Элли горячо благодарила друзей за их самоотверженность и храбрость. Она взяла обессиленного Тотошку на руки и путники пошли через лес. Вскоре они добрались до дороги, вымощенной желтым кирпичом, и бодро двинулись к Изумрудному городу.

Встреча с Трусливым Львом

В эту ночь Элли спала в дупле, на мягкой постельке из мха и листьев. Сон ее был тревожен: ей чудилось, что она лежит связанная, что людоед заносит над ней руку с огромным ножом. Девочка вскрикивала и просыпалась.

Утром двинулись в путь. Лес был мрачен. Из-за деревьев доносился рев зверей. Элли вздрагивала от страха, а Тотошка, поджав хвостик, прижимался к ногам Железного Дровосека: он стал очень уважать его после победы над людоедом.

Путники шли, тихо разговаривая о вчерашних событиях и радовались спасению Элли. Дровосек не переставал хвалить находчивость Страшילה.

— Как ловко ты бросился под ноги людоеду, друг Страшила! — говорил он. — Уж не завелись ли у тебя в голове мозги?

— Нет, солома... — отвечал Страшила, пощупав голову.

Эта мирная беседа была прервана громовым рычанием. На дорогу выскочил огромный лев. Одним ударом он подбросил Страшилу в воздух; тот полетел кувырком и упал на краю дороги, распластавшись, как тряпка. Лев ударил Железного Дровосека лапой, но когти закрипели по железу, а Дровосек от толчка сел, и воронка слетела у него с головы.

Крохотный Тотошка смело бросился на врага.

Громадный зверь разинул пасть, чтобы проглотить собачку, но Элли смело выбежала вперед и загородила собой Тотошку.

— Стой! Не смей трогать Тотошку! — гневно закричала она.

Лев замер в изумлении.

— Простите, — оправдывался Лев. — Но я ведь не съел его...

— Однако ты пытался. Как тебе не стыдно обижать слабых! Ты просто трус!

— А... а как вы узнали, что я трус? — спросил ошеломленный Лев. — Вам кто-нибудь сказал?..

— Сама вижу по твоим поступкам!

— Удивительно... — сконфуженно проговорил Лев. — Как я не стараюсь скрыть свою трусость, а дело все-таки выплывает наружу. Я всегда был трусом, но ничего не могу с этим поделать!

— Подумать только, ты ударил бедного, набитого соломой Страшилу!

— Он набит соломой? — спросил Лев, удивленно глядя на Страшилу.

— Конечно, — ответила Элли, еще рассерженная на Льва.

— Понимаю теперь, почему он такой мягкий и такой легонький, — сказал лев. — А тот, второй, — тоже набитый?

— Нет, он из железа.

— Ага! Недаром я чуть не поломал об него когти. А что это за маленький зверек, которого ты так любишь?

— Это моя собачка, Тотошка.

— Она из железа или набита соломой?

— Ни то, ни другое. Это настоящая собачка, из мяса и костей!

— Скажи, какая маленькая, а храбрая! — изумился Лев.

— У нас в Канзасе все собаки такие! — с гордостью молвил Тотошка.

— Смешное животное! — сказал Лев. — Только такой трус, как я, и мог напасть на такую крошку...

— Почему же ты трус? — спросила Элли, с удивлением глядя на громадного Льва.

— Таким уродился. Конечно, все считают меня храбрым: ведь лев — царь зверей! Когда я реву — а я реву очень громко, вы слышали, — звери и люди

убегают с моей дороги. Но если бы слон или тигр напал на меня, я бы испугался, честное слово! Хорошо еще, что никто не знает, какой я трус, — сказал Лев, утирая слезы пушистым кончиком хвоста. — Мне очень стыдно, но я не могу переделать себя.

— Может быть, у тебя сердечная болезнь? — спросил Железный Дровосек.

— Возможно, — согласился трусливый Лев.

— Счастливый! А у меня так и сердечной болезни не может быть: у меня нет сердца.

— Если бы у меня не было сердца, — задумчиво сказал Лев. — Может быть, я и не был бы трусом.

— Скажи, пожалуйста, а ты когда-нибудь дерешься с другими львами? — поинтересовался Тотошка.

— Где уж мне. Я от них бегу, как от чумы, — признался Лев.

— Фу! — насмешливо фыркнул песик. — Куда же ты после этого годишь?

— А у тебя есть мозги? — спросил Льва Страшила.

— Есть, вероятно. Я их никогда не видел.

— Моя голова набита соломой, и я иду к великому Гудвину просить немножечко мозгов, — сказал Страшила.

— А я иду к нему за сердцем, — сказал Железный Дровосек.

— А я иду к нему просить, чтобы он вернул нас с Тотошкой в Канзас...

— Где я сведу счеты с соседским щенком, хвастунишкой Гектором, — добавил песик.

— Гудвин такой могущественный? — удивился Лев.

— Ему это ничего не стоит, — ответила Элли.

— В таком случае, не даст ли он мне смелости?

— Ему это так же легко, как дать мне мозги, — заверил Страшила.

— Или мне сердце, — прибавил Железный Дровосек.

— Или вернуть меня в Канзас, — закончила Элли.

— Тогда примите меня в компанию, — сказал трусливый Лев. — Ах, если бы я мог получить хоть немного смелости... Ведь это мое заветное желание!

— Я очень рада! — сказала Элли. — Это третье желание и если исполнятся все три, Гудвин вернет меня на родину. Идем с нами...

— И будь нам добрым товарищем, — сказал Дровосек. — Ты будешь отгонять от Элли других зверей. Должно быть, они еще трусливее тебя, раз бегут от одного твоего рева.

— Они трусы, — проворчал Лев. — Да я-то от этого не становлюсь храбрее.

Путешественники двинулись дальше по дороге, и Лев пошел величавым шагом рядом с Элли. Тотошке и этот спутник сначала не понравился. Он помнил, как Лев хотел проглотить его. Но скоро он привык к нему, и они сделались большими друзьями.

О. ПРОЙСЛЕР

Маленькая Баба-Яга

(Главы из книги, пер. с нем. Ю. Коринца)

Жила-была когда-то Маленькая Баба-Яга — то есть ведьма, — и было ей всего сто двадцать семь лет. Для настоящей Бабы-Яги это, конечно, не возраст! Можно сказать, что эта Баба-Яга была еще девочкой.

Жила она в крохотной избушке, одиноко стоявшей в лесу. Крыша избушки покривилась от ветра, труба скрючилась, ставни дребезжали на разные голоса. Но Маленькая Баба-Яга не желала себе лучшего дома, ей и этого вполне хватало. Снаружи к избе была пристроена огромная печь. Без такой печи никак нельзя обойтись, иначе избушка не была бы настоящим домом Бабы-Яги.

В избушке вместе с Бабой-Ягой жил еще ворон. Звали его Абрахас. Он говорил не только «Доброе утро!» и «Добрый вечер!», как это умеют все говорящие вороны, — ворон Абрахас умел говорить все! Он был мудрым вороном и знал толк буквально во всем на свете.

Примерно шесть часов в день Маленькая Баба-Яга училась колдовать. Ведь колдовство не такая уж простая штука: лениться в этом деле никак нельзя! Сначала надо вы зубрить все простые колдовские штучки, а потом уже более сложные. Надо вы зубрить от начала до конца всю колдовскую книгу, не пропуская в ней ни одной задачки.

Маленькая Баба-Яга дошла только до двести тридцатой страницы. В то утро она упражнялась в вызывании дождя. Она сидела во дворе возле печи, держала на коленях колдовскую книгу и колдовала. Ворон Абрахас сидел рядом. Он был мрачен.

— Должен быть дождь! — каркал он сердито. — А что делаешь ты? В первый раз у тебя посыпались с неба белые мыши! Во второй раз — лягушки! В третий — еловые шишки.

— Должно быть, я оговорила! — сказала Маленькая Баба-Яга.

— «Оговорила!»! — проворчал ворон. — Я тебе скажу, в чем тут дело! Рассеянна ты, вот что! Если думать о всякой всячине, то непременно оговоришься. Сосредоточиться надо тебе, вот что!

— Ты находишь? — задумчиво сказала Маленькая Баба-Яга. Она вдруг хлопнула колдовскую книгу.

— Ты прав! — крикнула она гневно. — Я не могу сосредоточиться! И знаешь почему? — Она сверкнула глазами. — Потому что я вне себя от злости!

— От злости? — переспросил Абрахас. — На кого же ты злишься?

— Я злюсь, что сегодня Вальпургиева ночь! Самый большой праздник! Сегодня все ведьмы соберутся на горе Блоксберг и будут там танцевать до утра!

— Ну и что? — спросил ворон.

— А то, что я еще слишком мала для танцев!

Старый ворон попытался ее утешить:

— Видишь ли, в твои сто двадцать семь лет ты еще не можешь этого требовать. Вот когда ты станешь постарше, тогда другое дело...

— Ах, оставь! — крикнула Маленькая Баба-Яга. — Я хочу уже сейчас танцевать вместе со всеми! Понимаешь? Сегодня же ночью я полечу на Блоксберг!

— Ты попадешься! — пророчески каркнул ворон.

— Чепуха! — возразила Маленькая Баба-Яга. — Я появлюсь, когда они уже будут танцевать всюю! А перед самым концом смоюсь! В суматохе, которая будет царить сегодня ночью на Блоксберге, никто меня не заметит...

Ура, Вальпургиева ночь!

Маленькую Бабу-Ягу не испугали предсказания ворона. В ту же ночь она появилась на Блоксберге.

Все взрослые ведьмы были уже там. Развевались по ветру волосы, свистели платья — это ведьмы летали вокруг колдовского костра верхом на своих метлах.

Здесь было около пятисот или шестисот ведьм: горные ведьмы, лесные ведьмы, ведьмы болотные и колодезные, ведьмы тумана, и травяные ведьмы, и ведьмы ветра. В буйной пляске кружились они вокруг колдовского костра.

— Вальпургиева ночь! — распевали ведьмы. — Ура! Вальпургиева ночь!

Они бляели, каркали, мычали, кукарекали и визжали. Иногда они грохотали громом и швырялись молниями. Маленькая Баба-Яга незаметно замешалась в толпу танцующих.

— Ура-а, Вальпургиева ночь! — запищала она во все горло. Вместе со всеми носилась она вокруг костра, думая про себя: «Видел бы меня сейчас Абрахас! Он бы вытаращил от удивления глаза! Как лесной филин!» Да! Все обошлось бы хорошо, если бы Маленькая Баба-Яга не перебежала в танце дорогу своей собственной тетке — ветряной ведьме Румпумпель. Кто-кто, а тетка Румпумпель шуток не понимала. Она была злой и надменной.

— Глянь-ка! — крикнула она, столкнувшись нос к носу со своей юной племянницей. — Вот это новость! Ты что тут делаешь? Или ты не знаешь, что детям запрещено появляться сегодня на Блоксберге? Отвечай!

— Не выдавай меня! — испуганно взмолилась Маленькая Баба-Яга.

— Как же! — возразила тетка Румпумпель. — Обязательно выдам! Ты должна быть наказана!

Тут к ним подскочили другие ведьмы. Они с любопытством окружили обеих. Ветряная ведьма Румпумпель сейчас же рассказала им обо всем.

— Что теперь с ней делать? — спросила она под конец.

— Пусть за это поплатится! — закричали ведьмы тумана.

— К Главной ведьме ее! — прокаркали горные. — Немедленно к Главной ведьме!

— Правильно! — закричали все ведьмы. — Хватайте ее и тащите!

Маленькой Бабе-Яге не помогли ни просьбы, ни мольбы. Тетка Румпуппель схватила ее за шиворот и приволокла перед страшные очи Главной ведьмы. Та восседала на троне из печных ухватов. Морща лоб, выслушала она ветряную ведьму.

Потом она зло уставилась на Маленькую Бабу-Ягу и загромыхала:

— И ты осмелилась прискакать в эту ночь на Блоксберг? Несмотря на то, что детям твоего возраста это запрещено? Как пришла тебе в голову столь сумасшедшая мысль?

— Сама не знаю! — Маленькая Баба-Яга задрожала от страха. — Мне... мне вдруг очень захотелось... вот я села на метлу и прискакала...

— Тогда садись и скачи обратно! — приказала Главная ведьма. — Исчезни с глаз моих! Немедля! Иначе я рассержусь!

Маленькая Баба-Яга постепенно оправилась от страха. Она поняла, что с Главной ведьмой еще можно договориться.

— Нельзя ли мне хоть на будущий год участвовать в танцах? — робко спросила Маленькая Баба-Яга.

— Хм... — задумалась Главная ведьма. — Обещать не могу. Но если ты станешь к тому времени хорошей ведьмой, тогда посмотрим. Ровно через год, накануне Вальпургиевой ночи, мы устроим тебе экзамен. Но это будет трудный экзамен! Если ты его выдержишь, тогда посмотрим!

— Спасибо! — обрадовалась Маленькая Баба-Яга. — Я вам очень благодарна! Обещаю вам стать через год хорошей ведьмой. — И она вскочила верхом на метлу, чтобы отправиться домой.

Но тут вмешалась ветряная ведьма Румпуппель:

— Разве ты не хочешь ее наказать? — спросила она у Главной ведьмы.

— Накажи ее! — закричали другие.

— Во всем должен быть порядок!

— Давайте бросим ее в огонь! — закричала ведьма грозы.

— Поджарим ее слегка! — откликнулись другие.

— Лучше запрем ее на неделю, — крикнула травяная ведьма, — в моем гусином сарае! Он все равно пустой...

— Лучше отдайте ее мне! — сказала болотная ведьма. — Пусть посидит у меня недельку в болоте! По самые уши!

Маленькая Баба-Яга очень испугалась. Ведь все эти угрозы могли осуществиться.

Когда все высказались, слово взяла Главная ведьма.

— Если уж вы так требуете наказания... — начала она.

— Требуем! Требуем! — загалдели ведьмы, и громче всех тетка Румпуппель.

— Тогда я предлагаю отнять у нее метлу! — крикнула Главная ведьма. — Пусть отправляется домой пешком! Живет она далеко, ей придется идти три дня и три ночи. Пусть себе топают, пока не доберется! Этого вполне достаточно!

— Нет, не достаточно! — заорала тетка Румпуппель.

Но другие ведьмы согласились, что этого вполне достаточно. Они отняли у Маленькой Бабы-Яги метлу и швырнули ее в огонь. Потом они ехидно пожелали ей счастливого пути.

Я отомщу!

Таким изнурительным и долгим было это путешествие! Три дня и три ночи понадобилось Маленькой Бабе-Яге, чтобы добраться до избушки. На рассвете четвертого дня она появилась дома со стертymi ногами и в разбитых ботинках.

— Наконец-то ты вернулась! — встретил ее Абрахас. Он сидел на трубе и смотрел во все стороны — не появится ли откуда-нибудь его подруга. Когда он увидел вдали Маленькую Бабу-Ягу, словно камень свалился с его вороньей души.

Он расправил крылья и полетел ей навстречу.

— Как это вам нравится? — возмущенно каркал он на весь лес. — Она где-то шатается, а я сижу дома и места себе не нахожу! И как ты выглядишь! А почему ты хромаешь? Ты пришла пешком? Я-то думал, что ты на метле. Разве метла не у тебя?

— Была у меня! — вздохнула Маленькая Баба-Яга. — Была!

— Как — была? — удивился ворон. — Что это значит?

— Это значит, что метлы больше нет!

— Метлы... — каркнул ворон.

— Уже нет! — повторила Маленькая Баба-Яга.

Абрахас вдруг обо всем догадался. Он склонил голову набок:

— Значит, они тебя все-таки поймали? Я это предсказывал!

Но Маленькой Бабе-Яге было уже все равно. «Спать! — думала она. — Сейчас же спать!». Она проковыляла в свою каморку и бросилась на кровать.

— Хо! — возмутился Абрахас. — Может быть, ты все-таки снимешь пыльное платье и грязные ботинки?

Но Маленькая Баба-Яга уже громко храпела. Она спала, как сурок, до следующего дня. Когда она проснулась, Абрахас терпеливо сидел на спинке кровати.

— Выспалась? — спросил он.

— Приблизительно, — зевнула Маленькая Баба-Яга.

— Тогда ты, может быть, расскажешь мне обо всем?

— Сначала позавтракаем. Не могу же я рассказывать на пустой желудок!

Наевшись до отвала, Маленькая Баба-Яга отодвинула тарелки и принялась рассказывать...

— При всем твоим безрассудстве тебе еще повезло! — сказал Абрахас, когда она кончила. — Не забудь же, что через год ты должна стать хорошей ведьмой.

— Постараюсь, — обещала Маленькая Баба-Яга. — Отныне я буду заниматься не шесть, а семь часов в день. Кроме этого, я сделаю еще нечто... Нечто очень важное...

— Что именно? — поинтересовался ворон. Лицо Маленькой Бабы-Яги перекошилось. С ненавистью посмотрела она куда-то вдаль. Потом произнесла медленно, делая ударение на каждом слове:

— Я ей о-том-щу!

— Кому?

— Тетке Румпуппель! Во всем виновата только она. Это она меня выдала! Ей обязана я мозолями на ногах и разбитыми ботинками! Кто настроил против меня всех этих ведьм? Кто первый потащил меня к Главной ведьме? Она! Это она всех подзуживала!

— Верно, — согласился Абрахас. — Это все подло! Но мстить?!

— Я наколдую ей вместо носа свиной пятачок! — просвистела Маленькая Баба-Яга. — И ослиные уши! И телячьи ноги! И козлиную бороду! А вдобавок еще коровий хвост!

— Коровий хвост и козлиную бороду? — простонал ворон. — Как будто ты ее этим разозлишь. Она такая же ведьма, как ты, и ей ничего не стоит расколдоватьсь!

— Ты так думаешь? — промычала Маленькая Баба-Яга. — Тогда я соображу что-нибудь получше! Что-нибудь такое, с чем ей не справиться. Веришь?

— Предположим, — согласился Абрахас. — Но если ты сделаешь ей что-нибудь плохое, ты потом сама пожалеешь.

— Почему? — удивилась Маленькая Баба-Яга.

— Потому что ты обещала Главной ведьме, что станешь хорошей. А хорошие ведьмы не делают ничего плохого! Заруби себе это на носу!

Маленькая Баба-Яга неуверенно посмотрела на ворона:

— Ты это всерьез? — спросила она.

— Разумеется, — ответил Абрахас. — На твоём месте я бы об этом хорошенько подумал!

ДЖ. РОДАРИ

ВОЛШЕБНЫЙ БАРАБАН

*(Из книги «Сказки, у которых три конца»,
пер. с итал. И. Константиновой)*

Шел однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Все-то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное — ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился веселый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шел он, шел и вдруг встретил старушку.

— А, славный солдатуська! Не найдется ли у тебя случай хоть одного сольдо?

— Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо!

— Ой, так ли уж?

— Еще утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашел.

— А ты посмотри еще разок, поищи как следует.

— В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

— Сольдо! Видишь, выходит, есть?

— Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

— Спасибо, солдат! — поблагодарила старушка. — А я взамен тоже дам тебе кое-что.

— Да? Но мне ничего не надо.

— Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

— Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

— Подожди, это еще не все. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своем барабане.

— Вот здорово! Не знаю еще, что стану делать с таким подарком, но, наверное, пригодится,

— Еще как!

— Прощай, бабуля!

— Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь — домой.

Шел он, шел... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

— Кошелек или жизнь!

— Ох, да ради бога! Берите еще и сумку. Только и в ней пусто.

— Руки вверх или будем стрелять!

— Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

— Где прячешь деньги?

— Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке.

Разбойники посмотрели в шапку — пусто.

— А может, сунул бы в ухо.

Посмотрели в ухо — тоже пусто.

— Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

— Да ты и в самом деле нищий! — рассердился главарь разбойников. — Ну, ладно, заберем у тебя барабан, хоть повеселимся иногда — и то хорошо.

— Берите, — вздохнул солдат, — жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

— Нужен!

— Дайте только мне сыграть на нем напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идет?

— Ладно, так уж и быть, играй.
— Вот хорошо! — обрадовался барабанщик. — Я поиграю: «Трам-тара-там-там! Трам-там-там!». А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке. Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили!

— Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

— А теперь польку!

— Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут! Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан все заставляет их плясать.

— На помощь!

— Пляшите!

— Пошады!

— Пляшите!

— Господи!

— Пляшите, пляшите!

— Хватит, хватит!

— Не отнимете у меня барабан?

— Не отнимем! С нас достаточно...

— Оставьте меня в покое?

— О, мы отдадим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

— Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутек, время от времени ударяя палочками по барабану — на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы.

Так и шел дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шел он, шел и вдруг подумал: «А ведь это волшебство — неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?».

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу едет почтовая карета.

— Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит!

Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками, и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооруженный жандарм.

— Привет, барабанщик! Тебя подвезти?

— Нет, мне и тут хорошо.

— Тогда сойди с дороги, дай проехать.

— А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» — загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший свое ружье! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

А надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли в банк золото — три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

— Пляшите! Пляшите!

— Хватит! Хватит! Больше не можем!

— Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!...

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза. А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А еще понадобятся деньги, так ему и в банк идти не надо — достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шел солдат, шел и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!».

Охотник выронил ружье и пустился в пляс. А дрозд улетел.

— Несчастный! Ты мне ответишь за это!

— Там видно будет, а пока попляши! Ну как?

— Эх, сил нет!

— Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!

— Обещаю!

Шел он дальше, шел и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

— Пляши!

— На помощь!

— Пляши! Перестану играть, только если поклянешься, что никогда больше не будешь бить своего осла.

— Клянусь!

Шел дальше славный солдат, шел и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить конец какому-нибудь безобразию, восстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось добраться до дома. Но он все равно был доволен. «Мой дом, — решил отбудет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шел солдат, шел и размышлял: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чем заключается его волшебство?». Повертел в руках палочки, разглядывая их, — вроде обыкновенные деревянные палочки.

— Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда, — решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто — совсем пусто!

— Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана и совы тоже не просыпались...

«Трам-гара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

Вы не поверите, но барабанщик почему-то обрадовался этому.

Т. ЯНССОН

О САМОМ ПОСЛЕДНЕМ В МИРЕ ДРАКОНЕ

(Пер. со швед. Л. Брауде)

Жаркая пора лета подходила к концу, и в четверг на дне большой ямы с бурой водой, что справа от папиного гамака, Муми-тролль поймал маленького дракона.

Ясное дело, он вовсе не собирался ловить дракона. Он только пытался схватить несколько мелких насекомых, сновавших на илистом дне, чтобы посмотреть, как они шевелят ножками, когда плавают, и правда ли, что они плавают задом наперед. Но, быстро приподняв стеклянную банку, он увидел там что-то совсем другое.

— Клянусь своим хвостом! — восторженно прошептал Муми-тролль.

Держа банку обеими лапками, он смотрел во все глаза и не мог насмотреться.

Дракончик был не больше спичечного коробка. Очаровательно двигая прозрачными крылышками, такими же красивыми, как плавники золотой рыбки, он плывал, описывая круги на воде.

Но ни одна золотая рыбка на свете не была так роскошно позолочена, как этот крохотный дракончик. Он весь сверкал, он блестел на солнце, его маленькая головка была ярко-изумрудная, а глаза желтые, как лимончики.

Каждая из шести позолоченных лапок дракончика завершалась крошечными пальчиками, а кончик позолоченного хвостика тоже был зеленый. Дракончик был просто изумительный.

Муми-тролль завинтил крышку с отверстиями для воздуха и осторожно сунул банку в мох. Затем лег на живот и стал рассматривать дракончика вблизи.

Тот подплывал прямо к стеклянной стенке банки и раскрывал свою маленькую пасть, усаженную крохотными-прекрохотными белыми зубками.

«Он злой, — подумал Муми-тролль, — злой, хоть и ужасно малюсенький. Как сделать, чтобы он меня полюбил?.. И что он ест? Что вообще ест дракон?..»

Взволнованный и озабоченный, Муми-тролль поднял банку и пошел домой, осторожно-преосторожно ступая, чтобы дракончик не разбился о стеклянные стенки банки. Он ведь был такой ужасающе малюсенький и хрупкий.

— Я буду о тебе заботиться и любить тебя, — шептал Муми-тролль. — Ночью ты будешь спать на моей подушке.

А когда вырастешь и полюбишь меня, мы вместе будем плавать в море...

Муми-папа трудился на своей табачной плантации. Ясное дело, можно было бы показать дракончика ему. «А может, все-таки не показывать?! Пока не показывать. Может, еще несколько дней держать дракончика только для себя, чтоб он привык ко мне?! И доверить эту тайну (а пока жить в ожидании той будущей счастливейшей минуты) Снусмумрику?!»

Муми-тролль, крепко прижав банку к груди и напустив на себя самый равнодушный вид, прошел к черной лестнице. Все остальные обитатели Долины муми-троллей копошились где-то возле веранды. Но в тот самый миг, когда Муми-тролль крадучись шмыгнул в дом, из-за бочки с водой высунулась Малышка Мю и с любопытством крикнула:

— Что у тебя там?

— Ничего, — ответил Муми-тролль.

— Это банка, — сказала, вытянув шейку, Мю. — А что в банке? Почему ты ее прячешь?

Муми-тролль ринулся на лестницу и вбежал в свою комнату. Он поставил банку на стол. Вода громко булькала, а дракончик, обхватив головку крылышками, свернулся, точно мячик. Медленно выпрямившись, он оскалил зубки.

— Такое больше не повторится, — обещал Муми-тролль. — Прости меня, славный мой!

Сдвинув крышку, чтобы дракончик мог как следует оглядеться, Муми-тролль подошел к двери и запер ее на защелку. Никогда ведь не знаешь, что еще выкинет Мю!

Когда он вернулся обратно к дракончику, тот уже выполз из воды и сидел на краю банки. Муми-тролль осторожно протянул лапку, чтобы приласкать его. Тогда дракончик, разинув пасть, выпустил небольшое облачко дыма. Красный язычок, словно пламя, вырвался из его маленькой пасти и так же быстро спрятался.

— Ай! — воскликнул Муми-тролль, потому что обжегся. Не очень сильно, но все-таки обжегся.

Он все больше и больше восхищался драконом.

— Ты злой? — тихонько спросил он. — Ты ужасно плохой, страшный, кровожадный, беспощадный, да? О, ты славный, дорогой, маленький мой, мой, мой!

Дракончик фыркнул.

Муми-тролль залез под кровать и вытащил коробку, в которой хранил запасы на ночь. Там лежало несколько слегка засохших блинчиков, полбутерброда и яблоко. Муми-тролль разрезал все на маленькие кусочки и разложил их на столе вокруг дракона. Тот слегка все обнюхал, презрительно посмотрел на Муми-тролля и, с поразительной быстротой кинувшись к подоконнику, напал на большую, жирную августовскую муху.

Муха, перестав жужжать, стала вместо этого тихонько постанывать. Дракон, ухватив ее своими маленькими зелеными лапками, пустил ей в глаза облачко дыма. Потом хрустнул своими белыми зубами — книпс, кнапс, — пасть его раскрылась и закрылась, проглотив августовскую муху. Дракон облизал мордочку, почесал себя за ушком, уничтожающе поглядывая одним глазком на тролля.

— Чего только ты не умеешь! — воскликнул Муми-тролль. — О моя маленькая козявка, букашка, таракашка!

В тот же миг внизу мама ударила в гонг. Бум-бом! Настало время завтрака.

— А теперь, будь добренький, подожди меня, — попросил Муми-тролль. — Я вернусь как можно скорее.

Постояв, он еще с минуту мечтательно смотрел на дракона, который ничуть не желал, чтобы его ласкали, и, прошептав:

«Дружочек», — быстро сбежал по лестнице и выскочил на веранду.

Мю, не успев зачерпнуть ложкой кашу, принялась за свое:

— А некоторые хранят тайны в известных мне банках.

— Заткнись! — сказал Муми-тролль.

— Можно подумать, — продолжала Мю, — что некоторые коллекционируют пивок и мокриц или же — а почему бы и нет — громадных тысяченожек, которые размножаются сто раз в минуту.

— Знаешь, мама, — произнес Муми-тролль, — если бы у меня появился какой-нибудь зверек, который привязался бы ко мне, то это был бы...

— Был-бы, дырл-бы, грыл-бы, мрыл-бы, — передразнила его Малышка Мю, пуская пузыри в стакане с молоком.

— Что? — спросил папа, отрываясь от газеты.

— Муми-тролль нашел нового зверька, — пояснила мама. — Он кусается?

— Не очень больно, он слишком маленький, — пробормотал ее сын.

— А скоро он вырастет? — спросила дочь Мюмлы. — Когда его можно увидеть? Умеет он говорить?

Муми-тролль не ответил. Снова все испорчено. Ведь как должно бы быть: сначала у тебя появляется тайна, а потом ты преподносишь всем сюрприз. Но если живешь в семье, ничего не получается — ни тайны, ни сюрприза. Все все знают с самого начала, так что никогда ничего веселого не получится.

— Я хочу спуститься к реке за кормом, — медленно и презрительно сказал Муми-тролль. Так же презрительно, как это сделал бы дракончик. — Мама, скажи, чтобы никто не смел входить ко мне в комнату. За последствия не отвечаю.

— Хорошо, — сказала мама, взглянув на Мю. — Ни одна живая душа не смеет войти в его комнату.

Муми-тролль с чувством собственного достоинства съел кашу. Потом спустился через сад к мосту.

Снусмумрик сидел у входа в палатку и рисовал пробковый поплавок. Муми-тролль посмотрел на него и снова порадовался в душе, что у него есть дракон.

— Ох-хо-хо! — сказал он. — Семья иногда жутко обременяет.

Снусмумрик, не вынимая трубку изо рта, что-то хрюкнул в знак согласия. Они молча посидели, согретые чувством мужской дружбы и взаимопонимания.

— Кстати, — вдруг сказал Муми-тролль, — встречался ли тебе когда-нибудь во время твоих путешествий какой-нибудь дракон?

— Ты, конечно, не имеешь в виду ни саламандр, ни ящериц, ни крокодилов, — заметил после долгого молчания Снусмумрик. — Ты, конечно, имеешь в виду настоящего дракона. Нет, не встречал! Они все вымерли.

— А может, — медленно произнес Муми-тролль, — может, один еще остался и кое-кто поймал его в стеклянную банку?

Подняв глаза, Снусмумрик пронизательно оглядел Муми-тролля и увидел, что тот чуть не лопаётся от восторга и ожидания. И Снусмумрик отрезал довольно холодно:

— Не думаю.

— Возможно, он не больше спичечного коробка и извергает пламя, — зевнув, продолжал Муми-тролль.

— Не может быть, — возразил Снусмумрик, который умел подыгрывать и знал, как надо подготовить сюрприз.

Его друг, подняв мордочку, сказал:

— Дракончик — из чистого золота, с крохотными-прекрохотными зелеными лапками. Он мог бы стать ужасно преданным и следовать за тобой по пятам. — И, подпрыгнув, Муми-тролль закричал: — Это я нашел его! Я нашел собственного маленького дракона!

Пока они поднимались к дому, Снусмумрик прошел все стадии недоверия, удивления и восхищения. Он был просто великолепен.

Они поднялись по лестнице и, осторожно отворив дверь, вошли в мансарду.

Банка с водой по-прежнему стояла на столе, но дракон исчез. Муми-тролль искал под кроватью, за комодом, он ползал повсюду, искал и звал:

— Дружочек мой... маленький мой хутти-хутти-хутти, мое славное крошечное зернышко...

— Посмотри-ка, — сказал Снусмумрик, — он сидит на занавеске.

Дракон и в самом деле сидел на карнизе под самым потолком.

— Как он туда попал?! — испуганно воскликнул Муми-тролль. — Подумать только, а что если он свалится... Не двигайся... Подожди немного... Ни слова...

Сорвав с кровати перину и подушки, он расстелил их на полу под окном. Затем, взяв старый сачок хемуля, он поднес его прямо под нос дракона.

— Гоп-ля! — закричал он. — Цып, цып, цып! Теперь осторожно... Осторожно...

— Ты насмерть испугаешь его, — сказал Снусмумрик.

Дракончик разевал пасть и шипел. Вонзив зубки в сачок, он жужжал, как маленький мотор. И вдруг, взмахнув крылышками, начал летать по комнате под самым потолком.

— Он летает, летает! — кричал Муми-тролль. — Мой дракон летает!

— Ясное дело! — сказал Снусмумрик. — Не прыгай так! Стой смирно!

Тут дракончик остановился как раз посередине потолка. Крылышки его, точно у ночной бабочки, сильно вздрагивали. Вдруг он нырнул вниз и, куснув Муми-тролля за ухо так, что тот закричал, улетел и уселся на плечо Снусмумрика. Тесно прижавшись к его уху, он начал тарыхтеть, закрыв глаза.

— Каков плутишка! — озадаченно произнес Снусмумрик. — Он совсем горячий. Что эта кроха делает?

— Он любит тебя, — сказал Муми-тролль.

После обеда вернулась домой фрекен Снорк, которая была в гостях у бабушки малышки Мю, и тотчас узнала, что Муми-тролль поймал дракончика. Тот сидел на столе рядом с кофейной чашкой Снусмумрика и облизывал лапки. Он искусал уже всех, кроме Снусмумрика. И всякий раз, когда дракончик злился, он прожигал где-нибудь дыру.

— Ужасно миленький! — восхитилась фрекен Снорк. — Как его зовут?

— Ничего особенного, — пробормотал Муми-тролль. — Это всего-навсего дракон.

Лапка Муми-тролля осторожно двигалась по скатерти, пока не тронула одну из маленьких позолоченных ножек. Миг — и дракон взмыл ввысь, облетел веранду, зашипел и выдохнул небольшое облачко дыма.

— О, как мило! — воскликнула фрекен Снорк.

Дракончик подлетел поближе к Снусмумрику и понюхал его трубку. На скатерти, там, где он сел, зазияла круглая коричневая дыра.

— Интересно, а может он прожечь дыру и в клеенке? — спросила Муми-мама.

— Непременно, — объяснила ей Малышка Мю. — Пусть он только чуть-чуть подрастет, и он сожжет весь наш дом. Вот увидите!

Она схватила кусок торта, а дракончик, тут же налетев на нее, как маленькая позолоченная фурия, укусил ее за лапку.

— Ах, черт! — заорала Мю и шлепнула дракона салфеткой.

— За такие слова ты не попадешь в рай!.. — мгновенно завела ее сестра, Дочь Мюмлы, но Муми-тролль, прервав ее, горячо воскликнул:

— Дракон не виноват! Он думал, что ты собираешься съесть муху, которая сидела на этом куске торта.

— Да ну тебя с твоим драконом! — закричала Мю, разозлившись по-настоящему. — И вовсе он не твой, он — Снусмумрика, дракону нравится только он!

На мгновение наступила тишина.

— О чем болтает эта малявка? — произнес, поднявшись, Снусмумрик. — Еще немного времени, и дракон будет знать, кто его настоящий хозяин. А ну убирайся! Лети к своему хозяину!

Но дракончик, взлетев на его плечо, уцепился за него всеми шестью лапками и тарыхтел, как швейная машина. Снусмумрик взял крохотное чудовище в руки и сунул его под грелку для кофейника. Потом, отворив застекленную дверь веранды, вышел в сад.

— Он ведь задохнется, — сказал Муми-тролль и чуть приподнял грелку.

Дракончик вылетел из-под грелки, как молния подлетел к окошку, сел и, не спуская глаз со Снусмумрика, прижался лапками к стеклу. Немного погодя он начал визжать, и позолота даже на самом кончике его хвостика постепенно потускнела.

— Драконы, — неожиданно изрек папа, — исчезли из всеобщего сознания примерно семьдесят лет тому назад. Я отыскал их в энциклопедическом словаре. Вид, который сохранился дольше всех, — так называемый эмоциональный, то есть легко возбудимый, с ярко выраженной способностью к воспламенению. Эти драконы заметно упрямы и никогда не меняют своих намерений...

— Спасибо за кофе, — поднявшись, сказал Муми-тролль. — Я пойду к себе.

— Дорогой, а твой дракончик останется на веранде? — спросила мама. — Или ты возьмешь его с собой?

Муми-тролль не ответил ни слова.

Он отворил дверь. Когда дракон вылетел в сад, посыпались искры, и фрекен Снорк воскликнула:

— Ой! Тебе никогда его больше не поймать! Зачем ты это сделал? Я не успела даже как следует разглядеть его.

— Можешь пойти к Снусмумрику и посмотреть, — процедил сквозь зубы Муми-тролль. — Дракон сидит у него на плече.

— Мой дорогой! — грустно сказала мама. — Мой маленький тролленок!

Только Снусмумрик успел выгащить удочку, как примчался дракон и опустился к нему на колени. Он прямо-таки извивался от восторга, что снова видит Снусмумрика.

— Зрелище для луны, — сказал Снусмумрик, прогоняя маленькое чудовище. — Брысь! Убирайся! Лети домой!

Но он, конечно, знал, что все это зря. Дракон все равно никуда не уберется. И насколько он знал, драконы могут жить до ста лет.

Снусмумрик огорченно смотрел на маленькое сверкающее созданище, которое просто выбивалось из сил, только бы понравиться ему.

— Ясное дело, ты красивый, — сказал Снусмумрик. — И хорошо бы, ты остался со мной. Но понимаешь, Муми-тролль...

Дракончик зевнул, взлетел на шляпу Снусмумрика, свернулся клубочком на ее изодранных полях и заснул. Снусмумрик, вздохнув, закинул рыболовную леску в реку. Новый поплавок, блестящий и ярко-красный, покачивался на воде. Снусмумрик знал, что сегодня Муми-троллю не захочется удить рыбу. Морра забери все эти напасти...

Время шло.

Дракончик вылетел на охоту за мухами и снова вернулся на шляпу — отдохнуть и поспать. Снусмумрик вытащил пять красноперых плотвичек и одного угря, которого снова отпустил, потому что тот ужасно трепыхался.

К вечеру вниз по реке проплыла шлюпка. У руля сидел довольно молодой Хемуль.

— Клюет? — спросил он.

— Сносно, — ответил Снусмумрик. — Далеко плывешь?

— Довольно далеко, — сказал Хемуль.

— Давай сюда чалку, получишь немного рыбы, — произнес Снусмумрик. — Завернешь красноперок в газетную бумагу и поджаришь их на решетке, на горячих углях. Так они будут вкуснее.

— А что ты хочешь взамен? — спросил Хемуль, не привыкший получать подарки.

Засмеявшись, Снусмумрик снял с головы шляпу со спящим на ее полях дракончиком.

— Послушай-ка, — сказал он. — Отвези вот этого как можно дальше и выпусти в каком-нибудь уютном местечке, где много мух. Шляпу сверни так, чтобы она была похожа на гнездо, и положи ее лучше всего под каким-нибудь кустом, так чтобы дракона оставили в покое.

— Это дракон? — подозрительно спросил Хемуль. — А он кусается? И часто надо его кормить?

Снусмумрик вошел в палатку и вернулся назад с кофейником. Сунув на дно кофейника немного травы, он осторожно положил туда спящего дракончика и, закрыв кофейник крышкой, сказал:

— Засовывай туда мух через носик, а иногда наливай капельку воды. Не обращай внимания, если кофейник станет горячим. Вот, бери-ка! Через несколько дней сделаешь, как я велел.

— Немало работы за пять плотвичек, — кисло произнес Хемуль и потянул к себе чалку.

Течение подхватило шлюпку.

— Не забудь, что я сказал тебе про шляпу, — крикнул Снусмумрик вслед Хемулю. — У дракончика слабость к моей шляпе.

— Да, да, да, — ответил хемуль и исчез за излучиной реки.

«Дракон, верно, жутко искушает Хемуля, — подумал Снусмумрик. — И по правде говоря, поделом ему».

Муми-тролль не появлялся до самого захода солнца. Наконец он прошел мимо.

— Привет! — сказал Снусмумрик.

— Привет, привет! — ответил Муми-тролль. — Поймал какую-нибудь рыбу?

— Да так, немного. А ты не присядешь рядом со мной?

— Да нет! Я только проходил мимо, — пробормотал Муми-тролль.

Наступила тишина. Совсем новая и особенная тишина, стеснительная и неловкая. Наконец Муми-тролль спросил, ни к кому не обращаясь:

— Ну, светится он в темноте?

— Кто «он»?

— Ясное дело, дракончик. Я подумал: интересно ведь знать, светится ли такая кроха в темноте.

— Я, по правде, и не знаю, — сказал Снусмумрик. — Пойди домой и посмотри.

— Но я же его выпустил! — воскликнул Муми-тролль. — А он разве не прилетел к тебе?

— Нет, не прилетел, — ответил Снусмумрик и зажег трубку. — Эти крохотные дракончики делают все, что им взбредет в голову. То так, то эдак. А стоит им увидеть жирную муху — и они тут же забывают все, что знали и любили. Вот они какие, эти драконы. И ничего тут не поделаешь.

Муми-тролль долго молчал. Потом, усевшись в траве сказал:

— Может, ты и прав. Хорошо, что он убрался отсюда. Да... Может, это самое правильное. Послушай-ка, этот новый поплавок... Он красивый, когда качается на воде, а? Красный!

— Да, ничего, — согласился Снусмумрик. — Я сделаю тебе такой же. Ты ведь спустишься завтра вниз ловить рыбу?

— Ясное дело, — ответил Муми-тролль. — А как же иначе!

Шляпа Волшебника

(Главы, пер. со швед. В. Смирнова)

Первый снег пал на Муми-дол хмурым утром. Он подкрался, густой и безмолвный, и за несколько часов выбелил всю долину.

Муми-тролль стоял на крыльце, смотрел, как зима пеленает землю в свой белый саван, и думал спокойно: «Вечером мы погрузимся в спячку». Ведь все муми-тролли делают так в ноябре (и, по правде сказать, это очень разумно, если кто не любит холода и темноты). Он закрыл дверь, неслышным шагом подошел к маме и сказал:

— Идет снег.

— Знаю, — ответила мама. — Я уже приготовила для вас самые теплые одеяла. Можешь лечь наверху в западной комнате вместе со Сниффом.

— Снифф ужасно храпит, — сказал Муми-тролль. — Можно я лягу вместе со Снусмумриком?

— Как хочешь, — отвечала Муми-мама. — Тогда устроим Сниффа в восточной.

Муми-семейство, все его друзья и знакомые готовились к долгой зимней спячке серьезно и обстоятельно.

Муми-мама накрыла стол на веранде, но в чашке у каждого были лишь хвойные иголки. (Совершенно необходимо, чтобы желудок был набит хвойными иголками, если предстоит проспать целых три месяца подряд.) После обеда (а он казался уж совсем безвкусным) все чуть серьезнее обычного пожелали друг другу доброй ночи, и Муми-мама велела всем вычистить зубы. А Муми-папа обошел весь дом, закрыл все двери и ставни и обернул люстру сеткой от комаров, чтобы не запылилась. Потом каждый залез в свою кровать, устроил в ней ямку поуютнее, укрылся с головой одеялом и стал думать о чем-нибудь приятном. И только Муми-тролль со вздохом сказал:

— Какую уйму времени мы теряем зря!

— Ничуть! — отозвался Снусмумрик. — Нам снятся сны. А когда мы проснемся, уже будет весна...

— Мм... — пробормотал Муми-тролль, уже погружаясь в сумрачный мир сновидений.

А на дворе сыпал снег, мелко, но густо. Он уже завалил крыльцо и грузными шапками свешивался с крыши, с наличников окон. Весь Муми-дом скоро должен был превратиться в сплошной пухлый сугроб. Одни за другими переставали тикать часы — пришла зима.

Глава первая,

в которой рассказывается о том, как Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф нашли шляпу Волшебника, как неизвестно откуда появились пять маленьких тучек, а Хемуль обзавелся новым хобби

Как-то весенним утром, часа в четыре, над Муми-долом пролетела первая кукушка. Она уселась на синюю крышу Муми-дома и прокуковала восемь раз — с легкой хрипотцой, понятно, потому что весна была еще в самом начале.

Ну а потом кукушка полетела дальше на восток. Муми-тролль проснулся и долго лежал, уставясь в потолок и соображая, где он. Он проспал сто ночей и сто дней подряд, он был еще овеян сновидениями и не хотел расставаться со сном.

Но, перевернувшись с боку на бок, чтобы найти новое удобное положение, он увидел такое, что сон с него как рукой сняло. Кровать Снусмумрика была пуста.

Муми-тролль так и подскочил в постели. Ну конечно! Шляпы Снусмумрика тоже нигде не видать.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

Он подошел к раскрытому окну и выглянул во двор. Ага, Снусмумрик воспользовался веревочной лестницей. Муми-тролль перебрался через подоконник и, осторожно переступая коротенькими ножками, спустился по лестнице вниз.

На сырой земле отчетливо виднелись отпечатки ног Снусмумрика. Они были запутанные, словно куриный след, и не было никакой возможности определить, куда он направился. Местами следы делали длинные прыжки и перекрещивались между собой. «Это он от радости, — размышлял про себя Муми-тролль. — А вот тут он перекувыркнулся, уж это точно».

Муми-тролль поднял голову и прислушался. Где-то далеко-далеко Снусмумрик играл на губной гармошке, играл свою самую веселую песенку: «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты».

Муми-тролль побежал прямо на музыку и внизу у реки увидел Снусмумрика. Тот сидел на перилах моста, нахлобучив на лоб свою старую шляпу, и болтал над водой ногами.

— Привет, — сказал Муми-тролль, усаживаясь с ним рядом.

— Привет, привет, — отозвался Снусмумрик, не отнимая от губ гармошки.

Солнце только что поднялось над верхушками деревьев и светило им прямо в лицо. А они жмурились от его лучей, болтали ногами над бегущей сверкающей водой, и на сердце у них было привольно и беззаботно.

По этой реке они не раз отправлялись в большой мир навстречу необыкновенным приключениям и в каждом путешествии обзаводились новыми друзьями и приводили их к себе домой, в Муми-дол. Муми-папа и Муми-мама принимали всех незнакомцев с невозмутимым спокойствием — лишь ставили новые кровати да расширяли обеденный стол. Так вот и выходило, что в доме всегда было полно народу и каждый занимался чем хотел, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Ну и, разумеется, время от времени в доме случались потрясающие, прямо-таки ужасные вещи, но зато уж на скуку никто пожаловаться не мог. (А ведь это как-никак делает честь любому дому.)

Доиграв последнюю строчку своей весенней песенки, Снусмумрик сунул гармошку в карман и спросил:

— Снифф проснулся?

— Вряд ли, — ответил Муми-тролль. — Он всегда просыпается на неделю позже других.

— Тогда нужно его разбудить, — решительно сказал Снусмумрик и спрыгнул с перил. — В такой славный денек непременно надо придумать что-нибудь совсем необыкновенное.

Муми-тролль стал под окошком восточной мансарды и, сунув в рот лапы, дал сигнал по одним им понятной тайной системе: три простых свистка и один долгий. (Это означало: есть дело.) Слышно было, что Снифф перестал храпеть, но не шелохнулся.

— А ну-ка еще раз! — сказал Снусмумрик, и они повторили сигнал с удвоенной силой.

Окошко с треском распахнулось.

— Я сплю! — сердито крикнул Снифф.

— Давай к нам, да не сердись, — сказал Снусмумрик. — Мы задумали что-то совсем необыкновенное.

Снифф наострил помятые со сна уши и спустился вниз по веревочной лестнице. (Пожалуй, нелишне упомянуть, что в Муми-доме веревочные лестницы были под каждым окном: ведь выходить каждый раз через крыльцо — такая мо-рока!)

День и вправду обещал быть чудесным. Повсюду было полно еще не совсем проснувшейся от долгой зимней спячки ползучей мелюзги, она шныряла во все стороны и заново знакомилась друг с другом. Одни проветривали платье и чистили щеткой усы, другие строили себе дома, третьи на все лады готовились к встрече весны. Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф то и дело останавливались посмотреть, как строится дом, или послушать какую-нибудь ссору. (Это часто случается в первые дни весны, потому что когда выходишь из спячки, с утра нередко бываешь в дурном настроении.) На ветвях деревьев сидели древесные феи, расчесывая свои длинные волосы, а в снегу, островками, лепившимися с северной стороны стволов, прокладывали длинные ходы мыши и прочая мелюзга.

— С новой весной! — сказал один пожилой уж. — Как зимовалось?

— Спасибо, ничего, — ответил Муми-тролль. — А вам, братец, хорошо спалось?

— Отлично, — ответил уж. — Кланяйтесь от меня папе и маме!

Такие вот примерно разговоры вели они с многочисленными личностями, попадавшимися им по пути. Но чем выше в гору, тем безлюднее становилось вокруг, и под конец им лишь изредка встречались хлопотливые мыши-мамы, занятые весенней уборкой.

— Ой, как неприятно! — сказал Муми-тролль, высоко подбирая лапы на тающем снегу. — Муми-тролли не любят, когда так много снегу. Это мне мама сказала. — Он чихнул.

— Послушай-ка, Муми-тролль, — сказал Снусмумрик. — Есть идея. Что, если забраться на самую верхушку горы и сложить там пирамиду из камней? Пусть знают, что мы первые побывали на вершине.

— Идет, — сказал Снифф и тотчас двинулся в путь, не желая никого пропускать впереди себя.

На вершине разгуливал весенний ветер, и на все четыре стороны распахивался голубой горизонт. На западе было море, на востоке река, петляя, уползала в глубь Пустынных гор, на севере как весенний ковер простирались дремучие леса, а на юге из трубы Муми-дома курился дымок — это Муми-мама варила к завтраку кофе. Но Снифф ничего этого не замечал. Потому что на вершине горы лежала шляпа, точнее говоря, черный цилиндр.

— Кто-то уже побывал тут до нас! — сказал он.

Муми-тролль поднял шляпу и стал ее рассматривать.

— Шляпа что надо, — сказал он. — Может, будет тебе как раз впору, Мумрик?

— Нет, нет, — ответил Снусмумрик (он очень любил свою старую зеленую шляпу). — Уж слишком новая!

— А может, она понравится папе? — размышлял вслух Муми-тролль.

— Захватим ее с собой, — сказал Снифф. — А теперь я хочу домой. Смерть как хочется кофе. А вам?

— Еще бы! — с жаром отозвались Муми-тролль и Снусмумрик.

Вот как получилось, что они нашли шляпу Волшебника и забрали ее с собой, не подозревая о том, что тем самым превратили Муми-дол в арену всяческого волшебства и удивительнейших событий.

Когда Муми-тролль, Снусмумрик и Снифф вошли на веранду, все уже попили кофе и разбрелись кто куда. Один только Муми-папа остался дома читать газету.

— Так, так, — сказал он. — Стало быть, и вы тоже проснулись. Удивительно пустая сегодня газета. Ручей прорвал запруды и уничтожил поселение муравьев. Жертв не было. А еще в четыре часа утра в долину прилетела первая весенняя кукушка и проследовала дальше на восток.

— Посмотри-ка, что мы нашли, — гордо сказал Муми-тролль. — Мировецкий черный цилиндр, как раз для тебя.

Муми-папа оглядел шляпу со всех сторон, а потом примерил перед зеркалом в гостиной. Шляпа была для него чуточку великовата и тяжелая, но общее впечатление было весьма внушительное.

— Мама! — позвал Муми-тролль. — Поди-ка взгляни на папу!

Муми-мама открыла дверь да так и застыла на пороге от удивления.

— Ну как, идет? — спросил Муми-папа.

— Идет-то идет, — отвечала Муми-мама. — У тебя в ней очень мужественный вид. Вот разве что чуточку великовата.

— А так не лучше будет? — спросил Муми-папа и сдвинул шляпу на затылок.

— Мм... и так ничего, — сказала Муми-мама, — только, пожалуй, без шляпы ты выглядишь гораздо солиднее.

Муми-папа оглядел себя в зеркале и спереди и сзади, оглядел с боков и со вздохом положил шляпу на комод.

— Ты права, — сказал он. — Не шляпа красит человека, а человек шляпу.

— Не то хорошо, что хорошо, а что к чему идет, — добродушно заметила Муми-мама. — Ешьте побольше яиц, дети, ведь вы прожили на хвойных иголках целую зиму!

И она снова ушла на кухню.

— Но ведь должна же она на что-нибудь пригодиться! — не унимался Снифф. — Такая прекрасная шляпа!

— Используем ее вместо корзины для бумаг, — ответил Муми-папа и удалился наверх писать мемуары (большую книгу о своей бурной юности).

Снусмумрик поставил шляпу на пол между комодом и кухонной дверью.

— Ну вот, теперь у вас прибавилось обстановки, — сказал он, широко ухмыляясь: радость обладания вещами была ему совершенно чужда. Он вполне обходился старым платьем, которое носил с того момента, когда родился (где и как — неизвестно), и единственное, с чем он никогда не расставался, была губная гармошка.

— Покончите с завтраком, пойдем проведаем снорков, — сказал Муми-тролль и, прежде чем выйти в сад, бросил яичную скорлупу в новую корзину для бумаг, потому что (иногда) он был очень аккуратный Муми-тролль.

Гостиная опустела. А в углу, между комодом и дверью на кухню, осталась шляпа Волшебника с яичной скорлупой. И тут сотворилось чудо: яичная скорлупа начала преобразаться.

Дело в том, что всякая вещь, если она достаточно долго пролежит в шляпе Волшебника, превращается в нечто совершенно иное — и никогда нельзя знать заранее, во что именно. Муми-папе ужасно повезло, что шляпа ему не подошла: побудь он в ней чуточку подольше — и только покровителю всех троллей и sniff-фов известно, какая участь его ожидала.

Муми-папа заработал лишь легкую головную боль (которая прошла после обеда). Зато яичные скорлупки, оставшиеся в шляпе, мало-помалу начали менять свой вид. Они сохранили белый цвет, но все росли и росли в размерах и стали мягкими и пухлыми. Немного погодя они целиком заполнили шляпу, а потом из шляпы выпорхнули пять маленьких круглых тучек. Они выплыли на веранду, мягко спустились с крыльца и повисли в воздухе над самой землей. А в шляпе Волшебника стало пусто.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

— Уж не пожар ли? — обеспокоенно спросил Снорк.

Тучки неподвижно стояли перед ними и словно чего-то ждали.

Фрекен Снорк тихонечко протянула лапу и потрогала тучку, которая была к ней поближе.

— Совсем как вата! — удивленно сказала она.

Тут все придвинулись ближе и стали ощупывать тучки.

— Подушка, да и только, — сказал Sniff.

Снусмумрик осторожно толкнул одну из тучек. Она проплыла немного в воздухе и снова застыла на месте.

— Чьи они? — спросил Sniff. — Как они попали на веранду?

Муми-тролль только покачал головой в ответ.

— Таких чудес со мной еще не вытворялось, — сказал он. — Пожалуй, надо позвать маму.

— Нет, нет! — возразила фрекен Снорк. — Исследуем их сами. — Она прижала тучку к земле и погладила ее лапами. — Какая мяконецкая! — В следующее мгновение она уже сидела на тучке и с хихиканьем подсакивала на ней.

— А я-то! А я-то! — завопил Sniff и мигом взобрался на другую тучку. — А ну давай!

И только он крикнул: «А ну давай!» — как тучка поднялась над землей и описала небольшую изящную дугу.

— О господи! — изумленно воскликнул Sniff. — Она движется!

Тут уж и все остальные взобрались каждый на свою тучку и закричали: «А ну давай! Гоп!».

Тучки, словно большие послушные кролики, парили над землей. Ими можно было управлять — это открытие сделал Снорк. Легкий нажим одной ногой — поворот. Обими ногами — полный вперед. Чуть покачаешь тучку — и она набирает высоту.

Все это было страшно занятно. Расхрабившись, они взлетали до верхушек деревьев и даже на крышу Муми-дома. А Муми-тролль остановился на своей тучке перед окном Муми-папы и громко крикнул: «Кукареку!» (Ему просто не пришлось в голову ничего более умного, в таком восторге он был.) Муми-папа выронил ручку и бросился к окну.

— Клянусь моим хвостом! — вырвалось у него. — Клянусь моим хвостом!

Больше он ничего не мог сказать.

— Из этого выйдет мировая глава для твоих мемуаров, — сказал Муми-тролль и, подрулив к кухонному окну, позвал маму. Но Муми-мама спешно готовила мясо с картошкой и луком, и ей было некогда.

— Что ты еще там придумал, золотко мое? — спросила она. — Смотри не упади!

А внизу в саду Снорк и Снусмумрик изобрели новую игру. Они с разгона сталкивались друг с другом, и кто сваливался на землю, тот проигрывал.

— Сейчас я тебе покажу! — кричал Снусмумрик, прищипывая тучку. — А ну пошла!

Но Снорк ловко вильнул в сторону и коварно напал на него снизу. Тучка Снусмумрика накренилась, и он воткнулся головой в цветочную клумбу, да так, что шляпа налезла ему на нос.

— Третий раунд! — закричал Sniff — он был судьей и парил чуть повыше противников. — Счет два — один! По местам! Готовы? Начали!

— Прокатимся немножечко вместе? — предложил Муми-тролль фрекен Снорк.

— С удовольствием, — ответила она и подрулила к нему. — А куда?

— Давай разыщем Хемуля. То-то он удивится!

Они облетели все излюбленные места Хемуля, но его нигде не было.

— Обычно он никогда не уходит из дому надолго, — сказала фрекен Снорк. — В последний раз, когда я его видела, он разбирали свои почтовые марки.

— Так ведь это было полгода назад, — заметил Муми-тролль.

— Ой, верно! — отозвалась фрекен Снорк. — Ведь мы же проспали всю зиму.

— И сладко тебе спалось? — спросил Муми-тролль.

Фрекен Снорк с изяществом перепорхнула через верхушку дерева и, немного подумав, ответила:

— Мне снился страшный сон. Какой-то противный дядька в черном цилиндре глядел на меня и усмехался.

— Странно, — сказал Муми-тролль. — И мне то же самое снилось. А что, он был в белых перчатках?

— Вот-вот, — кивнула фрекен Снорк.

Они плавно парили между деревьями, думая о своем сне, и вдруг увидели Хемуля. Он брел по лесу, заложив руки за спину и уставившись носом в землю. Муми-тролль и фрекен Снорк спланировали вниз, пристроились у него по бокам и разом крикнули:

— С добрым утром!

— Ой! — вскрикнул Хемуль. — Ну и испугался же я! Разве вы не знаете, что мне нельзя устраивать такие сюрпризы? У меня сердце в пятки уходит.

— Ах, прости, — сказала фрекен Снорк. — А ты видишь, на чем мы едем?

— Диковина, ничего не скажешь, — ответил Хемуль. — Ну да уж мне не в новинку, что у вас что ни шаг — то диковина. А я вот захандрил.

— С чего бы это? — сочувственно спросила фрекен Снорк. — Хандрить в такой славный денек!

Хемуль покачал головой.

— Не поймете вы меня.

— Как-нибудь постараемся, — сказал Муми-тролль. — Опять потерял какую-нибудь печатку?

— Как раз нет, — мрачно ответил Хемуль. — У меня все цело. Все до единой марки. Моя коллекция совершенна.

— Ну так что же тогда? — подбодрила его фрекен Снорк.

— Я знал, что вы меня не поймете.

Муми-тролль и фрекен Снорк озабоченно переглянулись. Они поотстали от Хемуля из уважения к его горю и держались теперь позади. А Хемуль продолжал брести дальше. Они терпеливо выжидали, когда он поведает им свою печаль.

И вот немного погодя Хемуль воскликнул:

— Нет! Это бессмысленно...

А еще немного погодя сказал:

— К чему все, все? Можете использовать мою коллекцию вместо туалетной бумаги!

— Да что с тобой, Хемуль! — взволнованно воскликнула фрекен Снорк. — Ты прямо-таки кощунствуешь. У тебя самая лучшая коллекция марок на свете!

— В том-то и дело! — в отчаянии сказал Хемуль. — Она закончена! На свете нет ни одной марки, ни одной печатки, которой бы у меня не было. Ни одной, ни одинешенькой. Чем же мне теперь заняться?

— Я, кажется, начинаю понимать, — медленно произнес Муми-тролль. — Ты перестал быть коллекционером, теперь ты всего-навсего обладатель, а это вовсе не так интересно.

— Да, — с убитым видом подтвердил Хемуль, — вовсе не интересно.

Он остановился и повернул к ним нахмуренное лицо.

— Милый Хемуль, — сказала фрекен Снорк и тихонько хлопала его по руке. — Я вот что надумала. Не начать ли тебе собирать что-нибудь другое, совсем другое?

— Это идея, — согласился Хемуль. Но морщины по-прежнему не сходили с его лба: он попросту не мог радоваться после такого серьезного огорчения.

— Ну, скажем, бабочки? — предложил Муми-тролль.

— Это исключено, — сказал Хемуль, и лицо его помрачнело еще больше. — Бабочек коллекционирует мой двоюродный брат. А я терпеть его не могу.

— Ну а кинозвезды? — спросила фрекен Снорк.

Хемуль лишь презрительно фыркнул.

— Может быть, драгоценности? — с надеждой спросила фрекен Снорк. — Ведь драгоценностям никогда не будет конца!

— Тьфу! — только и сказал Хемуль.

— Ну больше я ничего не могу придумать, — молвила фрекен Снорк.

— Ладно, что-нибудь мы тебе подберем, — утешил его Муми-тролль. — Уж мама-то наверняка сумеет. Да, кстати, ты не видал Ондатра?

— Он еще спит, — грустно ответил Хемуль. — Он считает, что незачем вставать так рано, и, в сущности, он прав.

И Хемуль в одиночестве побрел дальше по лесу.

А Муми-тролль и фрекен Снорк поднялись над верхушками деревьев и, плавно покачиваясь, поплыли в солнечном блеске. При этом они не переставая думали о том, что бы предложить Хемулю для коллекционирования.

— Может быть, раковины? — сказала фрекен Снорк.

— Или пуговицы от штанов? — сказал Муми-тролль.

Когда они вернулись домой обедать, Хемуль поджидал их на крыльце. Он весь так и сиял от радости.

— Ну? — спросил Муми-тролль. — На чем же ты остановился?

— Растения! — воскликнул Хемуль. — Займусь ботаникой. Это меня Снорк надоумил. Соберу самый замечательный гербарий на свете!

И он развернул полы юбки и показал свою первую добычу. Это был тоненький стебелек гусяного лука, облепленный комьями земли и листьями.

— *Gagea lutea*, — гордо сказал Хемуль. — Номер первый в коллекции. Безупречный экземпляр.

Он вошел в дом и вывалил содержимое юбки на обеденный стол.

— Ступай-ка в уголок, — сказала Муми-мама. — Здесь будет стоять суп. Ну как, все в сборе? Ондатр еще спит?

— Без задних ног, — высказался Снифф.

— Веселый был сегодня денек? — спросила Муми-мама, наполняя тарелки.

— Ужасно веселый! — хором ответило все Муми-семейство.

Когда наутро Муми-тролль пошел выпустить тучки из дровяного сарая, их там не оказалось. И никому в голову не пришло, что они имеют какое-либо отношение к пяти яичным скорлупкам, которые как ни в чем не бывало снова лежали в шляпе Волшебника.

**Глава вторая,
в которой рассказывается о том, как Муми-тролль превратился
в страшилище и в конце концов отомстил муравьиному льву, а также
о таинственном ночном походе Муми-тролля и Снусмумрика**

Как-то тихим теплым днем, когда над долиной шел летний дождь, обитатели Муми-дома решили сыграть в прятки.

Снифф отошел в угол, закрыл лапами лицо и стал громко считать до десяти. Затем повернулся и начал искать, сперва в обычных потайных местечках, а потом в необычных.

Муми-тролль спрятался под столом на веранде, но на душе у него было неспокойно: слишком уж неподходящее место он выбрал, это факт. Снифф непременно приподымет скатерть, и тогда он пропал. Муми-тролль отчаянно шарил глазами вокруг, и тут его взгляд упал на цилиндр, который кто-то задвинул в угол веранды.

Лучше и не придумаешь! Снифф ни за что не догадается искать его под шляпой. Муми-тролль быстро и бесшумно прополз в угол и натянул на себя шляпу. Она доходила ему лишь до живота, но это ничего. Он присядет, подберет хвост и станет совсем невидим.

Муми-тролль знай себе похихикивал, слыша, как Снифф одного за другим отыскивает участников игры. Хемуль, похоже, опять спрятался под диван, на лучшее у него просто не хватает воображения. Ну а вот теперь все гурьбой бегают по дому и ищут его, Муми-тролля.

Он все ждал и ждал, и лишь когда его взяло опасение, что им надоест искать, вылез из шляпы, просунул голову в дверь и сказал:

— Я тут!

Снифф посмотрел на него каким-то странно долгим взглядом, потом с поразительным дружелюбием ответил:

— Я сам тут.

— Это кто такой? — прошептала фрекен Снорк.

Остальные лишь покачали головами и продолжали пристально рассматривать Муми-тролля.

Бедняжка Муми-тролль! В шляпе Волшебника он превратился в очень странное на вид существо. Все, что было у него округлым, стало узким, все маленькое — большим. А самым поразительным было то, что только он один не видел, каким он стал.

— Во как вы все удивились, — сказал Муми-тролль, делая неуверенный шаг вперед на длинных шатучих ногах. — Вам ни за что не догадаться, где я был!

— А нам и дела нет, — сказал Снорк. — Ну а что мы удивились, так это верно, тут кто угодно удивится, такой у тебя мерзкий вид.

— Чего вы на меня надулись? — жалобно спросил Муми-тролль. — А, понятно, вам слишком долго пришлось искать! Что же делать теперь?

— По-моему, прежде всего ты должен представиться, — холодно заметила фрекен Снорк. — Ведь мы знать не знаем, кто ты такой.

Муми-тролль уставился на нее в оба глаза, но тут у него мелькнула мысль, что это наверняка какая-то новая игра. Он весело рассмеялся и сказал:

— Я король Калифорнии!

— А я сестра Снорка, — сказала фрекен Снорк. — Вот это мой брат.

— А меня зовут Снифф, — сказал Снифф.

— А я — Снусмумрик, — сказал Снусмумрик.

— Фу, какие вы нудные, — сказал Муми-тролль. — Не могли выдумать ничего оригинальнее. Пошли во двор, погода, кажется, проясняется.

Он спустился с крыльца, и все последовали за ним, удивленные и полные недоверия.

— Кто это? — спросил Хемуль, сидевший возле дома и считавший тычинки в подсолнухе.

— Король Калифорнии, — нерешительно ответила фрекен Снорк.

— Он что, будет жить с нами? — спросил Хемуль.

— Это должен решить Муми-тролль, — сказал Снифф. — Ума не приложу, куда он запропастился.

— Нет, порой ты и вправду бываешь занятный! — расхохотался Муми-тролль. — Подумать только — мы должны искать Муми-тролля!

— А ты с ним знаком? — спросил Снусмумрик.

— Ха-ха-ха! — закатывался Муми-тролль. — Нашел о чем спрашивать! Очень даже знаком, правда-правда!

Казалось, еще немного — и он лопнет от восторга, так нравилась ему новая игра. Да к тому же он полагал, что великолепно выдерживает свою роль.

— Когда же ты с ним познакомился? — спросила фрекен Снорк.

— Мы родились одновременно, — отвечал Муми-тролль, не в силах сдержать рвущееся наружу веселье. — Это такой негодник! Его просто нельзя пускать в порядочный дом!

— Не смей так говорить о Муми-тролле! — вскипела фрекен Снорк. — Он самый лучший тролль на свете, и мы все ужасно любим его!

Муми-тролль не помнил себя от восторга.

— В самом деле? — сказал он. — Ну а на мой взгляд, он сущий разбойник, да и только!

Фрекен Снорк разревелась.

— А ну вали отсюда, — грозно сказал Снорк. — Не то мы тебя так отдубасим, что своих не узнаешь!

Муми-тролль опешил.

— Ну, ну, — сказал он. — Ведь это всего-навсего игра. Я страшно рад, что вы так меня любите.

— Никто тебя не любит! — пронзительно крикнул Снифф. — Бей его, ребята! Гнать отсюда гадкого короля, пусть знает, как наговаривать на нашего Муми-тролля!

И все скопом набросились на бедняжку. Он был слишком ошеломлен, чтобы защищаться, а когда вошел в раж, было уже поздно: он лежал в самом низу галдящей кучи малы, во все стороны махавшей руками, лапами и хвостами.

Тут на крыльцо вышла Муми-мама.

— Что с вами, дети? — крикнула она. — Прекратить сию же минуту!

— Даем взбучку королю Калифорнии! — всхлипнула фрекен Снорк. — Так ему и надо!

Муми-тролля выбрался из кучи малы рассерженный и обессиленный.

— Мама! — крикнул он. — Они первые начали! Трое против одного — это несправедливо!

— Согласна, — серьезно ответила Муми-мама. — Но ты, несомненно, раздразнил их. Кстати сказать, кто ты такой, малыш?

— Прекратите эту глупую игру! — крикнул Муми-тролля. — С вами совсем неинтересно играть! Я Муми-тролля, а вот моя мама. Слышите?

— Никакой ты не Муми-тролля, — презрительно сказала фрекен Снорк. — У Муми-тролля такие славные маленькие ушки, а у тебя вон какие лопушищи!

Муми-тролля в смятении схватился за голову и нащупал пару большущих, в складках ушей.

— Но ведь я же Муми-тролля! — в отчаянии крикнул он. — Неужели вы мне не верите?

— У Муми-тролля такой маленький, аккуратненький хвостик, а у тебя хвостиче, как щетка для чистки ламп, — сказал Снорк.

Увы, это было так! Муми-тролля убедился в этом, ощутив себя сзади дрожащими лапами.

— У тебя глазищи словно тарелки, — сказал Снифф. — А у Муми-тролля такие маленькие приветливые глазки.

— Совершенно верно, — подтвердил Снусмумрик.

— Ты самозванец, — заключил Хемуль.

— Неужели никто мне не верит? — воскликнул Муми-тролля. — Mamочка, погляди на меня, уж ты-то должна узнать свое Муми-дитя.

Муми-мама поглядела в его испуганные глаза-тарелки, она глядела в них долго-долго и наконец сказала:

— Да, это Муми-тролля.

И не успела она это промолвить, как Муми-тролля начал преображаться. Его глаза, уши и хвост уменьшились, а нос и живот увеличились. И вот уже перед ними стоит Муми-тролля во всем своем великолепии, такой, каким был.

— Иди же, я обниму тебя, — сказала Муми-мама. — Уж моего-то маленького Муми-сына я узнаю всегда, что бы ни случилось.

Немного погодя в тот же день Муми-тролля и Снорк сидели в одном из своих потайных местечек — под кустом жасмина в круглом гроте из зеленой листвы, укрывавшей их со всех сторон.

— Да, но ведь кто-то же тебя заколдовал, иначе быть не может, — сказал Снорк.

Муми-тролля отрицательно покачал головой.

— Я не видел ничего особенного, — ответил он. — Ничего такого не ел, не произносил никаких опасных слов.

— А не попал ли ты, случаем, в заколдованный круг? — предположил Снорк.

— Не знаю, — ответил Муми-тролля. — Я все время сидел под черной шляпой, которая у нас вместо корзины для бумаг.

— В шляпе? Внутри? — переспросил Снорк, словно осененный догадкой.

— Ну да.

Они задумались и некоторое время сидели молча, потом разом воскликнули:

— Все ясно, в ней-то и дело!

И пристально посмотрели друг на друга.

— Пошли! — сказал Снорк.

Они поднялись на веранду и осторожно приблизились к шляпе.

— Очень даже обыкновенная шляпа, — сказал Снорк. — Разумеется, если не принимать во внимание, что цилиндр, вообще-то говоря, шляпа очень даже необыкновенная.

— Но как узнать, что это она все наделала? — спросил Муми-тролля. — Я в нее больше не полез!

— Может, заманим туда кого-нибудь? — предложил Снорк.

— Но ведь это подло! — возразил Муми-тролля. — Почему знать, а вдруг этот кто-нибудь уже не превратится в самого себя?

— А если взять врага?

— Гм... — отозвался Муми-тролля. — Кого именно?

— Дикобраза, — сказал Снорк.

Муми-тролля потряс головой.

— Дикобраз слишком велик.

— Ну тогда муравьиного льва.

— Этот подойдет, — одобрил Муми-тролля. — Муравьиный лев затащил раз мою маму в нору и насыпал ей в глаза песок.

Они нашли большую банку и отправились к морю: как раз там, на песчаном берегу, устраивает свои коварные норы муравьиный лев. Вскоре Снорк нашел большую круглую яму и отчаянно замахал Муми-троллю.

— Он тут! — прошептал Снорк. — Только как мы заманим его в банку?

— Это я возьму на себя, — шепотом ответил Муми-тролля.

Он взял банку, закопал ее в песок отверстием вверх и громко сказал:

— Жалкие козявки эти муравьиные львы.

После чего сделал Снорку знак и оба выжидающе уставились в яму. Песок на ее дне зашевелился, но никто не показывался.

— Просто жалкие козявки! — повторил Муми-тролль. — Даже в песок они зарываются часами, копуши!

— Так-то оно так, но... — с сомнением начал Снорк.

— Да что там! — перебил Муми-тролль, делая ему яростные знаки ушами. — Просто копуши!

И в то же мгновение из ямы в песке высунулась грозная голова с выпученными глазами.

— Копуши, говоришь? — прошипел муравьиный лев. — Да я закапываюсь в песок за три секунды!

— Тогда, может, дяденька лев покажет нам, как это делается, вот мы и поведем, — вкрадчиво произнес Муми-тролль.

— Я и вас засыплю песком! — сердито сказал муравьиный лев. — И когда вы окажетесь в моей норе, я вас съем!

— Пожалуйста, не надо! — испуганно сказал Снорк. — Лучше покажите нам, как вы умеете закапываться задом наперед за три секунды!

— Сделайте это вот тут, тогда мы лучше увидим, — сказал Муми-тролль и показал на то место, где была закопана банка.

— Неужели вы думаете, у меня только и забот, что проделывать фокусы перед всякой малышкой? — сказал муравьиный лев, но соблазн показать свою силу и ловкость был слишком велик. Презрительно фыркая, он выбрался из ямы и надменно спросил: — Ну, где я должен зарыться?

— Вот тут, — показал Муми-тролль.

Муравьиный лев пожал плечами и устрашающе взъерошил гриву.

— Так смотрите же, крошки-малышки! — крикнул он. — Сейчас я уйду под землю, а как вернусь, съем вас! Раз, два, три!

И, вращаясь словно пропеллер, муравьиный лев задом наперед ушел в песок, прямо в банку. Это и вправду произошло за три секунды, а может, чуть быстрее — за две с половиной, потому что лев ужасно рассердился.

— Крышку, живо! — крикнул Муми-тролль.

Они расшвыряли над банкой песок и крепко-накрепко завинтили крышку. Потом вынули банку и покатали ее домой. Муравьиный лев кричал и сыпал проклятиями, но толстый слой песка заглушал его голос.

— Он рвет и мечет, — сказал Снорк. — Страшно подумать, что будет, если он выберется наружу!

— Не выберется, — спокойно отвечал Муми-тролль. — когда выберется, то, надеюсь, в преображенном виде, каким-нибудь страшилой.

Подойдя к дому, Муми-тролль сунул лапы в рот и издал три долгих свистка (что означало: произошло неслыханное событие). Друзья сбежали к нему со всех сторон и сгрудились вокруг банки.

— Что там у вас? — спросил Снифф.

— Муравьиный лев, — гордо отвечал Муми-тролль. — Самый взаправдашний злющий муравьиный лев, мы поймали его.

— Подумать только, какие вы смелые! — с восхищением сказала фрекен Снорк.

— А теперь мы хотим пересадить его в шляпу, — сказал Снорк.

— Чтобы он превратился в страшилище, как случилось со мной, — сказал Муми-тролль.

— Говори прямо, если хочешь, чтобы тебя понимали, — сказал Хемуль.

— Ну, стало быть, я спрятался в цилиндр, оттого и преобразился, — пояснил Муми-тролль. — А теперь хотим поставить контрольный опыт — посмотреть, превратится ли муравьиный лев во что-нибудь.

— Но ведь он может превратиться в кого угодно! — воскликнул Снифф. — И станет еще страшнее, чем муравьиный лев! Вот возьмет и съест всех нас!

Некоторое время все стояли в боязливом молчании, разглядывая банку и слушающая приглушенные вопли, доносившиеся изнутри.

— Ой! — сказала фрекен Снорк. — Ой! — И совершенно обесцветилась. (Снорки часто меняют окраску при душевном волнении.)

— А мы спрячемся под столом, пока он будет преображаться, а шляпу прикроем толстой книгой, — предложил Снусмумрик. — Кто экспериментирует, тот всегда рискует. Валите его в шляпу!

Снифф метнулся под стол. Муми-тролль, Снусмумрик и Хемуль держали банку над шляпой Волшебника, а фрекен Снорк осторожно отвинчивала крышку. В вихрях песка муравьиный лев провалился в шляпу, и Снорк тут же прикрыл шляпу словарем иностранных слов. После этого все кучей бросились к столу и спрятались под ним. Но ничего особенного не произошло.

Они выглядывали из-под скатерти и ждали. Их беспокойство все возрастало. Но в шляпе все было тихо.

— Все это ерунда, — сказал Снифф.

И как раз в это мгновение словарь иностранных слов начал съезживаться. Снифф от волнения укусил Хемуля за палец.

— Осторожно! — сердито сказал Хемуль. — Ты укусил меня за палец.

— Ой, прости, — сказал Снифф. — Я думал, это мой палец.

А словарь съезживался и съезживался. Его страницы походили теперь на увядшие листья. Иностранные слова вылезли из него и расплзлись по полу.

— Это надо же! — сказал Муми-тролль.

И вдруг что-то произошло. С полей шляпы закапало. Полилось. Вода потока выплескивалась на ковер, и иностранным словам пришлось искать спасения на стенах.

— Муравьиный лев превратился в воду, и все, — разочарованно сказал Снусмумрик.

— А мне кажется, это песок стал водой, — прошептал Снорк. — Сейчас появится и сам лев.

Снова потянулось невыносимое ожидание. Фрекен Снорк спрятала голову на груди Муми-тролля, Снифф попискивал от страха. И вот на полях шляпы показался ежик — наверное, самый маленький ежик на свете. Весь взъерошенный, мокрый, он поводил носом во все стороны, подслеповато шуря глаза.

Несколько секунд в комнате стояла мертвая тишина. А потом Снусмумрик расхохотался. Когда он остановился перевести дух, остальные продолжили за него. Все не то что смеялись, а буквально ревели и катались от радости под столом. Не смеялся один только Хемуль. Он с удивлением поглядел на своих друзей и сказал:

— Да, но ведь мы и так знали, что муравьиный лев преобразится! Ума не приложу, чего вы всегда поднимаете столько шума из-за самых обыкновенных вещей.

А ежик тем временем с торжественным и чуточку печальным видом прошествовал к выходу и спустился с крыльца. Вода перестала лить из шляпы и лужей растеклась по полу веранды. А весь потолок кишел иностранными словами.

Когда о случившемся рассказали Муми-папе и Муми-маме, они отнеслись к происшествию очень серьезно и решили, что шляпу Волшебника надо уничтожить. Ее осторожно скатили вниз к реке и сбросили в воду.

— Теперь понятно, откуда взялись тучки и страшилище, — сказала Муми-мама, стоя на берегу и глядя, как шляпа уплывает вниз по течению.

— А что, тучки-то были мировые, — сказал несколько расстроенный Муми-тролль. — Пускай бы их было еще больше.

— Ну да, а также воды и иностранных слов, — сказала Муми-мама. — Боже, что стало с верандой! Ума не приложу, как теперь избавляться от этой ползучей мелюзги. Путается везде под ногами, и никакого порядка в доме!

— Все равно тучки были мировые, — упорствовал Муми-тролль.

Вечером ему не спалось. Он лежал и смотрел в светлую июньскую ночь, полную одиноких криков, плясок и шороха крадущихся шагов. Благоухали цветы.

Снусмумрик еще не возвращался. В такие ночи он часто бродил один со своей губной гармошкой. Но в эту ночь его песен не было слышно. Наверное, он отправился в путешествие, делать какие-нибудь открытия. Скоро он разобьет на речном берегу палатку и совсем перестанет ночевать дома... Муми-тролль вздохнул. Ему было грустно, хотя тужить было не о чем.

Тут под окошком раздался негромкий свист, и сердце Муми-тролля так и подпрыгнуло от радости. Он тихонько подошел к окну и выглянул наружу. Свист означал: совершенно секретно! Внизу у веревочной лестницы стоял Снусмумрик.

— Ты умеешь хранить тайны? — шепотом спросил он, когда Муми-тролль спустился вниз.

Муми-тролль с жаром потряс головой.

Снусмумрик склонился к нему и сказал еще тише:

— Шляпу вынесло на сушу, на песчаную отмель чуть ниже по реке.

В глазах Муми-тролля сверкнул огонек.

— Ты согласен? — спросил Снусмумрик простым поднятием бровей.

— Еще бы! — отвечал Муми-тролль чуть заметным шевелением ушей.

Словно тени, проскользнули они росистым садом к реке.

— Это за две излучины отсюда, — понизив голос, сказал Снусмумрик. — Собственно говоря, спасти ее — наш долг; вода, которая в нее затекает, становится красной. Все, кто живет вниз по течению, в ужас придут от этой жуткой воды.

— Нам следовало подумать об этом с самого начала, — сказал Муми-тролль. Он был горд и рад, что ему довелось выйти вот так ночью вместе со Снусмумриком. Прежде Снусмумрик всегда уходил в свои ночные странствия один.

— Где-то здесь, — сказал Снусмумрик. — В том месте, где в воде начинается темная полоса. Видишь?

— Не очень, — отвечал Муми-тролль, который шел в полутьме, спотыкаясь на каждом шагу. — Я не так хорошо вижу ночью, как ты.

— Не представляю, как мы ее достанем, — размышлял вслух Снусмумрик, остановившись на берегу и глядя на реку. — Как жалко, что у твоего отца нет лодки.

Муми-тролль задумался.

— Я не так уж плохо плаваю, — сказал он наконец. — Если только вода не слишком холодная.

— Куда тебе! — с недоверием сказал Снусмумрик.

— А вот возьму и поплыву, — сказал Муми-тролль, и всю его робость как рукой сняло. — В какой это стороне?

— Вон там, наискосок, — ответил Снусмумрик. — Ты очень скоро нащупаешь дно отмели. Только смотри не суй в шляпу лапы. Бери за тулью.

Муми-тролль скользнул в теплую воду и по-собачьи поплыл по реке. Течение здесь было сильное, и сначала он чувствовал себя неуверенно. Но вот он увидел отмель, а на ней что-то черное. Он подрулил хвостом и тотчас же нащупал лапами дно.

— Ну как, порядок? — негромко окликнул его с берега Снусмумрик.

— Порядок! — отозвался Муми-тролль и выбрался на отмель.

От шляпы вниз по течению тянулась темная струя. Это и была та волшебная красная вода, о которой говорил Снусмумрик. Муми-тролль сунул в нее лапу и осторожно лизнул.

— Это надо же! — пробормотал он. — Ведь это фруктовый сок! Подумать только, теперь стоит зачерпнуть шляпой воды, и у нас будет сколько угодно фруктового сока!

И, не помня себя от восторга, он издал свой самый радостный воинственный клич: «Пи-хо!»

— Ну что, нашел? — озабоченно спросил Снусмумрик.

— Плыву обратно! — ответил Муми-тролль и вновь вошел в воду, крепко обвив шляпу хвостом.

Плыть против течения, буксируя за собой тяжелую шляпу, было нелегко, и, достигнув берега, он почувствовал ужасную усталость.

— Вот, — тяжело переводя дух, гордо промолвил он.

— Молодец, — сказал Снусмумрик. — Но где же нам ее спрятать?

— Во всяком случае, не в Муми-доме, — ответил Муми-тролль. — Да и в саду вряд ли можно. Ее могут найти.

— А что, если в гроте? — сказал Снусмумрик.

— Тогда придется посвятить в тайну Сниффа, — сказал Муми-тролль. — Ведь грот-то его.

— Место самое подходящее, — раздумчиво сказал Снусмумрик. — Но Снифф слишком мал, чтобы доверить ему такую важную тайну.

— Верно, — серьезно согласился Муми-тролль. — А знаешь, ведь нам впервое приходится делать что-то втайне от папы и мамы.

Снусмумрик взял шляпу в охапку и пустился в обратный путь по берегу реки. Дойдя до моста, он вдруг остановился.

— Что ты? — встревоженно прошептал Муми-тролль.

— Канарейки! — ответил Снусмумрик. — Вон там на перилах три желтых канарейки. Чудно, что они ночуют не дома.

— Никакая я не канарейка, — пропищала одна, та что была к ним поближе. — Я плотвичка.

— Мы все самые порядочные рыбы! — проверещала ее подруга.

Снусмумрик сокрушенно покачал головой.

— Вот видишь, каких дел натворила шляпа, — сказал он. — Рыбешки, как видно, ничего не подозревая, заплыли в нее и преобразились. Так что давай-ка двинем прямо к гроту и спрячем ее там!

Идя лесом, Муми-тролль все теснее жался к Снусмумрику. С обеих сторон тропинки слышались шорохи и шелест крадущихся шагов, веяло жутью. Временами из-за стволов деревьев выглядывали маленькие светящиеся глаза, временами кто-то окликал их с земли или из древесных кущ.

— Ах, какая чудная ночь! — раздавался голос прямо за спиной Муми-тролля.

— Замечательная! — набравшись духу, вторил он, и чья-то маленькая тень проскользнула мимо него в полутьме.

На побережье было светлее. Море и небо сливались в сплошное бледно-голубое мерцающее пространство. Издали доносились одинокие призывные крики птиц. Близилось утро. Снусмумрик и Муми-тролль забрались в грот и поставили шляпу тульей вверх в самый укромный уголок, чтобы в нее ничто нечаянно не попало.

**Глава третья,
в которой описывается, как Ондатр ушел от мира и пережил нечто
неописуемое, как «Приключение» занесло Муми-семейство на остров
хатифнаттов, где Хемуль чуть не сгорел, и как над путешественниками
разразилась сильная гроза**

Наутро следующего дня, когда Ондатр по обыкновению вышел полежать с книгой в гамаке, веревка оборвалась, и он рухнул на землю.

— Я этого не прощу! — сказал Ондатр, выпутываясь из одеяла.

— Ах, какая досада, — сказал Муми-папа, поливавший саженцы табака. — Надеюсь, вы не ушиблись?

— Не в том суть, — мрачно отвечал Ондатр, дергая себя за ус. — По мне, хоть земля тресни, и огонь сойди с небес — мне дела нет. Это не из тех событий, которые могут смутить мой душевный покой. Но я терпеть не могу, когда меня ставят в смешное положение. Это роняет мое достоинство философа!

— Но ведь только я один и видел, как вы грохнулись, — сказал Муми-папа.

— Как будто этого мало, — сказал Ондатр. — Извольте вспомнить, чего только не натерпелся я в вашем доме! В прошлом году, например, на нас падала комета. Это ничего не значит. Зато вы, наверное, помните, что я уселся тогда на шоколадный торт вашей супруги. Это было чрезвычайно унижительно для моего достоинства. Ваши гости подкладывают щетки в мою постель — очень глупая шутка. Не говоря уже о вашем сыне Муми-тролле, который...

— Знаю, знаю, — с виноватым видом упредил его Муми-папа. — Да, конечно, дом у нас беспокойный. Ну и веревки с годами перетираются...

— Не смеют они этого делать! — сказал Ондатр. — Пусть бы я до смерти убился — это, разумеется, ничего не значит. Ну а если бы меня видели ваши молодые люди? Что тогда? Нет уж, лучше брошу все и снова уйду от мира, буду жить в покое и одиночестве. Это мое твердое решение.

— О! — с глубоким уважением произнес Муми-папа. — Где же вы намерены поселиться?

— В гроте, — ответил Ондатр. — Там никто не нарушит ход моих мыслей глупыми шутками. Еду будете присылать мне два раза в день. Но не раньше десяти часов.

— Хорошо, — сказал Муми-папа, склонив голову. — Поставить вам там какую-нибудь мебель?

— Это можно, — уже чуточку полюбезнее отвечал Ондатр. — Только самую простую. Я понимаю, вы желаете мне добра, но так или иначе ваше семейство вывело меня из терпения.

Он забрал книгу и одеяло и медленно побрел вверх по склону. Муми-папа повздыхал немножко, а потом снова принялся поливать табак и вскорости обо всем позабыл.

Ондатр пришел в грот очень довольный. Он расстелил на песке одеяло, уселся и стал думать. Думал он не переставая не меньше двух часов подряд. В гроте царили тишина и покой, сквозь расщелину в потолке заглядывало солнце, мягко озаряя место его уединения. Время от времени, когда сноп солнечного света уходил от Ондатра, тот тихонько подвигался следом за ним.

«Тут я останусь навсегда, навсегда, — думал он. — Как все это бессмысленно — болтаться по разным местам, болтать лишнее, строить дома, заниматься стряпней и обзаводиться собственностью!»

Умиротворенный, оглядел он свое новое жилище и увидел шляпу Волшебника, которую спрятали в самом дальнем углу Муми-тролля и Снусмумрик.

«Корзина для бумаг, — отметил он про себя. — Так, стало быть, она здесь. Ну что ж, на что-нибудь да сгодится».

Он подумал еще немного и решил вздремнуть. Завернулся в одеяло, положил в шляпу свои вставные зубы, чтобы не обвалить их в песке, и тихо-мирно заснул.

А в Муми-доме тем временем завтракали, и на завтрак были оладьи — золотистые оладьи с малиновым вареньем. Еще была вчерашняя каша, но на нее никто не полстился, и кашу решили оставить на завтра.

— Сегодня мне хочется чего-то необыкновенного, — сказала Муми-мама. — Мы избавились от зловредной шляпы — это событие надо отпраздновать. Да и надоедает все время сидеть на одном месте.

— Что верно, то верно! — сказал Муми-папа. — Прогуляться нам не помешало бы. Как вы на это смотрите?

— Мы уже во всех местах побывали, ни одного нового не найдется! — сказал Хемуль.

— Должно найтись, — сказал Муми-папа. — А нет, так мы его выдумаем. Кончайте есть, малыши, — еду забираем с собой.

— А можно доесть то, что уже во рту? — спросил Снифф.

— Не валяй дурака, — сказала Муми-мама. — Быстренько соберите все необходимое. Папа хочет немедленно тронуться в путь. Только не берите ничего лишнего. Да, еще вот что: надо написать записку Ондатру, чтобы он знал, где мы.

— Боже мой! — воскликнул Муми-папа и схватился за голову. — Совсем забыл! Надо отнести ему в грот что-нибудь из мебели и поесть!

— В грот?! — разом вскрикнули Муми-тролля и Снусмумрик.

— Ну да, у гамака оборвалась веревка, — пояснил Муми-папа, — и Ондатр сказал, что у него нет возможности больше думать и он хочет от всего отказаться. Дескать, вы подкладывали щетки в его постель, и все такое прочее. Вот он и перебрался в грот.

Муми-тролля и Снусмумрик побледнели и обменялись взглядами, в которых читалась одна и та же ужасная мысль: «Шляпа!».

— Полагаю, все это не так страшно, — сказала Муми-мама. — Мы прогуляемся к морю и заодно принесем Ондатру поесть.

— Мы столько раз бывали у моря, — захныкал Снифф. — Неужели нельзя поехать куда-нибудь еще?

— Тихо, малыши! — твердо сказал Муми-папа. — Мама хочет купаться. Отправляемся сию минуту!

Муми-мама бросилась собирать вещи в дорогу. Она брала с собой одеяла, кастрюли, бересту на растопку, кофейник, массу еды, подсолнечное масло, спички и все то, на чем, в чем и чем едят. Она укладывала зонтик, теплую одежду, порошки от расстройства желудка, подушки, сетки от комаров, плавки, скатерть и свою сумку. Она страшно суетилась, припоминала, не забыла ли чего, и наконец сказала:

— Ну вот, теперь, кажется, все! Ах, как это чудесно — побывать у моря!

Муми-папа взял свою трубку и удочку.

— Ну как, готовы? — спросил он. — Ничего не забыли? Выходим!

И они тронулись в путь. Последним шел Снифф, таща за собой шесть маленьких игрушечных лодочек.

— Как по-твоему, успел Ондатр натворить дел? — шепотом спросил Муми-тролля у Снусмумрика.

— Будем надеяться, нет! — шепотом отвечал Снусмумрик. — Только у меня все равно душа не на месте.

Тут все остановились, да так внезапно, что папа чуть не угодил Хемулю удочкой в глаз.

— Кто это так кричит?.. — взволнованно воскликнула Муми-мама.

Лес сотрясся от дикого крика. Кто-то во весь опор мчался прямо в их сторону, подвывая не то от страха, не то от ярости.

— Прячьтесь! — крикнул Муми-папа. — Это какое-то чудовище!

Но не успели они броситься наутек, как показался Ондатр с вытаращенными глазами и встопорщенными усами. Он отчаянно размахивал лапами и нес какую-то несусветицу, никто не понимал, что он хочет сказать. Ясно было одно: то ли он рассердился, то ли испугался, то ли рассердился оттого, что испугался. Не останавливаясь, промчался он мимо них по направлению к Муми-долу.

— Что с ним? — спросила потрясенная Муми-мама. — Ведь он всегда такой степенный, держится с таким достоинством.

— Так убиваться из-за того, что порвалась веревка у гамака, — сказал Муми-папа и покачал головой.

— А по-моему, он рассердился оттого, что мы забыли принести ему поесть, — сказал Снифф, — и теперь его доля достанется нам.

В тревожных догадках пошли они дальше. А Муми-тролля и Снусмумрик незаметно ушли вперед и кратчайшим путем направились к гроту.

— Входить через вход нельзя, — сказал Снусмумрик. — Вдруг оно все еще там. Заберемся на скалу и посмотрим через расщелину.

В молчании вскарабкались они на скалу и, как индейцы, подползли к расщелине. Затем с величайшей осторожностью заглянули в грот. Шляпа Волшебника

стояла на месте — пустая. В одном углу валялось одеяло, в другом — книга. В гроте никого не было.

Но весь песчаный пол грота был испещрен какими-то странными следами, словно в нем кто-то плясал и скакал.

— Это не следы лап Ондатра! — сказал Муми-тролль.

— Сомневаюсь, лапы ли это вообще, — сказал Снусмумрик. — Уж больно странно они выглядят!

Приятели спустились со скалы, боязливо озираясь по сторонам.

Но ничего страшного они не увидели.

Что именно приключилось с Ондатром, осталось навеки покрытым тайной, потому что сам Ондатр решительно отказывался говорить на эту тему.

Тем временем остальные уже добрались до берега моря и кучкой стояли у воды, оживленно болтая и жестикулируя.

— Они нашли лодку! — воскликнул Снусмумрик. — А ну, бежим смотреть!

Это была суцая правда. Их взору предстала большая, настоящая парусная лодка, выкрашенная в лиловый и белый, с обшивкой кромка на кромку, с веслами и рыбным садком!

— Чья это? — еще не отдышавшись, спросил Муми-тролль.

— Ничья! — торжествующе ответил Муми-папа. — Ее прибило к нашему берегу, а по закону, кто первый нашел остатки кораблекрушения, тому они и принадлежат. Значит, она наша!

— Ей надо дать имя! — воскликнула фрекен Снорк. — Что, если назвать ее «Дорогуля»? Прелесть какое имя!

— «Дорогулю» оставь для себя, — презрительно отозвался Снорк. — Предлагаю назвать ее «Морской орел».

— Нет, тут непременно нужна латынь! — воскликнул Хемуль. — «Muminates Maritima»!

— Я первый ее увидел! — вскричал Снифф. — Мне и выбирать! Назовем ее «Снифф» — коротко и ясно. Будет жутко забавно!

— Что жутко, так это точно, — издевательски заметил Муми-тролль.

— Тихо, дети! — сказал Муми-папа. — Тихо. Разве не ясно, что название лодки должна выбрать мама? Ведь это она вытащила нас на прогулку.

Муми-мама так вся и зарделась.

— Куда уж мне, — застенчиво сказала она. — Вот Снусмумрик — тот действительно имеет богатое воображение. Уж, конечно, он придумает название лучше меня.

— Право, не знаю, — сказал польщенный Снусмумрик. — По правде говоря, первое, что мне пришло в голову, это «Крадущийся волк» — исключительно стильно.

— Нет, — сказал Муми-тролль, — пусть мама выберет.

— Хорошо, мое золотко, — сказала Муми-мама. — Только не говорите потом, что я глупа и старомодна. Мне казалось, имя лодки должно напоминать нам о том, что она нам даст, ну я и подумала, что ее следует назвать «Приключение».

— Здорово! — сказал Муми-тролль. — Давайте так и назовем ее и отпразднуем это! Мамочка, есть у тебя что-нибудь, что могло бы сойти за шампанское?

Муми-мама обшарила все свои корзины.

— Какая жалость! — воскликнула она. — Похоже, я забыла дома фруктовый сок!

— А ведь я спрашивал, не забыла ли ты чего! — строго сказал Муми-папа.

Все ужасно расстроились. Плавание под парусами на новой лодке, не окрещенной по всем правилам, может закончиться плачевно.

И тут Муми-тролля осенило.

— Давай мне кастрюли, — сказал он, наполнил кастрюли морской водой и отправился в грот. Вернувшись, он подал папе кастрюлю и сказал: — Ну-ка попробуй!

Муми-папа отпил глоток и просиял от удовольствия.

— Откуда это у тебя, сынок? — спросил он.

— Секрет! — ответил Муми-тролль.

Они наполнили волшебной водой банку из-под варенья и разбили ее об нос лодки. Муми-мама гордо продекламировала: «Сим крещу тебя на вечные времена, и имя тебе «Приключение» (такова формула крещения у всех муми-троллей), и все закричали «ура!». Затем корзины, одеяла, зонтики, удочки, подушки, кастрюли и плавки погрузили на борт, и Муми-семейство с друзьями поплыли по пустынному зеленому морю.

Погода стояла чудесная, хотя и не совсем ясная, потому что солнце было затянуто легкой золотистой дымкой. С туго натянутым парусом «Приключение» стрелой неслось к горизонту. Волны звучно плескались в его борта, в снастях свистел ветер, а вокруг носа плясали русалки.

Снифф связал шнурком свои игрушечные суденышки одно за другим, так что в кильватере у них плыла целая флотилия. Муми-папа рулил, Муми-мама дремала. Ведь очень редко случалось, чтобы вокруг нее было так спокойно. В вышине над ними кружили большие белые птицы.

— Куда мы держим путь? — спросил Снорк.

— Давайте поплывем на какой-нибудь маленький остров! — попросила фрекен Снорк. — Я еще никогда не бывала на острове!

— Ну что ж, теперь ты имеешь такую возможность, — сказал Муми-папа. — Высадимся на первом же острове, который увидим.

Муми-тролль свесился с носа, пытаясь рассмотреть морское дно. Это было страшно интересно — глядеть в зеленоватую толщу воды, которую рассекал нос лодки, распуская в стороны белые усы пены.

— Я иду под парусами! — кричал Муми-тролль. — Мы плывем на остров! Пи-хо!

Далеко в море, окруженный бурунами и подводными мелями, лежал необитаемый остров хатифнаттов. Раз в год хатифнатты собирались на нем, перед тем как вновь отправиться в свои бесконечные странствия вокруг света. Они стекались сюда со всех концов земли, безмолвные и серьезные, с маленькими белыми пустыми лицами. Зачем им эти ежегодные съезды, трудно сказать: хатифнатты

не могут ни слышать, ни говорить, а взгляд их всегда направлен на что угодно, только не к той далекой цели, к которой они стремятся. Быть может, им просто хочется иметь место, где можно чувствовать себя как дома, где можно немного отдохнуть, повидаться со знакомыми? Съезды эти всегда происходят в июне, и вот случилось так, что Муми-семейство и хатифнатты прибыли на остров почти одновременно. Пустынный и манящий, возник он из моря в нарядном венце белоснежного прибоа и зеленых куш.

— Земля! — крикнул Муми-тролль.

Все потянулись через борт посмотреть.

— Тут есть пляж! — воскликнула фрекен Снорк.

— И отличная гавань! — сказал Муми-папа.

Изящно лавируя между отмелями, он провел лодку к берегу. Ее нос мягко ткнулся в песок. Муми-тролль прыгнул с фалинем (так называется трос, которым лодка крепится к причалу) на сушу, и вскоре берег ожил, наполнился суетой и бурной деятельностью. Муми-мама сложила из камней очаг, чтобы подогреть олады, натаскала дров, расстелила на песке скатерть и на каждый угол положила по камню, чтобы ее не унесло ветром. Затем расставила чашки, закопала банку с маслом в сырой песок в тени от скалы и под конец украсила стол букетом береговых лилий.

— Мы ничем не можем тебе помочь? — спросил Муми-тролль, когда все приготовления были закончены.

— Вы должны обследовать остров, — сказала Муми-мама (уж она-то знала, чего им больше всего хочется). — Очень важно знать, куда мы попали. Вдруг нам грозит какая-нибудь опасность?

— Верно, — сказал Муми-тролль, и они втроем — он, фрекен Снорк и Снифф — пошли вдоль южного берега, а Снусмумрик, любивший делать открытия в одиночку, — вдоль северного. Хемуль взял лопату, зеленую коробку для растений, увеличительное стекло и направился прямо в лес в надежде найти там диковинные, еще никем не открытые растения.

Муми-папа устроился на камне поудить. Солнце незаметно склонялось к закату, золотистая дымка над морем сгушалась.

В самой середине острова расстилалась ровная зеленая лужайка, окруженная цветущим кустарником. Это и было тайное место встреч хатифнаттов, где они собирались раз в год в середине лета. Их явилось уже сотни три, и ожидалось прибытие еще примерно четырехсот пятидесяти. Они молча ходили по траве и церемонно раскланивались друг с другом. Посреди лужайки стоял высокий, выкрашенный в синий цвет столб, а на нем висел большой барометр. Всякий раз, проходя мимо барометра, хатифнатты низко кланялись ему (и это выглядело очень смешно).

А Хемуль тем временем бродил по лесу, собирая редкие цветы, пестревшие вокруг. Это были совсем не те цветы, что в Муми-доле, о нет, отнюдь нет! Посмотреть только на эти тяжелые серебристо-белые соцветия, словно отлитые из стекла, на эти двудольные чудо-цветы сумеречных тонов, на эти малиново-

черные венчики, похожие на корону! Но Хемуль не видел всей этой красоты; он знал считал лепестки-тычинки и бормотал про себя: «Это будет номер двести девятнадцать в моем гербарии».

Так вышел он на поляну хатифнаттов и побрел по ней, рьяно высматривая в траве редкие растения, и поднял глаза только тогда, когда стукнулся головой о столб. Тут только он с изумлением огляделся вокруг. Впервые в жизни он видел столько хатифнаттов зараз. Они кишели повсюду и смотрели на него своими маленькими блеклыми глазками. «Интересно, злые они или нет? — с беспокойством подумал Хемуль. — Маленькие-то они маленькие, да уж больно их много!»

Хемуль осмотрел столб и висевший на нем большой блестящий барометр красного дерева. Барометр показывал дождь и ветер. «Странно», — подумал Хемуль, шурясь от блеска солнца, и щелкнул по барометру. Стрелка сильно упала. А хатифнатты угрожающе зашипели и сделали шаг в сторону Хемуля.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — испуганно сказал Хемуль. — Я вовсе не собираюсь отнимать у вас барометр!

Но хатифнатты не слышали его и сделали еще шаг в его сторону, шеренга за шеренгой, шипя и размахивая лапами. Хемуль страшно перетрусил и огляделся — как бы убраться восвояси. Враг окружал его стеной и подступал все ближе. А между деревьями мелькали все новые и новые хатифнатты, безмолвные, с неподвижными лицами.

— Пошли прочь! — крикнул Хемуль. — Кыш! Кыш!

Но хатифнатты продолжали беззвучно приближаться. Тут уж Хемуль подобрал свои юбки и давай карабкаться на столб. Столб был скользкий и грязный, но страх придал Хемулю нехемульскую силу, и вот уж он сидит, дрожа, на верхушке столба и держится за барометр.

Хатифнатты подступили к столбу вплотную и ждали. Словно белый ковер, они покрывали собой всю поляну, и Хемуль содрогнулся при мысли, что будет, свались он на землю.

— Караул! — крикнул он слабым голосом. — Спасите! Помогите!

Лес безмолвствовал.

Тогда Хемуль сунул два пальца в рот и засвистел. Три коротких свистка, три длинных и опять три коротких: SOS...

Снусмумрик, шедший по северному берегу острова, уловил сигнал бедствия и поднял голову, прислушиваясь. Определив направление, он стремглав бросился на помощь. Слабый вначале, свист становился все явственнее. «Теперь где-то совсем близко», — подумал Снусмумрик и стал осторожно красться вперед. Между деревьями открылся просвет, и он увидел поляну, хатифнаттов и Хемуля, уцепившегося за верхушку столба. «Ну и дела», — пробормотал про себя Снусмумрик и крикнул:

— Эй! Я здесь! Как тебя угораздило настроить незлобивых хатифнаттов на столь воинственный лад?

— Я только щелкнул по их барометру, — жалобно откликнулся Хемуль. — Стрелка упала. Попробуй прогнать этих противных тварей, милый Мумрик!

— Сейчас подумаем, — ответил Снусмумрик.
(Хатифнатты не слышали ни слова из их разговора, ведь ушей-то у них нет.)
Немного погодя Хемуль крикнул:
— Думай скорее, Мумрик, я, того и гляди, сползу вниз!
— Ну так вот, — сказал Снусмумрик. — Помнишь, как у нас в саду завелись полевые мыши? Муми-папа вкопал тогда в землю много столбов и поставил на них пропеллеры-вертушки. Когда пропеллеры завертелись, их дрожание переда-лось земле, у мышей сдали нервы, и они убралась восвояси!
— Ты всегда так интересно рассказываешь, — с горечью отозвался Хемуль. — Только, хоть убей, не пойму, какое это имеет отношение к моему бедственному положению!
— Самое непосредственное! — ответил Снусмумрик. — Неужели не понимаешь? У хатифнаттов нет ни дара речи, ни слуха, только зрение, да и то совсем никудышное. Зато у них очень тонкая способность ощущать! Попробуй потряси столб маленькими толчками! Хатифнатты непременно почувствуют дрожание земли и испугаются. Будь спокоен, это проберет их до самых печенок. Они чувствительны, как радиоприемник!
Хемуль попробовал пошатать столб.
— Я свалюсь! — боязливо крикнул он.
— Сильней, сильней! — крикнул Снусмумрик. — Маленькими толчками!
Хемуль затряс столб, и немного погодя у хатифнаттов появилось неприятное ощущение в ногах. Они еще сильнее зашипели, беспокойно задвигались и наконец побежали все разом очертя голову.
Поляна опустела в мгновение ока. Хемуль почувствовал такое облегчение, что, сам того не ведая, разжал руки и мешком плюхнулся на траву.
— О, мое сердце! — запричитал он. — Оно опять ушло в пятки! С тех пор как попал я в Муми-семейку, так ничего хорошего и не вижу, кругом беспорядки да опасности!
— Нишкни, — сказал Снусмумрик. — Ты еще дешево отделался.
— Ух, негодные твари, — разорвался Хемуль. — Ну уж барометр-то я прихвачу с собой, пусть знают наших!
— Лучше не трогай! — предостерег его Снусмумрик.
Но Хемуль уже снял со столба барометр и с ликующим видом сунул его подмышку.
— А теперь — к нашим, — сказал он. — Я страшно проголодался.
Когда Снусмумрик и Хемуль вернулись, все сидели и угощались оладьями и шукой, которую Муми-папа выловил из моря.
— Привет! — крикнул Муми-тролль. — А мы обошли весь остров. На той стороне есть ужасно дикие скалы, уходят прямо в море!
— А мы видели кучу хатифнаттов! — поведал Снифф. — Штук сто, не меньше!
— Не говорите мне о них, — с чувством произнес Хемуль. — Это выше моих сил. Лучше вот полюбуйтесь моим боевым трофеем.

И он с гордостью выложил на скатерть барометр.
— Ой, какая красивая штука! — воскликнула фрекен Снорк. — И какая блестящая! Это часы?
— Нет, это барометр, — сказал Муми-папа. — Чтобы определять, какая будет погода — ясно или гроза. Иногда даже случается, он не врет.
Муми-папа щелкнул по барометру и нахмурился.
— Будет буря!
— Сильная буря? — боязливо спросил Снифф.
— А вот взгляни, — сказал Муми-папа. — Стрелка стоит на ноль-ноль — ниже просто некуда. Разве что он хочет сыграть с нами шутку!
Но, судя по всему, барометр не шутил. Золотистая дымка сгустилась в желто-серую мглу, море на горизонте зловеще почернело.
— Надо немедленно возвращаться домой! — сказал Снорк.
— Не так сразу! — попросила фрекен Снорк. — Ведь мы не успели осмотреть толком скалы на той стороне! Мы даже не искупались!
— Пожалуй, и вправду незачем так торопиться, — сказал Муми-тролль. — Посмотрим, что будет дальше. Ведь это так глупо — открыть остров и сразу домой.
— Но ведь если грянет буря, плыть будет нельзя! — резонно заметил Снорк.
— Вот и хорошо! — воскликнул Снифф. — Тогда мы останемся здесь навсегда.
— Тихо, дети! Я должен подумать, — сказал Муми-папа.
Он спустился к воде, потянул носом воздух, повертел во все стороны головой и нахмурился.
Вдали глухо прогрехотало.
— Гром! — сказал Снифф. — Ой, страшно!
Над горизонтом стеною вздымалась грозная черно-синяя туча и гнала перед собой клочья светлых облаков. Время от времени море озарялось бледным светом зарниц.
— Остаемся! — решил Муми-папа.
— На всю ночь? — обрадовался Снифф.
— Да, пожалуй, — сказал Муми-папа. — А теперь живо строить дом, скоро нас накроет дождем!
Они вытащили лодку на берег и на опушке леса мигом соорудили дом из паруса и одеял. Муми-мама законопатила мхом все щели. Снорк окопал дом канавой для отвода воды. Все носились между лодкой и домом, перетаскивая вещи в укрытие. По лесу прошел ветерок, листья деревьев тревожно зашелестели. Громовые раскаты слышались все ближе и ближе.
— Схожу на мыс, посмотрю погоду, — сказал Снусмумрик.
Он потуже надвинул шляпу на уши и ушел. Счастливый в своем одиночестве, выбрался он на далеко выдвинутый в море мыс и встал, опершись спиной о скалу.
Лик моря изменился. Оно сделалось черно-зеленым, пенилось верхушками волн, подводные отмели отсвечивали желтым фосфорическим светом. Под

величественные раскаты грома гроза надвигалась с юга. Она распускала над морем свои черные паруса и вырастала вполнеба, зловеще сверкая молниями.

«Идет прямо на остров, — подумал Снусмумрик, трепеща от радости и тревожного ожидания. Он зажмурился и представил себе, что парит высоко-высоко на гребне тучи-стены: — Могучий, проносишься ты над морем в шипении молний».

Солнца уже не было видно. Дождь серой завесой стремительно набегал с моря.

Снусмумрик повернулся и во весь дух припустил обратно.

В палатку он юркнул в самый последний момент: тяжелые капли дождя уже барабанили по брезенту, хлопавшему на жестоком ветру. Хотя до вечера было еще далеко, все вокруг погрузилось во мрак. Снифф с головой закутался в одеяло — так страшно ему было. Остальные, наохлившись, жались друг к дружке. Чудо-цветы Хемуля благоухали на всю палатку. Теперь буря бушевала совсем близко. Палатка непрестанно озарялась белыми вспышками молний. Гроза с грохотом катала по небу железные вагоны, море сердито бросало на остров свои самые большие валы.

— Слава богу, что мы не вышли в море, — сказала Муми-мама. — Ну и погода!

Фрекен Снорк, вся дрожа, вложила свою лапу в лапу Муми-тролля, и он чувствовал себя мужественным покровителем.

А Снифф лежал под одеялом и ревел.

— Теперь она прямо над нами! — сказал Муми-папа.

И в тот же миг над островом с шипением вспыхнула гигантская молния. За нею последовал оглушительный треск.

— Ударила прямо в остров! — сказал Снорк.

Это уж было действительно чересчур. Хемуль сидел, обхватив лапами голову, и бормотал:

— Беспорядки! Кругом беспорядки!

А гроза уходила на север. Все отдаленнее слышались громовые раскаты, молнии сверкали не так ярко, и вот уже только дождь шумит вокруг да море ревет у берегов.

— Вылезай, Снифф, — сказал Снусмумрик. — Гроза прошла.

Снифф, хлопая глазами, выпутался из одеяла. Ему было чуточку совестно, что он так ужасно ревел, и он зевал и почесывал у себя за ушами.

— Который час? — спросил он.

— Без малого восемь, — ответил Снорк.

— Ну так давайте укладываться спать, — сказала Муми-мама. — Столько волнений за один день!

— А мне страшно хочется установить, куда ударила молния, — сказал Муми-тролля.

— Завтра! — ответила мама. — Завтра ты все установишь и поплаваешь в море. А сейчас на острове сыро, уныло и неприятно.

И она подоткнула всем под ноги одеяла и заснула, положив свою сумку под подушку.

А дождь снаружи лил все сильнее и сильнее, и странные, удивительные звуки вплетались в рев волн: голоса, топот бегущих ног, смех и бой больших часов где-то на море. Снусмумрик лежал неподвижно, слушал, мечтал и вспоминал свои кругосветные путешествия. «Скоро я снова отправлюсь в путь, — подумал он. — Только еще чуточку подождать».

Г. САПГИР

Небылицы в лицах

— Здорово, Никодим!

— Здорово, Егор!

Откуда идешь?

— С кудыкиных гор.

— А как у вас, Егор, поживают?

— На босу ногу топор надевают,

Сапогом траву косят,

В решете воду носят.

Наши сани

Едут сами,

А лошади наши — с усами,

Бегают в подполье за мышами.

— Да ведь это кошки!

— Комара тебе в лукошке!

Наши кошки живут в гнезде,

Летают везде.

Прилетели во двор,

Завели разговор:

«Кар, кар!»

— Да ведь это ворона!

— Мухомор тебе вареный!

Наша-то ворона ушаста,

В огороде шастает часто

Скок да скок

Через мосток,

Белым пятнышком — хвосток.

— Да ведь это зайчишка!

— В нос тебе еловая шишка!

Нашего зайца

Все звери пугаются.

Прошлой зимою в лютый мороз

Серый зайчище барана унес.

— Да ведь это волк!

— По лбу тебе щелк!

Неужели не слышал никогда ты,

Что волки у нас рогааты?

Волк трясет бородой,

Пообедал лебедой.

— Да ведь это козлище!

— Щелчков тебе тыща!

Наш козел

Под корягу ушел,

Хвостом шевелит,

Ставить сети не велит.

— Да ведь это налим!

— Нет, не налим.

Мы про налима не так говорим.

Налим Никодим

Гордится собою,

Налим Никодим

Носит шапку соболью.

Ни перед кем ее не ломает

И шуток тоже не понимает.

Как лягушку продавали

Лягушка —
Зеленая спинка
Гуляла в лесу
По тропинке.
Увидела
Рваный ботинок.
Влезла
И поехала на рынок...
Подъезжает
К овощной палатке.
Из ботинка
Скок —
И на прилавке.
Сидит
Лупоглазое чудо.
Все видно лягушке
Отсюда.
Вот по рынку идет
Старушонка,
В корзинке несет
Поросенка.
— Ну-ка, свешай-ка,
Отец,
Этот славный огурец!
Продавец лягушку —
За лапку.
А лягушка
Прыг — и на бабку.
Бабка подскочила,
Завопила,
Поросенка
В лужу уронила.
Завизжал,
Побежал
Поросенок,
Опрокинул
Порожний бочонок.
Покатился бочонок.
Дзынь!
Бом! —

Крынки.
Суматоха поднялась
На рынке.
Катится бочонок,
Мчится хрюшка,
А за нею прыгает
Лягушка.
— Ах, ты батюшки! —
Кричит старушонка.
— Задержите
Моего поросенка!
— Эй, ловите! —
Кричит продавец.
— Ускакал
Мой зеленый огурец.
— Го-го-го!
Гогочут гусыни.
Хрюкают арбузы
И дыни.
Тут пошла такая
Суматоха,
Что в бочонок спряталась
Хрюшка,
А за нею прыгнула
Лягушка,
А за ней — продавец
И старушка.
А за ними вслед —
Арбузы, дыни,
Утки,
Куры, петухи,
Дядьки, тетки,
Пареньки, девчонки...
Весь базар очутился
В бочонке.
Только слышно оттуда
Слова:
— Го-го-го!
— Хрю-хрю-хрю!
— Ква-ква-ква!

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ

Кот, который умел петь

Жил-был Кот, который умел петь и пел вечерами для своей знакомой кошки.
Но его знакомая кошка не обращала на него никакого внимания и не выходила гулять, а целыми вечерами сидела и смотрела телевизор.

Тогда кот решил сам спеть по телевизору. Он пришел на телевидение петь, но ему там сказали:

— Мы с хвостами не берем.

Кот сказал:

— Это пара пустяков.

Он зашел за угол, подвязал хвост к поясу и снова пришел на телевидение.

Но там ему опять сказали:

— С какой стати у вас лицо полосатое? На экране это будет выглядеть странно — все подумают, что это у них телевизоры испортились.

Кот сказал:

— Это пара пустяков.

И он снова зашел за угол, потерялся о белую стену и стал белый, как стена.

Но на телевидении ему опять сказали:

— Что это еще за меховые варежки у вас?

Тогда кот разозлился и сказал:

— Меховые варежки? А вот это вы видели?

И высунул свои длинные острые когти. Ему сказали:

— Ну, знаете что, с такими ногтями мы вообще на телевидение петь не берем.

Всего вам хорошего!

Кот тогда сказал:

— А я вам все ваше телевидение тогда испорчу!

Он залез на телевизионную вышку и стал оттуда кричать:

— Мяу! Мрряу! Фрряу! Пш-пш! Ку-ку! До-ре-ми-фа- соль!

И все передачи телевидения стали путаться. Но зрители терпеливо сидели и смотрели.

А кот кричал все громче, из-за этого все еще более перепуталось, и диктора показали вверх ногами.

Но зрители терпеливо сидели и смотрели, только головы перевернули так, чтобы было видно перевернутое изображение.

В том числе это сделала и котова знакомая кошка.

А кот прыгал и бегал по телевизионной вышке, и передачи от этого стали не только перевернутые, но и перекошенные.

И все зрители в ответ перекошились, чтобы удобней было смотреть перекошенное изображение.

И котова знакомая кошка тоже вся, бедная, перекошилась.

Но затем кот задел на вышке лапой какое-то хитросплетение, и телевизоры испортились и погасли.

И все тогда вышли на улицу гулять.

И знакомая котова кошка тоже вышла погулять со своей перекошенной внешностью.

Кот увидел это с высоты, спрыгнул, подошел к своей знакомой и сказал:

— Гуляете?

И они стали гулять вдвоем, и уж тут-то кот спел ей все песни, какие хотел.

❧ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОМПОНЕНТ ❧

Фольклор

«Ой, зачем ты, жаворонок...»

Ой, зачем ты, жаворонок,
С юга прилетел?
Ой, зачем ты, жаворонок,
О весне запел?
Еще в горах
Снежиночки летят,
Еще в долинах
Льдиночки лежат...
— Я снежиночки
Крыльшками размечу,
А после
Льдиночки
Ножками растопчу.

Веснянка

А уж ясно солнышко
Припекло, припекло
И повсюду золото
Разлило, разлило.
Ручейки на улице
Все журчат, все журчат.
Журавли курькают
И летят, и летят...
Расцвели подснежники
Да в песке, да в леске.
Скоро всей земелюшке
Быть в венке, быть в венке.
Ой, солнышко-батюшка,
Угоди, угоди.
А земелица-матушка,
Уроди, уроди.

Произведения поэтов Приднестровья

Г. ГУРСКИ

Колыбельная

Спи, мой маленький малыш.
Отчего же ты не спишь?

Видишь, львенок задремал,
За день он играть устал.

Дремлет канарейка в клетке,
Воробей заснул на ветке.

И гляди: сейчас уснет
Пес Тэркуц и рыжий кот.

Только звезды в облаках
Будут сторожить нас в снах.

И, конечно, светлячок
Станет жечь свой фитилек,

Освещать дорогу в снах
На заоблачных конях.

Письмо Деду Морозу

Дед Мороз! По секрету пишу.
Не для себя я подарок прошу.
Мерзнет мой песик, особенно лапки,
Может, пришлешь меховые ты тапки.
Можешь прислать сапоги или валенки,
Только размера для самых для маленьких,
Чтобы в мороз и в пургу в январе
Было уютно ему в конуре.

С. АНДРЕЕВА

Котофей

У меня есть Котофей.
Он на свете всех хитрей.
Он на свете всех мудрей.
Кот на крыше все сидит
И на кошечек глядит:
«Приходите ко мне, кошки,
Помяукаем немножко!»
Кошки бантики надели
И на котика смотрели.
Ну а ночь когда настала, —
Все большой концерт нам дали!

Н. БОЖКО

Загадки

Мы в Кицканский лес пошли,
Очень странный холм нашли
Из сухой травы и веток,
Он привлек внимание деток.
Подошли к нему поближе —
Этот холм был очень рыжий,
Подскажите нам скорей,
Кто живет там?

(Муравей)

У нее совсем нет ножек,
Но зато есть пара рожок.
Не спеша она ползет,
На спине свой дом несет.

(Улитка)

Ёж

Еж под деревом лежит,
Словно паровоз пыхтит.
Он свернулся там в клубок,
Показав колючий бок.

Подбежал к нему Барбос,
Уколол свой черный нос.
Иглы колкие, как нож,
Нос на грушу стал похож.

М. СЫНГАЕВСКИЙ

Помощница

Рано-рано встану я,
В сад гулять пойду.
Яблоки румяные
Соберу в саду.
Солнце улыбается
Каждому кусту.
Маминой помощницей
Я в семье расту.

Н. КУЛИК

«Я могу нарисовать...»

Я могу нарисовать
Зимнюю картинку,
Нужно белый листик взять,
Краски и резинку.
Здесь катают снежный ком,
Там в снежки играют.
Белый дворик, белый дом.
Белый снег летает.
Баба с веником в руке,
Красный нос — морковка,
Зайчик белый вдалеке,
Получилось — ловко.
Белый снег нарисовал,
Елку на снегу.
До чего же я устал,
Больше не могу!

И. ТКАЧЕНКО (ИЩУК)

Ай да Коля!

Говорит гусь Коле:
— Пошел бы ты умылся, что ли.

Говорит Коле утка:
— Смотреть на тебя жутко.
Говорит Коле кошка:
— Дай полижу тебя немножко.
А свинья от смеха давится:
— Мне мальчик очень нравится!

Кошки

Люди — это тоже кошки.
Кошки — это мы немножко.
Вот два уха, вот два глаза,
Только ног четыре сразу.
Черные носки на лапах,
С белой дыркой, как у папы.
Шуба, шубка меховая,
Как у мамы, из Китая.
И, как я, мечтает кошка,
Примостившись у окошка.

Кольцо

Во дворе вчера Аленка
Хвасталась своим кольцом,
Дорогим, резным и тонким
С серебристым ободком.
Долго думала я дома
И фломастеры взяла,
Желтым, красным и зеленым
Я все пальцы обвела.
Пусть завидует Аленка,
Где за мной угнаться ей?
У меня цветных и тонких
Десять дорогих перстней.

Что такое лето?

Что такое лето?
Это много света,
Солнце в окнах, в речке,
В золотом колечке,
В зеркальце играет,
Зайчиков пускает.

Что такое лето?
Зеленая карета
Пробежала по лугам,
По полям и по лесам,
Нам, оставив наяву
Листья, стебли и траву.

Что такое лето?
Это три куплета
Каруселей и кино,
Моря, песен, эскимо
Из трех месяцев игры
Отдохнувшей детворы.

Солнечный зайчик

Появился в доме зайчик:
Он из солнечного дня
Прыгнул в зеркальце случайно
Из открытого окна.

Гость — ужасный непоседа,
Не поймать его никак:
Я за ним по книжкам деда,
По ступенькам на чердак,

По кровати, по подушке
И по папиной спине,
По тарелкам и по кружкам,
По коврику и по стене.

Гость везде побыл по разу
И таких дел наговорил!..
Ну, за что же я наказан?
Что проказника ловил.

Ладонки

Не пойму, как по ладошке
Мама обо всем узнала:
По царапине — что кошку
Я вчера за хвост таскала,

По пятну от шоколадки —
То, что лазила в буфет
И взяла себе украдкой
Десять маленьких конфет.
Даже то, что понарошку
Губы красила с утра,
Рассказали ей ладошки.
Может их помыть пора?

В. КАРАДЖОВ

Колодец

У дороги меж полей
Приютился журавель.
Он колодец охраняет,
Ведро с верхом наполняет
Он холодной водой,
Чистой, вкусной, ключевой.
Видно, добрый человек,
Что колодец сделал,
Памятник себе навек
Смастерил умело.

А. МЯСТКИВСКИЙ

Котики-воркотики

У коты-воркота
Не закрыты ворота.
Не закрыты ворота
Для честного народа.
Приходи, народ, в огород.
И мы придем,
Лебеды нарвем.
Мы наварим кашки
Для веселой пташки.
А когда осока
Вырастет высоко,
Мы у самой реки
Посрезаем стебельки
Да сплетем лукошко
Для тебя, Тимошка.

Б. КРАПЧАН

Лучший самый

Сознательней Серезки
Мальчишки не найти:
Он женщинам поможет
Порядок навести.
Забыв слова «не буду»,
«Мне то не подойдет»,
Он вымоет посуду,
В квартире подметет.
Он мальчик лучший самый,
Хотя и мал совсем.
Старается для мамы,
А помогает всем.

Притвора

Отец подарил мне большого медведя,
И я назвал его ласково Федей.
Когда мне бывает немножечко скучно,
Со мной он играет, рычит добродушно.
Ну, в общем, такой он сознательный
мишка,
С одним недостатком: медлительный
слишком.
Допустим, мне надо гулять отправляться —
Хитрюгу медведя никак не дозваться.
Ну что, посоветуйте, делать мне с ним,
Когда притворяется он неживым?..

Г. ВАСЮТИНСКАЯ

Одуванчик

Одуванчик пухом светится седым.
Только нынче утром был он молодым.
Солнышко ласкало маленький бутон.
Потянулся к небу и раскрылся он.

Каждым часом жизни цветик дорожил.
Золотистый, хрупкий, он не долго жил.
Вспыхнув ярким солнцем, нам отдал тепло.
Семена-пушинки ветром унесло.

А. ШТРО

«Зима пришла!..»

Ой, вся улица бела!
Наконец зима пришла!
Мы ее, конечно, ждали,
Вот и саночки достали.
Надо лишь спросить у мам:
Можно? Можно? Можно ль нам
С белой горки покататься
И в снегу покувыркаться?
А пока что, а пока
Слепим мы снеговика
И его посадим в сани —
Пусть прокатится он с нами!

А.В. МЕДЫНСКИЙ

Мячик

Яркий мячик звонко падал
И подпрыгивал опять,
Было весело ребятам
Этим мячиком играть.

Но однажды приключился
Интересный случай с ним —
Он на крыше очутился
И остался там один.

Не привык на крыше дома
Мячик маленький лежать,
И решил он, что на помощь
Надо голубя позвать:

«Милый голубь, хвостик-веер,
Ты летаешь тут и там,
Помоги мне поскорее
Возвратиться к малышам!»

Удивленный голубь тронул
Белым крылышком его,
Покатился он по склону
К детворе на торжество.

Н. САМОНИЙ

Песнь весны

Птички песни звонко льются,
Слышен целый птичий хор:
Щебетанье, свист и трели...
Веселее стал наш двор!

В небе, будто представленья:
Всюду музыка слышна.
Все вокруг — на удивленье,
Ведь поет сама Весна!

О. ЩЕРБАНЕСКО

Лисичкина зарядка

Есть у солнышка сестричка —
Ярко-рыжая лисичка.
Встало солнце в пять утра:
«Просыпаться всем пора!
Эй, лисичка! Не ленись!
На зарядку становись!»
«Неохота мне вставать,
Мне б еще чуток поспать!».
Тут на мордочку лисе
Зайчик солнечный присел:
Прыг — на ухо, скок — на нос!
Ослепил лису до слез!
«Вот негодный!» — полчаса
Ловит зайчика лиса.
«Что? Поймать не удастся?» —
Солнышко над ней смеется, —
«А побегала на славу!
И зарядка вышла — bravo!».

Произведения писателей Приднестровья

Н. ЕВДОКИМОВА

ДЕВОЧКА И ГНОМ

(Отрывок)

Жил-был город. Это был большой город. Здесь было много высоких каменных домов, разных фабрик и заводов. А по асфальтированным улицам мчались сплошным потоком машины, автобусы, троллейбусы. Их было так много, что перейти улицу можно было только тогда, когда красный огонек светофора командовал машинам «стой!», а зеленый его глазок подмигивал пешеходам: «идите скорее, пока машины стоят!».

Конечно, в этом большом городе жило очень много людей. Они жили в домах, работали на фабриках и заводах, ездили в автомобилях, автобусах и троллейбусах, ходили по его асфальтированным улицам. Город любил людей, привык к ним, хотя от машин, фабрик и заводов городу иногда было трудно дышать, но он прощал это людям. Он ни за что не хотел бы, чтобы люди навсегда уехали и оставили его одного. И люди любили свой город, привыкли к нему и никуда уезжать не хотели. Особенно осенью и зимой: «в городе чисто, везде асфальт, а за городом грязь, лужи, — думали люди, — нет, лучше в городе».

В этом большом городе жила одна маленькая девочка, звали ее Танечка. Она жила, конечно, не одна, а с мамой, папой и бабушкой. Мама и папа работали на заводе и вообще были заняты своими взрослыми делами. Поэтому Таня больше времени проводила с бабушкой. Бабушка всегда находила время для Танечки: и вкусные пирожки для любимой внучки испечь, и погулять с ней в сквере, и сказку прочитать. Однажды бабушка прочитала Танечке сказку про Белоснежку и семь гномов.

— Бабушка, а где живут гномики, в лесу? — спросила девочка.

— Не знаю, — ответила бабушка, — я их никогда не видела. Некоторые даже считают, что их вообще не существует, а люди придумали гномов, чтобы сказки о них писать.

— Не верю! — возразила Таня. — Они обязательно есть!

На следующий день Таня спросила маму:

— Мама, гномики существуют на свете? Где они живут?

— Сказки все это, нет никаких гномиков! — ответила мама.

Тогда Таня пошла к папе.

— Папа, — спросила она, — где живут гномы?

— Какие еще гномы? — не понял папа. — Кто это такие?

— Ты что, сказки про них не читал, когда был маленьким? — удивилась Таня.

— А, сказки, — махнул рукой папа, — выдумки все это.

Танечке стало совсем грустно. Как же это, такие добрые, милые человечки и вдруг — их нет!

«Не может быть! — подумала Таня, — все равно я верю, что они есть!».

С. ПАСЬКО

По Днестру

(Отрывок)

Какими только эпитетами не наделяли поэты Днестр! Седой, древний, вольный, величественный, могучий, стремительный, буйный, быстрый... И вот белоснежный речной трамвай весело бежит меж извилистых, утопающих в зелени берегов. В мутные воды реки задумчиво смотрятся белые тополя, ивы, вербы. Солнце бестолково носится по небосводу. Оно то забегает вперед и бросает лучи прямо в глаза людям, то переносится с одного борта на другой. А иногда оказывается за кормой. Игорек долго смотрел на взбунтовавшееся светило, потом дернул отца за рукав, спросил:

— Пап, чего это оно по небу мечется? Туда-сюда?.. Так же заблудиться можно... сядет еще не туда.

— Не бегают оно.. Это река петляет, — ответила вместо отца Ира...

Присмотрелся Игорек, и правда: станет теплоходик сворачивать за мысок — солнце сорвется и бежит на другую сторону суденышка. Появится новый кривун — солнце снова спешит на прежнее место. Так и час, и второй. Плыли навстречу берега... Леса, сады, речные знаки... С темными шарами, треугольниками. Все так же разрезал теплоход воду надвое, и за кормой тянулся белопенный след. Он приковывал взгляд. Завораживал. Вода была светлая и чем-то походила на серебро.

На левом берегу показался ряд домиков.

— Тирасполь! — воскликнул Анатолий Сергеевич.

— Запомните, ребята, — сказала Марина Андреевна детям. — Тирасполь значит город на Днестре.

Игорь кивнул. Ира недоуменно пожала плечами, она не находила даже отдаленного сходства между Тирасполем и Днестром. Марина Андреевна пояснила:

— Раньше, давно-давно Днестр назывался Тирасом. Потом это название изменилось... Тирас стал Данастрасом... Данастрас — Днестр. Похоже? Ну вот.

Б. ЧЕЛЫШЕВ

ДЕРЕВЬЯ В ЗИМНЕМ СЕРЕБРЕ

Стоял небольшой мороз, когда я, взяв у товарища лыжи, выехал за город. Все установилось в природе и вошло в свою колею.

Тянул ветерок, еще больше покрывая землю белой пеленою.

Снежная пыль прикрывала лыжню, и мне казалось, что, перебираясь с холма на холм, можно забыть и дорогу.

Но вот — посадка акаций. Возле нее, как часовые на посту, стоят кем-то посаженные голубые ели. Даже ветерок на минуту замолчал, и стало торжественно-тихо. Совсем как в стихах Пушкина: «Мороз и солнце, день чудесный», «деревья в зимнем серебре», «великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит».

Здесь, за городом и снег-то чище, плотнее, и кусты склонили задумчиво головы, нахлобучив белые папахи!

Тот, кто не побывает зимним днем в лесу или хотя бы за городом, проживет зиму, не увидев самой зимы!

М. КОЦЮБИНСКИЙ

О двух козлятах

По одному берегу идет к речке белый козлик, а по другому берегу — черный козлик. И первый хочет перебраться через речку, и второй. А через речку — пере-кладина. Такая узенькая, что только одному можно перейти, а двоим тесно.

Не пожелал белый козлик подождать, пока пройдет по перекладине черный, а черный тоже не захотел дожидаться, чтобы перешел белый.

Вдвоем ступили на перекладину, сошлись посередине, да и ну один другого лбами и рожками бить! Бились, бились, да и кончилось тем, что оба в воду свалились и утонули.

Две козочки

А две козочки — эти были поумнее. Встретились они на узенькой тропинке. По одну сторону тропинки — глубокий ров, по другую — высокая и крутая гора. Разминуться никак нельзя.

Постояли они, постояли, подумали-подумали, а потом одна козочка стала на колени, перевернулась набок, легла на тропинке и прижалась к склону.

Тогда вторая осторожно переступила через нее, а затем лежавшая встала и пошла.

Н. ДЕНДЕМАРЧЕНКО

Что такое ноты?

Мы хотим рассказать тебе о музыке. Ты слышал, как поет дождик по стеклу, как звенит по крышам? Слышал, как по утрам радуются солнцу птицы? Как звенит весенняя капель? И даже ты иногда напеваешь любимую песенку. А вот, чтобы записать мелодию, нужно научиться нотам. Нот всего семь. И зовут их: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Самая низкая *до* живет у дороги к нотному стану, на добавочной линейке. Рядом с ней соседка *ре*. *Ми* построила себе домик на первой линейке. *Фа* поселилась у нее на крыше. А голосистая нота *соль*, у которой хранятся все ключи от музыкальных тайн, устроилась на второй линейке. Иногда она приглашает соседок с верхних этажей *ля* и *си* посоревноваться в пении с птицами.

Ноты живут дружно. И если ты захочешь сыграть песенку, они придут к тебе на помощь. Главное запомнить, где они живут. Потому что они очень не любят, когда их путают, ведь они такие разные!

И. ТКАЧЕНКО (ИЩУК)

Как Мишка весну раскрасил

В мишкиной берлоге все еще спали, когда он проснулся. Проснулся, потянулся. Почему никто не встает? Папа спит. Мама во сне бормочет. Дед похрапывает. А братишка лапой чмокает.

Одел Мишка шарф и вышел на улицу. А там белым-бело. Только черная сорока на ветке прыгает, снег стряхивает:

— Сколько спать можно, пора весне прийти!

Некому бедняжке помочь.

Тут из дупла белка выскочила. Все запасы кончились. Ой, как белке весна нужна, семечки все под снегом спрятались.

Зайчик на опушке остановился. Лапки от холода потирает:

— Когда весна придет?

— Может, позвать ее? — спрашивает белочка.

— Ничего у вас не получится, — говорит сорока, пока дедушка-медведь лес не раскрасит.

Тут вспомнил Мишка, что у бабушки под кроватью краски лежат. И бегом в берлогу. Достал он оранжевую банку, обмакнул кисточку. На небе оранжевое солнце засияло, протянуло теплые лучи лесу. Обмакнул мишка кисточку в синюю краску. По полянке ручей побежал. Вот уже не один, два, три ручейка в речку бегут.

А Мишка уже зеленую банку несет. Травка зеленая на земле проклюнулась. Почки на деревьях набухли. Заяц по травке скачет, кувыркается. Мишка ему белую шубку на серую перекрасил, чтобы незаметнее среди серых деревьев был. Белочке кисточки на ушах подкрасил. А сороке клюв лаком натер. Хотел Мишка еще желтую краску взять, одуванчиков по полянке нарисовать. А дедушка-медведь проснулся:

— Ты что это, сорванец, за красками тянешься!

А Мишка ему:

— Я весну рисую!

Вышел дедушка-медведь на улицу и ахнул: на поляне в траве зеленой зайчики подснежники собирают белочкам в подарок, сорока у ручья перышки чистит. Солнышко светит, облака в догонялки играют.

— Молодец, Мишка! — похвалил его дедушка, — быть тебе настоящим художником, — и вручил внуку краски и кисточки, которыми в прошлые года весну зарисовывал. Проснулись Мишкины мама и папа, выбежал братик из берлоги. Здравствуй, солнышко! Здравствуй, весна!

☞ МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ☜

Аист и гроздь винограда

(Молд. нар. легенда)

Давным-давно, во времена турецких завоеваний, свирепые янычары осадили молдавскую крепость Городище. Долго сопротивлялись защитники цитадели... Но вот у осажденных истощился запас провианта. Вышла вода. Им грозила смерть от голода и жажды. Неприятель готов был торжествовать.

И вдруг стая белых аистов неожиданно явилась в небе, — турки со страху припали к земле. Сотни аистов несли в клювах тяжелые гроздья с окрестных виноградников и бросали их людям за стенами крепости. Молдавские воины были спасены. Чудотворный виноград вернул им утраченные силы, и они снова бросились в битву. Янычары не могли устоять перед яростными вылазками осажденных и отступили от Городища.

С тех пор аист — эта прекрасная птица — стал для нас олицетворением счастья и удачи.

Щегол

(Молд. нар. легенда)

При начале мира все птицы были белыми. Однажды позвал их птичий царь и стал раскрашивать в краски разных цветов и давать разные имена. К вечеру, когда работа была закончена, и хотел он краски убрать, появилась вдруг еще одна усталая птичка. Она не прилетела вместе со всеми потому, что, охотясь за мышками, запуталась в шипах и колючках и насилу выбралась.

Тогда птичий царь, видя, что она опоздала не по лени или из-за непослушания, обмакнул кисточки во все оставшиеся краски и разукрасил ее. Оттого теперь у щегла есть и белые, и карминовые¹, и желтые, и красные перышки.

Корзина раков

(Молд. нар. побасенка)

Позвал как-то боярин верного своего слугу Тындалэ, подал ему корзину раков и записку.

— На вот, — говорит, — иди напрямиком ко двору пыркэлаба (староста), снеси от моего имени. Понял?

— Понял, барин, — отвечает Тындалэ.

¹Карминовый — разновидность красного цвета.

Свернул аккуратно записку, взвалил корзину на спину и пустился в путь. Дорога дальняя, корзина тяжелая — решил Тындалэ передохнуть. Присмотрел дерево у пруда, скинул корзину с нагруженного плеча и прилег. Глаза сами собой закрылись, а раки, почуяв воду, все до одного выбрались из корзины и попятились в пруд.

Протер Тындалэ глаза, а раков как не бывало. Взяла его досада, принялся он их искать. Пошарил в траве, побродил по воде — нет раков и в помине. Как тут быть? Побрел он все же к пыркэлабу, — письмо хоть, думает, снесу.

Прочел пыркэлаб письмо, глянул на Тындалэ:

— Тут, в письме, корзина раков?!

— Ты гляди, я-то их по всему берегу ищу, не знал, что они тут, в бумаге...

— Раки в корзине должны быть.

— Хорошо еще — в письме отыскались, а то я уж нигде не чаял их найти. Так что бывайте здоровы, при письме, значит, и при раках.

Кто больше?

(Из сборника молдавских сказок Гр. Ботезату)

Может, то было, а может, и не было — разницы нету меж быльёю и небыльёю. Но, говорят, жил человек и выросли у него три сына. Трудно приходилось им — по неделе одним бубликом сыты бывали. Да еще велась у них в хозяйстве кобылешка, не конь-огонь, а так, серая кляча, тащившая все мужицкие заботы.

И умер старик по прошествии жизни.

Сыновья оплакали его, как должно, проводили на вечный отдых и, вздыхая, вернулись домой. Смотрят — на дворе кляча мыкается.

— Вот бедолага, — говорит старший, — три дня не поена ходит.

И решили парни сводить ее на водопой.

Кляча эта на других лошадей была не похожа. Ни много ни мало — три дня пути от головы до хвоста.

Вышел старший брат на заре и едва-едва завидел к вечеру передние копыта. Говорит он среднему брату:

— Отведем мы, наконец, этого одра к воде или нет? У него уже глаза на лоб лезут от жажды.

Ходко пошел с утра второй брат и на закате добрался до задних ног. А там младший его поджидает.

— Иди, малый, поживее, а то у кобылы все ребра наружу — пить хочет.

С росой вышел в путь младший и в сумерки дошел-таки до хвоста. По пути сломал он хворостинку и погнал лошадку к морю. Как дорвалась она до воды, так и не отходила от нее — все пила. Пила день, пила другой, пила девять дней, пока все море не выпила. Только дно безоглядное осталось, и на нем рыба бьется, хвостом машет. Разинула она пасть и ненароком проглотила кобылу, как муху. В это время в небе пролетал орел и увидел рыбу. Стрелой он кинулся вниз, упал

камнем, схватил ее острыми когтями и понес через высокие горы, через глубокие долины в свое гнездо на вершине могучего дуба. Мясо склевал, а кости вниз бросал. На ту пору под дубом спал полдненным сном прохожий пастух. Только он проснулся — косточка в глаз попала. Показалось пастуху, будто его что-то кольнуло. Он поднялся, поморгал глазами — нет, не проходит. На счастье, поблизости рыбаки из реки сети тянули. Пастух поманил их посохом и говорит:

— Люди добрые, выньте мне соринку из глаза.

Взялись рыбаки помочь ему в беде. Закинули невод в око, повели раз, повели другой, а на третий — вытянули кость. Повертел ее пастух в пальцах — чепуховинка, и смотреть-то не на что. Взял да и выбросил.

Это все присказка, а сказка будет впереди.

Бродили по свету цыганы. Шли, шли и набрали на брошенную кость. Видя, что место доброе, чистое, светлое, стали они на кости табором, разбили шатры, развели костры, поставили наковальни — словом, устроились надолго. Как назло, пробежал поблизости волк. Учужал он рыбный дух и вцепился в кость. Зашатался табор, повалились шатры, закачались огни. Цыганы думают — землетрясение, и все как один, кто в чем был, попрыгали вон. Здорово их волк напугал.

— Ой, — кричат, — конец нам пришел, гибель настала!

Бросились цыганы к наковальням, отковали копыя и пики, метнули их разом и убили волка. А шерсть у него была длинная, теплая, красивая. Посмотреть — зависть берет. Стали цыганы свежевать волка. Наполовину ободрали, а уже хватило на шубы для всех. Попробовали перевернуть его на другой бок, да не осилили.

В ближнем селе жил скорняк с сыном малолетним. Скроил он было душегрейку малого роста, но нечем было украсить ее спереди. Дошел до него слух про волка и послал он мальчика ободрать его. Мальчик перевернул волка, ошкурил его до конца, но показалось мало, отправился он к цыганам спросить, кто снял другую половину шкуры. Как узнали цыганы, что нашелся малолеток, который в одиночку перевернул волка и ободрал его, побежали все поглядеть, какого роду-племени этот малец и бывают ли такие взаправду.

Мальчуган же, видя людей, бегущих к нему со всех сторон, испугался, что отнимут у него его добычу, взял ноги в руки и бросился наутек, только пятки засверкали. Куда спрятаться? Бежит, бежит, вдруг видит — старик поле пашет. Поглядел малыш по сторонам и заскочил в сумку с семенами. А старик собрался сеять подсолнечник. Вспахал он землю, взял сумку и пошел разбрасывать семена: одну жменю в борозду, другую — в рот. Идет и приговаривает:

— Эти, что в земле, взойдут еще, не взойдут — вилами по воде писано, те же, что я съем, — те уж точно мои.

Жменю в землю, жменю — в рот, и попал мальчишка к старику в зубы. Мышкой побежал он по языку туда, сюда, шасть в сторону и притаился в дупле коренного зуба. К вечеру старик кончил сеять и пошел домой. При входе во двор у мальчика зачесался нос, и он чихнул. Старик удивился: кто чихает?

— Эй, старуха, спусти-ка собаку с цепи! У меня кто-то во рту прячется.

Пустили собаку в рот, порскнула она от зуба к зубу, почуяла, что волком пахнет, заскулила и повернула обратно.

Еще больше удивился старик:

— Отродясь этот пес никого не боялся. Видно, дело нечисто. Возьми, баба, кочергу да пошуруй. Поглядеть надо, что там такое.

Сунула старуха кочергу в дупло и вытащила мальчика наружу.

— Ты откуда взялся? — спрашивает старик.

— Оттуда и оттуда, — сказал мальчик и рассказал все, как было.

— Ну, так беги домой, а то ведь отец так и не кончил шить тебе душегрейку.

И мальчик побежал домой.

Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец.

Только надо сперва подумать и разобраться, кто здесь больше всех: лошадь, которая выпила море, рыба, которая проглотила лошадь, орел, который унес рыбу в когтях, пастух, который неводом искал соринку в глазу, волк, который грыз рыбью кость, мальчик, который ошкурил волка, или старик, который бросил мальчишка в рот, как семя подсолнечника. Кто больше?

ФЭТ-ФРУМОС И СОЛНЦЕ

(Из сборника сказок Гр. Ботезату)

Давным-давно, а может быть, и не так давно, не скажу, только случилась такая беда — не стало на земле Солнца. Всегда стояла непроглядная ночь, да такая темная-темная. Не было света и тепла. Стали гибнуть леса и поля, а за ними звери и птицы.

Говорили люди, что Солнце украли драконы. Но куда они его упрятали, никто не знал. И страдал от темноты несчастный народ, — ох, как страдал!

Так вот, в те времена на опушке дремучего леса, на берегу Могучей реки жили в ветхой избушке муж и жена. Были они очень бедные: в доме ни хлеба, ни соли, во дворе ни птицы, ни скотины. Перебивались кое-как с хлеба на мякину. Мужик-то был старательный, собою ладный, семьянин хороший. Исходил он все царство вдоль и поперек, работу искал. Готов был воду из камня выжимать, лишь бы с пустыми руками домой не являться.

Но вот пошла по свету молва, будто можно Солнце из плена выволить. Стали люди о том поговаривать и друг друга подбадривать. Ведь, если Солнце спасти да на небо вознести, снова земля будет светлой и щедрой. Зелень покроет луга, на нивах созреет хлеб — только убирать поспевай! Привольно станет жить людям.

И вот собралось тогда человек тридцать, а может быть, и сорок, а с ними и тот мужик, что на опушке леса жил, и решили они пойти Солнце из неволи выволить и на небо вернуть.

Горько плакала да причитала жена мужика, все просила его, чтоб не оставлял он ее одну-одинешеньку. Да не могла его уговорить. Чем громче она причитала, тем тверже муж на своем стоял. Ушел мужик из дому и пропал. И остальные, все, кто с ним пошел, точно в воду канули.

Немного времени прошло, как уехал мужик, и родила жена мужика сыночка, пухленького такого крепыша.

Дала она ему имя Ион, ласково звала Ионикэ. А еще прозвала мальчика красавцем — Фэт-Фрумсом². И стал он Ионикэ Фэт-Фрумос.

Рос Ионикэ Фэт-Фрумос не по дням, а по часам. За день так вырастал, как другие за год. Неделя прошла — и за работу взялся: то одно мастерит, то другое. Но скоро понял, что как ни старайся, все понапрасну: бедняк из нищеты никак не выбьется. Вот и спросил он однажды у матери:

— Скажи, мать, чем занимался мой отец? Стану я делать то же, может, получше.

— Сыночек, дорогой, помнится мне, что не приходилось ему вольно вздохнуть: всю жизнь он маялся на всякой работе, а достатка в доме так и не увидел.

— А куда же он пропал?

— Ох, горе мое, сыночек мой родненький! Лучше бы ты об этом не спрашивал! — запричитала мать и горько заплакала.

А когда успокоилась, призналась сыну:

— Боюсь я тебе рассказывать, как бы и ты не пошел вслед за отцом.

— Расскажи, матушка, расскажи!

Видит мать, пора уже сыну все знать, и стала она рассказывать ему, душу отводить:

— Жили мы всегда бедно, с горем пополам крохи добывали. А как пропало Солнце, совсем худо стало. И вот дошла до нас молва, будто какая-то злая сила запрятала Солнце в темницу. Собрались люди и отправились Солнце искать. С ними и отец твой пошел. И нет о нем с тех пор ни слуху ни духу.

Узнал сын о горькой отцовской судьбе и закручинился; опечалили его слезы материнские.

С того дня загорелось в его сердце желание пойти Солнце искать. Ни о чем не мог думать, одно Солнце было у него на уме и во сне и наяву. Сложил он песню и, куда ни пойдет, все ее распевает:

День и ночь кромешна мгла,
Нет ни света, ни тепла.
Подрасту и в путь пойду,
Солнце дивное найду.
Я темницу сокрушу,
Солнце в небо отпущу,
Пусть тепло свое и свет

²Фрумос — красивый (молд.)

Дарит много-много лет.
Расцветают пусть поля,
Сердце людям веселя.

Проезжал мимо дома бедной женщины Черный царь, что той страной владел, и услышал песню ее сына. Велел дарь остановить коней и стал слушать песню. Прослушал он ее от начала до конца, а затем приказал кучеру:

— Живо сбегай да приведи ко мне певца.

Соскочил кучер с козел и закричал:

— Эге-гей, где ты? Постой!

— Я здесь!

Шагая на ощупь, наткнулись царский кучер и Фэт-Фрумос друг на друга. А пока они до кареты добирались, царь сидел и думал: «Всего у меня вдоволь, чего душе угодно. Но будь еще у меня и Солнце, не было бы мне равного на свете».

— Здесь царь, становись на колени! — сказал кучер, подводя Ионикэ к царской карете.

— Кто ты такой? — спросил царь.

— Сын бедняцкий, — ответил мальчик.

По голосу царь догадался, что ему лет двенадцать-тринадцать, не больше.

— Кто тебя этой песне научил?

— Сам придумал — сам и пою. Как подрасту, вызволю я Солнце из глубокой темницы.

— Как звать тебя, мальчик?

— Ионикэ Фэт-Фрумос.

— А где живут твои родители?

— Отца у меня нет, а мы с матерью живем на опушке леса, недалеко отсюда; только не жизнь это, а горе одно.

— Послушай, — говорит царь, — если знаешь ты, где заперто Солнце, иди жить ко мне во дворец; буду я тебя кормить-растить. А почувешь в себе вдоволь сил, дам тебе коня доброго да денег на дорогу, но с уговором, что привезешь мне Солнце со всем его светом и теплом.

— Светлейший царь, коль ты желаешь, чтобы я за тобой во дворец последовал, вели привести и матушку мою. Иначе иссохнет у нее сердце от горя и печали, пока будет разыскивать меня по всем дорогам да тропкам.

— Ну, быть, по-твоему, — сказал царь и велел кучеру сбегать за матерью Ионикэ.

Пришла она, с сыном простилась, а к царю не поехала — не захотела дом свой бросать.

И стал Ионикэ жить при царском дворе. Скоро почувал он в себе такую силу великую, что камни рукой в порошок растирал! Тогда объявил он, что пойдет Солнце вызволять, и попросил царя снарядить его в путь-дорогу.

Царь говорит:

— Выбери себе в конюшне коня по душе, саблю да палицу и отправляйся.

Взял Фэт-Фрумос узду, серебром расшитую, и пошел выбирать себе коня по душе. Всю конюшню обошел, но ни один конь не дал взнуздать себя. И вот в самом темном углу увидел он еще одного коня. Тощий конек — одна шкура да кости, еле-еле на ногах держится. Но заметил он Фэт-Фрумоса да так к узде и потянулся.

— Тпру... жалкая кляча, не тебя я ищу!

Еще раз обошел Фэт-Фрумос всю конюшню, и опять ни один конь не дал взнуздать себя; только клячонка из темного угла голову к узде протягивала.

— Ну что ж, делать нечего,— решил Ион Фэт-Фрумос и взнуздal клячу.

Конь почувствовал узду, встряхнулся трижды и из несчастной клячи вдруг обернулся славным скакуном. А как почувал на себе седло, а в седле седока, загворил человеческим голосом:

— Скажи, хозяин, как тебя везти? Хочешь — ветром расстелюсь, хочешь — как мысль помчусь.

— Ты ветром не стелись, мыслью не мчись, а вези меня, как добру молодцу ездить пристало.

Побежал конь рысью, задрожала земля под копытами. Проскакали они через горы высокие, через долины широкие и доехали до какой-то кузницы. Фэт-Фрумос кричит кузнецу:

— Кузнец, кузнец, мастер-удалец, скуй мне палицу молодецкую, не малу, не велику, по силе моей, да смастери петли и засовы на двери, чтобы запиралась кузница крепко-накрепко и не мог бы в нее никто ни зайти, ни заглянуть.

— Ладно, путник, пока твой конь отдохнет малость, я все сделаю.

— Я дальше поеду, а ты делай, как я велел. Вернись — чтоб все было готово. Возьми деньги вперед и делай все получше. Да гляди, укрепи двери заклепками калеными.

Принялся кузнец за работу, а Фэт-Фрумос пришпорил коня и дальше отправился.

Ехал он, ехал, долго ли, коротко ли, и решил отдохнуть у моста.

Вот лежит Фэт-Фрумос у дороги и вдруг слышит стук копыт по ту сторону моста. Ступил чужой конь на мост — и захрапел, попятился. Всадник стегает его плетью да кричит:

— Ах ты, кляча негодная! Чтоб тебе гривы лишиться, чтоб тебя волки загрызли, чтоб твои кости в земле истлели! Когда я за тебя денежки платил, не ты ли хвастала, что, кроме Фэт-Фрумоса, никого на свете не боишься!

А Фэт-Фрумос вскочил и говорит:

— Полно тебе, дракон, лаяться! Я и есть Фэт-Фрумос.

Услыхал его всадник, рассмеялся громко, даже горы окрестные затряслись.

— Ха-ха-ха! Послушайте этого юнца неразумного! Да знаешь ли ты, что не простой дракон перед тобой, а сам Вечер-великан, похититель Солнца? И ты

посмел стать мне поперек пути? Что ж, подойди поближе да говори, на саблях ли хочешь биться или на поясах бороться.

Не оробел Фэт-Фрумос, отвечает великану:

— Давай лучше на поясах бороться. Борьба честнее.

Кинулся Вечер-великан на Фэт-Фрумоса, схватил за пояс, поднял над головой и бросил с такой силой, что Фэт-Фрумос по щиколотки в землю ушел. Но вскочил Фэт-Фрумос, схватил великана за пояс, бросил и вогнал в землю по колени. Поднялся разъяренный Вечер-великан да с такой силой кинул Фэт-Фрумоса, что вогнал его в землю по пояс. А Фэт-Фрумос вырвался из земли, схватил в ярости великана да и всадил его в землю по самую шею. Потом выхватил саблю и отрубил Вечер-великану голову, а коня так палицей стукнул, что с землею смешал.

Отдохнул Фэт-Фрумос, сил набрался, вскочил на коня и отправился дальше. Ехал он, ехал на коне своем быстроногом, доехал до второго моста и опять надумал отдохнуть. Присел у обочины дороги и запел:

День и ночь кромешна мгла,
Нет ни света, ни тепла,
Исхожу я все пути,
Солнце б только мне найти.
Я темницу сокрушу,
Солнце в небо отпущу,
Пусть тепло свое и свет
Дарит много-много лет,
Расцветают пусть поля,
Сердце людям веселя.

Поет он свою песню и вдруг — цок-цок! — слышит цоканье копыт по ту сторону моста. Как подъехал чужой конь к мосту, захрапел, попятился. Нахлестывал его всадник плетью, кричит:

— Вперед, кляча пугливая! Чтоб тебе гривы лишиться, чтоб тебя волки задрали, чтоб твои кости в земле истлели! Когда я за тебя денежки платил, не ты ли хвастала, что, кроме Фэт-Фрумоса, никого на свете не боишься!

А Фэт-Фрумос вскочил и говорит:

— Полно тебе, дракон, лаяться! Я и есть Фэт-Фрумос!

Соскочил всадник с коня, насмехается, куражится:

— Ха-ха-ха, послушайте этого юнца глупого! Называет меня драконом простым и не знает, что перед ним сам Ночь-великан. Стоит мне подуть разок — и вся земля засыпает. Что ж, коли ты храбрый такой, подойди поближе да скажи, на саблях ли хочешь биться или на поясах бороться.

Не оробел Ионикэ Фэт-Фрумос, отвечает Ночь-великану:

— Давай поборемся. Борьба честнее.

Схватил Ночь-великан Фэт-Фрумоса за пояс и бросил его с такой силой, что по щиколотки в землю вбил. Вскочил Фэт-Фрумос, схватил великана за пояс и

вогнал его в землю по колени. Поднялся разъяренный великан, да так бросил Фэт-Фрумаса, что ушел тот в землю по пояс. А Фэт-Фрумос вырвался из земли, схватил в ярости Ночь-великана за пояс и вогнал его в землю по самую шею.

Потом схватил саблю и отрубил ему голову, а коня так ударил палицей, что с землей его смешал.

Отдохнул Фэт-Фрумос, почувял, что силы вернулись к нему, вскочил на коня и поскакал дальше.

Ехал он, ехал по горам, по долам, по оврагам и холмам, перебрался за высокие горы с острыми вершинами, добрался до третьего моста и опять вздумал отдохнуть. Прилег у обочины и запел:

День и ночь кромешна мгла,
Нет ни света, ни тепла,
Исхожу я все пути,
Солнце б только мне найти.
Я темницу сокрушу,
Солнце в небо отпущу,
Пусть тепло свое и свет
Дарит много-много лет,
Расцветают пусть поля,
Сердце людям веселя.

Только закончил он свою песню, слышит цоканье копыт по ту сторону моста. Как подъехал конь к мосту, захрапел, попятился. Хлещет его всадник плетью, кричит:

— Ах ты, паршивая кляча! Чтоб тебе гривы лишиться, чтоб тебя волки загрызли, чтоб твои кости в земле истлели! Когда я денежки за тебя платил, не ты ли хвастала, что, кроме Фэт-Фрумаса, никого на свете не испугаешься!

Фэт-Фрумос услышал, как всадник плетью щелкает и проклятиями сыплет, вышел ему навстречу и говорит:

— Полно тебе, дракон, лаяться! Я и есть Фэт-Фрумос.

Соскочил всадник с коня, наступает на Фэт-Фрумаса да хвастает:

— Ха-ха-ха! Что за дурак; меня за простого дракона принял! А я сам Полночь-великан. Когда по земле хожу — все спят, никто глаз открыть не смеет! Коли ты такой храбрый, говори, чего хочешь: на саблях биться или на поясах бороться.

Не оробел Ионикэ Фэт-Фрумос, отвечает Полночь-великану:

— Давай бороться. Борьба честнее.

Полночь-великан схватил Иона Фэт-Фрумаса, поднял его да так бросил, что тот по щиколотки в землю ушел. Тогда Ион Фэт-Фрумос ухватил великана и вогнал его в землю по колени. Вскочил рассвирепевший Полночь-великан да как бросит Иона Фэт-Фрумаса — забил его в землю по самый пояс. Поднялся Фэт-Фрумос, ухватил в гневе великана и так его подбросил, что тот упал и тоже по пояс в землю ушел.

Хотел Фэт-Фрумос голову ему отрубить, а Полночь-великан из земли вырвался и с саблей на него кинулся. Бились они, бились, пока от усталости не повалились в разные стороны.

Вдруг над ними орел закружился. Увидел его великан и закричал:

— Орел мой, орленок, окропи меня водой, чтобы силы ко мне вернулись! За твое добро и я добром отплачу: поесть тебе дам.

Ион Фэт-Фрумос тоже стал просить орла:

— Орел мой, орленок, окропи меня водой, чтобы силы ко мне вернулись! Я на небе солнце зажгу. Осветит оно и согреет просторы, по которым носят тебя крылья.

Кинулся орел вниз, нашел воду, окунул в нее крылья, набрал воды в клюв и стрелой полетел к Иону Фэт-Фрумосу. Похлопал над ним мокрыми крыльями, потом напоил из клюва. Вскочил Ион Фэт-Фрумос и почувствовал в себе силы небывалые. Одним ударом рассек он великана сверху донизу, да и коня заодно прихватил. Потом вскочил Фэт-Фрумос на своего коня и поскакал вперед. И вот доехал он до высокого замка. Отпустил коня, а сам закружился на одной ноге и обернулся золотистым петухом с красным гребешком. Захлопал крыльями петух, закукарекал и обернулся мухой, а муха — ж-ж-ж! — полетела к замку ведьмы Пожирайки. Прилетел Ион к замку, ткнулся в дверь, ткнулся в окно, ткнулся под крышу — все закрыто, нет нигде лазейки. Взлетел он на крышу и по дымоходу пробрался в замок, полетал по комнатам и спрятался в уголке. Видит Фэт-Фрумос в комнате стол, а на нем яства да напитки разные. И сидят вокруг стола четыре женщины: три помоложе, а четвертая — древняя старуха. И слышит Фэт-Фрумос — говорит старуха:

— Невестушки мои, красавицы, что же вы все глядите вдаль да горюете? Сей-час вернутся ваши мужья, и неладно будет, коли найдут вас заплаканными да печальными. Расскажите лучше о чем-нибудь, так и время незаметно пройдет. Начнем с тебя, жена Вечер-великана.

Стала жена Вечер-великана со стола убирать и такую речь повела:

— Мой муж такой сильный, что, коль встретится с этим несчастным Ионом, подует — и вгонит его в землю. Вовек Иону из земли не выбраться.

После нее заговорила другая, не иначе как жена Ночь-великана — была она черная, как смола, только зубы да глаза поблескивали.

— А мой муж такой сильный, что, коль встретится с тем несчастным Ионом да подует, полетит Ион на край света, как лист кукурузный.

Тут заговорила и третья, самая страшная да уродливая, с железными когтями на ногах и булатным ножом за поясом:

— А у моего Полночь-великана такая сила, что, коль повстречается ему несчастный Ион, муж мой одним ударом превратит его в прах да развеет по ветру, чтобы и следа от Иона не осталось.

— Будет вам, не хвастайтесь. Ион тоже не лыком шит. А повстречается он на пути кому-либо из моих сыновей, придется им биться крепче, чем с любым другим богатырем.

— Нечего этого негодника богатырем называть! — прервала ее жена Вечер-великана. — Коли уж с мужем моим случится что, я сама с ним расправлюсь. Обернусь колодецем с прохладной водой, и, коль выпьет Ион хоть каплю, останется от него один пепел.

— А я могу обернуться яблоней, — поспешила сказать жена Ночь-великана, — надкусит Ион яблоко и тут же отравится.

— А коли моему мужу он какое зло сделает, — сказала жена Полночь-великана, — где бы ни был и куда бы ни направился Ион несчастный, я повстречаюсь ему на пути виноградным кустом. Попробует он одну ягодку и тотчас ноги протянет.

— Опять вы за похвальбу принялись! Знаете ведь, родненькие, нет добра от хвастовства. Загляните-ка лучше в подземелье да проверьте, там ли Солнце.

Вышли невестки Пожирайки из комнаты, а Фэт-Фрумос за ними мухой полетел. Невестки в подземелье спустились, а Фэт-Фрумос за ними. Слышит — звякнули ключи, загремели засовы, открыли невестки железную дверь. И увидел Ион в темноте тоненький-тоненький луч света.

— Тут оно, Солнце! Никогда отсюда не вырвется, — сказала жена Полночь-великана.

Захлопнули невестки железную дверь, загремели ключами и засовами, поднялись из подземелья.

А Фэт-Фрумос у двери остался. Зажужжала муха и превратилась в золотистого петуха с красным гребешком. Захлопал петух крыльями, кукарекнул три раза — стал Фэт-Фрумос снова человеком. Ощупал дверь в темницу — семь замков на ней. Сломал Фэт-Фрумос семь замков один за другим, открыл дверь, видит — стоит в углу железный сундук, а из замочной скважины тоненький лучик светит. Напряг Ион все силы, открыл сундук.

И вырвалось оттуда яркое Солнце, молнией вылетело в дверь и унеслось в небеса.

Вмиг осветилась вся земля, люди стали на Солнце глядеть, теплу да свету радоваться. И пошло кругом такое ликование, какого еще мир не видывал. Обнимались люди, точно братья. Счастливы были, что от тьмы избавились и что всех одинаково согревает ласковое Солнце.

А Черный царь вскочил на крышу своего дворца и стал ловить Солнце руками, да с крыши-то и свалился вниз головой. Тут и пришел ему конец.

Ион Фэт-Фрумос вслед за Солнцем выбежал из подземелья, бросился к своему коню и крикнул:

— Неси меня быстрее ветра к кузнецу!

Помчался конь — только земля под копытами гудела. Скакал-скакал, увидел колодец у дороги и остановился на водопой. Но Ион Фэт-Фрумос нагнулся с седла, всадил в колодец саблю по самое дно, и хлынула оттуда поганая кровь.

Пришпорил Ион Фэт-Фрумос коня, щелкнул плетью и отправился далее.

Долго ли, коротко ли он ехал и вдруг увидел на своем пути ветвистое дерево, все усыпанное яблоками. Яблоки все крупные, румяные да спелые, висят у самой

дороги. Глянешь на них — так слюнки и потекут. Никто мимо не пройдет, яблока не отведав. А Ион Фэт-Фрумос, как увидел яблоню, выхватил саблю и отсек ей все ветки. Полился из яблок ядовитый сок. Где капнет, там земля загорается и в окалину превращается.

Ион Фэт-Фрумос пришпорил коня и поскакал дальше. Долго ли, коротко ли он ехал, видит — растет у дороги виноградный куст, а на нем гроздья тяжелые висят. Ягоды крупные, спелые, соком налитые. Но Ион-то знал, что это за куст стоит. Подъехал он поближе и искромсал куст саблей. Полился тут сок ядовитый, а из него пламя языками вьется.

И снова Ион Фэт-Фрумос коня пришпорил, плетью хлестнул: впереди был еще долгий путь.

Едет он, а Солнце знай себе светит. Где прежде голая земля была, теперь поля зеленели да сады дивные цвели. На глазах чудеса творились: росли-разрастались тенистые леса, поднимались буйные травы.

Ехал Ион Фэт-Фрумос, ехал, и вдруг, откуда ни возьмись, подул сухой ветер, суля беду всему свету: траву к земле пригибает, деревья в лесу ломает. И показала черная туча. Где она пролетит, там земля выгорает.

Оглянулся Фэт-Фрумос и понял: не туча это, а Пожирайка злая его догоняет.

Пришпорил Ион Фэт-Фрумос коня, помчался стрелою и прискакал к кузнице. Есть ли кто в ней, нет ли, глядеть не стал, въехал в кузницу с конем, запер окна и двери на запоры, какие кузнец ему выковал. А палицу с шипами, что у наковальни лежала, в огонь сунул. Тут и Пожирайка вихрем подлетела, вокруг кузницы носится, а проникнуть в нее не может: заперта кузница на крепкие запоры, двери да ставни пригнаны ладно, и нигде щели не отыщешь.

Взмолилась Пожирайка сладким голосом:

— Ион Фэт-Фрумос, сделай в стене щелочку, хоть одним глазком дай взглянуть, каков ты собой, что сумел сыновей моих да невесток извести. Ведь были они самыми храбрыми да самыми сильными на земле.

Ион Фэт-Фрумос подбросил углей в горн, раздул мехами огонь, а когда палица накалилась добела, пробил в стене дыру и стал около нее с палицей.

Как заметила Пожирайка дыру в стене, рот разинула да бросилась к ней, чтобы рассмотреть молодца и погубить его. А Ион Фэт-Фрумос размахнулся и — раз! — метнул палицу прямо ей в пасть. Проглотила Пожирайка палицу раскаленную и околела на месте.

Фэт-Фрумос отодвинул засовы, вышел из кузницы и коня своего вывел. Глядит — ни тучи нет, ни ветра. А Солнце светит да припекает. И лежит у стены Пожирайка.

Вскочил Фэт-Фрумос на коня и поскакал дальше.

Искал он по свету то место, где Солнце в полдень отдыхает. Слышал Фэт-Фрумос, будто живет там самый главный враг — дракон Лимбэ-Лимбэу, которого ни меч, ни сабля, ни палица не берут. Много горя да несчастья причинил дракон

людям, и приходился он Пожирайке мужем, а трем великанам — отцом. Пока жив дракон, не будет людям счастья на земле.

Много Фэт-Фрумос пересек высоких гор, глубоких долин и бурных потоков. И кого в пути встречал, у всех спрашивал, где найти дракона Лимбэ-Лимбэу.

И вот повстречался ему древний хромой старик. Поведал он, что тоже дракона искал, да ногу в пути сломал. Рассказал он ему, что смерть дракона Лимбэ-Лимбэу, которого палица не берет, сабля не сечет, спрятана в свинье с поросятами. А искать ее надо на полночь от Каменной горы.

Повернул Фэт-Фрумос коня на полночь, поскакал, как ветер, только земля под копытами дрожит.

Ехал он долго ли, коротко ли, по зеленым лугам, по крутым горам, ехал день до вечера, до заката красна солнышка и решил отдохнуть на берегу озера. Прилег на травку, глядит на озеро, да вдруг видит у берега свинью с поросятами. Смекнул он тут, что это и есть та свинья, о которой древний старик ему говорил. Подкрался Ион ближе и увидел страшилище: вместо щетины у свиньи — острые иголки, клыки и копыта железные. По камням ступает — искры высекает.

Ион Фэт-Фрумос схватил свою палицу да так огрел свинью, что та на месте дух испустила. Из свиньи выскочил заяц и бросился было бежать, да Фэт-Фрумос зарубил его саблей. Из зайца утка вылетела; взмахнул Ион саблей и отрубил ей голову. Упала утка на землю и яйцо снесла. Покатилось яйцо по кочкам, разбилось, а из него три жука вылетели. Ион Фэт-Фрумос изловил двух и убил, а третьего упустил. Жук взметнулся вверх и полетел на полночь. Ионикэ Фэт-Фрумос вскочил на коня и следом за жуком помчался.

А жук полетел к замку дракона Лимбэ-Лимбэу. Стоял тот замок на высокой горе, и войти в него можно было только через одну дверь: не было в замке больше дверей, не было и окон.

День и ночь охранял ту дверь сторож. Дракон Лимбэ-Лимбэу приказал уничтожить каждого, кто бы ни появился перед дверью. Человек ли, птица ли, зверь или букашка, любое живое существо — никто не должен проникнуть в замок дракона. Но забыл дракон предупредить сторожа, в чем его смерть спрятана.

И вот прилетел жук к замку Лимбэ-Лимбэу, а сторож его не впускает. Напрасно молил его жук:

— Пусти меня к Лимбэ-Лимбэу, хозяину нашему, жизнь его в большой опасности, и дни его сочтены. Пропусти: как хозяин меня увидит да в руке подержит — век ему жить.

— Мое дело приказ исполнять. Если пропущу кого в замок, снесет мне хозяин голову. — И поймал сторож жука да ногами истоптал.

А тут и Фэт-Фрумос к замку подъехал. Сторож бросился на него, да Ион мигом с ним расправился. Вошел в замок и увидел бездыханного Лимбэ-Лимбэу. Схватил его, бросил на кучу дров и поджег. А когда костер прогорел, развеял пепел по ветру.

— Пусть тебя ветер развеет, чтоб и следа от злых драконов не осталось, — сказал Фэт-Фрумос. Потом сел на коня и поскакал в родные края.

С. ВАНГЕЛИ

ПАРТА ГУГУЦЭ

Вот уже несколько дней не видно Гугуцэ во дворе. Завелись у него дела со старшими ребятами. По всему селу ищет Гугуцэ книги, с какими школьники в школу ходят. Он уже раздобыл четыре букваря, а у двоюродного брата ранец выпросил.

Вечером перед первым сентября велел Гугуцэ малышам искать себе другого приятеля, а сестренке подарил все свои игрушки. Даже машину с шофером за рулем.

Лег он спать пораньше, но уснуть не может. Вот опять собака залаяла. А вдруг дедушка Ене, который детям сны приносит, заберет с собой ранец? Пришлось выбежать во двор, отвязать Тарзана.

Утром пес крепко спал на завалинке: навоевался за ночь с дедушкой Ене. Ранец был на месте.

Вымыл Гугуцэ оба уха, надел новый костюм, ранец за плечи забросил, сорвал цветок в саду и отправился в школу.

«С одной книгой в первый класс идут, с двумя во второй, — размышлял Гугуцэ на ходу. — А с четырьмя?».

На пороге школы стоял директор.

— Гугуцэ? — удивился он. — Ты же не больше ранца! До первого класса тебе нужно подрасти на целую шапку... Ну ладно, — засмеялся директор, — раз уж пришел, поешь арбузов на пришкольном участке.

Гугуцэ со стыда чуть сквозь землю не провалился. Слышанное ли дело: чело-века с полным ранцем книг на глазах у всех ребят отправляют есть арбузы!

Рассердился Гугуцэ и повернул домой.

Понял директор, что Гугуцэ на него сердит, и вечером пришел мириться. Так и сяк уговаривал мальчика, но не на такого напал.

— А что, Гугуцэ, если я позволю тебе на переменке позвонить в школьный звонок? Как ты на это смотришь?

— Никак.

— Я бы не возражал, если бы ты в праздник прочел стишок со школьной сцены. Что ты на это скажешь?

— Ничего.

С чем пришел директор, с тем и ушел.

А Гугуцэ сказал отцу:

— Папа, сделай мне во дворе школу.

Почесал отец в затылке:

— Если уж строить школу, то настоящую. А у меня для этого нет ни подъемного крана, ни самосвала.

— Тогда сделай парту, — не отстает Гугуцэ.

— Что ж, парту можно.

Через несколько дней была у Гугуцэ настоящая парта.

Послышится из школы звонок, сядет Гугуцэ за парту и давай учиться. А малыши со всего села подглядывают в щели забора. Они бы все отдали, только бы посидеть за такой партой. Пожалел их Гугуцэ: пусть достают книги, моют уши и приходят по одному.

Слух о парте разнесся по всему селу. Взрослые, проходя мимо сада, всегда смотрели через забор, радовались, что из села Трое Козлят еще один ученый человек выйдет. А некоторые даже в сад заходили.

И вот в один прекрасный день, когда у Гугуцэ была перемена, калитку открыл сам директор школы.

— Позволь, Гугуцэ, и мне посидеть за твоей партой.

— Ладно, — ответил Гугуцэ. — Только сначала поешьте яблок в нашем саду.

Г. ВИЕРУ

САМЫЕ КРАСИВЫЕ ЦВЕТЫ

Завтра мамин день рождения, и хочется Митру подарить ей букет самых красивых цветов. Только кто может сказать, какие это — самые красивые?

— Пойду-ка я к пчелке, — говорит Митру. — Она все цветы знает.

Проснулся он чуть свет, чтоб застать пчелку дома. Она как раз сидела перед ульем на ромашке и только что промыла глаза росинкой.

Пчела, пчелинка,

На ромашковой былинке!

За семь верст в округе ты

Знаешь яркие цветы.

— Давай поищем самые красивые цветы! — говорит Митру.

Пчела сердито посмотрела на него. Не очень-то ей пришлось по душе это «давай». Почему «давай», а не «пожалуйста»?

Митру подумал, что пчела не хочет взять его с собой, и добавил:

— ...Для моей мамы!

— Ладно! Пойдем вместе, — коротко ответила пчела. Она всегда гораздо больше делает, чем говорит.

В поле пчела присела на пышный голубой цветок. Митру спрашивает:

— Этот самый красивый?

— Не знаю. Сейчас увидим, — отвечает пчела, нырнув на дно цветочной чаши. Только она тут же выбралась наружу.

— Некрасивый!

И оба помчались дальше. Попались им на пути желтые цветы. Пчела опять скрылась в одном из них и пробыла там долго-долго. Когда она вышла, усики ее были запорошены желтой пылью.

— Вот это красивый цветок! — сказала пчела.

— Красивый? — удивился Митру. — Так ведь тот, голубой, был куда красивей! И больше!

— Красота не снаружи, — объяснила ему пчела, — а внутри.

Она тут же нырнула в другой цветок — такой же маленький и желтый.

— В этих цветах много меда, — сказала пчела. — Потому они и красивые.

Лизнул Митру один из цветков. Он и впрямь был медово-сладкий. Сорвал мальчик несколько этих цветов, потом другие — тоже красивые, на какие указала ему пчела.

Водила его пчела вдоль и поперек по роще, усеянной цветами.

На другой день принес Митру маме букет цветов, поцеловал ее. Расцеловала и мама сына — в глаза, лоб, щеки.

— Ты принес мне самые красивые цветы, сынок!

— А ты откуда знаешь, что они самые красивые?

— Да потому, что ты старался, сам собирал их. И принес издалека, с поля.

В школе Митру сказал ребятам, что медуница и другие полевые цветы, которые он собрал для мамы, — самые красивые в мире.

ТОПОР С ПАВЛИНЫМ ХВОСТОМ

Не понравилась однажды маляру раскраска стен его дома, и решил он сделать другую, покрасивей.

— Оставь свои цветочки, — говорит ему перед полуднем жена. — Возьмись-ка да наколи дров немного, а то мне нечем огонь развести да еду сварить.

Было у маляра два топора. Одинаково хороши оба.

Берет он один — и за дело. А пальцы-то у маляра все в краске, и как держал он топор в руке, так и остались на топориче разноцветные полосы — зеленые, красные, голубые...

Наколел маляр во дворе кучу дров и опять принялся за стены.

Глядит топор на яркие полосы на конце топорича и говорит важно: «До чего же хвост у меня красивый!». Даже песенку сложил:

Хвост у топоренка,

Что у павлинка!

Потом топор напыжился, распустил перья. Никаких перьев, конечно, не было, но так уж он вообразил.

— Я павлин, — захмелел хвостун. — И раз павлин, не стану больше работать. Так вот и буду гулять по двору, а мой хвост обворочит всю округу.

С того дня топор с павлиньим хвостом держался больше павлинов и ничего не делал. А от безделья покрылось его лезвие ржавчиной. И раз топор поржавел, хозяин взял и выбросил его, а сам стал работать другим.

Стоит сейчас топор с павлиньим хвостом среди разбитых ведер и прочей рухляди. Даже не видать его среди них, хоть и задрано вверх его разноцветное топориче.

А второй топор отдыхает после работы на завалинке. Талия у него тонкая — хоть сквозь колечко продевай. Легкий он и стройный, как гимнаст. Проходя мимо, люди прикрывают глаза ладошкой. Потому что на солнце еще так или этак поглядеть можно, а на топор с завалинки — никак. До того ярко, до того красиво сверкает на солнце его лезвие.

К. ШИШКАН

НА ВИНОГРАДНИКЕ

На виноградном кусте гроздья висят тяжелые до самой земли, сине-зеленые, да и похожи они на крупные капли росы. Точно на суровую бабушкину нитку нанизаны.

Гроздья заботливо окружают листья, широкие, с прожилками, совсем как на маминых ладонях.

И земля здесь коричневая, и солнце желтое-прежелтое, как подсолнух...

Стоит Олюшка, любитесь. А где же синь-ветерок? Неужто нет его тут?

А синь-ветерок, баловник, давно уже по винограднику гуляет, белой косынкой играет, в мамино лицо заглядывает. Лицо у нее смуглое, доброе. Волосы густые и черные. Глаза у нее большие, карие и ресницы длиннющие. Красивая у Олюшки мама! Вот бы и ей стать такой.

Бежит Олюшка к маме. А мама ее не видит, с холма с плетеной корзиной спускается. Босиком. Ноги у нее стройные, загорелые, земля под ними горячая, ласковая.

Бежит Олюшка навстречу и песенку поет. Хорошая эта песенка! О чем она? О солнце, о росе, ласковой земле, о том, что мама у нее самая лучшая на свете.

А. БУСУЙОК

ПРОДАВЕЦ

Было время, когда Ястреб хорошо относился к птицам и не причинял им зла.

А однажды он даже решил принести им пользу. Только как это сделать? Думал он, думал, наконец, додумался.

— Ладно, — говорит. — Открою для них магазин.

Открыл Ястреб магазин, встал на пороге, ожидая покупателей. И покупатели не заставили себя ждать, повалили гурьбой. Цапли прибежали за перьями, лягушки — за мошками, а водяные курочки — за умом.

А ума-то как раз в магазине и не было. Что делать? Думал он, думал, наконец, додумался.

— Ну-ка становитесь в очередь, — сказал он однажды курочкам. — Нынче я вам со склада ума привез.

Стали курочки в очередь.

— А теперь по одной в магазин входите. По одной, не все сразу!

Первая курочка вошла. Ждут остальные, ждут. Наконец, появляется Ястреб.

— Следующая входи, — говорит, — которая на очереди.

— А куда та девалась? — спрашивает одна из курочек.

— Куда! — рассердился Ястреб. — Вот что значит жить без ума! Купите у меня ума, перестанете глупости спрашивать...

Долго все ждали, пока Ястреб вторую курочку обслужит. Наконец, вышел.

— Следующая входи, — говорит, — которая на очереди.

Вошла еще одна курочка. Ястреб всех «обслуживал» одинаково. Как впускал в магазин курочку, так и набрасывался на нее, душил и съедал с потрохами, приговаривая: — Ум тебе нужен? Вот тебе ум!

А лягушек и цаплей он в магазин не впускал, заставлял их напрасно ждать. Очень они на него обижались, даже кричали во весь голос:

— Эй, молодец, плохой продавец!

А когда поняли, в чем дело, стали дразнить:

— Продавец — против кур молодец! Против кур — хват! Против кур — хват!

Так и пристало к нему прозвище: «курохват», «Ястреб-курохват». А курочки и по сию пору стоят в очереди за умом и будут стоять, пока он свой магазин не закроет...

А зачем ему закрывать? С такими покупателями...

М. ЭМИНЕСКУ

«Что ты, лес, качаешься...»

— Что ты, лес, качаешься, —

Ветра нет, и дождь не льет,

Что же ветви долу гнет?

— Видно, срок тому настал,

Чтобы я клониться стал.

День короче, ночь длиннее,

Облетает лист, редая.

Ветер дует-задувает,

Нас певуньи покидают.

От ветров спасенья нету —

Быть зиме, промчалось лето!

☞ УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ☜

ДЕД И РАК (Укр. нар. сказка)

Жили-были дед да баба; жили они у моря, детей у них не было. Наловит, бывало, дед рыбы, баба нажарит, поедят, да еще и останется. Вот она и жалуется:

— Были бы у нас детки, остаточки бы и поели.

И пошли они к какой-то бабке, и помогла она им так, что оказалось у них двое деток. А как детки появились, почти перестала рыба ловиться; что дед ни пойма-ет, баба нажарит, детей накормит, сами поедят остаточки, да и сидят голодные. Они опять жаловаться:

— Как не было детей, было что и поесть, а теперь сидим голодные.

Бог и прибрал детей. А когда прибрал, то и вовсе перестала рыба ловиться.

— Вот, господи, — жалуется, — как были дети, хоть возле них кормились, а как не стало детей — и рыбы не стало.

Вышел дед раз к морю, стал рыбачить, да и поймал рака. Принес домой.

— Разведи, бабка, — говорит, — огонь, хоть рака испечем.

А рак и говорит:

— Эй, дед, не пеки ты меня, а ступай к морю да окуни по локоть руки на том месте, где ты меня поймал.

Пошел дед и вытащил целый мешок денег. Накупил сразу, что ему было на-добно, да скоро те деньги и прожил. Вот как прожил, опять за рака.

— Разведи, баба, огонь, будем рака печь.

А рак у него все время был где-то в чулане запрятан. Рак и просит:

— Не пеки меня, дед, а ступай на то место, где меня поймал, да стань по ко-лени в воду.

Пошел дед, влез в воду и вытащил большой мешок денег. И так дед на те день-ги разбогател, что и лавками обзавелся. Однажды рак ему и говорит:

— Ступай, дед, посватай за меня царевну.

— Как же я буду за тебя сватать, ежели ты рак?

— Да ступай, — говорит, — сватай!

Пошел дед к царю.

— Выдавайте, — говорит, — вашу царевну за моего рака замуж!

— За какого-такого рака?

— Да так-таки за простого рака.

— Как же за него, — говорит царь, — отдавать, если он рак? Ну, ладно, ска-жи своему раку, отдадим, когда будут у него такие слуги, как у меня, и такой же дворец, да еще от его дворца к моему будет мост — одна доска серебряная, дру-гая золотая, один столб золотой, а другой серебряный, один гвоздь серебряный,

другой золотой, а по тому мосту как будет ехать, чтобы сады цвели, а когда воз-вращаться — чтобы уже и плоды поспели.

Приходит дед да и рассказывает раку.

— Что ж, — говорит, — это можно.

Вот поднялся утром дед да так испугался: кровать у него и дворец еще получ-ше царского. Садится он в карету и рака с собой кладет, едут по мосту — вдоль него сады цветут.

Что тут делать? Надо царевне идти за рака. Обвенчались они, а он днем за печкой живет, а ночью молодцем становится.

Вот и подглядела царевна, где он свою скорлупу прячет, взяла ее и сожгла.

Проснулся он утром и к скорлупе. Ох, беда — а ее нету.

— Ну, — говорит, — если ты не хотела меня ждать, пока сроки исполнятся, то не скоро теперь увидишь. Да вот возьми разве железные черевички, как порвутся они, то, может, я и вернусь.

Сказал и пошел.

Вот живет она и живет, уже о нем и забыла, вдруг видит — рвутся у ней чере-вички, тут и он возвращается.

И стали они жить с той поры счастливо.

КОЛОСОК (Укр. нар. сказка)

Жили-были два мышонка, Круть и Верть, да петушок Голосистое Горлышко. Мышата только и знали, что пели да плясали, крутились да вертелись. А петушок чуть свет поднимался, сперва всех песней будил, а потом принимался за работу.

Вот однажды подметал петушок двор и видит на земле пшеничный колосок.

— Круть, Верть, — позвал петушок, — глядите, что я нашел!

Прибежали мышата и говорят:

— Нужно его обмолотить.

— А кто будет молотить? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал один.

— Только не я! — закричал другой.

— Ладно, — сказал петушок, — я обмолочу.

И принялся за работу. А мышата стали играть в лапту.

Кончил петушок молотить и крикнул:

— Эй, Круть, эй, Верть, глядите, сколько я зерна намолотил!

Прибежали мышата и запищали в один голос:

— Теперь нужно зерно на мельницу нести, муки намолоть!

— А кто понесет? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал Круть.

— Только не я! — закричал Верть.

— Ладно, — сказал петушок, — я снесу зерно на мельницу.

Взвалил себе на плечи мешок и пошел. А мышата тем временем затеяли чехарду. Друг через друга прыгают, веселятся.

Вернулся петушок с мельницы, опять зовет мышат:

— Сюда, Круть, сюда, Верть! Я муку принес.

Прибежали мышата, смотрят, не нахвалятся:

— Ай да петушок! Ай да молодец! Теперь нужно тесто замесить да пироги печь.

— Кто будет месить? — спросил петушок. А мышата опять свое.

— Только не я! — запищал Круть.

— Только не я! — запищал Верть.

Подумал, подумал петушок и говорит:

— Видно, мне придется.

Замесил он тесто, натаскал дров, затопил печь. А как печь истопилась, посадил в нее пироги. Мышата тоже времени не теряют: песни поют, пляшут. Испеклись пироги, петушок их вынул, выложил на стол, а мышата тут как тут. И звать их не пришлось.

— Ох и проголодался я! — пищит Круть.

— Ох и есть хочется! — пищит Верть.

И за стол сели.

А петушок им говорит:

— Подождите, подождите! Вы мне сперва скажите, кто нашел колосок.

— Ты нашел! — громко закричали мышата.

— А кто колосок обмолотил? — снова спросил петушок.

— Ты обмолотил! — потише сказали оба.

— А кто зерно на мельницу носил?

— Тоже ты, — совсем тихо ответили Круть и Верть.

— А тесто кто месил? Дрова носил? Печь топил? Пироги кто пек?

— Все ты. Все ты, — чуть слышно пропищали мышата.

— А вы что делали?

Что сказать в ответ? И сказать нечего. Стали Круть и Верть вылезать из-за стола, а петушок их не удерживает. Не за что таких лодырей и лентяев пирогами угощать.

Хроменькая уточка

(Укр. нар. сказка)

Жили-были дед да баба. Детей у них не было. Говорит дед:

— Пойдем, старуха, в лес по грибы! Пошли. Видит баба — под кустиком гнздышко, а в гнздышке уточка.

— Гляди-ка, дед, — уточка!

Поглядел дед:

— Возьмем ее домой! Пусть у нас живет.

Стали поднимать, видят — лапка у нее переломана. Взяли ее тихонько со всем гнздышком, принесли домой. Оставили уточку в хате, а сами опять по грибы пошли.

Вернулись домой вечером, смотрят — что такое? Хата прибрана, хлеб испечен и борщ сварен. Они к соседям:

— Кто хату прибрал, хлеба напек и борщ наварил?

Никто не знает.

На другой день опять пошли дед с бабой по грибы. Вернулись вечером домой — опять все прибрано и вареники сварены. Спрашивают соседей:

— Не видали ли кого в нашей хате?

Одна соседка говорит:

— Видали девушку — воду несла. Такая пригожая, только хроменькая.

Дед с бабой думали, думали: кто бы это был? Баба говорит:

— Давай-ка скажем, что пойдем по грибы, а сами спрячемся да и посмотрим, кто у нас хозяйничает.

Так и сделали. Спрятались и видят — из хаты выходит девушка с коромыслом. Такая пригожая девушка, только чуть хроменькая. Пошла она к колодцу, а дед с бабой в хату. Смотрят — нету в гнезде уточки, лежат только одни перышки. Взяли они гнздышко и кинули в печь. Оно там и сгорело.

Принесла девушка воду, увидела деда с бабой — и прямо к гнздышку. А гнздышка нет. Она и заплакала.

Дед и баба уговаривают:

— Не плачь, голубонька, будешь ты у нас дочерью, родным нашим дитятком!

А она отвечает:

— Век бы жила у вас, коли бы вы не сожгли гнздышка да не подглядывали за мною. А теперь не хочу! Сделай мне, дед, прялочку да веретенце!

Дед с бабой плачут, уговаривают.

— Нет, — говорит, — не поверили, подглядывали за мною, уйду от вас!

Сделал дед прялочку и веретенце. Села она на дворе и прядет. Летит стая уток. Увидали ее, закричали:

— Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.

Она им отвечает:

— Не полечу с вами.
Как была я на лужку,
Повредила ножку.
Вы меня покинули,
Вы меня оставили!
— Прялочка шумит,

Веретенце звенит.
Кинем ей по перышку,
Пускай с нами летит!

Они бросили ей по перышку и дальше полетели. Летит другая стая уток. Увидели они девушку, закричали:

— Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.

А она в ответ:

— Не полечу с вами.
Как была я на лужку,
Повредила ножку.
Вы меня покинули,
Вы меня оставили!

— Прялочка шумит,
Веретенце звенит.
Кинем ей по перышку,
Пускай с нами летит!

Кинули ей по перышку. Летит третья стая. Увидели девушку, закричали, запели:

— Вот наша девушка,
Вот наша пригожая!
Возле хаты сидит,
В нашу сторону глядит.
Прялочка шумит,
Веретенце звенит.
Кинем ей по перышку,
Пускай с нами летит!

Кинули ей по перышку, обернулась она уточкой и улетела.

М. ЗОЩЕНКО

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

(Отрывок)

Когда мне было шесть лет, я не знал, что земля имеет форму шара.

Но Степка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое земля. Он сказал:

— Земля есть круг. И если пойти все прямо, то можно обогнуть всю землю, и все равно придешь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Степка ударил меня по затылку и сказал:

— Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестренкой Лелей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Степке перочинный ножик.

Степке понравился ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Степка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Леле:

— Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдет на речку стирать, мы сделаем, что задумали. Мы пойдем все прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернемся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушел целый год. Леля сказала:

— А если, Степочка, мы встретим индейцев?

— Что касается индейцев, — ответил Степа, — то индейские племена мы будем брать в плен.

— А которые не захотят идти в плен? — робко спросил я.

— Которые не захотят, — ответил Степа, — тех мы и не будем брать в плен.

Леля сказала:

— Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег.

Степка сказал:

— Три рубля нам безусловно хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать мелких животных, и их нежное мясо мы будем жарить на костре.

Степка сбегал в сарай и принес оттуда большой мешок из-под муки. И в этот мешок мы стали собирать вещи, нужные для далеких путешествий. Мы положили в мешок хлеб и сахар, и кусочек сала, потом положили разную посуду — тарелки, стаканы, вилки и ножи. Потом, подумавши, положили цветные карандаши, волшебный фонарик, глиняный рукомойник и увеличительное стеклышко для зажигания костров. И, кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты. Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек. И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Степкина мать ушла на речку полоскать белье, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес. Впереди бежала Степкина собачка Тузик. За ней шел Степка с громадным мешком на голове. За Степкой шла Леля со скакалкой. И за Лелей с тремя рогатками, сачком и удочкой шел я. Мы шли около часа. Наконец Степа сказал:

— Мешок дьявольски тяжелый. И я один его не понесу. Пусть каждый по очереди несет этот мешок.

Тогда Леля взяла этот мешок и понесла его. Но она недолго несла, потому что выбилась из сил. Она бросила мешок на землю и сказала:

— А теперь пусть Минька понесет.

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления: до того этот мешок оказался тяжелым. Но я еще больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону, пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву. Причем я свалился в канаву странным образом. Сначала упал в канаву мешок, а вслед за мешком, прямо на все эти вещи, нырнул я. И хотя я был легкий, тем не менее я ухитрился разбить все стаканы, почти все тарелки и глиняный ручной мойник. Леля и Степка умирали от смеха, глядя, как я барахтаюсь в канаве. И поэтому они не рассердились на меня, узнав, какие убытки я причинил своим падением.

Степка свистнул собаку и хотел ее приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, что мы от него хотим. Да и мы плохо соображали, как нам под это приспособить Тузика. Воспользовавшись нашим раздумьем, Тузик прогрыз мешок и в одно мгновение скушал все сало. Тогда Степка велел всем вместе нести этот мешок. Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли еще два часа. И наконец вышли из леса на лужайку. Тут Степка решил сделать привал. Он сказал:

— Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Степка сел у дороги, протянув вперед ноги. Мы развязали мешок и начали закусывать. Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком. Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая, видимо, попробовать мой сахар, ужалила меня в щеку. Вскоре моя щека вздулась, как пирог. И я, по совету Степки, стал прикладывать к ней мох, сырую землю и листья. Перед тем как пойти дальше, Степка выкинул из мешка почти все, что там было, и мы пошли налегке. Я шел позади всех, скуля и хныча. Щека моя горела и пыла. Леля тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой, говоря, что дома тоже бывает хорошо. Но Степка запретил нам об этом и думать. Он сказал:

— Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Мы продолжали идти в плохом настроении. И только у Тузика настроение было ничего себе. Задрвав хвост, он носился за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть. Степка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать. Мы собрали хворосту для костра. И Степка извлек из мешка увеличительное стеклышко, чтобы разжечь костер. Но, не найдя на небе солнца, Степка приуныл. И мы тоже огорчились. И, покушав хлеба, легли в темноте. Степка торжественно лег ногами вперед, говоря, что утром нам будет ясно,

в какую сторону идти. Степка захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лелей долго не могли заснуть. Нас пугал темный лес и шум деревьев. Сухую ветку над головой Леля вдруг приняла за змею и от ужаса завизжала. А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик. Наконец мы задремали.

Я проснулся оттого, что Леля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце еще не взошло.

Леля шепотом сказала мне:

— Минька, пока Степка спит, давай повернем его ноги в обратную сторону. А то он заведет нас куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Степку. Он спал с блаженной улыбкой. Мы с Лелей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Степкина голова описала полукруг. Но от этого Степка не проснулся. Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...». Наверное, ему снилось, что на него напали индейцы, и он зовет нас на помощь. Мы стали ждать, когда Степка проснется.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

— Хороши бы мы были, если б я лег ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, что надо идти туда.

И Степка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера. Мы покушали хлеба и двинулись в путь. Дорога была знакома. И Степка то и дело раскрывал рот от удивления.

Тем не менее он сказал:

— Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что все повторяется, так как земля есть круг. Позади раздался скрип колес. Это какой-то дяденька ехал на телеге.

Степка сказал:

— Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в нее сесть. Мы быстро покатали. И ехали не больше часа. Вдруг впереди показалась наша деревня Пески.

Степка, раскрыв рот из изумленья, сказал:

— Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Степка еще больше изумился, когда мы подъехали к пристани. Мы вылезли из телеги. Сомненья не оставалось — это была наша пристань, и к ней только что подошел пароход. Степка прошептал:

— Неужели же мы обогнули землю?

Леля фыркнула, и я тоже засмеялся. Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку — они только что сошли с парохода. И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то говорила. Мы побежали к родителям. И родители засмеялись от радости, что увидели нас. Нянька сказала:

— Ах, дети, а я думала, что вы вчера потонули.

Леля сказала:

— Если бы мы вчера потонули, то мы бы не могли отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

— Что я слышу! Их надо наказать.

Папа сказал:

— Все хорошо, что хорошо кончается.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

— Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорет мама. А Лелю я беру на себя.

Папа сказал:

— Порка — это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети небось и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

— У меня дурацкие дети. Идти в кругосветное путешествие, не зная таблицы умножения и географии, — ну что это такое!

Папа сказал:

— Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать все, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам, достойным сожаления.

С этими словами мы пришли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Что касается Степки, то его мамаша заперла в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день. А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чем не бывало.

Остается еще сказать несколько слов о Тузике. Тузик бежал за телегой целый час и очень переутомился. Прибежав домой, он забрался в сарай и там спал до вечера. А вечером, покушав, снова заснул, и что он видел во сне — остается покрытым мраком неизвестности. Что касается меня, то во сне я увидел тигра, которого я убил выстрелом из рогатки.

Л. УКРАИНКА

Черешенки

Заблестели черешенки
На зеленой ветке.
Смотрят снизу на черешни
Детки-малолетки.

И мальчишки, и девчонки
Под деревом скачут,
Тянут к ягодам ручонки
И чуть-чуть не плачут.

Вишни, вишни дразнят око,
Да растут высоко.
Рук до вишен не дотянешь,
Спелых не достанешь.

«Ой, вишенки-черешенки,
Налились вы соком!
Отчего же вы растете
На суку высокок?»

«Кабы выросли пониже,
Мы бы не поспели.
Кабы выросли поближе,
Нас давно бы съели».

В. ПРИХОДЬКО

«Улетали лебеди...»

Улетали лебеди
С севера на юг.
Растеряли лебеди
Белый-белый пух.
То ли пух лебяжий
В воздухе блестит,
То ли в окна наши
Первый снег
Летит.

Л. КВИТКО

Дочка

Дочка воду носит
И гремит ведром.
Что растет там, доченька,
В садике твоём?

Там краснеют яблоки,
Там летают зяблики
И другие птички,
Кажется, синички.

На капусте сладкой
Капельки росы.
И горох на грядке
Распустил усы.

Бабушкины руки

Я с бабушкой своею
Дружу давным-давно.
Она во всех затеях
Со мною заодно.
Я с ней не знаю скуки,
И все мне любо в ней.
Но бабушкины руки
Люблю всего сильней.
Ах, сколько руки эти
Чудесного творят!
Латают, вяжут, метят,
Все что-то мастерят.
Так толсто мажут пенки,
Так густо сыплют мак,
Так грубо трут ступеньки,
Ласкают нежно так.
Проворные — смотрите,
Готовы день-деньской
Они плясать в корыте,
Шнырять по кладовой.
Настанет вечер — тени
Сплетают на стене

И сказки-сновиденья
Рассказывают мне.
Ко сну ночник засветят —
И тут замолкнут вдруг.
Умней их нет на свете
И нет добрее рук.

В. ДАНЬКО

Про счастье

— Летчик,
Что такое счастье?
— Самолет,
Стрелой летящий
В высоту, в синеву.
Вот что счастьем я зову.

— Ответ хорош и ясен.
Я с летчиком согласен.

Доктор мнения иного:
— Счастье —
Вылечить больного.
Жизнь прожить, людей леча, —
Это счастье для врача.

— Ответ хорош и ясен.
Я с доктором согласен.

— Пекарь,
Что такое счастье?
— Счастье?
Вынуть из печи
Мягкий,
С корочкой хрустящей
Хлеб.
Такое это счастье —
Лучшего и не ищи.

— Ответ хорош и ясен.
Я с пекарем согласен.
Вырос дом
Высок и светел,
Нелегко,
Не без труда.
И строитель
Так ответил:
— Счастье —
Строить города.

— Ответ хорош и ясен.
И каждый с ним согласен.

А это что за человек?
Не догадаться вам вовек:
Сидит, сложивши руки.
Считает мух со скуки.
Не пожелал он нипочем
Пилотом быть
Или врачом,
Построить дом
И хлеб испечь.
Пошел на солнышке прилечь.

Я спросил его про счастье
И услышал от него:
— Счастье —
Это есть почаше.
Счастье —
Это пить послаще.

И не делать
Ничего.

Лодыря ответ нам ясен.
Только кто же с ним согласен?
Уж, наверное, друзья,
И не вы,
И не я!

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Пословицы и поговорки

О человеке

Где смелость, там и победа.
Грамоте учиться — всегда пригодится.
Кто хочет много знать, тому надо мало спать.
Мир не без добрых людей.
На вкус, на цвет товарища нет.
Не думай быть нарядным, а думай быть опрятным.
От вежливых слов язык не отсохнет.

О труде и лени

Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.
Глаза страшатся, а руки делают.
Делу время, потехе час.
Долог день до вечера, коли делать нечего.
Кончил дело — гуляй смело.
Кто любит трудиться, тому без дела не сидится.
Легко сломать, а сделать трудно.

О дружбе

Дерево держится корнями, а человек друзьями.
Дружба дороже денег.
Как аукнется, так и откликнется.
Крепкую дружбу и топором не разрубишь.
Куда иголка, туда и нитка.
Легко друзей найти, да трудно сохранить.
Лучше матери друга не сыщешь.

О поведении

Будь как дома, не забывай, что в гостях.
Дома — как хочу, а в людях — как велят.
Других не суди — на себя погляди.
Не мучь мухи: и ей больно.
Посади свинью за стол, она и ноги на стол.
После драки кулаками не машут.
Хорошо в гостях, а дома лучше.

Об уме и глупости

Больше думай, меньше говори.
Встречают гостя по платью, а провожают по уму.

Знай больше, да говори меньше.
Знание лучше богатства.
Птице — крылья, человеку — разум.
Сперва подумай, а потом начинай.
Ум — хорошо, а два — лучше.

О явлениях природы

Апрель с водой, а май с травой.
Будет дождь — будут и грибы.
Вода с гор потекла — весну принесла.
Дождливое лето хуже осени.
Дождь вымочит, а красное солнце высушит.
Мороз не велик, да стоять не велит.
Январь — году начало — зиме середка.

О хлебе

Без соли не вкусно, без хлеба не сытно.
Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной.
Ешь досыта, делай до поту.
Ешь калачи да поменьше лепечи.
Ешь калачи, пока горячи.
Плох обед, коли хлеба нет.

Скороговорки

Баран-буян залез в бурьян.
Водовоз вез воду из водопровода.
Купили нашей Вареньке варезки и валенки.
На лозе оса, а в лозе коза.
Осип охрип, Архип осип.
Петр Петру пек пироги.
Пошла Поля полоть в поле.
Роса на траве, трава во дворе.
Рыжий кролик рыбу ловит.
Саша шапкой шишку сшиб.
У бобра шапка добра, а у бобряг богаче наряд.
У осы не усы, не усищи, а усики.
Кашевар кашу варил, подваривал, да не доварил.
В пруду у Поликарпа — три карася, три карпа.
Сшила Саша Сашке шапку.
Маленькая болтунья молоко болтала и не выболтала.

Загадки

О человеке

Тридцать два молотят, один поворачивает. (*Зубы и язык.*)
У двух матерей по пяти сыновей, все в одно имя. (*Руки, пальцы.*)
Не сеют, не сажают — сами вырастают. (*Волосы.*)
Брат с братом через дорогу живут, а один другого не видит. (*Глаза.*)
У меня есть два камушка, куда закину, везде достану. (*Глаза.*)
Всегда во рту, а не проглотишь. (*Язык.*)

О предметах

Четыре ноги, а не ходит. (*Стол.*)
Стоит кошка — четыре ножки. (*Скамейка.*)
Сначала клин, потом блин, течет вода — ему не беда. (*Зонт.*)
Всех кормлю с охотою, а сама безротая. (*Ложка.*)
На голове пуговка, в носу решето, одна рука, да и та на спине. (*Чайник.*)
Зубов много, а ничего не ест. (*Расческа.*)
Языка нет, а рассказывает. (*Книга.*)

О растениях

***		***
Много рук, А одна нога.	(<i>Дерево</i>)	Клейкие почки, Зеленые листочки, С белой корой Стоит под горой.
***		***
Желтый Антошка Вертится на ножке. Где солнце стоит, Туда он и глядит.	(<i>Подсолнух</i>)	Сидит на грядке, В середине сладкий, А кафтан зеленый, Полосатый.
***		***
Хороводом и в ряд В шляпках молодцы стоят.	(<i>Грибы</i>)	На окне цветок колючий Смотрит за околицу. Ты его не трогай лучше — Очень больно колется.
***		***
Никто не пугает, А вся дрожит.	(<i>Осина</i>)	(<i>Кактус</i>)

О животных, птицах, насекомых

Заворчал живой замок,
Лег у двери на порог.
(Собака)

Спереди пяточок,
Сзади — крючок,
Посередине — спинка,
А на ней щетинка.
(Свинья)

Сидит на окошке кошка,
И хвост, как у кошки,
И нос, как у кошки,
И уши, как у кошки,
А не кошка.
(Кот)

С бородой, а не старик,
С рогами, а не бык,
Жует, а не корова,
Лыко дерет,
А лаптей не плетет.
(Коза)

Зубастый, мохнатый,
Как есть начнет —
Песенку поет.
(Кот)

Сер, да не волк,
Длинноух, да не заяц
С копытами, да не лошадь.
(Осел)

Кто ни в жару,
Ни в стужу не снимает шубу?
(Овца, баран)

В теплой шубе дед-лесник,
Летом — ходит, зимой — спит.
(Медведь)

Что за диво, что за спинка,
Два бугра, одна долинка.
(Верблюд)

Под соснами, под елками
Лежит мешок с иголками.
(Еж)

Маленький шарик
Под лавкой шарит.
(Мышь)

Днем спит, ночью летает,
Людей пугает.
(Сова)

Не король, а в короне,
Не гусар, а при шпорах,
На часы не глядит,
А время знает.
(Петух)

Кто под нами вверх ногами
Ходит — не страшится,
Упасть не боится?
(Муха)

В воде купался,
А сух остался.
(Гусь)

Считалки

Ехала телега из Москвы,
Потеряла три доски.
Стук-звон,
Выйди вон!

Ехал поезд по грибы
Тук-тук-перестук.
Пересчитывал столбы
Тук-тук-перестук.
У последнего столба
Он увидел два гриба:
Боровик и шампиньон.
Кто не верит, выйди вон.

Тики-таки, тики-таки,
Ходят в нашей речке раки.
Стали раки воду пить.
Выходи, тебе водить!

Завтра с неба прилетит
Синий-синий-синий кит.
Если веришь — стой и жди,
А не веришь — выходи!

Стакан, лимон,
Выйди вон.
Стакан воды,
Выйди ты.

Раз, два, три, четыре!
Жили мышки на квартире:
Чай пили,
Чашки били,
По три денежки платили!
Кто не хочет платить —
Тому и водить!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васютинская Г.Н. Листопад: Сборник стихотворений на русском языке. — Слободзея, 2011.
2. Волшебная чаша. — Л.: Детгиз, 1956. — 158 с.
3. Никита Кожемяка / Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3-х т. — Т. 1. — М.: Наука, 1984–1985.
4. Полная хрестоматия для дошкольников: с метод. подсказками для педагогов и родителей: для чтения в семье и дет. саду: в 2-х кн. / авт.-сост. С.Д. Томилова. Кн. 2. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
5. Посиделки в Кодрах. — Кишинев: Литература артистикэ, 1978.
6. Проислер О. Маленькая Баба-Яга: сказка: сокр. пер. с нем. Ю. Коринец; худож. Б. Тржемецкий, М. Тржемецкий. — М.: Стрекоза-Пресс, 2001.
7. Толстой Л.Н. Лев и собачка / Л.Н. Толстой. Собр. соч. в 22-х т. — Т. 10. — М.: Художественная литература, 1982.
8. Хрестоматия для дошкольников 5–7 лет. — М.: АСТ, 1998.
9. Хрестоматия для маленьких. — М.: Просвещение, 1982.
10. Молдавские народные сказки. Запис. и обраб. Г. Ботезату. — Кишинев: Литература артистикэ, 1981.
11. Хрестоматия для детей дошкольного возраста. — Тирасполь: ПГИРО, 2007.

Интернет-источники

12. <http://chitaemdetyam.com>
13. <http://www.stihomaniya.ru>
14. <https://www.stihi.ru>
15. <http://detskiychas.ru/stihi>
16. <http://paustovski.niv.ru>
17. <http://www.planetaskazok.ru>
18. <http://raskonyaga.ru/skazki>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

Песенки

«Как на тоненький ледок...»	4
«Николенька-гусачок...»	4
«Уж я колышки тешу...»	4
«Как у бабушки козел...»	4
«Ты мороз, мороз, мороз...»	5
«По дубочку постучишь...»	5
«Ранним-рано поутру...»	5
«Уж ты, пташечка...»	5
«Грачи-киричи...»	5
«Ласточка-ласточка...»	5
«Дождик, дождик, веселей...»	5
«Божья коровка...»	5

Сказки

Лиса и кувшин (обработ. О. Капицы)	6
Крылатый, мохнатый да масляный (обработ. И. Карнауховой)	6
Хаврошечка (обработ. А.Н. Толстого)	8
Заяц-хвостун (обработ. О. Капицы)	10
Царевна-лягушка (обработ. М. Булатова)	11
Рифмы (авторизированный пересказ Б. Шергина)	17
Сивка-бурка (обработ. М. Булатова)	18
Финист — ясный сокол (обработ. А. Платонова)	23

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ МИРА

Песенки

«Гречку мыли, гречку мяли...» (литов. в обработ. Ю. Григорьева)	36
Старушка (пер. с англ. С. Маршака)	36
Дом, который построил Джек (пер. с англ. С. Маршака)	36
Счастливого пути! (голл. в обработ. И. Токмаковой)	37
Веснянка (укр. в обработ. Г. Литвака)	37
Друг за дружкой (тадж. в обработ. Н. Гребнева, в сокр.)	38

Сказки

Кукушка (ненецк. в обраб. К. Шаврова)	38
Чудесные истории про зайца по имени Лёк (сказки народов Западной Африки, пер. О. Кустовой и В. Андреева)	40
Златовласка (пер. с чеш. К. Паустовского)	63
Три золотых волоска Деда-Всеведа (из сборника сказок К.Я. Эрбена)	69

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Поэзия

А.С. Пушкин. «Уж небо осенью дышало...» (из романа «Евгений Онегин»)	76
А.С. Пушкин. Зимний вечер (отрывок)	76
А.С. Пушкин. «У лукоморья дуб зеленый...» (из поэмы «Руслан и Людмила»)	76
Ф. Тютчев. «Зима недаром злится...»	76
А. Фет. «Кот поет, глаза прищурил...»	77
А.К. Толстой. «Осень, обсыпается весь наш бедный сад...»	77
И. Бунин. Первый снег	77
С. Есенин. Береза	77
С. Есенин. Черемуха	78
И. Суриков. «Вот моя деревня...» (отрывок из стих. «Детство»)	78
И. Никитин. Встреча зимы (отрывок)	78
М. Цветаева. У кровати	79
С. Маршак. Пудель	79
С. Черный. Волк	80
В. Левин. Сундук	81
В. Левин. Лошадь	81
М. Яснов. Мирная считалка	81
А. Барто. Веревочка	82
И. Белоусов. Весенняя гостья	83
М. Исаковский. Поезжай за моря-океаны	83
Е. Благинина. Посидим в тишине	84

Проза

В. Дмитриева. Малыш и Жучка (главы)	85
Л. Толстой. Косточка	94
Л. Толстой. Прыжок	94
Л. Толстой. Лев и собачка	96
Н. Носов. Живая шляпа	97

Б. Алмазов. Горбушка	98
А. Гайдар. Чук и Гек (в сокр.)	100
С. Георгиев. Я спас Деда Мороза	110
В. Драгунский. Друг детства	111
В. Драгунский. Сверху вниз, наискосок	114
К. Паустовский. Кот-ворюга	116

Литературные сказки

Т. Александрова. Домовенок Кузька (главы)	118
В. Бианки. Сова	126
Б. Заходер. Серая Звездочка	128
А. Пушкин. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	132
П. Бажов. Серебряное копытце (в сокр.)	145
Н. Телешов. Крупеничка	148
В. Катаев. Цветик-семицветик	152

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН

Поэзия

А. Милн. Баллада о королевском бутерброде (пер. с англ. С. Маршака)	158
В. Смит. Про летающую корову (пер. с англ. Б. Заходера)	159
Я. Бжзхва. На Горизонтских островах (пер. с польск. Б. Заходера)	159
Дж. Ривз. Шумный Ба-бах (пер. с англ. М. Бородицкой)	160
Ю. Тувим. Письмо ко всем детям по одному очень важному делу (пер. с польск. С. Михалкова)	160
М. Карем. Мирная считалка (пер. с франц. В. Берестова)	161

Литературные сказки

Х. Мякеля. Господин Ау (главы из книги, пер. с финск. Э. Успенского)	161
Р. Киплинг. Слононок (пер. с англ. К. Чуковского, стихи в пер. С. Маршака)	171
А. Линдгрэн. Карлсон, который живет на крыше, опять прилетел (главы в сокр., пер. со швед. Л. Лунгиной)	178

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ЛИЦАХ

В. Орлов. «Ты скажи мне, реченька...»	199
---	-----

Ю. Владимиров. Чудаки	199
С. Городецкий. Котенок	200
Э. Успенский. Разгром	200

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русские народные сказки

Никита Кожемяка (из сборника сказок А. Афанасьева)	201
Докучные сказки	202

Зарубежные народные сказки

О мышонке, который был кошкой, собакой и тигром (инд., пер. Н. Ходзы)	204
Желтый аист (кит., пер. Ф. Ярлина)	206

Проза

Б. Житков. Белый домик	207
Б. Житков. Как я ловил человечков	209
Г. Снегирев. Пингвиний пляж	213
Г. Снегирев. К морю	213
Г. Снегирев. Отважный пингвиненок	214
Л. Пантелеев. Буква «ТЫ»	214
М. Москвина. Кроха	217
А. Митяев. Сказка про трех пиратов	219

Поэзия

Я. Аким. Жадина	222
Ю. Мориц. Домик с трубой	222
Р. Сеф. Совет	223
Р. Сеф. Бесконечные стихи	223
Д. Хармс. «Уж я бегал, бегал, бегал...»	223
Д. Чиарди. О том, у кого три глаза (пер. с англ. Р. Сефа)	224
Б. Заходер. Приятная встреча	225
А. Плещеев. Птичка	225
С. Маршак. Почта	225

Литературные сказки

А. Волков. Волшебник Изумрудного города (главы из книги)	227
--	-----

О. Пройслер. Маленькая Баба-Яга (главы из кн., пер. с нем. Ю. Коринца)	252
Дж. Родари. Волшебный барабан (из «Сказок, у которых три конца», пер. с итал. И. Константиновой)	256
Т. Янссон. О самом последнем в мире драконе (пер. со швед. Л. Брауде)	260
Т. Янссон. Шляпа волшебника (пер. В. Смирнова, отрывок)	267
Г. Сагир. Небылицы в лицах	295
Г. Сагир. Как лягушку продавали	296
Л. Петрушевская. Кот, который умел петь	297

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КОМПОНЕНТ

Фольклор. Песенки

«Ой, зачем ты, жаворонок...»	299
Веснянка	299

Произведения поэтов Приднестровья

Г. Гурски. Колыбельная	299
Г. Гурски. Письмо Деду Морозу	299
С. Андреева. Котофей	300
Н. Божко. Загадки	300
Н. Божко. Еж	300
М. Сынгаевский. Помощница	300
Н. Кулик. «Я могу нарисовать...»	300
И. Ткаченко (Ицук). Ай да Коля!	300
И. Ткаченко (Ицук). Кошки	301
И. Ткаченко (Ицук). Кольцо	301
И. Ткаченко (Ицук). Что такое лето?	301
И. Ткаченко (Ицук). Солнечный зайчик	301
И. Ткаченко (Ицук). Ладошки	301
В. Караджов. Колодец	302
А. Мясниковский. Котики-воркотики	302
Б. Крапчан. Лучший самый	302
Б. Крапчан. Притвора	302
Г. Васютинская. Одуванчик	302
А. Штро. Зима пришла!	303
А. Медынский. Мячик	303
Н. Самоний. Песнь весны	303
О. Щербанеско. Лисичкина зарядка	303

Произведения писателей Приднестровья

<i>Н. Евдокимова. Девочка и гном (отрывок)</i>	304
<i>С. Пасько. По Днестру (отрывок)</i>	305
<i>Б. Чельшев. Деревья в зимнем серебре</i>	305
<i>М. Коцюбинский. О двух козлятах</i>	306
<i>М. Коцюбинский. Две козочки</i>	306
<i>Н. Дендемарченко. Что такое ноты?</i>	306
<i>И. Ткаченко (Ицук). Как Мишка весну раскрасил</i>	307

МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

<i>Аист и гроздь винограда (молд. нар. легенда)</i>	308
<i>Щегол (молд. нар. легенда)</i>	308
<i>Корзина раков (молд. нар. побасенка)</i>	308
<i>Кто больше? (молд. нар. сказка)</i>	309
<i>Фэт-Фрумос и Солнце (молд. нар. сказка в обраб. Гр. Ботезату)</i>	311
<i>С. Вангели. Парга Гугуцэ</i>	321
<i>Г. Виеру. Самые красивые цветы</i>	322
<i>Г. Виеру. Топор с павлиньим хвостом</i>	323
<i>К. Шишкан. На винограднике</i>	324
<i>А. Бусуйок. Продавец</i>	324
<i>М. Эминеску. «Что ты, лес, качаешься...»</i>	325

УКРАИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР, ПРОИЗВЕДЕНИЯ УКРАИНСКИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ

<i>Дед и рак (укр. нар. сказка)</i>	326
<i>Колосок (укр. нар. сказка)</i>	327
<i>Хроменькая уточка (укр. нар. сказка)</i>	328
<i>М. Зоценко. Великие путешественники (отрывок)</i>	330
<i>Л. Украинка. Черешенки</i>	335
<i>В. Приходько. Улетели лебеди</i>	335
<i>Л. Квитко. Дочка</i>	335
<i>Л. Квитко. Бабушкины руки</i>	335
<i>В. Данько. Про счастье</i>	336

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Пословицы и поговорки	337
Скороговорки	338
Загадки	339
Считалки	341
<i>Библиографический список</i>	342

Учебное издание

**ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

*Пособие для воспитателей ОДО
в четырех частях*

Часть III

(Старшая группа — от пяти до шести лет)

Составитель
Анна Юрьевна **Сударикова**

Редактор *Л.Г. Соснина*
Компьютерная верстка *Н.В. Надькиной*

Формат 60×84 1/16. Усл.-печ. л. 20,35. Гарнитура «Times New Roman».
Изготовлено в РИО ГОУ ДПО «ИРОиПК», г. Тирасполь, ул. Каховская, 17.